

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
ОРДЕНА ТРУДОВОГО КРАСНОГО ЗНАМЕНИ
ИНСТИТУТ ВОСТОКОВЕДЕНИЯ

В.П.Липеровский

ГЛАГОЛ В ЯЗЫКЕ ХИНДИ

ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА»
ГЛАВНАЯ РЕДАКЦИЯ ВОСТОЧНОЙ ЛИТЕРАТУРЫ
МОСКВА 1984

Ответственный редактор

В. М. БЕСКРОВНЫЙ

В книге дано целостное описание глагола языка хинди на базе богатого языкового материала, почерпнутого главным образом из современной художественной прозы. Значительное внимание уделено анализу как плана выражения, так и плана содержания присущих глаголу хинди грамматических категорий, выявлены значения и разобраны случаи употребления глагольных форм. Автором намечена исходная классификация глаголов хинди в зависимости от их особенностей в области сочетаемости с другими словами; на основе валентного анализа показана семантическая дифференциация глаголов, характеризующихся одним и тем же корнем.

Л $\frac{4602010000-030}{013(02)-84}$ 166-84.

© Главная редакция восточной литературы
издательства «Наука», 1984.

ГЛАГОЛ КАК ЧАСТЬ РЕЧИ

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА ГЛАГОЛА

Глагол как особая часть речи языка хинди характеризуется общеграмматическим (категориальным) значением действия. Поэтому он, как и прилагательное и наречие, служит названием признака, отличаясь в этом отношении от имени существительного, которому свойственно общеграмматическое значение предметности (субстанциональности) и которое в связи с этим выступает как название носителя признака.

В противоположность же прилагательному и наречию, указывающим на непроцессуальный признак (соответственно на признак предмета, выраженного существительным, и признак признака, обозначенного глаголом или же прилагательным), глагол указывает на процессуальный (динамический) признак, который предстает как признак предмета или действия (т. е. признак признака, или сопроводительный признак), обозначаемого другим глаголом.

Среди глагольных форм различаются *финитные формы* (финитный глагол), которым глагол обязан своей способностью актуализировать в модальном и временном планах представление о действии, и *инфинитные формы* (нефинитный глагол), к каковым относятся инфинитив, причастия (имперфективное, перфективное, процессивное), деепричастие, глагольное прилагательное и герундий.

Глагол в финитной форме служит для выражения процессуального признака обозначаемого существительным предмета.

Глагол в форме деепричастия выражает процессуальный признак действия, т. е. процессуальный признак, сопутствующий другому процессуальному признаку.

Глаголом в форме причастия выражается процессуальный признак или обозначаемого существительным предмета, или действия, обозначенного другим глаголом.

Глагольное прилагательное выражает признак предмета.

Таким образом, указывая на признак, деепричастие тем самым обнаруживает общие черты с наречием, причастие — с прилагательным или с наречием, глагольное прилагательное — с прилагательным.

В инфинитиве глагольные черты совмещаются с чертами существительного и в известной мере прилагательного.

Особый статус герундия в хинди связан с жесткой синтагматической связанностью его употребления (исключительно в позиции перед *karnā* 'делать' или *cāhnā* 'хотеть', 'желать'), обуславливающей осложнение семантики соответствующего глагола (в форме герундия) как носителя процессуального признака предмета дополнительным значением (многократности или предстоящего совершения действия).

Присущее глаголу как особой части речи единство общеграмматического значения и свойств сочетаемости (валентных свойств) раскрывается в грамматических категориях наклонения, времени, предельности, залога, в категории вида, опирающейся на противопоставления между причастиями, и, наконец, в категории лица.

Категория времени и категория наклонения проявляют себя как чисто предикативные, так как именно в плане этих категорий глаголом актуализируется в рамках предложения понятие о действии. Формы времени и/или наклонения, призванные выражать соответственно временные и/или модальные значения, способны передавать и аспектуальное значение в той мере, в какой в их построении участвуют различающиеся между собой по видовому признаку причастия.

Категория лица, в семантическом плане базирующаяся на противопоставлении значений 1-го, 2-го и 3-го лица, предстает в отличие от остальных перечисленных категорий как синтагматически обусловленная грамматическая категория: она обнаруживается в согласовании финитных форм с существительными и местоимениями.

В том объеме, в каком финитному и нефинитному глаголу свойственно согласование с именем существительным или местоимением, он обладает также формальными показателями рода и числа.

ГЛАГОЛЬНАЯ ОСНОВА И ЕЕ РАЗНОВИДНОСТИ

В любом глаголе выделяется основа, т. е. та его часть, которая является носителем лексического значения глагола и предстает как исходная база образования всех его форм.

В синхронном плане глагольные основы языка хинди с точки зрения своего строения делятся на морфологически нечленимые и морфологически членимые.

Морфологически нечленимые основы равны корню: они не поддаются делению на предельные значащие элементы.

Нечленимые основы относятся к различным этимологическим пластам лексики хинди:

1) основы тадбхава, например: *likh-nā*¹ 'писать', *sun-nā* 'слушать', 'слышать', *gir-nā* 'падать', *pā-nā* 'получать', *bik-nā* 'продаваться', *bec-nā* 'продавать', *jut-nā* 'запрягаться', *jot-nā* 'запрягать', *utar-nā* 'спускаться', *utār-nā* 'спускать', *so-nā* 'спать', *bakhān-nā* 'излагать';

¹ В приведенных примерах основа глагола сопровождается показателем инфинитива *-nā*, который для наглядности отделяется от нее дефисом.

2) основы татсама и полутатсама, например:

а) *hom-nā* 'приносить в жертву', *cet-nā* 'думать', 'размышлять', *tyāg-nā* 'оставлять', 'покидать', 'отказываться', *bhog-nā* 'испытывать', 'переносить';

б) *sobh-nā* 'красоваться', *taj-nā* 'оставлять', 'покидать', 'отказываться', *garaj-nā* 'греметь', 'грохотать', *janam nā* 'рождаться', *alāp-nā* 'говорить';

3) основы видешн, например: *kabūl-nā* 'принимать', 'соглашаться', *bahas-nā* 'спорить', 'обсуждать', *talāś-nā* 'искать', *kharād-nā* 'работать на токарном станке', *kharac-nā* 'тратить', 'расходовать', *laraz-nā* 'дрожать', 'трястись', *kharīd-nā* 'покупать', *bakhś-nā* 'дарить', *farmā-nā* 'заявлять', *tarāś-nā* 'резать';

4) основы невыясненной этимологии (деши), например: *loh-nā* 'искать', 'разыскивать', *lhol-nā* 'толкать', *baṭor-nā* 'собирать' [164, с. 484—485; 119, с. 294].

Среди глаголов с морфологически нечленимой основой есть глаголы, в деривационном отношении мотивированные словами другой части речи, — как правило, именами существительными.

Так, почти все глаголы с иранскими или арабскими основами видешн (а), глаголы с основами татсама (б) и некоторые из глаголов с основами полутатсама (в) в синхронном плане деривационно связаны с существительными, принадлежащими к соответствующим этимологическим слоям лексики хинди:

(а) *badal-nā* 'изменяться', 'менять' (< *badal* 'изменение', 'перемена'), *bahas-nā* 'спорить', 'обсуждать' (< *bahas* 'спор', 'диспут', 'обсуждение'), *talāś-nā* 'искать' (< *talāś* 'поиски'), *kharād-nā* 'работать на токарном станке' (< *kharād* 'токарный станок'), *kharīd-nā* 'покупать' (< *kharīd* 'купля', 'покупка'), *tarāś-nā* 'резать' (< *tarāś* 'резьба').

Основы таких глаголов хинди, как, например, *kharīdnā* 'покупать', *tarāśnā* 'резать', а также *bakhśnā* 'дарить', *laraznā* 'дрожать', 'трястись' и др., совпадают не только с иранскими существительными, но и с основами настоящего времени глаголов. Поэтому представляется возможным говорить о глагольно-именном характере заимствованных основ соответствующих глаголов хинди. Учитывая факт неупотребительности в хинди существительных типа *bakhś* или *larz* (*laraz*), а также факт наличия в нем существительных типа *bakhśiś* 'дар' или *larziś* 'дрожь', уместно опираться на понятие словообразовательной соотносительности, или взаимной словообразовательной мотивации, между существительным на *-iś* и глаголом: *bakhśiś* — *bakhśnā*, *larziś* — *laraznā* и т. п. Такое понятие со всей очевидностью подходит для объяснения случаев типа *farmāiś* 'заказ', 'требование', 'распоряжение' — *farmānā* 'заявлять', *āzmāiś* 'испытание', 'проверка' — *āzmānā* 'испытывать', 'проверять', поскольку в хинди нет существительных **farmā* и **āzmā*.

(б) *hom-nā* 'приносить в жертву' (< *hom* 'жертвоприношение'), *tyāg-nā* 'оставлять', 'покидать', 'отказываться' (< *tyāg* 'оставление', 'отказ', 'самоотречение') и др.

(в) *janam-nā* 'рождаться' (< *janam* 'рождение'), *alāp-nā* 'говорить' (< *alāp* 'разговор', 'беседа').

Примерами отыменных глаголов таджав, отличающихся морфологически нечленимой основой, помимо приведенного выше *bakhān-nā* 'излагать' (< *bakhān* 'изложение', 'описание'), могут, в частности,

служить *kāch-nā* 'поязывать дхотп' (< *kāch* 'дхотп', 'набедренный повязка'), *nāth-nā* 'продевать веревку в ноздри животного' (< *nāth* 'веревка'), *tāg-nā* 'продевать нитку' (< *tāg-ā* 'нитка'), *āgoch-nā* 'вытираться полотенцем' (< *āgoch-ā* 'полотенце')².

Морфологически членимые основы состоят из корня (иногда редуцированного) и словообразовательного суффикса, присоединенного к корню.

Все глаголы, располагающие такими основами, предстают как производные слова, деривационно мотивированные в синхронном плане словами, принадлежащими (что, как правило, находит отражение в фонетическом облике корня) к разным этимологическим слоям лексики, а именно:

1) основы тадбава, например: *girānā* (*gir-ā-nā*) 'бросать' (< *girnā* 'падать'), *sulānā* (*su-lā-nā*) 'укладывать спать' (< *sonā* 'спать'), *jutvānā* (*jut-vā-nā*) 'вести запрягать' (< *jotnā* 'запрягать', *jutnā* 'запрягаться'), *hathiṃnā* (*hath-iṃ-nā*) 'хватать рукой' (< *hāth* 'рука'), *paniṃnā* (*pani-y-ā-nā*) 'поливать', 'орошать' (< *pānī* 'вода'), *lāgrānā* (*lāgr-ā-nā*) 'хромать' (< *lāgr-ā* 'хромой'), *cir-cirānā* (*cir-cir-ā-nā*) 'вести себя тихо' (< *cir* 'тихий', 'безмолвный');

2) основы татсама и полутатсама (примеры сравнительно немногочисленны), например: *darśānā* (*darś-ā-nā*) 'показывать' (< *darśa* 'видение'), *harṣānā* (*harṣ-ā-nā*) 'радоваться', 'радовать' (< *harṣa* 'радость'), *adhikānā* (*adhik-ā-nā*) 'увеличивать', 'множить' (< *adhik* 'большой', 'многочисленный', 'много'), *darasānā* (*daras-ā-nā*) 'показываться', 'показывать' (< *daras* 'видение'), *akulānā* (*akul-ā-nā*) 'беспокоиться', 'торопиться' (< *ākul* 'встревоженный');

3) основы видеш, например: *śarmānā* (*śarm-ā-nā*) 'стыдиться', 'стыдить' (< *śarm* 'стыд'), *gussānā* (*guss-ā-nā*) 'сердиться', 'гневаться' (< *guss-ā* 'гнев'), *sustānā* (*sust-ā-nā*) 'отдыхать', 'нежиться' (< *sust* 'вялый', 'ленивый'), *garmānā* (*garm-ā-nā*) 'нагреваться', 'нагревать' (< *garm* 'горячий'), *filmānā* (*film-ā-nā*) 'экранизировать' (< *film* 'фильм', 'кинокартина').

Суффиксы, входящие в состав глагольной основы и обуславливающие тем самым ее морфологическую членимость, по своей деривационной роли распадаются на две группы.

К первой группе относятся суффиксы *-ā/-lā-* и *-vā/-lvā-*, проявляющие себя в сфере внутриглагольной деривации как показатели словообразовательной мотивированности соответствующего глагола (т. е. глагола с суффиксом в основе) другим глаголом, имеющим морфологически нечленимую основу, равную корню, например: *bhag-ā-nā* 'прогонять', 'гнать' (< *bhāg-nā* 'бежать', 'убегать'), *bhij-vā-nā* 'пересылать' (< *bhej-nā* 'посылать'), *su-lā-nā* 'укладывать спать' (< *so-nā* 'спать'), *dhu-lvā-nā* 'отдавать в стирку' (< *dho-nā* 'стирать') > *dhu-lā-nā* 'отдавать в стирку'). Возникающие серии однокорневых

² Образованию и семантике отыменных глаголов (простых) посвящена статья В. А. Чернышева [78], в которой анализу подвергаются как глаголы с основой, равной корню, так и глаголы с морфологически членимой основой. Приводимые здесь в качестве примеров отыменные глаголы почерпнуты в основном из этой статьи.

глаголов, включающие и глаголы с морфологически нечленимой основой, подлежат специальному рассмотрению (см. ниже, с. 24—47). Здесь же достаточно ограничиться констатацией того факта, что члены таких серий принято содержательно дифференцировать по отношению к проявлению семы «каузировать».

Вторую группу составляют суффиксы *-ā-* и *-iyā-*, при помощи которых образуются отыменные глаголы, а именно глаголы, связанные отношением деривации с существительными и прилагательными разных этимологических слоев лексики, отдельными числительными и местоимениями, например: *hakl-ā-nā* 'запкаться' (< *hakl-ā* 'запка'), *jut-iyā-nā* 'бить туфлей' (< *jūt-ā* 'туфля'), *sāth-iyā-nā* 'достигать шестидесятилетнего возраста', 'стареть' (< *sāth* 'шестьдесят'), *adhik-ā-nā* 'увеличивать', 'умножать' (< *adhik* 'большой', 'многочисленный', 'много'), *apn-ā-nā* 'присваивать' (< *apn-ā* 'свой'), *nak-iyā-nā* 'говорить в нос', 'гнусавить' (< *nāk* 'нос'), *nak-nak-ā-nā* 'говорить в нос' (< *nāk* 'нос').

Встречающиеся глагольные основы с суффиксом *-iyā-* соотносены большей частью с равными корню именными основами фонетической структуры (C)VC (где $\bar{V}$ — это $\bar{a}$, $\bar{ā}$, $\bar{i}$ или $\bar{u}$) существительных таджикского языка, располагающих как нулевой флексией (т. е. односложных), так и флексией *-ā*, например: *kāl̄h* 'дерево' > *kāl̄h-iyā-nā* 'деревенеть'; *tābā* (*tāb-ā*) 'медь' > *tāb-iyā-nā* 'покрываться медным налетом', 'приобретать медный привкус'; *pīb* 'гной' > *pīb-iyā-nā* 'гноиться'; *jūtā* (*jūt-ā*) 'туфля' > *jut-iyā-nā* 'бить туфлей' (показательно, что в составе отыменной глагольной основы корневой гласный становится кратким, т. е. CVC > CVC-*iyā-*).

Глагольные основы, характеризующиеся суффиксом *-ā-*, обычны при всех иных условиях мотивации глаголов именами: *šarm* 'стыд' > *šarm-ā-nā* 'стыдиться', 'стыдить'; *patthar* 'камень' > *patthar-ā-nā* 'каменеть'; *ris* 'гнев' > *ris-ā-nā* 'гневаться', 'сердить'; *halkā* (*halk-ā*) 'легкий' > *halk-ā-nā* 'облегчать'; *mojā* (*moj-ā*) 'толстый' > *moj-ā-nā* или *moj-ā-nā* 'толстеть'.

Если основа мотивирующего имени оканчивается на *-ī*, то при образовании глагола между этим гласным, становящимся кратким (т. е. *-i*), и суффиксом *-ā-* глагольной основы появляется сонант *y*, например: *pānī* 'вода' > *pānī-y-ā-nā* 'поливать', 'орошать'; *mukki* 'кулак' > *mukī-y-ā-nā* или *mukki-y-ā-nā* 'бить кулаком'; *kaumī* 'национальный' > *kaumī-y-ā-nā* 'национализировать'.

К сказанному следует добавить, что морфологическая членимость основы производного отыменного глагола может быть следствием морфологической членимости производящей основы — принадлежности исходного (мотивирующего данный глагол) имени: *pra-cār-nā* 'распространять', 'пропагандировать' (< *pra-cār* 'распространение', 'пропаганда'); *vi-cār-nā* 'думать', 'обдумывать' (< *vi-cār* 'мысль', 'идея'). Показательны в этом смысле глаголы типа *dhikkār-nā* (*dhik-kār-nā*) 'упрекать', 'укорять', 'оскорблять'; *dutkār-nā* (*dut-kār-nā*) 'прогонять', 'упрекать'; *phuphkār-nā* (*phuph-kār-nā*) 'шипеть', 'пыхтеть'; *jhankār-nā* (*jhan-kār-nā*) 'звенеть', 'дребезжать', словообразовательно мотивиро-

ванные такими существительными, в которых морфеме *kār* предшествует элемент междометного или ониматопозитического характера: *dhik-kār* 'упрек', 'укор', 'оскорбление' (*dhik* 'тыфу!'); *dutkār* 'изгнание', 'укор' (*dut* 'прочь!', 'вон!'); *phuphkār* 'шипение', 'пыхтение' (*phuph* < *phusphu*); *jhankār* 'звон', 'лязг' (*jhan* 'дзинь') и т. п.

Особый слой глагольной лексики хинди составляют глаголы, основа которых отличается ониматопозитическим характером или происхождением³. К ним относятся, в частности, некоторые глаголы с основой, не поддающейся (во всяком случае в синхронном плане) членению на морфемы, например: *phūk-nā* 'дуть', *bhāūk-nā* или *bhūk-nā* 'лаять', *chūk-nā* 'чихать', *thūk-nā* 'плевать', *phaḷak-nā* 'страхивать' (конечный *-k-* основы может восходить ко второму элементу древнеиндийской композиты, представленному глаголом $\sqrt{kār/kr}$ 'делать'). Однако не они определяют специфику ониматопозитических глаголов языка хинди в отношении их выразительных возможностей и особенностей строения их основ.

Основы, характерные для ониматопозитических глаголов, отличаются следующей морфологической структурой:

1) «редуплицированный ониматопозитический комплекс»⁴ + суффикс *-ā-*, что проявляется в двух вариантах:

а) с абсолютной редупликацией, т. е. *khaḭ-khaḭ-ā-nā* 'стучать', *bhin-bhin-ā-nā* 'жужжать', 'гудеть', *ṭim-ṭim-ā-nā* 'мерцать', *mī-mī-y-ā-nā* 'блеять' (появление спиранта *y* перед суффиксом *-ā-* обусловлено морфонологически, а именно тем, что звукоподражательный комплекс имеет в исходе гласный звук);

б) с «эхообразной» редупликацией (в повторе начальный согласный ониматопозитического комплекса замещается одним из лабиальных согласных), т. е. *siṭ-piṭ-ā-nā* 'тушеваться', 'робеть', *taṛ-phaṛ-ā-nā* 'беспокоиться', 'беспокоить', 'волновать', *haṛ-baṛ-ā-nā* 'суетиться', 'торопиться', 'торопить', *car-mar-ā-nā* 'скрипеть';

2) «ониматопозитический комплекс с удвоенным конечным согласным (обычно *r* или *n*) + суффикс *-ā-*»: *tharr-ā-nā* 'дрожать', 'трястись' (ср. *thar-thar-ā-nā*), *pharr-ā-nā* 'хлопать' (ср. *phar-phar-ā-nā* или *phaṛ-phaṛ-ā-nā*), *carr-ā-nā* 'трещать', 'ломаться с треском' (ср. *car-car-ā-nā*), *bhann-ā-nā* 'жужжать', 'гудеть' (ср. *bhan-bhan-ā-nā*)⁵;

3) «ониматопозитический комплекс + суффикс *-ak-*»: *hin-ak-nā* 'ржать' (ср. *hin-hin-ā-nā*), *bhin-ak-nā* 'жужжать', 'гудеть' (ср. *bhin-bhin-ā-nā*),

³ Согласно существующей традиции ониматопозитические слова принято относить к разряду деши (дешья) [6, с. 77; 119, с. 322]. Заслуживающие внимания сведения о роли ониматопозитических слов в формировании лексики хинди, о их генетических и семантических разновидностях и о некоторых структурных и фонетических особенностях содержатся в монографии Хардева Бахри, посвященной семантике хинди [83, с. 29—45]. Классификация ониматопозитических глагольных основ посвящена статья О. Смекала [161].

⁴ Ср. использование В. А. Чернышевым термина «звукоподражательный комплекс» в связи с обозначением комплекса звуков человеческой речи, который передается звук природы [76, с. 256].

⁵ Глаголы с основами данного типа трактуются В. А. Чернышевым как усеченные варианты глаголов с основами, содержащими редуплицированные звукоподражательные элементы, — варианты, служащие средством «подчеркнуть монотонность, однообразие действия» [76, с. 258].

gar-āk-nā 'гремять', 'грохотать', 'громыхать' (ср. *gar-gar-ā-nā*), *phaṛ-āk-nā* 'биться', 'трещать' (ср. *phaṛ-phaṛ-ā-nā*)⁶.

Семантически ономатопозитические глаголы смыкаются с сочетаниями типа «ономатопозитический комплекс + *karnā* 'делать'», которые в случаях с субстантивированным ономатопозитическим комплексом предстают в качестве устойчивых глагольно-именных сочетаний, например: *khaṭ-khaṭ karnā* — *khaṭkhaṭānā* 'стучать', *jag-mag karnā* — *jagmagānā* 'блестеть', 'сверкать'.

С точки зрения выразительных возможностей ономатопозитические глаголы проявляют себя двояким образом: или как собственно звукоподражательные, или как образные.

В первом случае они выступают как средство отображения в звуках речи реальных звуков, которые воспринимаются человеком на слух: *bhinbhinānā* 'жужжать', 'гудеть', *ḥanḥanānā* 'звенеть', *hinhinānā* 'ржать', *mīṭiṭiānā* 'блеть', *carṇarānā* 'скрипеть', *garḡarānā* 'гремять', 'грохотать', 'громыхать' и т. п.

Во втором случае ономатопозитические глаголы наделяют звуковым образом (представляют в виде звукового образа) действия, связанные не со слуховыми, а иными ощущениями человека [76, с. 258], например: *ṭimṭimānā* 'мерцать', *jagmagānā* 'блестеть', 'сверкать', *siṭṭiṭānā* 'тушеваться', 'робеть', *tharrānā* 'дрожать', *haṛḥarānā* 'суетиться'⁷.

ИСХОДНАЯ ДИФФЕРЕНЦИАЦИЯ ГЛАГОЛОВ ПО ИХ СВОЙСТВАМ СОЧЕТАЕМОСТИ

Свойства глагола как особой части речи наиболее полно и отчетливо проявляются в финитных формах, т. е. формах, за которыми закреплена основная (первичная) синтаксическая функция сказуемого предложения.

Дифференциация глаголов по их способности вступать в синтаксические связи с другими словами свидетельствует о том, что глаголы различаются такими свойствами, которые, если исходить из понимания лингвистической валентности как потенциальной сочетаемости языковых элементов, могут быть названы *валентными*. Валентные свойства обобщают направленность глаголов на выражение определенных логико-семантических отношений (субъектную и объектную направленность, обстоятельственную направленность и т. п.).

В языке хинди все глаголы способны сочетаться с именем субъекта действия и, таким образом, характеризуются субъектной валентностью. Однако из этого не следует, что данная валентность не имеет в хинди никакой диагностической силы для разбиения класса глаголов на подклассы. Диагностическую силу она приобретает потому, что существует разное оформление слов, в которых она реализуется.

⁶ Выделить суффикс *-āk-* в составе основ данного типа позволяют факты соотносительности этих основ с основами, содержащими редуцированные ономатопозитические элементы.

⁷ В. А. Чернышев в своей статье о звукоподражательных глаголах звукоподражательные и образные глаголы рассматривает в качестве двух разновидностей внутри класса глаголов, названных им подражательными [76, с. 258].

Так, по способу реализации субъектной валентности глаголам, которые в финитных формах действительного залога (включая и перфективные формы, т. е. формы, содержащие в своем составе перфективное причастие или в плане выражения совпадающие с перфективным причастием) сочетаются с именем субъекта, стоящим в форме прямого падежа, противопоставляются глаголы, которые, выступая в перфективных формах, сочетаются с именем субъекта в послеложно-падежной форме на *не*.

Послеложно-падежная форма на *не* имени существительного (или местоимения) не связана с какой-либо иной семантической функцией, кроме функции передачи значения субъекта действия, т. е. функции агенса. Поэтому способность глагола сочетаться именно с данной формой квалифицируется как его синтаксический признак *агентивности*.

С точки зрения синтаксической характеристики глаголов хинди существенным является их деление на непереходные и переходные. К переходным глаголам относятся глаголы, обладающие свойством реализовывать объектную валентность в одной из двух форм, находящихся в отношении взаимного исключения, а именно: в форме прямого падежа имени существительного (или местоимения) или в форме косвенного падежа с послелогом *ко*, на месте которой местоимения могут принимать форму объектного падежа.

Отмеченное свойство есть синтаксический признак *переходности* (*транзитивности*), связанный, как видно из предложенной его трактовки, с особым рода объектной направленностью глаголов, с реализацией глаголами прямообъектной валентности.

Имя прямого объекта входит в состав структурного минимума конструкций с глаголом в форме инактивного залога, в которых, как известно, субъектная валентность остается не замещенной именем в форме прямого падежа или в послеложно-падежной форме на *не*.

Обращение к двум вышеупомянутым синтаксическим признакам — агентивности (А) и переходности (П) — в их позитивном (+) и негативном (—) планах проявления позволяет выявить в глагольной лексике хинди существование четырех синтаксических типов, обобщенно отражающих связанные с этими признаками валентные свойства глаголов, а именно: I. <—А><—П>; II. <+А><+П>; III. <—А><+П>; IV. <+А><—П>.

В развитие данного высказывания важно отметить следующие четыре момента.

1. В хинди признак переходности и признак агентивности, как правило, предполагают друг друга (переходностью глагола обычно имплицитно признается признак агентивности, а глаголы, располагающие признаком агентивности, в своем подавляющем большинстве выступают как глаголы переходные) и поэтому для этого языка наиболее характерны (показательны) типы I и II.

2. Поскольку глаголы, выступая в неперфективных формах, не могут сочетаться с именем субъекта в послеложно-падежной форме на *не*, постольку в случае использования таких форм различие между

типами I и IV, а также между типами II и III не получает формального выражения (нивелируется).

3. Многие глаголы хинди способны представлять более одного синтаксического типа, и поэтому число синтаксических групп, на которые могут быть разбиты глаголы с учетом их потенциала в области реализации субъектной и прямообъектной валентностей, несводимо к четырем, а превышает это число.

4. Хотя можно постулировать (на основе простого арифметического подсчета) 15 синтаксических групп глаголов, однако практически (если учесть, что в хинди нет глаголов, которые представляли бы такие комбинации типов, как III—IV, I—III—IV и II—III—IV) их реальное число не превышает 12⁸.

Глаголы хинди в своей основной массе представляют или только тип I, или только тип II. К глаголам, которые могут рассматриваться как принадлежащие только типу III, безоговорочно может быть отнесен лишь один глагол, а именно *lānā* 'приносить', 'доставлять'. Немногочисленная группа глаголов, способных воплощать исключительно синтаксический тип IV, включает, в частности, *jhāknā* 'выглядывать', 'заглядывать', *chīknā* 'чихать', *khāsnā* 'кашлять'.

Ниже указываются некоторые из глаголов, отличающихся способностью представлять два или три синтаксических типа⁹.

I—II: *chānā* 'стелиться', 'расстилать', 'застилать'; *palatnā* 'переворачиваться', 'переворачивать'; *badalnā* 'изменяться', 'изменять'; *jhulasnā* 'обгорать', 'опалать'; *khujlānā* 'чесаться', 'чесать'; *šarmānā* 'стыдиться', 'стыдить'; *ghabrānā* 'беспокоиться', 'беспокоить'; *chānā* 'соприкасаться', 'трогать'; *curmurānā* 'ломаться с хрустом', 'ломать с хрустом'¹⁰;

I—III: *bhūlnā* 'становиться забытым', 'заблуждаться', 'забывать';

I—IV: *nahānā* 'мыться', 'купаться', 'совершать омовение';

II—III: *samajhnā* 'понимать', 'разуметь', 'думать', 'считать'; *sikhnā* 'изучать', 'осваивать'; *jānnā* 'рожать';

II—IV: *thūknā* 'выплесывать', 'сплевывать', 'плевать';

I—II—III: *jītnā* 'одерживать победу', 'побеждать', 'выигрывать'; *hārnā* 'терпеть поражение', 'терпеть неудачу', 'проигрывать', 'терять'; *bolnā* 'говорить'; *larnā* 'сражаться', 'воевать'; *khelnā* 'играть'; *ronā* 'плакать', 'оплакивать';

(I)—II—IV: *pukārñā* 'кричать', 'окликать', 'звать', 'называть';

⁸ Исчисление подобных групп со ссылками на конкретные глаголы было проведено на материале языка урду в диссертации А. Р. Усманова [69]. В этой работе, однако, не учтена реальная способность отдельных глаголов представлять все четыре синтаксических типа.

⁹ Отнесение глагола к той или иной рубрике произведено на основании имеющегося языкового материала с учетом сведений, содержащихся в работах, посвященных грамматике хинди (и урду) [84, с. 503; 85, с. 520; 87; 100, с. 117; 107, с. 124—127, 258, 269, 425, 426; 116, с. 163—165, 169—170; 117, с. 33; 124, с. 44—45; 128, с. 240; 143, с. 167, 168, 335; 148, с. 425—427; 157, с. 95].

¹⁰ Данная группа глаголов довольно многочисленна. К тому же ее пополняют ономотопозитические глаголы и отыменные глаголы с морфологически членной основой, содержащей суффикс *-ā-* (см. *curmurānā* и *šarmānā*).

I—II—III—IV: *māṇnā* 'признавать', 'уважать', 'почитать', 'считать', 'соглашаться', 'слушаться'; *paṛhnā* 'читать', 'изучать', 'усваивать', 'учиться'.

Среди факторов, влияющих на способность одного и того же глагола относиться к разным синтаксическим типам, следует особо выделить два. Во-первых, речь идет о появлении в окружении исконно непереходного глагола так называемого внутреннего дополнения, т. е. существительного, лексическим содержанием которого дублируется семантика самого глагола, например: *in logō ne miḥhe bhog-vilās mē phāsāne ke lie kam cālē nahī calī ...* (P.G.¹¹, 14) 'Эти люди предприняли уже немало шагов (букв. мало ходов не прошли), чтобы опутать меня сетями соблазна...', где глагол *calnā* 'ходить', 'двигаться', который обычно представляет тип I, в сочетании с существительным *cāl* 'ход' (мн. ч. *cālē*) приобрел способность удовлетворять синтаксическому типу II. Во-вторых, имеется в виду утрата исконно переходным глаголом своей прямообъектной направленности, например: *chātrāvasthā mē māi aur Manirām sāth hī sāth paṛhe the* (S.TY, 183) 'В школьные годы я и Манирам учились вместе', где глагол *paṛhnā*, для которого наиболее характерна отнесенность к типу II, выступает в качестве представителя типа I.

Наличие у глаголов лексико-семантических вариантов, связанных с возможностями представлять разные синтаксические типы, видно из предлагаемых переводов самих глаголов, например: *chānā* 'стелиться' ~ 'расстилать', *ronā* 'плакать' ~ 'оплакивать', *paṛhnā* 'изучать' ~ 'учиться' и т. п.

Среди глаголов, характеризующихся или способных характеризоваться признаком переходности, выделяется группа глаголов, одно из значений которых бывает сопряжено с такой валентностью, которая реализуется в слове, вступающем в квалификативное отношение со словом — именем прямого объекта.

К кругу таких глаголов, уже описанных с достаточной полнотой [79, с. 83—87], относятся *karnā* 'делать' (что-то) ~ 'делать' (кем-то, чем-то, каким-то)¹²; *kahnā* 'говорить' ~ 'называть' (кем-то, каким-то); *ginnā* 'считать', 'высчитывать' ~ 'считать' (кем-то, чем-то, каким-то); *sinṇā* 'собирать', 'выбирать' ~ 'избирать' (кем-то); *jānnā* 'знать' ~ 'считать', 'признавать' (кем-то); *ṭhahrānā* 'устанавливать' ~ 'определять', 'квалифицировать', 'признавать' (кем-то); *pānā* 'получать' ~ 'заставать', 'обнаруживать' (каким-то, в качестве кого-то); *pukārnā* 'кричать', 'звать' ~ 'называть', 'величать' (как синоним глагола *kahnā*); *batānā* 'говорить', 'сообщать', 'объяснять' ~ 'называть', 'объявлять' (кем-то, чем-то, каким-то); *badnā* 'предопределять' ~ 'предлагать', 'выдвигать', 'прочить' (в качестве кого-то); *banānā* 'делать', 'создавать', 'строить' ~ 'делать' (каким-то, чем-то, кем-то); *bolnā* 'го-

¹¹ В конце настоящей работы приводится перечень условных сокращений названий источников, из которых взяты приводимые автором примеры.

¹² Здесь и ниже перевод глагола, приводимый после знака «тильда» (~), увязан со значением, которое глагол приобретает в случае реализации упомянутой валентности.

ворить' ~ 'называть', 'величать', 'кликать' (как синоним глагола *kahnā*); *mānnā* 'признавать', 'уважать', 'почитать' ~ 'считать', 'почитать' (в качестве кого-то, чего-то, какого-то); *rakhnā* 'ставить', 'класть', 'хранить' ~ 'содержать' (в качестве кого-то), 'сохранять' (каким-то); *samajhnā* 'понимать' ~ 'считать' (кем-то, чем-то, каким-то), 'принимать' (за кого-то, что-то, какого-то).

К данному перечню примыкает и целый ряд глагольно-именных сочетаний, содержащих глагольный компонент *karnā*, типа *niyat karnā* 'утверждать', 'назначать', *niyukt karnā* 'назначать', *ghoṣit karnā* 'объявлять', 'провозглашать', *svīkrt karnā* 'признавать', 'принимать', *mahsūs karnā* 'чувствовать себя' (каким-то, кем-то), сложные глаголы *svīkār karnā* 'признавать', 'принимать', *anubhav karnā* 'чувствовать себя' (каким-то, кем-то). Кроме того, источником передачи квалификативного отношения может послужить окказиональное употребление отдельного глагола, что видно на примере следующего предложения с глаголом *likhnā* 'писать': *Harirāy jī ne Surdās ko «sagun batāibe mē catur» likhā hai* РТ. S, 55) 'Харирай охарактеризовал Сурдаса как [мудреца], «искусного в толковании предзнаменований»'.

Данная валентность глаголов может быть реализована в словах различных частей речи: в существительном, прилагательном, причастной форме глагола, наречии [68, с. 81—83].

Среди глаголов, лишенных признака переходности, выделяются глаголы, способные характеризоваться валентностью, реализующейся в слове, находящемся в квалификативном отношении с именем субъекта. Это, по существу, те глаголы, которые могут взять на себя роль связок и полусвязок, выступая в соответствующих этой роли значениях, а именно: *honā* 'быть', 'становиться', *rahnā* 'оставаться', *banṇā* 'делаться', 'становиться', *nikalnā* 'оказываться', *thaharnā* 'оставаться как прежде', 'слыть', *dikhnā* (*dikhnā*) 'казаться', 'выглядеть', *lagnā* 'казаться', 'восприниматься', *kahlānā* 'называться', *ānā* 'становиться', *raṇnā* 'становиться', 'оборачиваться', *guzarnā* 'казаться', 'восприниматься', *jāpnā* 'казаться', 'представляться'¹³.

Такую же валентность обнаруживают в качестве синонимов глаголов *dikhnā* (*dikhnā*) и *lagnā* сложные глаголы *dikhāi* (*dikhlāi*) *denā*, *dikhāi* (*dikhlāi*) *raṇnā*, *nazar ānā* 'казаться', 'выглядеть', сложное глагольное образование *jān raṇnā* 'казаться', 'представляться', сочетания *mālūm honā* и *mālūm raṇnā* 'казаться', 'представляться' (в них слово *mālūm* 'известный', 'очевидный' выступает как семантический модификатор связки), сочетание *mālūm denā* 'казаться'. Эта валентность присуща также сочетаниям *siddha honā* и *sābit honā* 'оказываться' (*siddha* и *sābit* 'установленный', 'доказанный' — модификаторы связки *honā*).

Отличительной чертой некоторых непереходных глаголов является сочетаемость с существительными или местоимениями в форме косвенного падежа с последогом *ko* (либо местоимениями в форме объектного падежа), которые, обладая семантической характеристикой

¹³ Примеры с глаголами, наиболее часто встречающимися в связочной функции, см. в работе В. А. Чернышева [79, с. 39].

«субъекта восприятия или ощущения», при нормальном порядке слов занимают позицию перед словами, отвечающими субъектной валентности данных глаголов. К таким глаголам, в частности, относятся: *akharṇā* 'быть невыносимым', 'быть не по вкусу' *khalnā* 'не нравиться', 'быть неприятным', *bhānā* 'нравиться', 'быть приятным', *sihānā* 'быть приятным' 'доставлять удовольствие', *sājhnā* 'показываться на глаза', 'приходить на ум', *lagnā* в значении «ощущаться», *jācnā* в значении «нравиться», например: *mis Vuḍ ko laṛkiyō kā yah gul-garpārā akhrā...* (PL, 105) 'Для мисс Вуд стал невыносимым этот гвалт, поднятый девушками...', *use yah jhamelā bilkul nahī bhātā thā* (P.G, 20) 'Ему совсем не нравился этот спор', *muḥ ko ek bāt sājhī* (G.D, 10) 'Мне пришла [в голову] идея', *mā, muḥe bahut bhūkh lagī hai...* (S.N, 99) 'Мама, я сильно проголодался...', *use yah sambandh nahī jācā* (N.D, 101) 'Ей эта родственная связь пришлась не по душе'.

Некоторые глаголы (непереходные и переходные) в плане своей синтаксической сочетаемости могут отличаться синтагматической связью с определенными инфинитивными формами глагола, обеспечивающей выражение определенного смысла. Из них наиболее показательны следующие глаголы: сочетающиеся исключительно с кратким деепричастием глаголы *saknā* 'мочь', 'быть в состоянии' и *siknā* 'кончаться', 'оканчиваться'; сочетающиеся с супинным инфинитивом глаголы *lagnā* 'быть приложенным', 'прикладываться' (> 'начинать', 'приниматься'), *denā* 'давать' (> 'разрешать', 'предоставлять возможность', 'позволять') и *pānā* 'получать' (> 'получать разрешение', 'получать возможность'); сочетающиеся с инфинитивом (герундивным или герундиальным) глаголы *honā* 'быть', 'становиться' (> 'надлежать', 'следовать', 'предстоять') и *parṇā* 'падать', 'случаться' (> 'приходиться'); глагол *banṇā* 'делаться', 'становиться', 'строиться', сочетающийся с имперфективным причастием при выражении потенциального значения.

СЛОЖНЫЕ ГЛАГОЛЫ

Сложный глагол — это сочетание «неглагольный компонент + глагол», которое, представляя собой семантическое единство, занимает в структуре предложения позицию, характерную для однословного глагола, или, иначе говоря, функционирует в предложении подобно единому слову — глаголу.

Функциональная общность на парадигматической оси между таким сочетанием и однословным глаголом есть отражение того факта, что неглагольный компонент не выступает в качестве актанта глагола и остается вне синтаксической связи с другими членами предложения. В противном случае в нем могли бы обнаружиться свойства существительного (или представителя какой-либо другой знаменательной части речи) как ведущего (главного) члена того или иного словосочетания.

Таким образом, сложный глагол, являясь семантическим единством, на уровне синтаксического членения предложения также представляет собой структурное единство¹⁴.

Сложные глаголы представлены преимущественно моделированными образованиями «неглагольный компонент + глагол *karnā* 'делать'» и «неглагольный компонент + глагол *honā* 'быть', 'становиться'», в которых неглагольный компонент, играя роль «лексического показателя действия» [67, с. 20], включает соответствующее понятие в сферу глагольного выражения. Компонент *karnā* является показателем переходности соответствующего сложного глагола, компонент *honā* — показателем его непереходности.

Назначение некоторых слов языка хинди состоит исключительно или по преимуществу в том, чтобы служить лексическим показателем действия в составе сложных глаголов с глагольным компонентом *karnā* или *honā*. К ним, в частности, относятся такие слова, как *khatm*, или *khatam* (*khatm karnā* 'кончать', *khatm honā* 'кончаться'), *adā* (*adā karnā* 'выплачивать', 'исполнять', *adā honā* 'выплачиваться', 'исполняться'), *svikār* (*svikār karnā* 'принимать', 'признавать', *svikār honā* 'приниматься', 'признаваться'), *fel* (*fel honā* 'терпеть неудачу', 'проваливаться на экзамене', 'ослабевать') и др. Употребление отдельных сложных глаголов, содержащих подобные неглагольные компоненты, иллюстрируют следующие примеры: ... *agar ab ek baccā urdū kā kāyḍā chaḥ mahīne mē khatm kar letā hai to phir chaḥ sāl mē khatm kiyā karegā* (K.C.G, 153) '...если теперь ребенок проходит (букв. кончает) грамматику урду за шесть месяцев, то тогда он будет проходить ее шесть лет', *laimp mē tel hī khatm ho gayā*... (PL, 88) 'В лампе кончился керосин...', *ve cāhte the ki tumhāre pati kā jurmānā āp adā kar dē*... (S.TY, 153) 'Он хотел было сам заплатить штраф за твоего мужа...', *lekin munṣiji ne yah prastāv kiṣi tarah svikār na kiya* (P.N, 132) 'Но мунши [Тотарам] и не подумал принять это предложение', *risīvar ki unkī māḡ svikār ho gayī*... (B.G.S, 623) 'Их требование относительно судебного исполнителя получило поддержку...', *inkī or adhik mat ghūrie varnā abhī inkā hārt fel ho jāegā* (K.C.G, 109) 'Не пяльте на него глаза, а то у него разорвется сердце'.

В современном хинди роль таких неглагольных компонентов сложных глаголов охотно берут на себя окказионально заимствованные из английского языка инфинитивы без частицы *to*. Об этом можно судить на основании следующих примеров: *tum merī vajah apnī bārah baje kī bas kyō mis karte ho?* (PL, 155) 'Почему вы пропускаете из-за меня свой двенадцатичасовой автобус?' (ср. англ. *to miss*), ... *māi dhobiyaḥ ko kaprā kūṭhe ke lie narm patthar saplāi kar saktā thā* (K.C.G, 62) '...я бы мог предоставить прачкам мягкий камень для выколачивания белья' (ср. англ. *to supply*), *do motarē*

¹⁴ Сложный глагол выступает как синтаксическая структура уровня слова аналогично тому, как аналитическая форма глагола обнаруживает себя как синтаксическая структура уровня формы слова, если синтаксическую структуру понимать как соединение двух (и более) слов, отвечающее грамматическим правилам языка. Показательно то, что на глаголы, именуемые здесь сложными, О. Г. Ульциферов распространяет название «аналитические» [67, с. 20, 192—193].

call. ek mis Mālti drāiv kar rahī thī, dūsarī khud rāy sāhab (P.G, 77) 'Отправились две машины. Одну вела мисс Малти, другую — сам разсахаб' (ср. англ. *to drive*), ... *drāivar ne bas štārt kar dī* (PL, 129) '...водитель завел автобус', *bas tab štārt ho rahī thī...* (PL, 159) 'Автобус трогался...' (ср. англ. *to start*).

Аналогичным употреблением характеризуются сложные глаголы хинди, неглагольный компонент которых бывает представлен словом, нередко обнаруживающим в других условиях свое качество имени существительного. К ним, в частности, относятся следующие образования:

anubhav karnā 'ощущать', 'сознавать', например, *Lūnī ne bhī yah sab apnī buddhi se nahī, ek sahaj cetnā se hī anubhav kiyā, aur yah anubhav uske bauddhik kṣetra mẽ nahī ā pāyā...* (A.A, 110) 'Луни же осознала все это не рассудком, а только интуитивно, и это осознание не смогло стать частью ее духовного мира...'; в данном примере слово *anubhav*, употребленное вторично, выступает уже как имя существительное мужского рода — *aur yah anubhav* 'и это осознание';

anubhav honā 'ощущаться', 'чувствоваться', 'осознаваться', например, ... *parantu aisā ādhyātmik ānand, aisā saccā sukh use āj pahīlī hī bār anubhav huā* (S.TY, 154) '...но такой душевный подъем, такое истинное счастье ей довелось сегодня испытать впервые в жизни'; ср. предложение с существительным *anubhav* 'ощущение': *āj bhī kabhī ve milte hāi, to un anubhavō ko duhrāye bagair nahī rahte* (BG.S, 47) 'И теперь при встрече они не упускают случая вновь вызвать в себе эти ощущения';

ārambh karnā 'начинать', например, *din ke tīsre pahar Bantī aur Tārā ne bāzār ke bāyē bhāg mẽ khoj ārambh kī* (Y.DB, 7) 'После полудня Банти и Тара начали поиски на левом участке базара';

ārambh honā 'начинаться', например, *dūsre din yuddha phir ārambh huā* (S.TY, 231) 'На другой день сражение возобновилось (букв. началось снова)'; ср. предложение с существительным мужского рода *ārambh* 'начало': *yah ek nayā ārambh hai* (MR.A, 290) 'Это есть новое начало';

kṣamā karnā 'прощать', 'извинять', например, *jā ham ne inhē kṣamā kar diyā* (S.TY, 288) 'Так и быть! Я их простил'; ср. предложение с существительным женского рода *kṣamā* 'прощение', 'извинение': *politikal sekretārī kī patnī ne vahā ākar un logō se phir kṣamā māgī...* (MR.A, 399) 'Войдя туда, жена политического секретаря снова попросила у этих людей извинения...';

kharc karnā 'тратить', 'расходовать', например, *māi ne sāre rupaye Kṛṣṇā ke gahne-karṇe mẽ kharc kar dāle* (P.N, 136) 'Все деньги я растратила на наряды и украшения Крипны';

kharc honā 'тратиться', 'расходоваться', например, *Manne kā apnā bhī bahut sārā paisā kharc ho gayā* (BG.S, 623) 'Даже собственные средства Манне почти целиком были израсходованы'; ср. предложение с существительным мужского рода *kharc* 'расход', 'издержки': *tū ghar kā aur apnī parhāi kā kharc calātā hai* (BG.S, 204) 'Ты несеешь расходы по дому и на свое обучение';

yād karnā 'помнить', 'вспоминать', 'запоминать', например, *māi ne tīn-cār dinō tak lagātār paṛhkar niyamō ko is tarah yād kar liyā, jaise parīkṣā ke pahle impārteṅt praśna yād kiye jāte hāi* (НК, 1961. XII, 94) 'Позанимавшись три-четыре дня подряд, я запомнил правильно так, как запоминаются перед экзаменами «важные» вопросы';

yād honā 'помниться', 'запоминаться', например, *Vāh Lakṣṇavī ko kamār ke sambandh mē urdū aur fārsī ke hazārō śer yād the* (К.С.Г, 135—136) 'Память [поэта] Вах Лакхнави хранила тысячи стихов на урду и фарси о талии'; ср. предложение с существительным женского рода *yād* 'память': *us ne aur uske beṭe ne kuch apnī yād se, kuch purāne phaṭe kāgazō ko dekhkar thānedār ko ek fehrist[...] banvā di...* (В.С.С, 88) 'Он (кузнец) и его сын частично по памяти и частично по записям в старых истрепанных бумагах помогли начальнику полицейского участка составить список. ...'

Из приведенных примеров видно, что неглагольный компонент сложного глагола не является ни именем объекта, относящимся к глаголу *karnā*, ни именем субъекта действия, связанным с глаголом *honā*, и не может трактоваться в предложении ни как прямое дополнение, ни как подлежащее. В конкретном предложении, содержащем сложный глагол, каждая из упомянутых синтаксических функций выполняется определенным словом, отличным от неглагольного компонента сложного глагола, по отношению к сказуемому, представленному сложным глаголом в целом.

Даже будучи именным в плане синхронии, неглагольный компонент сложного глагола не раскрывает валентных свойств существительного, не характеризуется парадигматическим значением по категориям числа и падежа и не обнаруживает своей принадлежности к какому-либо из двух грамматических родов имен существительных. Конкретно это проявляется в том, что неглагольный компонент сложного глагола, как таковой, а) всегда выступает без каких-либо слов, которые были бы непосредственно зависимы от него (в частности, слов-определений, детерминативов и др.); б) не может формально отличаться от существительного в форме прямого падежа единственного числа; в) не влияет на финитную форму глагольного компонента — единицы, подлежащей согласованию с именем существительным (или его субститутом).

Сложные глаголы, располагающие одинаковыми неглагольными компонентами, но различающиеся между собой глагольными компонентами (*karnā* / *honā*), образуют пары, состоящие из переходного и непереходного глаголов, например:

<i>khatm karnā</i> 'кончать'	<i>khatm honā</i> 'кончаться'
<i>svīkār karnā</i> 'принимать'	<i>svīkār honā</i> 'приниматься'
<i>anubhav karnā</i> 'ощущать'	<i>anubhav honā</i> 'ощущаться'
<i>ārambh karnā</i> 'начинать'	<i>ārambh honā</i> 'начинаться'
<i>kḥarc karnā</i> 'тратить'	<i>kḥarc honā</i> 'тратиться'
<i>yād karnā</i> 'помнить'	<i>yād honā</i> 'помниться'

В качестве неглагольных компонентов сложных глаголов выступают по преимуществу такие слова, которые принадлежат к слоям лексики татсама и видеши. Использование слов слоя лексики тадбхава как компонентов сложных глаголов встречается значительно реже. К таким словам тадбхава могут быть отнесены, в частности,

bhēṭ (см. сложный глагол *bhēṭ karnā* 'подносить', 'дарить'), *corī* (см. сложный глагол *corī honā* 'пропадать', 'быть украденным'), например: ... *aur upahār bhēṭ kie gae* (K.C.G, 96) '... и были преподнесены подарки', *kyā koī cīz corī ho gai?* (P.N, 171) 'Неужели что-нибудь украли?'

Характерным для хинди является наличие пар синонимических сложных глаголов, содержащих неглагольные компоненты татсама, с одной стороны, и неглагольные компоненты видеши иранского или арабского происхождения и отчасти тадбхава — с другой, например:

<i>ārambh karnā</i>	— <i>śurū karnā</i>	'начинать'
<i>ārambh honā</i>	— <i>śurū honā</i>	'начинаться'
<i>kṣamā karnā</i>	— <i>mīāf (māf) karnā</i>	'прощать'
<i>vyay karnā</i>	— <i>kharc karnā</i>	'тратить'
<i>smaraṇ karnā</i>	— <i>yād karnā</i>	'помнить'
<i>dān karnā</i>	— <i>bhēṭ karnā</i>	'дарить'.

Сложные глаголы, как и простые, различаются валентными свойствами. Непереходные сложные глаголы, естественно, не могут характеризоваться прямообъектной валентностью. Им присуща субъектная валентность: *lāmp mē tel hī khatm ho gayā*. . . (PL, 88) 'В лампе кончился керосин. . .', *vah din mujhe bhalī prakār yād hai* (A.A, 18) 'Мне хорошо помнится тот день', . . . *ise deṛh-do ghaṇṭe gāne ke bād turant āksījan kī āvaśyaktā anubhav hotī hai* (K.C.G, 161) '... после полутора-двух часов ее (индийской музыки) исполнения вдруг ощущается необходимость в кислороде', *kyā koī cīz corī ho gai?* (P.N, 171) 'Неужели что-нибудь украли?' (букв. 'Неужели какая-нибудь вещь пропала?').

Переходные сложные глаголы непременно характеризуются (помимо субъектной) прямообъектной валентностью, которая, как известно, реализуется в одной из двух форм имени существительного (или его местоименного субститута), находящихся в отношении взаимного исключения, — в форме прямого падежа или в форме косвенного падежа с послелогом *ko* (также объектного падежа местоимений как эквивалента послеложной формы на *ko*): *lekin munṣījī ne yah prastāv kīsī tarah svikār na kiyā* (P.N, 132) 'Но мунши [Тотарам] и не подумал принять это предложение', *magar thōre dīnō mē tum is bāt ko svikār kar cukogī* (MR.A, 138) 'Но вскоре вы согласитесь с этим [обстоятельством]', *parantu galpa-racnā kī vidyā kab śurū huī aur ise kisne śurū kiyā, yah kahnā kaṭhin hai* (S.TY, X) 'Но когда возник жанр короткого рассказа и кто положил ему начало (букв. кто его начал), сказать трудно'.

Некоторые из переходных сложных глаголов совмещают с прямообъектной адресатную валентность, которая, как известно, реализуется в форме косвенного падежа с послелогом *ko* (также объектного падежа местоимений), например: *Khudārām ne poṭlī lekar bālak-maṇḍlī ko cane dān karnā ārambh kiyā* (U.SK, 31) 'Взяв узелок, Кхударам начал одаривать детвору горохом', . . . *munisipal kameṭī āp ko Dillī ke nāgarik-adhikār pradān kartī hai* (K.C.G, 97) '... му-

ниципальный комитет жалует вам права гражданина Дели', *asal mē Dillī muṇisipal kameṭī āp ko ek sammān patra bhēṭ karnā cāhtī hai* (K.C.G, 89) 'В действительности делийский муниципальный комитет желает преподнести вам приветственный адрес'.

Переходные сложные глаголы принимают форму инактивного залога: ... *aur upahār bhēṭ kie gae* (K.C.G, 96) '... и были преподнесены подарки', *merī icchā keval yah hai ki in sab ko kṣamā kar diyā jāu* (S.TY, 286) 'Я лишь хочу, чтобы их всех помиловали'.

К сложным глаголам могут относиться и образования, в качестве второго компонента которых выступает глагол *karānā* или *karvānā*, т. е. один из глаголов того же корня, что и глагол *karnā*, например: *āp pitāji se mere aprādh kṣamā karā dijie* (P.N, 161) 'Вы попросите отца простить меня за все мои проступки (букв. ... простить мои проступки)', *ākhir Darbhāṅgā le jākar [Dukhmocan ne / sarkārī medikal kālej ke ek carmarog-viśeṣajña dāktar se donō kā khūn test karvāyā* (N.D, 23) 'Наконец, доставив [Сукхдева и младшую невестку] в Дарбхангу, [Дукхмочан] упросил доктора-дерматолога из государственного медицинского колледжа взять у обоих кровь на анализ'. Как видно из примеров, характерной для таких глаголов является каузативно-объектная валентность (см. актанты *pitāji se, dāktar se*).

Сложные глаголы типа «неглагольный компонент + *karnā* / *honā*» отличаются от глагольно-именных сочетаний «имя существительное + *karnā* / *honā*», тоже характеризующихся семантическим единством в плане выражения значения конкретного действия, по целому ряду критериев [80, с. 182—186, 203—204; 97, с. 17—18, 24—25; 163, с. 228—230].

Следует иметь в виду, что факт употребления слова, предшествующего глаголу *karnā* или *honā*, без каких-либо зависимых от него слов (в частности, определений), равно как и отсутствие у него формальных показателей косвенного падежа и/или множественного числа, сами по себе не являются свидетельством того, что соответствующее образование есть сложный глагол.

Каждый же из таких моментов, как вхождение такого слова в сочетание с зависимым от него другим знаменательным словом, его осложнение последом, его появление в форме множественного числа, а также, что весьма существенно, факт согласования с ним финитной формы от глагола *karnā* или от глагола *honā* или герундивного инфинитива от глагола *karnā*, является достаточным основанием для того, чтобы считать соответствующее образование не сложным глаголом, а глагольно-именным сочетанием.

Надо отметить, что для современного хинди характерно наличие целого ряда таких лексических единиц, которые могут использоваться и как неглагольные компоненты сложных глаголов и как существительные — именные компоненты глагольно-именных сочетаний, вступающие в атрибутивную связь с зависимым от них существительным (или местоимением); при этом последнее оформляется при помощи послелога-транспозитора *kā/kī*. К таким лексическим единицам, как это уже было показано на примерах их соединения с глаголом *karnā* [80, с. 206—208], относятся, в частности, такие слова, как *istemāl* (*istemāl karnā* 'использовать', 'употреблять', 'применять'),

hal (*hal karnā* 'разрешать', 'урегулировать'), *talāṣ* (*talāṣ karnā* 'искать', 'разыскивать'), *yād* (*yād karnā* 'помнить', 'вспоминать'), *sahan* (*sahan karnā* 'терпеть', 'переносить'), *pālan* (*pālan karnā* 'соблюдать', 'выполнять'), *kaṭl* (*kaṭl karnā* 'убивать'), *bayān* (*bayān karnā* 'описывать'), *anubhav* (*anubhav karnā* 'ощущать', 'чувствовать').

Различие в использовании лексических единиц подобного рода иллюстрируется здесь примерами со словами *ārambh* (в соединении с *karnā* и *honā*), *corī* (в соединении с *honā*) и *prayog* (в соединении с *karnā*): *ve din yād ā gaye jab māi ne miṭhāi kā khoncā choṛkar vyāpār ārambh kiyā thā* (S.TY, 170) 'На память пришли те дни, когда я, бросив лоток со сладостями, занялся [настоящей] коммерцией (букв. начал коммерцию)' — *unhō ne us yukti kā ārambh kar diyā hai* (P.N, 85) 'Он начал осуществлять этот замысел' (букв. 'Он замысла начало сделал'), *phir tīsrā yug ārambh huā... (S.TY, VIII)* 'Затем начался третий период...' — *aur yahī se uske vismay kā ārambh hotā thā* (A.N, 11) 'И отсюда происходило его удивление (букв. бывало начало его удивления)', *kyā koī ciz corī ho gai?* (P.N, 171) 'Неужели что-нибудь украли?' (букв. 'Неужели какая-нибудь вещь пропала?') — *āj tak ek paise kī corī nahī huī* (P.N, 171) 'Ведь до сегодняшнего дня здесь и пайсы никто не украл (букв. кража одной пайсы не случилась)', *har grām sabhā ke pās apne nām kī muhar hogī jo hastākṣar ke sthān par prayog kī jāyā karegī* (HN, 78) 'Каждый деревенский совет будет иметь свою печать, которая будет ставиться (букв. использоваться) на месте подписи' — *māi ne bare gadhō ko mīkrofon kā anucit prayog karte dekhā hai* (K.C.G, 141) 'Я уже видел, как большие ослы несуразно пользовались микрофоном (букв. ... видел больших ослов делающими несуразное использование микрофона)'.

Как показывают примеры, с именем, зависимым на основе атрибутивной связи от именного компонента глагольно-именного сочетания, сопоставимо по своей семантической роли в предложении имя объекта действия, выступающее при сложном глаголе, содержащем компонент *karnā*, и имя субъекта действия, выступающее при сложном глаголе, содержащем компонент *honā*.

Различие между сложными глаголами и глагольно-именными сочетаниями с глагольным компонентом *karnā* нейтрализуется (по крайней мере при отсутствии указания на субъект действия¹⁵) в форме перфективного причастия, используемой, в частности, атрибутивно. Об этом свидетельствует идентичность таких структур, как *svikār kiyā huī prastāv* 'принятое предложение' и *viññāpan kī huī vastuē* (N, 1969.V, 8) 'разрекламированные товары (букв. вещи)', на фоне конструктивного различия, наблюдающегося в следующих предложениях: *lekin munṣījī ne yah prastāv kisī tarah svikār nā kiyā* (P.N, 132)

¹⁵ Я. Качру считает недопустимой постановку имени субъекта, оформленного послелогом-транспозитором *kā*, перед именным компонентом глагольно-именного сочетания в случае с перфективным причастием в атрибутивной функции [125].

‘По мунши [Тотарам] и не подумал принять это предложение’ — ... *sab apnī-apnī vastuō kā vijñāpan karte hāī* (K.C.G, 146) ‘... все рекламируют свои товары’ (букв. ‘... все делают рекламу своих вещей’).

Круг сложных глаголов языка хинди не ограничивается только теми образованиями, второй компонент которых бывает представлен глаголом *karnā* или *honā*. К глаголам, входящим в качестве второго компонента в состав сложных глаголов, относятся:

1. *ānā* ‘приходить’, ‘прибывать’ —

nazar ānā ‘появляться’, ‘показываться’, ‘казаться’ (ср. ж. р. *nazar* ‘зрение’, ‘взгляд’, ‘взор’): *ek bahut baṛā sajā huiā kamrā nazar āyā* (K.C.G, 41) ‘Перед взором предстала огромная хорошо обставленная комната’;

yād ānā ‘вспоминаться’, ‘приходить на память’: *bālak ko mātā yād āyī* (P.N, 179) ‘Ребенку вспомнилась мать’ [ср. предложение с глагольно-именным сочетанием такого же состава: *Motirām ko Māthur kī yād ā gaī* (G.D, 163) ‘Мотирам вспомнил о Матхуре’ (букв. ‘Мотираму пришла память Матхура’)];

rās ānā ‘подходить’, ‘приходиться по вкусу’, ‘нравиться’ (ср. ж. р. *rās* ‘удовлетворение’): ... *yah sundar vātāvaran mujhe rās āne lagā* (K.C.G, 113) ‘... эта прелестная обстановка мне стала нравиться’;

samajh ānā ‘доходить [до сознания]’ (ср. ж. р. *samajh* ‘понимание’, ‘разум’): *mujh par māno bijlī girī, kṣaṇ bhar mujhe is śart kā pūrā abhiprāy bhī samajh na āyā* (A.A, 78) ‘Меня словно поразила молния. Ошеломленный, я какое-то время не мог даже понять весь смысл этого условия’;

hāth ānā ‘доставаться’, ‘попадать в руки’ (ср. м. р. *hāth* ‘рука’): ... *āj unhē ek nauyā ṣoṣā hāth āyā thā* (K.C.G, 79) ‘... сегодня в их распоряжение попал сенсационный материал’.

2. *rahnā* ‘оставаться’ —

khet rahnā ‘быть убитым в сражении’, ‘пасть на поле боя’ (ср. м. р. *khet* ‘поле’): *bāḳī us laṛāī mē khet rahe the...* (A.A, 38) ‘Остальные пали в этой битве...’;

yād rahnā ‘запоминаться’, ‘оставаться в памяти’: *ye ākhē jo pratidin dekhtī hāī, vah sab hamē yād nahī rahtā* (NK, 1961.IX, 61) ‘Все то, что видят эти глаза ежедневно, нам не запоминается’.

3. *paṛnā* ‘падать’, ‘выпадать’ —

dikhāī (dikhlāī) paṛnā ‘показываться’, ‘появляться’, ‘виднеться’, ‘казаться’ (ср. ж. р. *dikhāī* ‘показывание’): *pūrā Mārvār dikhāyī parṭā hai* (B.D, 146) ‘Весь Марвар предстает перед глазами’;

sunāī paṛnā ‘слышаться’, ‘раздаваться’, ‘доноситься’ (ср. ж. р. *sunāī* ‘слушание’): ... *sīḥiyō par dhamādham kī āvāzē sunāyī paṛī* (B.D, 62) ‘... на лестнице послышался грохот’.

4. *denā* ‘давать’ —

dikhāī (dikhlāī) denā ‘показываться’, ‘появляться’, ‘виднеться’, ‘казаться’ (= *dikhāī paṛnā*): *vah mujhe bahut hī sundar aur suśīl dikhāī detī thī* (G.D, 78) ‘Она мне казалась очень красивой и сердечной’;

sunāi denā 'слышаться', 'раздаваться', 'доноситься' (= *sunāi paṇā*): *darvāze par dastak sunāyī dī*... (B.D, 46) 'Послышался стук в дверь...';

dān denā 'даровать', 'дарить', 'приносить в дар' (ср. м. р. *dān* 'дар', 'подарок'): *islie usne un bhikṣuō ko kṛpādṛṣṭi se dekhā, aur untē se har ek ko sone kī ek ek sau mohar dān dī* (S.TY, XI) 'Поэтому он обратил на этих нищих свой милостивый взор и даровал каждому из них по сотне золотых монет';

ḡarār denā 'устанавливать', 'назначать' (ср. м. р. *ḡarār* 'твердость', 'установление'): *jalse kā dīn ḡarār do* 'Назначьте день собрания' [86, с. 82].

5. *rakhnā* 'ставить', 'класть', 'хранить', 'держатъ' —

corī rakhnā 'держатъ в тайне', 'скрывать' (ср. ж. р. *corī* 'утаивание'): *is par bhī merī ātmā kahtī hai ki mā se yah bāt corī rakhnī usse amicit vyavahār karnā hai* (G.D, 178) 'И все-таки сердце мне подсказывает, что держатъ это (букв. это обстоятельство) в тайне от матери — значит поступать по отношению к ней недостойно';

yād rakhnā 'помнить', 'хранить в памяти': *vah un sab ke nām kahā tak yād rakhte* (U.SK, 70) 'Разве мог он помнить их всех имена!';

rehan rakhnā 'принимать в залог' (ср. м. р. *rehan* 'закладывание', 'залог'): *bāt yah thī ki munṣijī ne ek mahājan se kuch rupaye ḡarz lekar ek ḡāv rehan rakhā thā* (P.N, 132) 'Дело было в том, что мунши [Тотарам], получив некоторую сумму в долг у ростовщика, купил права на заложенную деревню'.

6. *lenā* 'брать' —

mol lenā 'покупать' (ср. м. р. *mol* 'цена', 'стоимость'): ... *viśvās mol nahī liyā jātā* (A.A, 93) '... доверие не покупается';

7. *pānā* 'получать' —

ḡarār pānā 'быть решенным', 'устанавливаться' (ср. м. р. *ḡarār* 'твердость', 'установление'): *yah bāt ḡarār pāī* 'Это было решено' [86, с. 83].

8. *farmānā* 'изволить сделать' —

poṣ farmānā 'откушать', 'угощаться' (ср. м. р. *poṣ* 'питье', 'напиток'): *āp kaun-sā pān poṣ farmāḡe*...? (K.C.G, 80—81) 'Вы какой бстель отведаете (букв. откушаете)...?'

9. *dilānā* 'передавать' (ср. *denā* 'давать') —

yād dilānā 'напоминать' (ср. ж. р. *yād* 'память'): *tum ne khūb yād dilāyā* (K.C.G, 43) 'Ты хорошо напомнила'.

Среди приведенных сложных глаголов к непереходным относятся те глаголы, у которых второй компонент представлен непереходным глаголом (*ānā*, *rahnā*, *paṇā*), а также глаголы *dikhāī denā*, *sunāī denā* и *ḡarār pānā*.

Вопрос о глаголах, названных здесь сложными (а также вопрос об объеме понятия «сложные глаголы»), не раз становился предметом специального рассмотрения исследователей [26, с. 214—222; 80, с. 166—226; 94, с. 476—478; 97, с. 8—32; 105, с. 95—207; 109, с. 497—501; 125, с. 58—65; 142, с. 237—250].

В научной литературе существуют два подхода к определению границ сложных глаголов как образований типа «неглагольный компонент + глагол», один из которых связан с «широким» пониманием сложных глаголов, другой — с «узким» [48, с. 213; 102, с. 116].

В нашей работе предложена «узкая» трактовка сложных глаголов, которая, кстати сказать, недавно еще раз получила поддержку в статье известного индийского лингвиста Бхоланатха Тивари [163, с. 224—232]. Однако мы в отличие от Бхоланатха Тивари не относим к сложным глаголам образования «имя прилагательное + *karnā/honā*».

ОДНОКОРНЕВЫЕ ГЛАГОЛЫ

ФОРМАЛЬНАЯ ДИФФЕРЕНЦИАЦИЯ
ОДНОКОРНЕВЫХ ГЛАГОЛОВ

В языке хинди однокорневые глаголы (т. е. глаголы, содержащие один и тот же корень) составляют ряды (серии), формальное различие между членами которых регулярно обеспечивается осложнением корня суффиксами $-ā/-lā-$, $-vā/-lvā-$ и/или чередованием корневого гласного, что иногда влечет за собой и чередование конечного корневого согласного. Будучи членами одного и того же формального ряда, однокорневые глаголы отличаются друг от друга в смысловом отношении.

Все многообразие рядов (серий) однокорневых глаголов может быть сведено к приводимым здесь шести формулам¹:

1. $xVC - xVCā - xVCvā$, где C — конечный согласный корня; V — гласный (чистый или назализованный), непосредственно предшествующий конечному согласному корня, а именно: $\check{V}$ — краткий гласный (a, i, u), V — гласный (фонетически долгий) среднего подъема на нижне-средней ступени (ai, au) или (реже) на верхне-средней ступени (e, o)²; x — предшествующая данному гласному V часть корня, которая в звуковом выражении имеет вид C или $(C)\check{V}C$, причем в последнем случае краткий гласный a , предшествующий конечному корневному согласному, подвергается редукции при условии осложнения глагольного корня суффиксом $-ā$.

Примеры рядов (серий) однокорневых глаголов, отвечающих формуле 1:

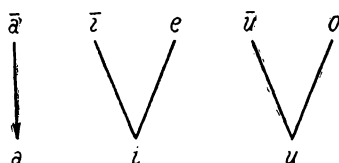
kahnā — kahānā — kahvānā
bannā — banānā — banvānā
rāgnā — rāgānā — rāgvānā

¹ В рассматриваемых в настоящем разделе формулах не учтены особые (специфические) фонетические варианты глаголов. Кроме того, оставлены без внимания случаи явной неполноты (дефективности) рядов однокорневых глаголов. Крайнее проявление такой неполноты иллюстрируют, естественно, такие глаголы, каждый из которых не имеет соответствующего себе однокорневого глагола, например: *ānā* 'приходить', 'прибывать', *jānā* 'идти', 'уходить', *pikārnā* 'звать', *pānā* 'получать', *soṣnā* 'думать', *ruṣnā* 'приходиться по вкусу', *sahnā* 'терпеть', *saknā* 'мочь' и др. Иную группировку однокорневых глаголов по различающимся между собой сериям дает А. Дебрецени [98].

² Иначе говоря, V соответствует ступени вриддхи или ступени гуна чередования гласных.

likhnā — likhānā — likhvānā
sunnā — sunānā — sunvānā
phailnā — phailānā — phailvānā
baiṭhnā — baiṭhānā — baiṭhvānā
khaulnā — khaulānā — khaulvānā
khehnā — kheelānā — khelvānā
khojnā — khojānā — khojvānā
uṭhnā — uṭhānā — uṭhvānā
aiṭhnā — aiṭhānā — aiṭhvānā
orhnā — orhānā — orhvānā
pakaṛnā — pakaṛānā — pakaṛvānā
pighalnā — pighlānā — pighalvānā

2. $x\hat{V}C - x\check{V}C\bar{a} - x\check{V}Cv\bar{a}$, где символом $\hat{V}$ обозначаются долгие гласные (верхне-средней ступени среднего подъема — *e*, *o*; верхнего подъема — $\bar{i}$, $\bar{u}$; нижнего подъема — $\bar{a}$), чередующиеся в составе односложного корня с краткими гласными *a*, *i*, *u*, которые находят отражение в символе $\check{V}$. Такие чередования в рамках односложного глагольного корня можно представить следующим образом:

Примеры рядов (серий) однокорневых глаголов, отвечающих формуле 2:

nācnā — nacānā — nacvānā
māgnā — māgānā — māgvānā
jītnā — jītānā — jītvānā
sikhnā — sikhānā — sikhvānā
bhīgnā — bhīgānā — bhīgvānā
leṭnā — liṭānā — liṭvānā
bhūlnā — bhulānā — bhulvānā
ḍūbnā — ḍubānā — ḍubvānā
sūghnā — sūghānā — sūghvānā
*bolnā — bulānā — bulvānā*³

3. $x\hat{V}C - x\check{V}C - x\check{V}C\bar{a} - x\check{V}Cv\bar{a}$, где различие между $\hat{V}$ и $\check{V}$ отражает виды чередования, отвечающие формуле 2, а символ $\check{V}$, помещенный в состав первого члена серии, обычно соответствует краткому гласному ($\check{V}$), но в позиции перед согласным *ṭ* он может также обо-

³ Примером отклонения от приведенной формулы служит ряд *baiṭhnā — biṭhānā — biṭhvānā*, поскольку гласный *ai* первого члена ряда является гласным ниже-средней ступени среднего подъема, отражая ступень вридрихи чередования гласных.

значать и долгий *ā*, чередующийся с *o*, за которым следует согласный *r* во втором члене серии.

Примеры рядов (серий) однокорневых глаголов, отвечающих формуле 3:

ladnā — *lādānā* — *ladānā* — *ladvānā*
dabnā — *dābānā* — *dabānā* — *dabvānā*
pisnā — *pīsnā* — *pisānā* — *pisvānā*
khīcnā — *khīcnā*⁴ — *khīcānā* — *khīcvānā*
chidnā — *chednā* — *chidānā* — *chidvānā*
*dikhnā*⁵ — *dekhnā* — *dikhānā* — *dikhvānā*
luṭnā — *lūṭnā* — *luṭānā* — *luṭvānā*
jutnā — *jotnā* — *jutānā* — *jutvānā*
juṛnā — *joṛnā* — *juṛānā* — *juṛvānā*
chūṭnā — *choṭnā* — *chuṭānā* — *chuṭvānā*
ṭūṭnā — *toṭnā* — *tuṭānā* — *tuṭvānā*

Приведенной выше формулой охватываются и ряды глаголов с двусложным корнем, а именно ряды, в которых первый член — *xVC* — имеет вид (C)ṼCṼC, например:

uchalnā — *uchālānā* — *uchlānā* — *uchalvānā*
nikharnā — *nikhārānā* — *nikhrānā* — *nikharvānā*
ukharṇā — *ukhārṇā* — *ukhrānā* — *ukharvānā*
nicuṛnā — *nicoṛnā* — *nicuṛānā* — *nicuṛvānā*

4. *xṼ — xṼlā — xṼlvā*, где различие между *Ṽ* и *Ṽ* отражает виды чередования гласных (за исключением *ā—a*), отвечающие формуле 2, а символ *x* практически равен согласному (C). Число рядов, удовлетворяющих приведенной формуле, практически равно шести:

pīnā — *pilānā* — *pilvānā*
jīnā — *jilānā* — *jilvānā*
denā — *dilānā* — *dilvānā*
chūnā — *chulānā* — *chulvānā*
sonā — *sulānā* — *sulvānā*
ronā — *rulānā* — *rulvānā*

К ним примыкают ряд *khānā — khilānā — khilvānā* (с чередованием *ā—i*) и ряд *nahānā — nahlānā — nahalvānā*, в котором можно усматривать чередование *ā—a* с редукцией гласного *a* двусложного корня перед суффиксом *-lā-*.

5. *xṼl — xṼ — xṼlā — xṼlvā*. Эта формула является по сути дела расширенным вариантом предшествующей формулы (т. е. формулы 4),

⁴ Встречается также вариант *khāīcnā* 'тащить', не удовлетворяющий приведенной формуле.

⁵ Встречается также вариант *dīkhnā* 'показываться', не удовлетворяющий приведенной формуле.

содержащим дополнительный элемент $x\check{V}l$, отражающий результат процесса словообразования по аналогии. Ей отвечают два ряда одно-корневых глаголов, а именно:

silnā — *sīnā* — *silānā* — *silvānā*
dhulnā — *dhonā* — *dhulānā* — *dhulvānā*

6. $x\hat{V} - xV(v)\bar{a}$, где символ V второго члена может соответствовать как долготому гласному ($\hat{V}$), так и краткому ($\check{V}$), а транскрипционный знак v , заключенный в скобки, обозначает факультативный звфонический звук. Число рядов, удовлетворяющих данной формуле, ограничено:

<i>gānā</i>	—	<i>gavānā</i>	<i>khenā</i>	—	$\left\{ \begin{array}{l} \textit{khevānā} \\ \textit{khivānā} \end{array} \right.$
<i>chānā</i>	—	<i>chavānā</i>	<i>lenā</i>	—	<i>livānā</i>
<i>cūnā</i>	—	$\left\{ \begin{array}{l} \textit{cuvānā} \\ \textit{cuānā} \end{array} \right.$	<i>khonā</i>	—	$\left\{ \begin{array}{l} \textit{khuvānā} \\ \textit{kho}(v)\textit{ānā} \end{array} \right.$
<i>chūnā</i>	—	$\left\{ \begin{array}{l} \textit{chuvānā} \\ \textit{chuānā} \end{array} \right.$	<i>bonā</i>	—	<i>bo(v)ānā</i> .

Что касается встречающихся отклонений от вышеприведенных формул в сторону формального или количественного усложнения выявленных рядов (серий) однокорневых глаголов, то здесь можно отметить следующие основные случаи:

1) наличие эквивалентов в виде глаголов, характеризующихся суффиксом *-o-* (вместо *-ā-*), у вторых членов некоторых рядов, удовлетворяющих формуле 2, например: *bhigonā* (ср. *bhigānā*) 'смачивать', *ḍubonā* (ср. *ḍubānā*) 'топить', 'погружать', *cubhonā* (ср. *cubhānā*) 'вонзать' (см. ряд *cubhnā — cubhānā — cubhvānā*), а также у третьих членов отдельных рядов, отвечающих формуле 3, например: *garonā* (ср. *garānā*) 'вонзать' (см. ряд *garnā — gārānā — garānā — garvānā*);

2) наличие варианта на *-er-/-el-* или *-er-* (вместо регулярного *-ār-* или *-ār-*) второго слога двусложных корней глаголов в рядах (или их фрагментах), подводимых под формулу 3, например: *ikhērnā* (ср. *ikhārnā*) 'выкорчевывать', 'вырывать', *ucērnā* или *ucelnā* 'отрывать', 'отдирать' (ср. *ucārnā* в составе неполного ряда *ucarnā* — *ucārnā*), *bikhernā* 'разбрасывать' (этот глагол при отсутствии формы *bikhārnā* становится полноправным членом ряда *bikharnā* — *bikhernā* — *bikhrānā*, обходящегося без четвертого компонента *bikharvānā*);

3) возможность сохранения долгого гласного *e* или *o* в третьем и/или четвертом члене рядов, отвечающих формуле 3, например: *phervānā* 'делать так, чтобы было повернуто кем-либо другим' (ср. *phirvānā* в составе ряда *phirnā — phernā — phirānā — phirvānā*), *jotānā* 'обеспечивать вспашку' (ср. *jutānā* в ряду *jutnā — jotnā — jutānā — jutvānā*), *chorānā* и *chorvānā* 'вызвать' или 'добиваться освобождения' (ср. *chuṛānā* и *churvānā*)⁶;

⁶ Сохранение такого гласного во втором и третьем членах рядов, подводимых под формулу 2, приводит, разумеется, к формированию ряда, отвеча-

5) наличие аномальных однокорневых образований, синонимичных с тем или иным членом серии, например: *ghuseṛnā* ($\cong$ *ghusānā*) 'втыкать', 'вгонять' (см. ряд, удовлетворяющий формуле 1, *ghusnā* — *ghusānā* — *ghusvānā*), *capēṭnā* ($\cong$ *cāpnā* или *carānā*) 'сдавливать' (см. ряд, удовлетворяющий формуле 3, *carpnā* — *cāpnā* — *carānā* — *carvānā*), *baiṭhālā* и *biṭhālā* 'усаживать' (ср. *baiṭhānā* и *biṭhānā* в примерах реализации формул 1 и 2).

Материальная общность различных рядов однокорневых глаголов проявляется на лексическом уровне: некоторые глаголы могут открывать ряды однокорневых глаголов, отвечающие разным формулам. Например, каждый из таких глаголов, как *orhnā* 'надевать', 'накидывать', *khelnā* 'играть', *bolnā* 'говорить', принадлежит к ряду, удовлетворяющему формуле 1, и ряду, отвечающему формуле 2:

<i>orhnā</i>	—	$\overline{\square}$	<i>orhānā</i>	—	<i>orhvānā</i>
			<i>urhānā</i>	—	<i>urhvānā</i>
<i>khelnā</i>	—	$\overline{\square}$	<i>khelānā</i>	—	<i>khelvānā</i>
			<i>khilānā</i>	—	<i>khilvānā</i>
<i>bolnā</i>	—	$\overline{\square}$	<i>bolānā</i>	—	<i>bolvānā</i>
			<i>bulānā</i>	—	<i>bulvānā</i>

Явление другого порядка — это омонимия глаголов — членов различных рядов. Известный случай такой омонимии, реализуемой в лексических единицах *khilānā* и *khilvānā*, может быть изображен схематически следующим образом:

формула 1: *khilnā* 'радоваться' —
 формула 2: *khelnā* 'играть' — *khilānā — khilvānā*
 формула 4: *khānā* 'есть' —

ющего формуле 1, иллюстрацией чего может служить ряд *bolnā — bolānā — bolvānā* в его противопоставлении ряду *bolnā — bulānā — bulvānā* (см. выше примеры реализации формулы 2) или ряд *khelnā — khelānā — khelvānā* (см. выше примеры реализации формулы 1) в его противопоставлении ряду *khelnā — khlānā — khilvānā*.

Формальная общность рядов (серий однокорневых глаголов), отвечающих разным формулам, касается их строения и состава и заключается в следующем:

1) в выводимости некоторых рядов, соответствующих формуле 1 (в ее варианте с корнем, содержащим краткий гласный) или же формуле 2, из рядов, отвечающих формуле 3;

2) в идентичности формулы 2 и фрагмента формулы 3, охватывающего три последних члена, а также формулы 4 и фрагмента формулы 5, содержащего три последних члена.

Первый из аспектов формальной общности рядов может быть проиллюстрирован на таких сериях однокорневых глаголов, как, например:

(а) *calnā* — *calānā* — *calvānā* при учете того, что однокорневой глагол *cālñā* характеризуется специфическим значением — 'просеивать' (ср. *calnā* 'двигаться', *calānā* 'двигать');

(б) *lagnā* — *lagānā* — *lagvānā* при учете того, что однокорневой глагол *lāgnā*, синонимичный с первым членом (*lagnā* 'прикладываться', 'прикасаться'), используется только в поэтической речи;

(в) *jalnā* — *jalānā* — *jalvānā* при учете того, что однокорневой глагол *jālñā*, синонимичный со вторым членом (*jalānā* 'зажигать'), является достоянием только поэтического языка;

(г) *ugalnā* — *uglānā* — *uglvānā* при учете того, что однокорневой глагол *ugālñā* как синоним первого (*ugalnā* 'выплевывать', 'изрыгать') или второго и третьего членов (*uglānā* и *uglvānā* 'вызывать тошноту') является малоупотребительным;

(д) *jāgnā* — *jagānā* — *jagvānā* при учете того, что однокорневой глагол *jāgnā* как синоним первого члена (*jāgnā* 'пробуждаться', 'бодрствовать') малоупотребителен.

Серии (а) — (г) соответствуют формуле 1, а серия (д) — формуле 2. В рядах же, отвечающих формуле 3, место второго члена принадлежало бы глаголам *cālñā*, *lāgnā*, *jālñā*, *ugālñā*, а место первого члена — глаголу *jāgnā*.

Второй аспект формальной общности рядов иллюстрируют следующие примеры с конкретными сериями однокорневых глаголов, совмещенных по вертикали на основе формального сходства:

формула 3: *pisnā* — *pīsnā* — *pisānā* — *pisvānā*

формула 2: *bhīgnā* — *bhigānā* — *bhigvānā*

sīkhnā — *sikhānā* — *sikhvānā*⁷

формула 3: *chūṭnā* — *choṇnā* — *churānā* — *churvānā*⁷

формула 2: *oṛhnā* — *urhānā* — *urhvānā*

формула 5: *silnā* — *sīnā* — *silānā* — *silvānā*

формула 4: *jīnā* — *jilānā* — *jilvānā*

формула 5: *dhulnā* — *dhonā* — *dhulānā* — *dhulvānā*

формула 4: *sonā* — *sulānā* — *sulvānā*

⁷ Отклонения, существующие в модели глагольного словообразования, расширяют сферу формальной общности рядов. Так, например, если в ряду, удовлетворяющем формуле 3, его фрагмент *choṇnā* — *churānā* — *chur-*

Ряды однокорневых глаголов, приведенные выше для иллюстрации формул, являются идеальными с точки зрения своего состава: каждой единице той или иной формулы поставлен в соответствие глагол — член определенного ряда.

Однако в реальной жизни языка полнота рядов может быть нарушена ввиду малой употребительности или вследствие неупотребительности каких-либо членов того или иного ряда. Так, например, в качестве сокращенных вариантов некоторых из приведенных выше рядов предстают *phailnā* — *phailānā* (при условии отсутствия третьего члена — *phailvānā*; см. формулу 1), *nācñā* — *nacānā* (при отсутствии третьего члена — *nacvānā*; см. формулу 2), *ukhāṛnā* — *ukhāṛnā* — *ukhāṛvānā* (при отсутствии третьего члена — *ukhāṛānā*; см. формулу 3), *ronā* — *rulānā* (при отсутствии третьего члена — *rulvānā*; см. формулу 4).

Обращение к приведенным выше формулам как отражению структуры и состава образцовых (идеальных) рядов, или серий, однокорневых глаголов позволяет расценивать те ряды, в которых недостает членов, соотносящихся с единицами определенной формулы, как частичные реализации данной формулы. Например, ряды *biknā* — *becnā* — *bikvānā* (с чередованием согласных *k* — *c*), *palnā* — *pālñā* — *palvānā*, *ghasiñnā* — *ghasiññā* — *ghasiñvānā* частично реализуют формулу 3, поскольку они лишены глагола, который соответствовал бы ее третьему компоненту — $x\check{V}Cā$, ряд *ucaññā* — *ucaññā* — *ucāññā* частично реализует ту же формулу, не располагая глаголом, который отвечал бы ее четвертому компоненту — $x\check{V}Cvā$, ряд *khījñā* — *khijāññā* (или *khijlāññā*) — формулу 2, обходясь без глагола, который соответствовал бы ее третьему компоненту — $x\check{V}Cvā$, ряд *bhejñā* — *bhijvāññā* — формулу 2, обходясь без глагола, который соответствовал бы ее второму компоненту — $x\check{V}Cā$.

ДИФФЕРЕНЦИАЦИЯ ОДНОКОРНЕВЫХ ГЛАГОЛОВ ПО ВАЛЕНТНЫМ СВОЙСТВАМ

Семантическая дифференциация однокорневых глаголов, которую принято объяснять различиями в степени проявления семы «каузировать»⁸, находит свое отражение в их валентных свойствах. Внутри одной и той же серии однокорневые глаголы отличаются друг от друга числом и характером актантов — членов своего окружения, характеризующихся определенными синтаксическими функциями и соотнонесенных в плане содержания с партиципантами (участниками) ситуации.

vāññā является, как показано выше, аналогом ряда, отвечающего формуле 2, то фрагмент *choṛñā* — *choṛāññā* — *choṛvāññā* предстал бы как аналог ряда, отвечающего формуле 1.

⁸ С пониманием данной семы в широком смысле, а именно «делать так (способствовать тому, вызывать то), чтобы осуществлялось (имело место) некоторое действие», связана трактовка суффиксов *-ā/-lā-*, *-vā/-lvā-* и чередования корневого гласного как морфологических показателей каузации.

Определяющим для дифференциации однокорневых глаголов является их отношение к следующим актантам:

а) N^s — имя субъекта действия, выступающее при глаголе активного залога в форме прямого падежа или в послеложно-падежной форме на *ne*;

б) N^d — имя объекта действия, выступающее в одной из двух форм, находящихся в отношении взаимного исключения, а именно: в форме прямого падежа или в послеложной форме на *ko* (т. е. в форме косвенного падежа с послелогом *ko*);

в) N^a — имя, которое, выступая в послеложной форме на *ko*, контрастирует на синтагматической оси с формой прямого падежа актанта N^d и является названием адресата;

г) N^o — имя, выступающее в послеложной форме на *se*⁹ и соотношенное с партиципantom — лицом, способствующим (содействующим) осуществлению определенного действия.

Таким образом, семантическое разграничение однокорневых глаголов базируется на учете тех их актантов, в которых реализуется (или может реализоваться) их субъектная, прямообъектная, адресатная (адресатно-объектная) и, наконец, каузативно-объектная валентность. В соответствии с этим внутри серий однокорневых глаголов выделяются:

V^{θ} — глагол, сочетающийся из перечисленных выше актантов только с N^s , т. е. непереходный глагол, характеризующийся как таковой только субъектной валентностью;

V^d — глагол, характеризующийся прямообъектной валентностью, т. е. совмещающей в своем окружении N^d с N^s ;

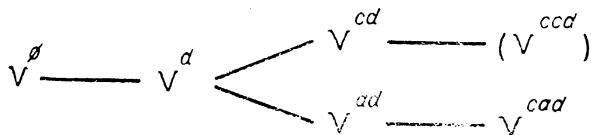
V^{cd} — глагол, способный совмещать в своем окружении N^o (имя, в котором реализуется каузативно-объектная валентность глагола) с N^d ;

V^{ad} — глагол, совмещающий в своем окружении N^a (имя, в котором реализуется адресатная валентность глагола) с N^d ;

V^{cad} — глагол, способный совмещать в своем окружении N^o с N^a и N^d ;

$V^{c'cd}$ — вариант V^{cd} , характеризующийся способностью совмещать в своем окружении с N^d два различных N^o ($N^{o'}$ и $N^{o''}$).

Компоненты приведенных выше формул, обобщающих строение и состав рядов однокорневых глаголов, расположены в порядке возрастания числа валентностей глаголов. При максимальном наборе глаголов одного корня, различающихся между собой по валентности, такое возрастание можно изобразить схематически следующим образом:

⁹ Следует учитывать и возможность использования послелога [*ke*] *dvāra* или *ke zariye* 'посредством', 'при помощи', 'через' и других синонимичных послелогов.

В хинди, однако, не существует взаимно-однозначного соответствия между формальными показателями глаголов, определяющими их место в серии среди глаголов того же корня, и их семантической характеристикой, отражающейся в валентных свойствах. Если снова обратиться к приведенным выше формулам и, имея в виду конкретные ряды однокорневых глаголов, совместить по вертикали в первом слева столбце те члены этих формул, которые соответствуют глаголам V^0 , а во втором столбце те их члены, которые соотносимы с глаголами V^d , то отсутствие указанного соответствия, или явление асимметрии [33], проявится в расслоении каждой из формул 1, 2 и 6 на три и формулы 4 на два варианта:

1. (1) $xVC - xVC\bar{a} - xVCv\bar{a}$
 (2) $xVC - xVC\bar{a} - xVCv\bar{a}$
 (3) $xVC - xVC - xVC\bar{a} - xVCv\bar{a}$
2. (1) $x\hat{V}C - x\check{V}C\bar{a} - x\check{V}Cv\bar{a}$
 (2)

$x\hat{V}C - x\check{V}C\bar{a} - x\check{V}Cv\bar{a}$
--

 (3) $x\hat{V}C - x\hat{V}C - x\check{V}C\bar{a} - x\check{V}Cv\bar{a}$
3. (0) $xVC - x\hat{V}C - x\check{V}C\bar{a} - x\check{V}Cv\bar{a}$
4. (1) $x\hat{V} - x\check{V}l\bar{a} - x\check{V}lv\bar{a}$
 (2)

$x\hat{V} - x\check{V}l\bar{a} - x\check{V}lv\bar{a}$

5. (0) $x\check{V}l - x\hat{V} - x\check{V}l\bar{a} - x\check{V}lv\bar{a}$
6. (1) $x\hat{V} - xV(v)\bar{a}$
 (2) $x\hat{V} - xV(v)\bar{a}$
 (3) $x\hat{V} - x\hat{V} - xV(v)\bar{a}$

Сказанное иллюстрируется ниже конкретными сериями однокорневых глаголов:

1. (1) *uṭhnā* 'подниматься', 'вставать' — *uṭhānā* 'поднимать' — *uṭhvānā* 'делать так, чтобы было поднято [кем-то другим]';

(2) *orhnā* 'накидывать' — *orhānā* 'содействовать [кому-то] в том, чтобы накидывать' — *orhvānā* 'поступать так, чтобы [кем-либо] было оказано содействие [кому-то другому] в том, чтобы накидывать';

(3) *rāgnā* 'краситься', 'окрашиваться' — *rāgnā* 'красить' — *rāgvānā* 'делать так, чтобы было окрашено [кем-то другим]' — *rāgvānā* 'делать (поступать [с кем-либо]) так, чтобы было окрашено [кем-то другим]';

2. (1) *bhīgnā* 'намокать', 'промокать' — *bhīgānā* 'мочить', 'смачивать' — *bhigvānā* 'делать так, чтобы было смочено [кем-то другим]';

(2) *sikhnā* 'учить', 'изучать', 'осваивать' — *sikhānā* 'преподавать', 'содействовать [кому-то] в том, чтобы изучать' — *sikhwānā* 'поступать так, чтобы [кем-либо] преподавалось [кому-то другому]', 'поступать так, чтобы [кем-либо] было оказано содействие [кому-то другому] в том, чтобы изучать';

(3) *bhūlnā* 'становиться забытым', 'заблуждаться' — *bhūlnā* 'забывать' — *bhulānā* 'забывать', 'предавать забвению', 'обманывать' — *bhulvānā* 'делать (поступать [с кем-либо]) так, чтобы было забыто', 'делать так, чтобы [кто-либо] был обманут [кем-то другим]';

3. (0) *pīsnā* 'молотиться' — *pīsnā* 'молотить' — *pīsānā* 'делать так, чтобы было перемолото [кем-то другим]' — *pīsvānā* 'делать (поступать [с кем-либо]) так, чтобы было перемолото [кем-то другим]';

4. (1) *sonā* 'спать' — *sulānā* 'укладывать спать', 'усыплять' — *sulvānā* 'делать так, чтобы [кто-либо] был уложен спать [кем-то другим]';

(2) *pīnā* 'пить' — *pīlānā* 'давать пить', 'содействовать [кому-то] в том, чтобы пить' — *pīlvānā* 'поступать так, чтобы [кем-либо] было оказано содействие [кому-то другому] в том, чтобы пить';

5. (0) *silnā* 'шиться', 'сшиваться' — *sīnā* 'шить' — *silānā* 'делать так, чтобы было сшито [кем-то другим]' — *silvānā* 'делать (поступать [с кем-либо]) так, чтобы было сшито [кем-то другим]';

6. (1) *cūnā* 'капать', 'падать каплями' — *civānā* 'цедить по каплям';

(2) *bonā* 'сеять' — *boānā* 'делать так, чтобы было посеяно [кем-то другим]';

(3) *chānā* 'расстилаться' — *chānā* 'расстилать' — *chavānā* 'делать так, чтобы было разостлано [кем-то другим]' ¹⁰.

У части рядов, отвечающих формулам 2 и 4, черты их формальной общности с рядами формул соответственно 3 и 5 могут дополняться и чертами синтаксической общности, проявляемой (хотя бы и частично) в валентных свойствах глаголов [ср. 2. (2), (3) и 3.(0), а также 4.(2) и 5.(0)].

Итак, развертывание однокорневыми глаголами своих валентных свойств осуществляется по двум линиям, а именно: (а) $V^{\bar{v}} — V^d — V^{cd} — (V^{cd})$ и (б) $V^{\bar{v}} — V^d — V^{ad} — V^{cad}$. Звено V^{cd} в цепочке (а), с возможностью появления которого приходится считаться, бывает неотличимым формально от V^{cd} .

СИСТЕМНЫЕ ОТНОШЕНИЯ МЕЖДУ АКТАНТАМИ ОДНОКОРНЕВЫХ ГЛАГОЛОВ И СЕМАНТИЧЕСКАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА ГЛАГОЛЬНЫХ АКТАНТОВ

Системные отношения, существующие между актантами однокорневых глаголов одной серии, ярко проявляются как в цепочке (а), так и в цепочке (б) при условии ориентации предложений, содержащих однокорневые глаголы, на описание ситуации с фиксированной

¹⁰ В предложенном способе передачи смысла глаголов хинди по мере возможности отражена особенность их семантики, проявляющаяся в моделях управления: творительный падеж неопределенного местоимения, заключенного в квадратные скобки, соответствует послеложной форме на *se* (*ke dvārā*), типичной для N^c , а дательный падеж неопределенного местоимения, заключенного в квадратные скобки, соотносится с послеложной формой на *ko*, характерной для N^a .

связью между конкретным действием и его субъектом (конкретными действиями и их субъектами).

В приводимых ниже конкретных предложениях, удовлетворяющих данному условию¹¹, каждый из актантов глагола для большей четкости изложения обозначен соответствующим буквенным символом.

Цепочка (а)

1. V^{θ} — *bannā* 'строиться', V^d — *banānā* 'строить', V^{cd} — *banvānā* 'делать так, чтобы было построено [кем-то другим]': *makān* (N_{θ}) *banā* 'Дом выстроился', *mazdūrō ne* (N_i) *makān* (N^d) *banāyā* 'Рабочие выстроили дом', *ṭhekedār ne* (N_{θ}^2) *mazdūrō se* (N^c) *makān* (N^d) *banvāyā* 'Подрядчик, наняв рабочих, построил дом'.

2. V^{θ} — *calnā* 'идти', 'ходить', 'двигаться', V^d — *calānā* 'водить', V^{cd} — *calvānā* 'делать так, чтобы [кто-либо] был приведен в движение [кем-то другим]': *baccā* (N_{θ}) *caltā hai* 'Ребенок ходит', *āyā* (N_i) *bacce ko* (N^d) *calātī hai* 'Няня водит ребенка [гулять]', *mā* (N_{θ}^2) *āyā se* (N^c) *bacce ko* (N^d) *calvātī hai* 'Мать дает поручение няне водить ребенка [гулять]'¹².

3. V^{θ} — *sonā* 'спать', V^d — *sulānā* 'укладывать спать', V^{cd} — *sulvānā* 'делать так, чтобы [кто-либо] был уложен спать [кем-то другим]': *munnā* (N_{θ}) *soyā* 'Малыш уснул', *jījī ne* (N_i) *munne ko* (N^d) *sulāyā* 'Старшая сестра уложила малыша спать', *mā ne* (N_{θ}^2) *jījī se* (N^c) *munne ko* (N^d) *sulvāyā* 'Мать велела старшей сестре уложить малыша спать [и та это сделала]'.

4. V^{θ} — *silnā* 'шиться', V^d — *sīnā* 'шить', V^{cd} — *silānā* и *silvānā* 'отдавать шить', 'делать так, чтобы было сшито [кем-то другим]': *kapre* (N_{θ}) *silte hai* 'Одежда шьется', *darzī* (N_i) *kapre* (N^d) *sītā hai* 'Портной шьет одежду', *mā* (N_{θ}^2) *darzī se* (N^c) *kapre* (N^d) *silvātī hai* (*silātī hai*) 'Мать шьет одежду у портного'.

Цепочка (б)

1. V^d — *pīnā* 'пить', V^{ad} — *pilānā* 'давать пить', 'содействовать [кому-то] в том, чтобы пить', V^{cad} — *pilvānā* 'поступать так, чтобы [кем-либо] было оказано содействие [кому-то другому] в том, чтобы пить': *baccā* (N_i) *dūdh* (N^d) *pītā hai* 'Ребенок пьет молоко', *āyā* (N_{θ}^2) *bacce ko* (N^a) *dūdh* (N^d) *pilātī hai* 'Няня поит ребенка молоком', *mā*

¹¹ Примеры на серии предложений с однокорневыми глаголами содержатся в целом ряде работ по грамматике хинди [33, с. 81—82; 81, с. 16—19, 22—25; 88, с. 57—61; 124, с. 63; 107, с. 129; 126, с. 211, 216—218]. Однако далеко не все авторы соблюдают, как Ямуна Качру [124, с. 63], отмеченное условие в подборе иллюстраций. Поэтому при заимствовании примеров из грамматической литературы мы были вынуждены некоторые из них видоизменить, сообразуясь с заданным условием.

¹² В серии предложений: *baccā caltā hai* 'Ребенок ходит', *mā bacce ko calātī hai* 'Мать водит ребенка', *mā āyā se bacce ko calvātī hai* 'Мать дает поручение няне водить ребенка' [126, с. 211] — второе и третье предложения ориентированы на изображение разных ситуаций: в одном случае тем лицом, которое выводит ребенка гулять, является мать, в другом — няня,

(N₃) *āyā se* (N^c) *bacce ko* (N^a) *dādḥ* (N^d) *pilvātī hai* 'Мать велит няне поить ребенка молоком'.

2. V^d — *sunṇā* 'слушать', V^{ad} — *sunānā* 'рассказывать', V^{cad} — *sunvānā* 'содействовать тому, чтобы [кем-то] рассказывалось [кому-либо] другому': *log* (N₁) *kathā* (N^d) *sunte hāi* 'Люди слушают предание', *śiṣya* (N₂) *logō ko* (N^a) *kathā* (N^d) *sunātā hai* 'Ученик [пандита] рассказывает людям предание', *paṇḍit* (N₃) *śiṣya se* (N^c) *logō ko* (N^a) *kathā* (N^d) *sunvāte hāi* 'Пандит устами [своего ученика] рассказывает людям предание'.

3. V^d — *oṛhnā* 'накидывать', 'надевать', V^{ad} — *oṛhānā* 'содействовать [кому-то] в том, чтобы накидывать', V^{cad} — *oṛhvānā* 'поступать так, чтобы [кем-либо] было оказано содействие [кому-то другому] в том, чтобы накидывать': *laṛkī ne* (N₁) *cādar* (N^d) *oṛḥ lī* 'Девушка накинула [на себя] покрывало', *jījī ne* (N₂) *laṛkī ko* (N^a) *cādar* (N^d) *oṛhā dī* 'Старшая сестра помогла девушке накинуть покрывало', *mā ne* (N₃) *jījī se* (N^c) *laṛkī ko* (N^a) *cādar* (N^d) *oṛhvā dī* 'Мать велела старшей сестре помочь девушке накинуть покрывало'.

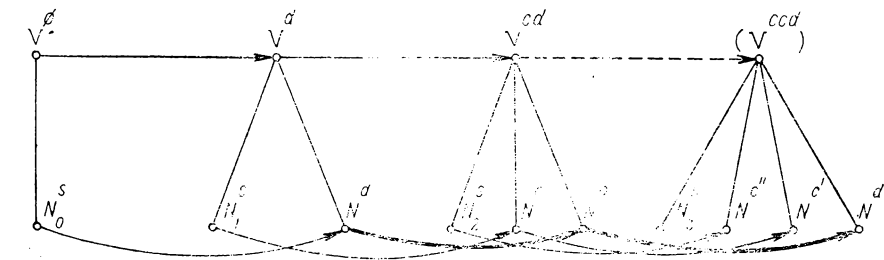
4. V^d — *uṭhānā* 'поднимать', 'убирать', V^{ad} и V^{cad} — *uṭhvānā* 'содействовать [кому-то] в том, чтобы убирать' и 'делать так, чтобы [кем-либо] было оказано содействие [кому-то другому] в том, чтобы убирать': *Rām* (N₁) *kursī se pustakē* (N^d) *uṭhā rahā hai* 'Рам убирает со стула книги', *Mohan* (N₂) *Rām ko* (N^a) *kursī se pustakē* (N^d) *uṭhvātā hai* 'Мохан помогает Раму убирать книги со стула', *Śyām* (N₃) *Mohan se* (N^c) *Rām ko* (N^a) *kursī se pustakē* (N^d) *uṭhvātā hai* 'Шьям просит Мохана помочь Раму убирать книги со стула'.

5. V^d — *kholnā* 'открывать', V^{ad} — *khulānā* и *khulvānā* 'содействовать [кому-то] в том, чтобы открывать', V^{cad} — *khulvānā* 'делать так, чтобы [кем-либо] было оказано содействие [кому-то другому], чтобы открывать': *Rām* (N₁) *darvāzā* (N^d) *khol rahā hai* 'Рам открывает дверь', *Mohan* (N₂) *Rām ko* (N^a) *darvāzā* (N^d) *khulātā (khulvātā) hai* 'Мохан помогает Раму открывать дверь', *Śyām* (N₃) *Mohan se* (N^c) *Rām ko* (N^a) *darvāzā* (N^d) *khulvātā hai* 'Шьям просит Мохана помогать Раму открывать дверь'.

Графически системные отношения между актантами однокорневых глаголов удобно отобразить в виде схемы (см. схему 1)¹³.

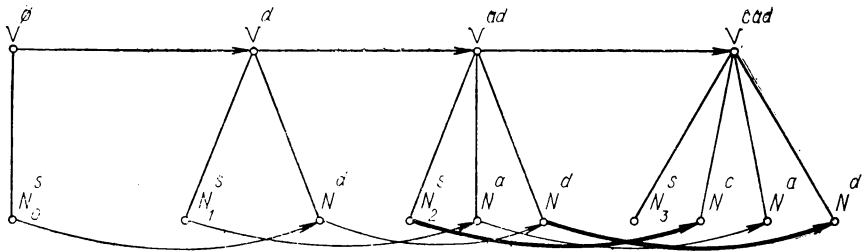
Схема 1

Для цепочки (а):

¹³ См. способ графического изображения «процесса каузативной деривации», предложенный В. С. Храковским [70, с. 145].

Для цепочки (б):

Специфику тех серий предложений, которые реализуют цепочку (а), определяет в плане содержания соответствие между актантом N_1^s при глаголе класса V^d и N^c — членом окружения другого глагола того же корня. N^c , являясь актантом глагола, указывает на лицо, которое является фактическим (непосредственным) исполнителем (субъектом) действия, выраженного однокорневым глаголом класса V^d . Вместе с тем данное лицо как исполнитель действия изображается находящимся под стимулирующим влиянием со стороны другого лица, обозначенного через N_2^s . Последнее получает по отношению к данному действию семантическую характеристику «побудитель».

Согласно точке зрения Кишорида Ваджпейи [166, с. 462], факт оформления косвенного дополнения (*gauṇ karma*) послегом *se* является показателем того, что речь идет о действии, которое совершается не в интересах его фактического исполнителя, или «главного субъекта» (*asli kartā*), получающего выражение в слове-дополнении, а в интересах «субъекта-каузатора» (*prayojak kartā*).

Для иллюстрации Кишорида Ваджпейи приводит предложения: *ār ne bistar kulī se uṭhvāyā* 'Вы убрали постель при помощи носильщика' (*uṭhvānā* 'делать так, чтобы было убрано [кем-то другим]', ср. *uṭhānā* 'убирать'), *māi ne laṅke se kārī māgvāi* 'Я дал поручение мальчику купить мне тетрадь, и он это сделал' (*māgvānā* 'делать так, чтобы было [кем-то] куплено'; ср. *māgnā* 'просить', 'требовать', *māgānā* 'просить', 'заказывать', 'покупать'), *mā laṅkī se roṭī banvātī hai* 'Мать заставляет девочку готовить лепешку' (*banvānā* 'делать так, чтобы было приготовлено [кем-то другим]'; ср. *banānā* 'делать', 'изготавливать', 'готовить'). В них такому «субъекту-каузатору» соответствуют актанты глаголов *ār ne*, *māi ne* и *mā*, расцениваемые нами как N_2^s .

О допустимости звена V^{cd} в цепочке (а), т. е. о принципиальной возможности дополнить серию предложений с однокорневыми глаголами таким предложением, в котором каузативно-объектная валентность глагола реализовалась бы в двух актантах, свидетельствуют примеры, встречающиеся в грамматических описаниях¹⁴.

¹⁴ В частности, два таких примера, почерпнутых из пособий по хинди, приводятся В. А. Чернышевым [79, с. 97]: *māi ne thekedār ke dvārā kuliyō se per kaṭvāyā* 'Я нанял подрядчика, и его рабочие срубили дерево', *Mohan Gorāl dvārā Sohan se khat likhvātā hai* 'Мохан попросил Гопала, и Сохан по просьбе последнего пишет [для Мохана] письмо'. В этих примерах один из таких актантов — N^c — оформлен послегом *se*. В плане содержания N^c

Специфика тех серий предложений с однокорневыми глаголами, которые реализуют цепочку (б), определяется в плане содержания соответствием между актантом N_1^s при глаголе класса V^d и N^a — членом окружения других глаголов того же корня, а также соответствием между актантом N_2^s при глаголе класса V^d и N^c — членом окружения однокорневого глагола, представляющего собой заключительное звено данной цепочки.

Будучи актантом глагола, N^a [а не N^c , как в цепочке (а)] указывает на лицо, являющееся фактическим исполнителем (субъектом) действия, обозначенного однокорневым глаголом класса V^d . Такой же актант, как N^c , в цепочке (б) обозначает лицо, которое, с одной стороны, выступает как оказывающее свое стимулирующее влияние на исполнителя указанного действия, а с другой — как посредник между ним, т. е. этим исполнителем, и еще одним лицом — инициатором побуждения к выполнению данного действия, обозначенным тем именем, в котором реализуется субъектная валентность глагола (актант N_3^s).

Появление актанта N^a в окружении глаголов бывает обусловлено их семантикой, а именно их способностью передавать такие значения, как усвоение, приобретение, получение, восприятие. Показателем, в частности, любой из следующих глаголов класса V^d : *khānā* 'есть', *pinā* 'пить', *sakhnā* 'отведывать', *pakāṇnā* 'хватать', *oṛhnā* 'накидывать', 'надевать', *paḥannā* 'надевать', *paṛhnā* 'заучивать', *sikhnā* 'изучать', 'осваивать', *samajhnā* 'понимать', 'усваивать', *sūghnā* 'нюхать', 'обонять', *sunnā* 'слушать', *dekhnā* 'видеть'. [См. примеры 1—3 на серии предложений, иллюстрирующие цепочку (б)].

Согласно точке зрения Кишоридаса Ваджпейи, действие, обозначенное каким-либо из таких глаголов, понимается совершающимся в интересах самого субъекта, что находит свое выражение в том, что в функции косвенного дополнения, зависящего от соответствующего однокорневого глагола (типа *khilānā*, *pilānā*, *oṛhānā*, *paṛhānā* и т. п.), имя такого субъекта оформляется последлогом ко [166, с. 461—462].

Кишоридас Ваджпейи приводит в связи с этим такие примеры [166, с. 462]: *mā basse ko makkhan khilātī hai* 'Мать кормит ребенка маслом' (*khilānā* 'давать есть', 'содействовать в том, чтобы есть'; ср. *khānā* 'есть'), *mālik naukar ko mīṭhū khilālā hai* 'Хозяин угощает слугу сладостями', *adhyaṇak chātrō ko vidyā paṛhātē hai* 'Преподаватель обучает учеников наукам' или 'Преподаватель дает ученикам знания' (*paṛhānā* 'преподавать', 'содействовать в том, чтобы заучивать'; ср. *paṛhnā* 'заучивать').

В структуре приведенных предложений актанты *basse ko* и *naukar ko* при глаголе *khilānā* и актант *chātrō ko* при глаголе *paṛhānā* имеют такой же статус, каким обладает, например, в предложении *Mohan Rām ko pustak detī hai* 'Мохан дает Раму книгу' [166, с. 125] актант *Rām ko* при глаголе *denā* 'давать', который, в отличие от *khilānā*, *paṛhānā* и других, не имеет параллели в однокорневом глаголе класса V^d .

соответствует имени субъекта при однокорневом глаголе класса V^d (ср. *kāṭnā* 'рубить', *likhnā* 'писать'), т. е. обозначает исполнителя действия, которое реализовалось бы в V^d . Другой актант — $N^{c''}$, оформленный последлогом [*ke*] *dvārā*, обозначает лицо — посредника между инициатором побуждения к выполнению этого действия и его исполнителем. Инициатор побуждения понимается как лицо, заинтересованное в осуществлении данного действия. Он обозначается словом, в котором в структуре предложения реализуется субъектная валентность глагола (см. *māi ne* 'я', *Mohan* 'Мохан').

Как показывают примеры 4 и 5 [81, с. 17—19] на те серии предложений, в которых глаголами реализуется цепочка (б), актант N^a (т. е. имя, которое, обозначая лицо — исполнителя действия, названного глаголом класса V^d , в функции косвенного дополнения оформлено последогом *ko*) появляется и при глаголах, не принадлежащих к очерченному выше кругу. В таких случаях актант N^a оказывается с актантом N^c — членом окружения глагола в цепочке (а) — в отношении взаимного исключения и цепочка (б) проявляет себя как альтернативный вариант цепочки (а).

Так, например, с предложениями *Rām ne sāmān uḥṭhāyā* 'Рам поднял багаж' ($Rām — N_1^s$, $sāmān — N^d$, $uḥṭhānā — V^d$) и *Rām gārī calātā hai* 'Рам водит машину' ($Rām — N_1^s$, $gārī — N^d$, $calānā — V^d$) могут быть соотнесены как предложения *Mohan ne Rām se sāmān uḥṭhāyā*, *Mohan ne Rām se gārī calvāi* (где *Mohan ne* — N_2^s , *Rām se* — N^c), так и предложения *Mohan ne Rām ko sāmān uḥṭhāyā*, *Mohan ne Rām ko gārī calvāi* (где *Mohan ne* — N_2^s , *Rām ko* — N^a)¹⁵.

Применительно именно к таким случаям приобретают объяснительную силу положения Кишоридаса Вадикшейи относительно смысловых нюансов, связанных с тем, как (каким последогом) оформляется косвенное дополнение [166, с. 461—463].

Так, в первой паре предложений с косвенным дополнением Рам предстает как лицо, лишенное заинтересованности в осуществлении действия («поднимать», выражаемого глаголом *uḥṭhānā*, и «водить», переданного глаголом *calānā*), исполнителем которого оно само является, а Мохан — как лицо, которому нужно, чтобы данное действие осуществлялось Рамом: «Мохан попросил Рама (заставил Рама, велел Раму) поднять багаж» ($\cong$ 'Мохану Рам поднял багаж'), «Мохан велел Раму вести машину» ($\cong$ 'у Мохана Рам повел машину'). Во второй же паре предложений с косвенным дополнением тем лицом, которое проявляет интерес к соответствующему действию, изображается сам его исполнитель, т. е. Рам, пользующийся поддержкой со стороны Мохана: «Мохан помог (или дал возможность) Раму поднять багаж», «Мохан дал Раму вести машину»¹⁶.

Ниже приводятся примеры, почерпнутые из текстов на хинди, на предложения, в которых появление актанта N^a не было предопределено семантикой глагола: *mujhe moṭar calānā sikhvā dijie. āp ko khūb sair karāyā karīgā* (Р.М-2, 323) 'Прикажете научить меня водить машину. Вот уж тогда я вас здорово покатаю' (ср. *sair karnā* 'совершать прогулку', 'прогуливаться'), *vah prātaḥkāl Gobar ko hāth-māh dhulākar aur bacce ko use sāṁpkar ghās chīlne nikal jātī...* (Р.Г, 288) 'Утром она помогала Гобару умыться и, оставив на его попечение ребенка, уходила полоть траву...' (ср. *hāth-māh dhonā*

¹⁵ Это показано К. Ч. Бахлем, чьи примеры здесь воспроизведены [81, с. 23—24].

¹⁶ Разумеется, с этими предложениями могут быть соотнесены предложения с добавочным актантом N^c при глаголе: *Syām ne Mohan se Rām ko sāmān uḥṭhāyā* 'Шьям вынудил Мохана помочь Раму поднять багаж', *Syām ne Mohan se Rām ko gārī calvāi* 'Шьям велел Мохану дать Раму вести машину' [81, с. 25].

‘умываться’, букв. ‘мыть руки-лицо’), *us ne aur uske beḥe ne kuch apnī yād se, kuch purāne phaṭe kāgazō ko dekhkar thānedār ko ek fehrist un logō ki banvā dī, jinhō ne uskī banī kulhāriyā kharidī thī* (В.С.С., 88) ‘Он (кузнец) и его сын частично по памяти и частично по записям в старых истрепанных бумагах помогли начальнику полицейского участка составить список тех лиц, которые купили изготовленные им (кузнецом) топоры’ (ср. *fehrist banānā* ‘составлять список’).

В случае пополнения цепочки (б) звеном V^0 актант N_s^0 соответствует в плане содержания актанту N^d глагола класса V^d так же, как и в серии предложений, реализующих цепочку (а): *darvāzā khultā hai — Rām darvāzā khol rahā hai — Mohan Rām ko darvāzā khulātā (khulvātā) hai — Śyām Mohan se Rām ko darvāzā khulvātā hai*.

Семантическую характеристику актантов глаголов по отношению к действию, обозначенному однокорневым глаголом класса V^d , обобщенно отражает приведенная здесь таблица (табл. 1).

Таблица 1

Глагол	Актант				
	Ns	Nd	Na	Nc	
				Nc'	Nc''
V ⁰	объект действия	—	—	—	
V ^d	исполнитель действия	объект действия	—	—	
V ^{cd}	побудитель к выполнению действия		—	исполнитель действия	
V ^{ad}			исполнитель действия	—	
V ^{cad}	инициатор побуждения			побудитель-посредник	
V ^{ced}			—	исполнитель действия	побудитель-посредник

В развитие вышеизложенного об актантах глаголов и их смысловом содержании необходимо сделать следующие замечания.

1. Актант N^a , находясь в отношении взаимного исключения с актантом N^c , может выступать совместно только с таким актантом N^d , который не указывает на лицо. Актант N^c , в отличие от N^a , не знает такого ограничения. Ср., с одной стороны, *Rām ne sāmān uṭhāyā* ‘Рам поднял багаж’, *Mohan ne Rām se sāmān uṭhvāyā* ‘Мохан попросил Рама поднять багаж’, *Mohan ne Rām ko sāmān uṭhvāyā* ‘Мо-

хан помог Раму поднять багаж' и, с другой стороны, *Rām larke ko kursī se uthāyā* 'Рам поднял мальчика со стула', *Mohan Rām se larke ko kursī se uthvāyā* 'Мохан велел Раму поднять мальчика со стула' при некорректности **Mohan Rām ko larke ko kursī se uthvāyā*.

2. Актант N^o в окружении глаголов является факультативным членом¹⁷. В случаях его отсутствия в предложении сам глагол, принадлежность которого к звену V^{cd} в цепочке (а) или к звену V^{cad} в цепочке (б) определяется его местом в серии однокорневых глаголов, сигнализирует о том, что осуществление действия, обозначаемого однокорневым глаголом класса V^d, не мыслится без исполнителя или без побудителя-посредника, отличного от лица, получившего выражение в актанте N^s, например: *itne mē naukrānī ne ākar kahā ki koī larkā milne ke lie āyā hai. Rāj Kumārī ne puchvāyā ki vah kis se milnā cāhtā hai* (AP.D, 113) 'В это время вошла служанка и доложила, что какой-то юноша явился с визитом. Раджкумари велела спросить, с кем он желает встретиться' (*pūchnā* 'спрашивать'), *aur Jhigurisinh ne darvāze par nauyā kuñ khudvā liyā thā* (P.G, 214) 'А Джхингури Синх велел вырыть [для себя] у ворот новый колодец' (*khodnā* 'рыть'), *merā man us samay na jāne kaise ho rahā thā. phir bhī māī ne andar se apnā sāmān nikalvāyā aur bas kī chat par rakhvā diyā* (PL, 157) 'Не знаю, что было у меня тогда на душе. Однако я распорядился вынести мой багаж и погрузить его на крышу автобуса' (*nikālānā* 'вынимать', 'вытаскивать'; *rakhnā* 'класть'), *mujhe moṭar calānā sikhvā dījīe ...* (P.M-2, 323) 'Прикажите научить меня водить машину...' (*sikhnā* 'изучать', 'осваивать', *sikhānā* 'преподавать'), *māī bacce ko dūdh pilvātī hai* 'Мать велит поить мальчика молоком' (*pīnā* 'пить', *pilānā* 'давать пить')¹⁸.

3. Актант N^a, не будучи связанным с актантом N^o отношением взаимного исключения, может претерпевать семантико-синтаксический сдвиг в сторону актанта N^d, т. е. приобретать статус последнего. Это наблюдается при условии, если в окружении глаголов, представляющих звено V^{ad} (или V^{cad}) цепочки (б), отсутствует, отражая тем самым факультативный характер прямообъектной валентности соответствующего глагола класса V^d, такой актант N^d, который мог бы быть именем объекта при этом глаголе. Приведем ряд примеров: *aur māī mā hū! tujhe māī ne pālā hai, tu jhe māī ne khilāyā hai* (S.TY, 257) 'А я — мать! Тебя я вырастила, тебя я вскормила' [ср. *Hirāman ke bailō ko bhī dabalroṭī-biskuṭ khilāyā thā baṛī beṭī ne* (PL, 43) 'И даже быкам Хирамана скормила старшая дочь буханку и печенье', где *dabalroṭī-biskuṭ* 'буханка-печенье' — N^d; *khānā* 'есть'], *jī, māī rāy bahādur Gopālśāh kī havelī mē bacce ko paṛhātī thī* (Y.DB, 179) 'Я, господин, учила детей (<преподавала детям) в особняке раз-

¹⁷ Иначе говоря, каузативно-объектная валентность у соответствующих глаголов (глаголов класса V^{cd} и класса V^{cad}) имеет факультативный характер.

¹⁸ Обращаясь к такому предложению, Судха Кальра отмечает, что оно содержит «посредника» (*mādhyaṃ*) на уровне глубинной структуры [126, с. 214].

бахадура Гопалшаха' [ср. *ve navāb-sāhab kī lar'kiyō ko kur'ān šarīf aur fārsī parhātī hāī* (AN.S, 23) 'Она преподает дочерям наваба священный Коран и персидский язык', где *kur'ān šarīf* 'священный Коран' и *fārsī* 'персидский язык' — N^d; *parhnā* 'заучивать'], *Manū Madhu se kāfī barā thā, khel mē donō baccō kā sāth bhī nahī thā, phir bhī Manū Madhu ko choṭe-choṭe jhunjhune, rabar kī gēd, tathā aur kitne hī khilaunō se khelāyā kartā thā* (AP.D, 75—76) 'Ману был значительно старше Мадху. Оба ребенка даже не играли вместе. Однако Ману постоянно развлекал Мадху крохотной погремушкой, резиновым мячиком и многими другими игрушками' [ср. ... *aur Salocnā kuch dūr par kharī apne kutte ko gēd khelā rahī thī* ... (P.M-4, 37) '...а Салочна, стоя поодаль, заставляла свою собаку играть с мячиком...', где *gēd* 'мячик' — N^d; *khelnā* 'играть']. Очевидным свидетельством такого семантико-синтаксического сдвига можно считать появление предложений с формой инактивного залога, которые в качестве разговорных были отмечены Т. Г. Бейли: *larke khilāe gae* 'Мальчиков накормили', *aurat samjhāī gāī* 'Женщину утешили', *merā bāp manāyā gayā* 'Моего отца уговорили' [85, с. 520—521].

Интересен следующий пример с глаголом *sunvānā*: *mahāśay! āp pacās-pacās hazār ke jan samudāy mē hamāre prasiddha ustādō ko nahī sunvā sakte, jo hamārā rāṣṭrīya dhan hāī* (K.C.G, 165) 'Господа! Вы не можете сделать так, чтобы наших знаменитых мастеров [музыки], являющихся нашим национальным достоянием, каждый раз слушала пятидесятитысячная аудитория'. Глагол *sunvānā* (ряд *sunnā* — *sunānā* — *sunvānā*) со значением «поступать так, чтобы [кем-либо] было оказано содействие [кому-то другому] в том, чтобы слушать» по своим валентным свойствам соответствует звену V^{cad}. Приведенный же пример отличается тем, что в нем при глаголе *sunvānā*:

а) отсутствует актант N^d, связанный с объектной направленностью всех глаголов ряда (по контексту таким актантом могло бы быть существительное *sangit* 'музыка');

б) вместо актанта N^a, появление которого могло бы быть обусловлено семантикой глагола, стоит актант обстоятельственного значения (*pacās-pacās hazār ke jan samudāy mē* 'в аудитории по пятьдесят тысяч');

в) статус актанта N^d приобретен таким членом окружения глагола (*ustādō ko*), который имеет семантическую характеристику «побудитель-посредник» по отношению к действию, выражаемому глаголом *sunnā* 'слушать', и «исполнитель» по отношению к действию, выражаемому глаголом *sunānā* 'исполнять [музыкальные произведения]', а глагол *sunvānā* предстает как имеющий значение «заставлять исполнять [музыкальное произведение]».

В литературе по грамматике хинди обсуждается вопрос о том, является ли отношение между актантом N^a или N^c и глаголом класса V^d тождественным (в плане содержания) с отношением между актантом N¹ и этим же глаголом. Признавая идентичность обоих отношений, Я. Качру считает некорректными такие предложения, как, например: **naukar ne bacce ko kapre pahṇāe, phir bhī usne nahī pahṇe* 'Слуга заставил ребенка (помог ребенку) одеться, однако он не оделся', **Rām ne Mohan se upanyās kharīdvāyā par Mohan ne nahī kharīdā*

‘Рам добился от Мохана покунки романа, но Мохан его не купил’, **māi dhobī se kapre dhulvātā hā, par vah nahī dhotā* ‘Я отдаю белье в стирку прачке (стираю белье у прачки), но он его не стирает’ [121, с. 380, 387]. Она усматривает смысловое противоречие между частями этих предложений и с позиций трансформационной грамматики отстаивает точку зрения, согласно которой первая часть этих предложений есть результат включения в соответствующие матричные структуры следующих предложений-конституентов: *basse ne kapre rahne* ‘Ребенок надел одежду’, *Mohan ne prapūās kharīdā* ‘Мохан купил роман’, *dhobī kapre dhotā hai* ‘Прачка стирает белье’.

Иного взгляда придерживается Л. Б. Балачандран, считающая допустимым, например, такое предложение: *māi larke ko khānā khilātā hā par vah khātā hī nahī* ‘Я кормлю мальчика, но он не ест’ [88, с. 50]. Подходя к трактовке таких примеров с позиций надежной грамматики, она считает, что слово *larkā* ‘мальчик’ в данном предложении, будучи «исполнителем» (*performer*), не является «агентом» ни на синтаксическом, ни на семантическом уровне.

В нашем распоряжении нет текстовых примеров, которые бы опровергали мнение Я. Качру относительно некорректности предложений, подобных приведенным выше, отсутствуют и примеры, говорящие в пользу точки зрения Л. Б. Балачандран.

СОДЕРЖАТЕЛЬНЫЙ АСПЕКТ МАНИФЕСТАЦИИ СЕРИЙ ОДНОКОРНЕВЫХ ГЛАГОЛОВ

Если отвлечься от формулы, которой удовлетворяет тот или иной ряд (та или иная серия) однокорневых глаголов, или, иначе говоря, от формальных показателей разграничения однокорневых глаголов, то в зависимости от количества глаголов, составляющих один ряд, и от валентной характеристики первого члена ряда различаются (см. выше, с. 32) следующие серии:

- (1) трехглагольные с первым членом — глаголом класса V^b ;
- (2) трехглагольные с первым членом — глаголом класса V^d ;
- (3) трехглагольные с первым членом — глаголом, отвечающим классу V^b и классу V^d ;
- (4) четырехглагольные с первым членом — глаголом класса V^b ;
- (5) двухглагольные с первым членом — глаголом класса V^b ;
- (6) двухглагольные с первым членом — глаголом класса V^d ;
- (7) двухглагольные с первым членом — глаголом, отвечающим классу V^b и классу V^d .

Отнесенностью к одному из перечисленных семи видов той или иной серии однокорневых глаголов определяются особенности последней в плане соответствия членов этой серии не только звеньям V^b и V^d , но также и таким звеньям, как V^{cd} и V^{cd} в цепочке (а) и V^{ad} и V^{cd} в цепочке (б).

Приведенная ниже таблица показывает, какой по порядку член серии соответствует определенному звену цепочки (а) или оказывающей ее альтернативным вариантом цепочки (б) (табл. 2).

Таблица не только отражает случаи с максимальным числом однокорневых глаголов, различающихся по валентным свойствам в пределах каждой из семи перечисленных выше серий. Она подходит также и для учета случаев с разными лексико-семантическими

Вид серий	Звено			
	V ^β	V ^d	$\left\{ \begin{matrix} V^{cd} \\ V^{ed} \end{matrix} \right\}$	$\left\{ \begin{matrix} (V^{ccd}) \\ V^{cad} \end{matrix} \right\}$
(1)	I	II		III
(2)	—	I	II/III	III
(3)			II/III	III
(4)	I	II	III/IV	IV
(5)	I	II		
(6)	—	I		II
(7)				II
(8)	I	II/III		IV
(9)	—	I/II		III

вариантами глаголов, когда с передачей одного из значений оказывается связанным один набор однокорневых глаголов, а с передачей другого — иной набор глаголов того же корня.

Ситуация с лексико-семантическими вариантами довольно типична для четырехчленных серий, где лексико-семантическая вариантность глаголов четко выявляется на основе семантической избирательности первого члена той или иной серии относительно актанта N₃¹⁹. В частности, к глаголу *khulnā* в значении «открываться» (о двери) примыкают на правах членов одного ряда глаголы *kholnā*, *khulānā* и *khulvānā*: *darvāzā khultā hai* 'Дверь открывается', *Rām darvāzā kholtā hai* 'Рам открывает дверь', *Mohan Rām se darvāzā khulātā (khulvātā) hai* 'Мохан велит Раму открывать дверь' [или *Mohan Rām ko darvāzā khulātā (khulvātā) hai* 'Мохан помогает Раму открывать дверь'], *Syām Mohan ke dvārā Rām se darvāzā khulvātā hai* 'Шьям обращается к Мохану с просьбой заставлять Рама открывать дверь' [или *Syām Mohan se Rām ko darvāzā khulvātā hai* 'Шьям просит Мохана помогать Раму открывать дверь'].

Однако к этому же глаголу в значении «открываться» (о человеке), т. е. в значении «делиться своими сокровенными мыслями» (*man kī bāt kahnā*), примыкают, как показал К. Ч. Бахль [81, с. 16—18], только глаголы *khulānā* и *khulvānā*: *Rām tumhāre sāth nahī khulā* 'Рам вам не открылся', *us ne Rām ko tumhāre sāth nahī khulāyā* 'Он не дал Раму открыться вам', *Mohan usse Rām ko uske sāth khulvātā hai* 'Мохан побуждает его к тому, чтобы он вынуждал Рама открываться ему'.

Таким образом, данной группой глаголов одного корня манифестируются фактически два ряда (две серии): *khulnā* — *kholnā* — *khul-*

¹⁹ О содержании термина «семантическая избирательность» см. статью Б. А. Абрамова [1].

lānā — *khulvānā* и *khulnā* — *khulānā* — *khulvānā*. В первом из них, построенном согласно формуле 3, звену V^1 соответствует глагол *kholnā*, а во втором, отвечающем формуле 1 и принадлежащем к сериям вида (1), звену V^1 соответствует уже глагол *khulānā*, соотносимый в первом из рядов со звеном V^{ca}/V^{ad} . Итак, в одном своем лексико-семантическом варианте глагол *khulānā* предстает как третий член серии, в другом он оказывается вторым членом, непосредственно связанным семантически с *khulnā* (а не с *kholnā* 'открывать').

С учетом лексико-семантических вариантов связано включение в табл. 2 указания на серии вида (8) и (9). Имеется в виду совпадение валентной характеристики, например, у *phernā* и *phirānā* при их употреблении в качестве V^d со значением «поворачивать в сторону» [*māh phernā*, *māh phirānā* 'поворачивать лицо в сторону', 'отворачиваться' (HSS. 3, с. 2332, 2316)] в серии *phirnā* — *phernā* — *phirānā* — *phirvānā* с первым членом *phirnā*, взятым в значении «поворачиваться в сторону» (HSS. 3, с. 2315), а также соотношенность со звеном V^d первого и второго члена трехглагольной серии *mānnā* — *manānā* — *manvānā* в значении «отмечать», «праздновать» [*Śivarātri mānnā* (HSS. 3, с. 2721) 'праздновать «ночь Шивы»' и *teohār manānā* 'отмечать праздник'].

Следующая таблица показывает, какое соотношение существует между звеньями цепочки (б), не являющейся альтернативным вариантом цепочки (а), и порядковыми номерами членов серий однокорневых глаголов (табл. 3).

Таблица 3

Вид серий	Звено			
	V^{θ}	V^d	V^{ad}	V^{ca}
(1)	—	I	II	III
(2)	I	II	III	IV
(3)	—		I	II/III

К виду (1) относятся, например, такие серии: *pīnā* — *pilānā* — *pilvānā* (где *pīnā* 'пить'), *paṛhnā* — *paṛhānā* — *paṛhvānā* (где *paṛhnā* 'заучивать'), *paḥannā* — *paḥnānā* — *paḥanvānā* (где *paḥannā* 'надевать', 'носить'); вид (2) иллюстрируется серией *dikhnā* — *dekhnā* — *dikhānā* (*dikhānā*) — *dikhvānā* (*dikhālvānā*) (где *dikhnā* 'показываться', *dekhnā* 'видеть'), вид (3) — серией *denā* — *dilānā* — *dilvānā* (где *denā* 'давать').

Из вышеизложенного следует, что формулы строения (и состава) рядов однокорневых глаголов могут быть отнесены также к лексико-семантическим вариантам глаголов (т. е. не только к глаголам, как таковым, но и — в случае многозначности глаголов — к глаголам, взятым в определенном значении).

При условии редкого (в известной мере только теоретически допустимого) использования глаголов для воплощения звена V^{ca} или

звена V^{cad} , расцениваемого как вариант звена V^{cod} , третий член серий вида (2) и (3) становится по своим валентным свойствам практически одинаковым со вторым членом, а четвертый член серий вида (4) — с третьим, что можно проиллюстрировать такими примерами: *Mohan ne Rām se kām {karāyā, karvāyā}* 'Мохан вынудил Рама выполнить работу', *Mohan ne Rām ko kām {karāyā, karvāyā}* 'Мохан помог Раму выполнить работу' (ряд *karnā — karānā — karvānā*); *māi ne larke se darvāzā {khulāyā, khulvāyā}* 'Я велел мальчику открыть дверь', *māi ne larke ko darvāzā {khulāyā, khulvāyā}* 'Я помог мальчику открыть дверь' (ряд *khulnā — kholnā — khulānā — khulvānā*)²⁰.

Однокорневые глаголы, по валентным свойствам оказывающиеся одинаковыми в пределах одной серии, могут различаться по употребительности. В сериях вида (4) и, пожалуй, (3) более употребительным из двух таких глаголов является, как правило, глагол, представляющий собой последний член серии, т. е. четвертый в сериях вида (4) и третий в сериях вида (3), характеризующийся суффиксом *-vā(-lvā-)*²¹. Если же один из таких глаголов совсем выходит из употребления, то соответствующий ряд однокорневых глаголов предстает в своем сокращенном варианте, лишь частично реализующем одну из формул строения рядов.

ГЛАГОЛЫ КАУЗАТИВНЫЕ И ГЛАГОЛЫ ПОБУДИТЕЛЬНЫЕ

Природа различий, существующих между однокорневыми глаголами, а именно факт дифференциации таких глаголов по валентным свойствам, позволяет по-новому подойти к вопросу о том, какие глаголы языка хинди должны считаться каузативными. Иными словами, это есть основание для того, чтобы признавать каузативными лишь те глаголы (с учетом существующих лексико-семантических вариантов глаголов при многозначности последних), которые в число своих частных (элементарных) валентностей включают каузативно-объективную валентность.

При таком подходе каузативными оказываются глаголы, способные принимать актанта N^c или N^a , который с актанта́м N^c находится в отношении взаимного исключения. В цепочке (а) они репрезентируют звенья V^{cd} и V^{cod} ; в цепочке (б), предопределенной семантическими особенностями глаголов, — звено V^{cad} , выступая в качестве адресатно-каузативных глаголов, а в цепочке (б), представляющей как альтернативный вариант цепочки (а), — звенья V^{ad} и V^{cad} . Репрезентируя звено V^{cod} в цепочке (а) и звено V^{cad} в цепочке (б) как альтернативном варианте цепочки (а), они обнаруживают себя как «вторые каузативы».

²⁰ Эти и подобные им примеры содержатся в работе К. Ч. Бахля [81].

²¹ Относительно четырехчленных серий Р. С. Макгрегор отмечает: «Там, где в конструкции с *se* употребляются как третий, так и четвертый члены одной группы глаголов, форма на *-vā-* стремится стать более распространенной» [135, с. 114].

Надежной морфологической приметой каузативных глаголов является суффикс *-vā-/lvā-*. Суффикс *-ā-/lā-* выступает в качестве показателя каузативного глагола лишь при условии того, что данный глагол не соотносится в ряду однокорневых глаголов ни со звеном V^d , ни со звеном V^{ad} цепочки (б), предопределенной семантическими особенностями глаголов.

«Каузативная» природа суффикса *-ā-/lā-* затушевывается и тем обстоятельством, что некоторым из тех глаголов, которые, располагая данным суффиксом, могут соответствовать или обычно соответствуют звену V^{cd}/V^{ad} или же звену V^d , оказывается присущей способность употребляться и в пассивном значении в качестве непереходных (медипассивных) глаголов. Классическим примером этого является глагол *kahlānā* в значении «называться», «именоваться»: *aise hī sajjan granthkār kahlāte hai* 'Именно такие господа называются писателями' [107, с. 131].

Глаголы в таком значении фиксируются (нередко с указанием на диалектное употребление) в словарях, например: *cirānā* в значении *bis se cir jānā* (ВНК, 440) 'разрезаться с середины', *bidhānā* в значении *bedhā jānā* (ВНК, 953) 'становиться пронзенным' или *bīdhnā* (МНК. 4, 126) 'пронзаться', *pisānā* в значении *pisnā* (ВНК, 817) 'молотиться', 'перемалываться', *phēkānā* в значении *phēkā jānā* (МНК. 4, 31) 'выбрасываться', *pakrānā* в значении *pakrā jānā* (МНК. 3, 350) 'быть схваченным', *jagānā* в значении *jagā huā honā* (МНК. 2, 488) 'бодрствовать', *bikānā* в значении *biknā* (МНК. 4, 127) 'продаваться', *badlānā* в значении *badlā jānā* (МНК. 4, 63) 'заменяться'.

Отмеченное явление объясняется, по-видимому, тем, что под воздействием стихии разговорного языка в хинди кхари-боли проник, слившись формально с некоторыми из его каузативных или же прямопереходных глаголов, пассив на *-ā-*, характерный для восточных диалектов хиндиязычного ареала. О таком пассиве в авадхи, бходжпури и майтхили см. в работах Б. Саксени [152, с. 293—294], У. Н. Тивари [165, с. 163] и С. Джха [120, с. 549, 553—554].

Таким образом, в рядах однокорневых глаголов каузативными являются те глаголы (или их лексико-семантические варианты), которые, характеризуясь суффиксом *-vā-/lvā-* или *-ā-/lā-*, способны принимать имя каузативного объекта (актант N^o) или имя адресата (актант N^a), находящееся с именем каузативного объекта в отношении взаимного исключения.

Обладая значением воздействия на лицо, с тем чтобы склонить его (т. е. лицо) к выполнению определенного действия, каузативные глаголы входят составной частью в круг глаголов, которые на семантическом основании можно назвать побудительными. К последним, помимо каузативных, относятся глаголы типа *pilānā* (ср. *pīnā* 'пить'), репрезентирующие звено V^{ad} , и глаголы типа *sulānā* (ср. *sonā* 'спать'), репрезентирующие звено V^d , т. е. глаголы, которые с учетом их специфики могут быть названы побудительно-адресатными и побудительно-объектными.

Данная трактовка каузативных глаголов противостоит другим различным точкам зрения. Существующие расхождения в понимании каузативных глаголов языка хинди можно наглядно показать, обратившись к следующим парам примеров:

(1) *per kaṭṭā hai* 'Дерево срубается' — *māi per kaṭṭā hū* 'Я рублю дерево';

(2) *ghar girtā hai* 'Дом рушится' — *kārīgar ghar girātā hai* 'Мастер рушит дом';

(3) *munnā soyā* 'Малыш уснул' — *jījī ne munnē ko sulāyā* 'Старшая сестра уложила малыша спать';

(4) *baccā dūdh pītā hai* 'Ребенок пьет молоко' — *āyā bacce ko dūdh pīlātī hai* 'Няня пьет ребенка молоком';

(5) *Rām ne kām kiyā* 'Рам выполнил работу' — *Mohan ne Rām se kām karāyā* 'Мохан вынудил Рама выполнить работу'.

Согласно С. Келлогу [128, с. 252—257], А. П. Баранникову [5, с. 103—106], Л. Б. Балачандран [88, с. 23—24], к каузативным относятся глаголы вторых предложений в парах (1)—(5); согласно Камтапрасадгу Гуру [107, с. 132], Кншоридасу Ваджпейи [166, с. 472], Арьендре Шарме [160, с. 82—85] — в парах (2)—(5); согласно К. Ч. Бахлю [81, с. 16—20] и С. Кальра [126] — в парах (3)—(5). Мы же глаголы вторых предложений в парах (3)—(5) причисляем к побудительным, а за каузативный принимаем глагол второго предложения только в паре (5)²².

К более узкой трактовке каузативных глаголов склоняется Р. С. Макгрегор. Он предпочитает называть каузативными только те глаголы, которые характеризуются суффиксом *-vā-* в конструкции с агентивным дополнением, оформленным при помощи послелого *se* [135, с. 113].

²² Выделение каузативных глаголов (именно глаголов, а не каузативных предложений или конструкций) в указанном объеме намечается у Я. Качру [124, с. 70—80]. Однако в другой работе этого же автора видно явное стремление трактовать каузативные глаголы («каузативные формы») более широко, относя к ним всю совокупность глаголов, названных у нас побудительными [121].

ИНФИНИТНЫЕ ФОРМЫ ГЛАГОЛА

К инфинитным, т. е. таким формам глагола, которые употребительны вне связи с выражением временных и модальных значений, наделяющих глагол способностью актуализировать в рамках предложения понятие о соответствующем действии, в хинди относятся: 1) инфинитив, 2) причастие — имперфективное, перфективное и процессивное, 3) деепричастие, 4) глагольное прилагательное, 5) герундий.

ИНФИНИТИВ

Общая характеристика инфинитива

Инфинитив служит словесным средством представить действие в наиболее отвлеченном виде, являя собой форму, регулярно соответствующую основе глагола.

Показателем инфинитива является морфема *-nā*, присоединяемая к основе глагола, например: *karnā* 'делать', *bhejnā* 'посылать', *becnā* 'продавать', *biknā* 'продаваться', *girnā* 'падать', *girānā* 'бросать', *bolnā* 'говорить', *bulānā* 'звать', *samajhnā* 'понимать', *samjhānā* 'объяснять'; *rachtnā* 'сожалеть'.

Как член глагольной системы инфинитив имеет:

а) формы категории залога, как, например, *karnā* 'делать' — *kiyā jānā* 'делаться'; *bhejnā* 'посылать', 'отправлять' — *bhejā jānā* 'быть посланным', 'отправляться'; *becnā* 'продавать' — *becā jānā* 'продаваться';

б) формы, маркированные по совершаемости, как, например, *pūchtā rahnā* 'продолжать спрашивать' *pūchtā jānā* 'все спрашивать и спрашивать', *pūchā karnā* 'иметь обыкновение спрашивать' (*pūchnā* 'спрашивать');

в) формы, маркированные в плане глагольной категории предельности, например, *jhuk jānā* 'согнуться' (*jhuknā* 'стигаться', 'наклоняться'), *dhūḍh lenā* 'найти' (*dhūḍhnā* 'искать', 'разыскивать'), *ro raṛnā* 'расплакаться' (*ronā* 'плакать'), *bec denā* 'продать' (*becnā* 'продавать').

Для выражения отрицания перед инфинитивом выступает одна из отрицательных частиц, употребляемых с финитным глаголом, а именно частица *na*: *denā* 'давать' — *na denā* 'не давать', *karnā* 'делать' — *na karnā* 'не делать' [*neki na karnā badnāmī kī bāt nahī* (P.G., 297) 'Не делать добра — совсем не позорно'].

Конечный $-ā$ морфемы $-nā$ — показателя инфинитива — объединяется парадигматическими отношениями с конечными $-ī$ и $-e$, являясь, таким образом, флексией наряду с последними.

Наличие ряда флексий у инфинитива хинди связано с тем обстоятельством, что он характеризуется грамматическими признаками как глагола, так и имени¹, и в этом плане флексия $-ā$ инфинитива сопоставима с флексией прямого падежа единственного числа мужского рода имен существительных и прилагательных, флексия инфинитива $-ī$ — с флексией женского рода имен прилагательных, флексия инфинитива $-e$ — или с флексией косвенного падежа единственного числа мужского рода имен существительных (т. е. с флексией $-e'$ существительных), или с флексией прямого падежа множественного числа мужского рода имен прилагательных (т. е. с флексией $-e'$ прилагательных)².

Разнородность признаков инфинитива сказывается на особенностях его функционирования, а разные флексии инфинитива соответствуют различным случаям его синтаксического использования и/или синтагматического окружения, в связи с чем можно говорить: а) о герундивном использовании (употреблении) инфинитива для тех случаев, когда инфинитив согласуется с существительным, обнаруживая парадигматический характер отношений между конечными $-ā$, $-ī$, $-e$ (точнее, $-e'$), б) о супинном использовании инфинитива для тех случаев, когда инфинитив, не сопровождаясь послелогом, выступает в несогласуемой форме на $-ne$ (точнее, на $-ne''$), в) о герундиальном использовании инфинитива для тех случаев, когда инфинитив выступает в форме на $-ne$ (точнее, на $-ne''$) перед послелогом или в несогласуемой форме на $-nā$.

Говоря о герундивном и герундиальном использовании инфинитива, мы, по существу, имеем в виду те явления, с которыми О. Г. Ульциферов, останавливаясь на семантико-синтаксической природе инфинитива и отмечая существование различных точек зрения по вопросу о нем, соотносит понятия «причастный инфинитив» и «субстантивный инфинитив» [67, с. 182—183]. Несогласуемую беспослеложную форму на $-ne$ О. Г. Ульциферов считает не частной формой инфинитива, а отдельной инфинитивной формой глагола, отличной от инфинитива, — супинном [67, с. 186—187], следуя в данном вопросе за Кишоридасом Ваджпейи. Нам представляется, что такое решение плохо увязывается с отказом выделить в особую инфинитивную форму, так называемый герундив, формы согласования на $-nā$, $nī$ и $-ne$ (точнее, $-ne'$). Если же встать на точку зрения, согласно которой инфинитив (герундив), герундив и супин выделяются в хинди как самостоятельные инфинитивные формы, то граница в семантико-синтаксической и морфологической сферах между инфинитивом и герундивом окажется не менее четкой, чем граница между

¹ Глагольным и именным свойствам инфинитива языков хинди и урду посвящены статьи О. Д. Жмотовой [38; 39]. Более частный вопрос, касающийся только адъективных черт инфинитива хинди, рассматривался в статье П. Мейля [136]. Значительное внимание особенностям инфинитива уделял в своей монографии О. Г. Ульциферов в связи с проблемой словосочетания в хинди [67, с. 157—169, 182—188, 254—263, 301—305].

² Флексией $-ā$, сигнализирующей о пересечении граммем «множественное число» — «косвенный падеж», и флексией $-e'$, сигнализирующей о пересечении граммем «множественное число» — «прямой падеж» имен существительных, инфинитив, как таковой, не обладает.

инфинитивом и супинном. Поэтому, раз уж нами не выделяется особо герундив, мы предпочитаем говорить не о супиниз, как таковом, а о супинном использовании инфинитива.

Итак, внутри инфинитива, взятого как нечто целое, единое, формально различаются герундиальный, супинный и герундивный инфинитивы. В этих наименованиях отражен семантический аспект использования каждой разновидности инфинитива, связанный с условиями синтаксического окружения (контекста). Синтаксическое окружение является фоном, на котором инфинитив понимается именно в данном конкретном значении (в значении или отглагольного имени — герундия, или инфинитива цели — супина, или причастия долженствования — герундива), а не другом, причем каждой разновидности инфинитива соответствует типичный для нее синтаксический контекст.

Для функционирования инфинитива характерны следующие особенности, связанные с неоднородностью присущих инфинитиву свойств:

1) в случае проявления инфинитивом именных признаков они, как правило, обнаруживаются совместно с глагольными; как частный пример этого факта можно рассматривать способность инфинитива быть одновременно управляющим и согласованным членом синтаксической конструкции [67, с. 182];

2) в некоторых позициях допускается взаимозаменяемость супинного и герундиального инфинитивов [67, с. 186—187, 261—263];

3) существуют также позиции, в которых при передаче одного и того же содержания встречается как герундиальное, так и герундивное использование инфинитива [38, с. 321—324; 39, с. 69, 71—74; 67, с. 186; 136, с. 77], вследствие чего в некоторых случаях употребления формы на *-nā* можно говорить о нейтрализации оппозиции между герундиальным и герундивным инфинитивом также и в плане выражения.

Герундиальный инфинитив

Герундиальный инфинитив в морфологическом отношении уподобен существительному мужского рода, лишенному формы множественного числа. Набор позиций, которые он может занимать в составе предложения, весьма широк.

Герундиальный инфинитив на *-nā*

Герундиальный инфинитив на *-nā* — это аналог именной формы, характеризующейся окончанием *-ā*, т. е. формы прямого падежа единственного числа существительных мужского рода. Для него характерны следующие позиции, выявленные с учетом функционального критерия:

1) позиция подлежащего, например, *pānī se peṭ bharnā unke niyam ke viruddha thā* (P.N, 43) 'Наполнять живот водой было против

его правил', *merā pahār jānā to na ho sakegā* (A.N, 95) 'Я не смогу поехать в горы' (букв. 'Моя в горы поездка состояться не сможет'), *unkā hicak-hicakkar bātē karnā aur uske praśnō kā tālā, unkī vah glānimay, kāntihīn mudra use yād ā gāī* (P.N, 202) 'Она (Судха) вдруг вспомнила (букв. ей вспомнились) его непонятные объяснения и уклончивые ответы, его смущенный и подавленный вид', *hamāre bābūji to kahte hāi ki unhē kahī jal-vāyu badalne ke lie jānā zarūrī hai* (P.N, 126) 'Мой муж говорит, что ему (Тотараму) нужно куда-нибудь поехать, чтобы переменить климат', ... *koī kahtā hai zahar khā liyā thā, koī kahtā hai ki dil kā calnā band ho gayā thā* (P.N, 203) '...одни говорят, что он отравился, другие — что у него остановилось сердце (букв. движение сердца прекратилось)', *śārārāt ke lie sazā pānā to uskī samajh mē ātā thā. lekin mār khāne par cumkārā jānā uskī samajh mē na ātā thā...* (P.N, 65) 'Ему было понятно, что шалости неотвратимо влекут за собой наказание, но он не мог понять, почему его целуют после трепки (букв. ...но после трепки быть целованным не укладывалось у него в голове)';

2) позиция предикативного члена (предикатива) при связке, например, *yah to merī chātī par mūg dalnā hai* (P.N, 45) 'Это значит подвергать меня мучениям (букв. ...толочь маш на моей груди)', *dekho Rāmlāl, hamārā kām netāō kā kahṇā mānnā hai* (G.D, 31) 'Смотри, Рамлал! Наше дело верить словам руководителей';

3) позиция объектно-предикативного члена: *aisā belaus ādmī ham ne nahī dekhā. dūsre par apne ko nichāvar karnā isī ko kahte hāi!* (B.G.S, 151) 'Такого бескорыстного человека я не видел. Это называется (букв. это называют) жертвовать собой ради других';

4) позиция, в которой реализуется прямообъектная валентность глагола, выступающего в форме активного залога: *āp ek dīn zarā unkā samjhānā dekhīe* (P.N, 79) 'Вы сами когда-нибудь поглядите, как он объясняет (букв. поглядите его объяснение)', *māi āp ko yah bāt batānā bhūl gayā ki...* (B.G.S, 265) 'Я забыл вам сообщить о том, что...', *aisī shītī mē māi ne vahā se khisaknā hī ucit samjhā* (K.C.G, 148) 'При таком положении вещей я счел уместным улизнуть отсюда'.

Синтагматически связанное употребление герундиального инфинитива наблюдается в случае его сочетания:

а) с глаголом *ānā* 'приходить' при выражении значения умения в силу приобретенных навыков, например, ... *aur tum kyā Mā-lavikā kā pārt karogī? pāsnā ātā hai?* (A.N, 63) '...а ты выступишь в роли Малавики? Умеешь танцевать?', *usī samay un logō se bāt-cīt karte-karte use kuch jūī-phūī hindī mē bāt karnā ā gayā* (A.J, 36) 'Общаясь с ними (индийскими купцами), он в ту пору немного научился говорить на ломаном хинди (букв. ...ему на ломаном хинди говорение пришло)';

б) с глаголом *milnā* 'встречаться', например, *āj se pahle mujhe kabhī idhar ānā hī nahī milā* (A.A, 61) 'До сегодняшнего дня мне никогда не доводилось приходить сюда', *hamē prātaḥkāl chah baje hī kām par cale jānā partā thā, is lie sabere to kuch khelnā miltā*

hī nahī thā (A.A., 54—55) 'Нам (мне с отцом) уже в шесть часов утра приходилось отправляться на работу, поэтому утром было не до игры' (передаваемое значение очевидно из перевода);

в) с глаголом *rukṇā* 'останавливаться', 'прекращаться', например, *unkā din-rāt kā cārō or laṛkō kī maṇḍlī ke sāth ghūmnā na rukā* (U.SK., 31) 'Он не перестал целыми днями бродить повсюду в окружении ребят' (букв. 'Его [...] кружение не прекратилось'), *dhīre-dhīre samācār āne lage kī ākramaṇkārīyō kā āge baṛhnā ruk gayā hai* (G.D., 92) 'Постепенно стали приходить вести о том, что продвижение захватчиков прекратилось';

г) с глаголом *honā* 'быть', 'становиться', например, *kahie, kaise ānā huā? jahā par āp hai, vahā se to koī muškil hī se ā saktā hai* (K.C.G. 151) 'Скажите, как это [вам] удалось явиться сюда? Ведь из того места, где вы обитаете, едва ли кто может выбраться';

д) с фазовыми глаголами или глагольно-именными сочетаниями, лишенными признака переходности, в частности с *śurū (ārambh) honā* 'начинаться', например, *us sāl bādāl jaldī ghumānā śurū ho gae the* (J.K.S., 74) 'В том году тучи рано начали застилать небо';

е) с глаголами *sikhṇā* 'учиться', 'заучивать' и *jānṇā* 'знать', когда речь идет о приобретении или наличии способности, навыков, привычек, постоянной склонности к совершению действия, например, *tum mē to pahle yah ādat na thī. rūṭhnā kab se sikh liyā? jā kar khā lo* (P.N., 92) 'Прежде ведь у тебя не было такой привычки. Когда это ты успел научиться капризничать? Иди и ешь', *mis Mālī ne dayā karnā na sikhṭhā thā* (P.G., 60) 'Проявлять жалость было не в правилах мисс Малти' (букв. 'Мисс Малти не научилась проявлять жалость'), *vah paṛhnā nahī jāntī...* (A.A., 106) 'Читать она не умеет...', *...aur Mirzāji rupae lekar denā na jānte the* (P.G., 205) '...а Мирза не имел привычки возвращать взятые в долг деньги', *ye bahādurō kī kadr karnā jānte hai* (B.D., 11) 'Они умеют ценить храбрецов';

ж) с глаголами (в том числе сложными) и глагольно-именными словосочетаниями *śurū karnā, ārambh (prārambh) karnā* 'начинать', *chorṇā* 'оставлять', 'прекращать', *band karnā, khatam karnā, samāpta karnā* 'кончать', 'прекращать', *jārī rakhnā* 'продолжать' в случаях обозначения начальной, конечной или промежуточной фазы действия, названного глаголом, который стоит в форме инфинитива, например, *...saikreṭrī sāhab ne ab bīs mē ākar bolnā śurū kiyā* (K.C.G., 156) '...теперь секретарь вмешался в разговор (букв. вмешавшись, начал говорить)', *us ne akāraṇ barsātī ko idhar-udhar ulaṭnā śurū kar diyā* (B.D., 28) 'Она беспричинно начала переворачивать плащ с одной стороны на другую', *...Pramadā ne ākhē sugāṇā ārambh kiyā* (S.TY., 229) '...Прамада стала прятать [от него свои] глаза', *...par laṛkī bhākh kī raṭ lagānā na chortī thī* (P.N., 197) '...однако девочка не переставала твердить, что хочет есть', *śām ko sair karnā chor diyā* (P.N., 158) '[Тотарам] перестал совершать прогулку по вечерам', *us ne Nānak Cand se bāt-cit karnā band kar diyā thā* 'Он перестал разговаривать (букв. вести разговор) с Нанакчандом' [39, с. 73];

з) с глаголом *cāhnā* 'хотеть', 'желать', например, *vah jīnā cāhtī hai* (M.R.A., 295) 'Она хочет жить', *Dillivāle apne gharō kī*

raṣṣā karnā cāhte hāi (MR.A, 345) 'Делийцы хотят встать на защиту (букв. производить защиту) своих домов', *pālki se nikalkar māi ne vṛddha ko pālki ke bhitar khīc lenā cāhā* (HD.B, 108) 'Сойдя с паланкина, я хотел втащить в него старца';

и с предикативным наречием *cāhiye (cāhie)* 'нужно', 'надо', 'следует', формами глагола *honā* 'быть', 'становиться' (> 'надлежать', 'следовать', 'предстоять') или глагола *paṛnā* 'падать', 'случаться' (> 'приходиться') в предложениях (конструкциях) долженствования, например, «*harek pati ko aisā hī honā cāhie*» — *Rāpvatī niṣcaṣyātmak svar mē bolī* (K.C.G, 122) «Именно таким нужно быть каждому мужу», — решительно заявила Рупвати', ...*ab mujhe is prakār kī bātē sosnā bhī nahī cāhie*... (S.T.Y, 125) '...теперь мне и думать нельзя о таких вещах...', *āp ko un logō ko bulānā cāhie*... (MR.A, 415) 'Вам нужно позвать этих людей...', *unhē abhī ek-do marizō ke ghar jānā thā* (PL, 125) 'Он еще должен был посетить на дому нескольких больных' (или 'Ему еще надлежало [...]'), *abhī Sudhā ke sāth Nirmalā ko ānā paṛā* (P.N, 162) 'На этот раз вместе с Судхой пришлось приехать Нирмале', *tumhē vivaṣ ho mujhī ko 'sundartā kī rānī'* *cupnā paṛegā* (K.C.G, 140) 'Меня вам поневоле придется избрать королевой красоты'³.

Герундиальный инфинитив на -ne

Герундиальный инфинитив на -ne — это послеложная форма инфинитива, аналог именной формы, характеризующейся окончанием -e", т. е. формы косвенного падежа единственного числа существительных мужского рода.

Оформленный послегомом-транспозитором *kā (ke, kī)*, герундиальный инфинитив занимает в структуре предложения позицию прилагательного. При этом он в типичных случаях своего употребления:

1) относится к существительному как зависимый компонент атрибутивного словосочетания⁴, например, *māi Nilimā kā inṭarvū lene ke irāde se unke ghar gayā thā* (MR.A, 512) 'Я ходил к нему домой с намерением взять интервью у Нилимы', *Mansārām ne in dātō se*

³ Использование в предложениях (конструкциях) долженствования герундиального инфинитива непереходных глаголов (а также и переходных, употребленных абсолютно, т. е. в отвлечении от их прямообъектной валентности) взаимосвязано с постановкой имени субъекта соответствующего действия в форме косвенного падежа с послегомом *ko* или (что касается только местоимений) в эквивалентной ей форме объектного падежа. Фактором, постоянно влияющим на использование в данной позиции герундиального инфинитива от переходных глаголов, является реализация ими своей прямообъектной валентности в существительном или местоимении-существительном, характеризующемся формой косвенного падежа с послегомом *ko* (или эквивалентной ей местоименной формой объектного падежа).

⁴ Семантические особенности существительных, образующих словосочетания с послеложной формой инфинитива на *kā (ke, kī)*, и смысловые связи между компонентами таких словосочетаний рассмотрены О. Г. Улициферовым [67, с. 158—164].

kāl āne kā vādū karke galā churāyā (P.N, 104) 'Только дав обещание прийти на следующий день, Мансарам отделался от этих посланцев', *Nirmalā ke man mẽ us puruṣ ko dekhne kī prabāl utkañṭhā hui jo uskī avahelnā karke ab uskī bahin kā uddhār karnā cāhtā hai* (P.N, 137) 'В душе у Нирмалы возникло сильное желание увидеть того человека, который когда-то пренебрег ею, а теперь хочет устроить жизнь ее сестры', *yah dard ko dabāne aur nīd lāne kī davā thī* (A.N, 228) 'Это было болеутоляющее и снотворное лекарство', *use koī bimārī nahī hai. keval ghar se nikāle jāne kā ṣok hai* (P.N, 113) 'Он ничем не болен. У него только тоска по дому' (*ghar se nikāle jāne kā ṣok* букв. 'печаль изгнания из дома' — с инфинитивом в форме пассивного залога); см. также случаи синтагматически связанного употребления инфинитива: а) *...ab mujhe choṛkar jāne kā nām na lenā* (P.N, 134) '...теперь и не помышляй о том, чтобы оставить меня одного', б) *kahne kī der thī ki sab cizē fauran hāzir ho gaī* (SV-2, 4) 'Стоило [купеческому сыну] высказать [свое пожелание], как сразу же появились все эти вещи';

2) выступает в качестве предикатива при глаголе-связке, например, *yah zamānā unke ārām karne kā thā* (P.N, 160) 'В это время ему надо было удалиться на покой' (букв. 'Это время было его отдохновения'), *...unkī icchā tumhē yahā bhejne kī na thī* (P.N, 100) '...ее желанием не было отправить тебя сюда'; см. также случаи выражения энергичного отрицания при условии опущения связки: *merī strī ne kahā — «yah nahī hone kā!»* (U.SK, 85) '«Этому не бывать!» — проговорила моя жена', *...itnī āsānī se māī nahī marne kī!* (N.D, 143) '...так просто мне никак не умереть!'

Герундиальный инфинитив, оформленный последлогом-транспозитором *kā* (*ke*, *kī*), способен в качестве зависимого компонента словосочетания присоединяться к некоторым прилагательным (например, *icchuk* 'желающий', *ādī* 'привыкший' и др.), причем форма последлога-транспозитора определяется в этом случае свойствами существительного, к которому по смыслу относится прилагательное: *ve ab tak svavibhūṣit rājā the, parantu ab darbār Avadh se sanad pāne ke icchuk the* (AN.S, 189) 'До сих пор он был царем, сам себя удостоившим царских атрибутов, но теперь он желал получить грамоту от аудхского двора', *vah bahut socne kā ādī nahī thā* (UB.S, 7) 'Он не привык (букв. не был привыкший) много думать'.

Эллипсисом существительного женского рода *bāt* 'дело', 'факт' можно объяснить случаи употребления герундиального инфинитива, осложненного последлогом-транспозитором в форме *kī*, в позиции перед глаголами *socnā* 'думать', *ṭhānnā* 'решать', 'принимать решение', *sūjhnā* 'приходить в голову', 'приходить на ум', например: *...us ne apnā kām svatantra rūp se calāne kī socī aur Kurlā mẽ ek bāglā le liyā* (UB.S, 287) '...он предпочел вести работу самостоятельно и снял в Курла бунгало', *...unkhō ne Munnaṛjān kī ṣādī khūb dhūmdhām se karne kī ṭhānī* (AN.S, 262) '...он решил пышно отпраздновать свадьбу Муннаджана', *ār ko bhī jāne kaisā fīcar likhne kī sūjhī hai!* (MR.A, 368) 'И как это вам пришло в голову писать очерк!'

Герундиальный инфинитив, осложненный последлогом-транспози-

тором в форме *ke*, выступает перед такими прилагательными, как *lāyaḥ* (*yogya*) 'достойный', 'годный', 'подходящий', *kābil* 'достойный', 'годный', 'способный', например: *āj to śikār khelne ke lāyaḥ dīn nahī hai* (P. G, 95) 'Сегодняшний день для охоты не подходит' (букв. 'Сегодня для того, чтобы охотиться, подходящего дня нет'), *us dhīḥ ādmī ne phūphī aur khālā ke sāmne mujhe mūh dikhāne ke kābil nahī rakhā* (B. D, 72) 'Этот нахал не считал меня достойной показываться на глаза обоим теткам [по отцу и матери]'⁵.

Герундиальный инфинитив в форме на *-ne*, принимая тот или иной послелог, выступает или (1) как член (обязательный или факультативный) окружения глагола, существительного либо прилагательного, реализующего свою валентность на базе сильного или слабого управления, или (2) как средство выражения определенного отношения (как правило, обстоятельного) за рамками валентных связей, позволяющих дифференцировать слова внутри той или иной части речи, например:

(1) ... *māi āp logō ke sevā-satkār karne ko apnā saubhāgya samajhtā hū* (P.N, 39) '... я почитаю за счастье оказать вам радужный прием', ... *unhē khudā yā dharma ke nām par laṅne se rokīgā* U.S.K, 34) '... [я] удержу их от сражения во имя бога или религии', *par vah sab kuch lena par tul gayā* 'Но он собрался забрать все' [67, с. 260], *lekin Dhanīyā ne bhī to merī ābrū utārne mē koī kasar na chorī* (P.G, 121) 'Однако и Дханья сделала все возможное, чтобы обесславить меня';

merā Lāhaur kī taraf ghūmne jāne ko man thā (PL, 150) 'У меня было желание совершить поездку в сторону Лахора', *pitāji ko mere sangīt sikhne se cīḥ thī* (PL, 150) 'Отец был недоволен (букв. отцу... было недовольство) тем, что я учился музыке', *burāi karke bhalāi karne mē koī sankoc nahī* (P.N, 46) 'Нет ничего зазорного в совершении доброго дела после дурного поступка';

Rahmān is samay sārī duniyā ke sāth laṅne ko taiyār thā (B.D, 131) 'В это время Рахман был готов сражаться со всем миром', *Nirmalā ko aisā mālūm huā kī ghar kī koī ādmī uske āne se khuś nahī* (P.N, 163) 'Нирмале стало казаться, что никто в доме не рад ее приезду', ... *Motīrām faujdārī karne par utārū ho rahā hai* (G.D, 290) '... Мотирам готов затеять уголовный процесс', ... *ek atyant sundar larḳī apne nākhūn rāgnē me līn thī* (K.C.G, 41) '... одна девушка необыкновенной красоты была поглощена маникюром (букв. погружена в крашение своих ногтей)';

(2) *Mansārām usī vaḥt ghar se skāl jāne ko niklā* (P.N, 80) 'Как раз в это время Мансарам вышел из дома, чтобы пойти в школу', *vaḥt rahne se unki bīmārī baḥh jāne kī bhay hai* (P.N, 98) 'Есть опасение, что его болезнь обострится из-за дальнейшего пребывания там', *unke cale jāne par munṣīji sir jhukā liyā aur socne lage* (P.N, 114) 'После ее ухода мунши [Тотарам] опустил голову и задумался', ... *aur mere anurodh karne par bhī usne paisa nahī liye* (PL, 158)

⁵ Соответствующие прилагательные приобретают черты именного компонента сложных послелогов с первым компонентом *ke*.

‘... и несмотря на мою настоятельную просьбу, она денег не взяла’, ... *unhē bābūji ko prasanna rakhne ke lie yah svāg bharnā par rahā hai* (P.N, 100) ‘... ей приходится так притворяться ради того, чтобы отец оставался довольным’, [*Mansārām*] *skūl jāne ke pahle aur āne ke bād barābar apne kamre mẽ baiṭhā rahtā* (P.N, 81) ‘До ухода в школу и после возвращения домой [Мансарам] постоянно сидел в своей комнате’.

Выделяются случаи синтагматически связанного употребления герундиального инфинитива в форме на *-ne*:

а) с послелогом *ko* в позиции перед глаголом *milnā* ‘встречаться’, например, *lekin uske bād bahut dīnō tak vahā ṭikne ko na milā* (K.C.G, 27) ‘Но после этого [мне] не довелось оставаться там долго’, *bās-kāṭh aur ghās-phūs kī aisī kārigārī ab kahā dekhne ko milegī Dukhan?* (N.D, 134) ‘Где еще доведется увидеть такое искусство строить из дерева и соломы, Духхан?’;

б) с послелогом *ko* в позиции перед глаголом *honā* ‘быть’, ‘становиться’, например, *ṭren chūṭne ko thī, vhisal ho gayā thā* (N.D, 56) ‘Поезд вот-вот должен был отправиться, уже раздался свисток’, *vah kūḍne ko hī thā kī ekāek us ne dekhā, pānī mẽ uskā pratibimb jhalak rahā hai...* (A.A, 118) ‘Он готов был уже спрыгнуть, как вдруг увидел, что в воде колеблется его отражение...’;

в) с послелогом *ko* в позиции перед глаголом *kahnā* ‘говорить’, например, *Nityābābū phir rone lage, to Dukhmocan ne unhē isāre se sup rahne ko kahā* (N.D, 134) ‘Нитьябабу снова заплакал, тогда Духмочан знаком велел ему замолчать’, *unhō ne ek karmacārī ko mīkrofon haṭāne ko kahā...* (K.C. G, 99) ‘Он (председатель) попросил одного из служащих убрать микрофон...’;

г) с послелогом *mē* в позиции перед глаголом *ānā* ‘приходить’, например, *aise sundar, saḍaul, balīṣṭh yuvak kālejo mẽ bahut kam dekhne mẽ āte hāi* (P.N, 47) ‘В колледжах редко встречаются (или попадают на глаза) такие красивые, статные и сильные юноши’ (или ‘В колледжах редко можно увидеть таких [...] юношей’), *aur is tarah ke jūte-lāt ke kisse āye din sunne mẽ āte hāi* (B.D, 41) ‘И подобные рассказы об ударах туфлями и пинках можно слышать каждый день’⁶;

д) с послелогом *se* в позиции перед глаголом *cūknā* ‘упускать’, например, *merā to ghar thā, mā-bāp the, phir bhī log mujhe tang karne se nahī cūke* (U.B. S, 251) ‘У меня был дом, были живы родители, тем не менее люди не преминули изводить меня’.

Примером идиоматического употребления инфинитива служит *kahne ko* ‘только на словах’ (ср. *kahnā* ‘говорить’): *kahne ko to jā-vān ho gaye, par svabhāv bālakō-sā hai* (P.N, 78) ‘На словах-то он вырос, а характер у него как у ребенка’.

⁶ В данном случае речь идет об инфинитиве только глаголов восприятия: *dekhnā* ‘видеть’, *sunnā* ‘слышать’.

Герундиальный инфинитив — член полупредикативного словосочетания

Существенной чертой герундиального инфинитива от непереходных глаголов⁷ является его способность образовывать полупредикативное словосочетание⁸ с именами существительными, не обозначающими лиц, в ряде позиций:

1) в позиции подлежащего, например, *do-do s i t ě milnā, to ba-hut hī muškīl hai* (PL, 155) 'Найти же по два [свободных] места [в автобусе] неимоверно трудно' (букв. 'Два-два места найтись неимоверно трудно есть'), *uskī ś ā d ī honā thā kī jaise ekdam sārā khel bigar gayā* (PL, 34) 'Не успела она выйти замуж, как вдруг все пошло кувырк';

2) в позиции зависимого компонента атрибутивного словосочетания, образованного при помощи послелога-транспозитора *kā* (*ke, kī*), например, *yunivarsiṭī khulne ke dīn āye* (BG.S, 443) 'Наступили дни открытия университета', *khabar ē milne kā zariyā sahī aur mazbūt honā cāhīe* (AN.S, 216) 'Способ доставки новостей должен быть верным и надежным';

3) в позиции членов предложения, оформляемых при помощи послелога, например, *tāzā raktā par jāne se uskī jān bac jāti?* (P.N, 139) 'А от переливания крови он остался бы жив?', ... *lekin g u s s ā hañe par unkā dīl makkhan kā lōdā ho jātā hai!* (N.D, 168) '... но пройдет гнев — и сердце его становится преисполненным доброты', *s ū r a j dūbne mē thorā hī vilamb thā* (N.D, 170) 'До полного заката солнца оставалось еще немного времени', ... *aur uskā k a h k a h ā pūrā hone se pahle hī māĩ kone kī ek mez ke pās jākar baiṭh gayā* (MR. A, 194) '... и прежде чем кончился его смех, я уселся поодаль возле стола в углу'.

Герундиальный инфинитив — ведущий компонент атрибутивного словосочетания

Если участие герундиального инфинитива в полупредикативном словосочетании является ярким показателем его глагольных свойств, проявляющихся в области синтаксических связей, то в способности этого инфинитива выступать в качестве ведущего компонента атрибутивного словосочетания, включающего в качестве зависимого компонента существительное (или его местоименный субститут) с послелогом-транспозитором *kā* (*ke=k + e'*) либо притяжательное местоимение, раскрываются его именные черты, например: *Gobar aur Jhuniyā ke jāne ke bād ghar sunsān rahne lagā* (P.G, 247) 'После

⁷ То же самое можно сказать о пассивной форме герундиального инфинитива от переходных глаголов.

⁸ Говоря о полупредикативном словосочетании, мы имеем в виду такое сочетание инфинитивной глагольной формы с предшествующим ей существительным, в котором данное существительное выступает в форме прямого падежа как аналог подлежащего, связанного с финитным глаголом.

матери — значит поступать по отношению к ней недостойно', *us ne socā thā ki ga u ākhir* *besnī to hogī hī* (JK.S, 117) 'Он подумал, что в конце концов корову все равно придется продать', *ham ne uttar nahī diyā, golīyā dāgnī śurū kar dī* (A.A, 72) 'Мы не дали ответа, а начали стрелять';

(б) *bāt māh se nikalnī muškil hai* (P.N, 34) 'И слова не вымолвить' (букв. 'Слово из уст появиться трудно'), ... *gāu khūb sunder tagrī honī cāhie* (JK.S, 116) '... корова должна быть красивой и здоровой', *ekāek golī calnī band ho gayī* (A.A, 37) 'Неожиданно стрельба прекратилась'.

Позиции герундивного инфинитива, соотносимые с отмеченными выше позициями герундиального инфинитива на *-nā*, следующие:

1) позиция подлежащего, например, *āj-kal ke samay mē aīsī strī milnī pahaj nahī* (S.T.Y, 114) 'В нынешние времена встретить такую женщину не просто (букв. такая женщина встретиться не просто)', ... *aur deś ko isse mahān kṣatī pahūsn niścīt hai* (G.D, 237) '... а страна от этого обязательно понесет громадный урон' (букв. '... а стране от этого громадный урон причиняться установленное есть'), ... *Dillī mē ye do mahīnō kī chuṭṭiyā bhī kāṭnī dūbhar ho jāti hai* (PL, 110) '... в Дели становится трудно проводить даже этот двухмесячный отпуск', ... *keval palak kī tin suīyā nikalnī rah gāi...* (RK.P, 33) '... осталось вынуть только три иголки из в.к...'; благоприятным условием использования герундивного инфинитива в отмеченной позиции является передача сказуемым оценочно-характеризующего значения;

2) позиция прямого дополнения, например, *āp śāyad vah carcā sunnī pasand nahī karēge* [148, с. 316] 'Вам, возможно, неудобно будет слушать эти разговоры' (букв. 'Вы, возможно, не полюбите слушать эти разговоры'), *Candra ne Nīrā ke dehānt kī sūcnā sab se pahle mā ko denī ucīt samjhī* (G.D, 297) 'Чандра счел уместным сообщить о кончине Ниры прежде всего матери'.

Синтагматически связанное употребление герундивного инфинитива наблюдается в случае его сочетания:

а) с глаголом *ānā* 'приходить', например, *māi apne ko samārohō ke anukūl nahī pātā hū. rasīlī bāt hī karnī nahī ātī* (JK.K, 118) 'Я себя не считаю подходящим для торжеств. Не умею я говорить красиво';

б) с непереходными фазовыми глаголами (сложными) и глагольно-именными словосочетаниями *śurū honā, ārambh honā* 'начинаться', *band honā, khatam honā* 'кончатся', 'прекращаться', например, *thand rāṇī śurū ho gāi thī, lekin abhī bahut tez nahī thī* (RY.S, 50) 'Уже начало холодать (букв. холод наступать начался), но стужи еще не было', *ekāek golī calnī band ho gayī* (A.A, 37) 'Неожиданно стрельба прекратилась';

в) с переходными фазовыми глаголами (в том числе сложными) и глагольно-именными словосочетаниями *śurū karnā, ārambh (prārambh) karnā* 'начинать', *chorṇā* 'оставлять', 'прекращать', *band karnā, khatam karnā, samāpta karnā* 'кончать', 'прекращать', например, *dūsre dīn prātaḥkāl gāu ke kāi ādmīyō ne ūkh kāṭnī śurū kī*

(P.G, 187) 'Утром следующего дня некоторые жители деревни начали убирать сахарный тростник', ... *ham āpko saphal banāne ke sādhan juṭāne ārambh kar dēge* (G.D, 235) '... мы начнем предоставлять средства для обеспечения вашего успеха', *tab māi ne us kī pratikṣā karnī chor dī*... (A.A, 18) 'Тогда я перестал ждать (букв. делать ожидание) ее...';

г) с глаголом *cāhnā* 'хотеть', 'желать', например, *māi ne kṣamā māgnī cāhī, parantu kisi daivī śaktī ne jibh pakar lī* (S.TY, 80) 'Я хотел было попросить прощения, но какая-то неведомая сила лишила меня языка', *sunkar Kalyānī ke prati māi ne sāvednā prakaṣ karnī cāhī, par upāy na dīkhā* (JK.K, 84) 'Услышав [это], я хотел было выразить сочувствие к Кальяни, но не сообразил, как это сделать', *māi ek ciṭṭhī likhnī cāhtā hū* 'Я хочу написать письмо' [148, с. 317];

д) с глаголом *sikhnā* 'учиться', 'заучивать', например, *unhō ne hindī likhnī sīkhī* [135, с. 176] 'Они научились писать на хинди';

е) с глаголом *thaknā* 'уставать', например, ... *vah... hālat ko 'behtar' banāne kī bātē karnī thaktī nahī hai*... (JY, 17. X. 1977, 1) '... оно... не устает разглагольствовать об «улучшении» положения...';

ж) с предикативным наречием *cāhiye* (*cāhie*) 'нужно', 'надо', 'следует', формами глагола *honā* 'быть', 'становиться' (> 'надлежать', 'следовать', 'предстоять') или глагола *paṇā* 'падать', 'случаться' (> 'приходиться') в предложениях (конструкциях) долженствования, например, *agar tabiāt thīk nahī hai to tumhē āram karne ke lie chūṭī le hī lenī cāhie* (MR.A, 268) 'Если вы неважно себя чувствуете, то вам непременно надо взять отпуск для отдыха', *tumhārī rāy mē kitnī tankhāvāh mahriyō ko milnī cāhie?* (N.D, 80) 'А какое, по вашему мнению, жалование должны получать служанки?', ... *vah dāy-arī mujhe kisi ko upahār mē denī hai* (MR.A, 539)⁹ '... этот календарь мне надлежит дать кому-нибудь в подарок', *par jīt to merī hī honī thī* (B.D, 11) букв. 'Но победе суждено было стать моей', *Rāmū ke yahā, pratyakṣa hai, mujh-jaise likhe-paṛhe ko bahut-se kaṣṭa jhelne paṛe* (K.C.G, 28) 'У Раму, разумеется, такому грамотею, как я, пришлось переносить немалые мучения'.

Синтаксическая манифестация глагольных черт инфинитива

Глагольные черты инфинитива (герундиального, супинного, герундивного) ярко раскрываются в его синтаксических связях, аналогичных синтаксическим связям финитного глагола с подчиненными ему словами — членами предложения или именными компонентами сказуемого:

⁹ При употреблении отрицательной частицы *nahī* герундивный инфинитив может не сопровождаться глаголом *honā* при условии, если отрицается необходимость, относящаяся к настоящему, как, например, в предложении *apne prati diye gaye is faisle ke viruddha mujhe apīl nahī karnī* (Y. DK, IV) 'Мне нет необходимости выступать с обжалованием этого решения относительно меня'.

ухода Гобара и Джхунии дом обезлюдел', *unke jāne ke bād aur bahut se praśna hue...* (K.C. G, 79) 'После их ухода последовало еще множество вопросов...', *mere āne se pahle is ghar mẽ śānti thī* (P.N, 90) 'До моего прибытия сюда в этом доме царил покой'.

Парадигматически такое атрибутивное словосочетание противопоставлено полупредикативному, о чем свидетельствуют примеры с изменением субъекта действия, не называющим лицо, например: *k n k r t i k e miṭne mẽ varṣō lag gaye, par vah miṭ gayī* (A.A, 24) 'Годы и годы ушли на то, чтобы исчезла дурная слава, но все-таки она исчезла', ... *par āj us m ā l k e barāmad hone kī khabar miṭ gai thī* (P.N, 174) '... но сегодня пришла весть, что эти вещи написались (букв. весть обнаружения этого имущества)'.

Однако при инфинитиве переходного глагола членом атрибутивного словосочетания может быть выражен прямой объект действия: *merī sandūḳō mẽ saikrō, ek-se-ek kīmatī sārīyā taḥ kī huī rakhī thī, par mujhe u n k e sparśa karne tak kā adhikār nahī thā* (U.S.K, 58) 'В моих ларцах хранились сложенными бесчисленные сари, одно дороже другого, но я не имела права даже прикасаться к ним', *Nohrī m a r d ō k e pasāne kī kalā jāntī thī* (P. G, 271) 'Нохри знала, как заставить мужчин плясать под ее дудку'.

Супинный инфинитив

Супинный инфинитив в морфологическом отношении уподобляется форме косвенного падежа единственного числа существительного мужского рода (флексия *-e''*) при беспосредственном употреблении.

В качестве синтаксически зависимого компонента супинный инфинитив используется в следующих позициях:

1) перед глаголами движения или изменения положения в пространстве, например, *brahmacārī taḥ par hāth-pair dhone cale gaye* (A.N.S, 143) 'Аскет ушел умываться на берег', *ām khākar, māt-hāth dhokar donō cale to tāū bāg ke bāre tak unhē chorne āye* (N.D, 169) 'Когда они оба, поев манго и умывшись, отправились, дядя вышел их проводить до ограды сада', *agar āp ko merā khelne jānā pasand nahī hai, to kal se na jāñgā* (P. N, 75) 'Если вам не нравится, что я хожу играть, то я с завтрашнего же дня не буду ходить', *khā-pīkar lālṭen sāmne rakhkar māi paṛhne baiṭh gayā* (R.Y.S, 50) 'Перекусив, я поставил перед собой лампу и сел читать'; см. также случай с глаголом движения *jānā* 'идти', 'уходить', в формах актуального настоящего и актуального прошедшего времени приобретающим значение «собираться» или «надвигаться»: ... *putra janma huā hai aur āj uskā nāmakaran-sanskār hone jā rahā hai* (H.D.B, 4) '... родился сын, и сегодня ожидается обряд его наречения', *māi vahī kahne jā rahā thā* (A.N.S, 406) 'Как раз это я и собирился сказать' (ср. конструкцию «*to be going* + инфинитив» в английском языке);

2) перед глаголом *lagnā* 'быть приложенным', 'прикладываться' (> 'начинать', 'приниматься'), например, *tab us ne phir laimp jā-*

lāyā aur ek pustak paṛhne lagī (P.N, 166) 'Тогда она снова заглянула лампу и начала читать книгу', *jīvan use bojh jān paṛne lagā* (A.A, 117) 'Жизнь стала казаться ему тяжким бременем', ... *moṭī-moṭī bādē paṛne lagī* (PL, 159) '... начали падать крупные капли';

3) перед глаголом *pāṇā* 'получать' (> 'получать разрешение', 'получать возможность' с оттенком значения «удаваться» или «успевать»), например, *vahā nau baje ke bād koī paṛhne nahī pātā...* (P.N, 94) 'Там после девяти никому не позволяют заниматься...', *ek māś bhī na bitne pāyā ki hamārā byāh ho gayā* (S.TY, 82) 'Не прошло и месяца, как мы поженились';

4) перед глаголом *denā* 'давать' (> 'разрешать', 'предоставлять возможность', 'позволять'), например, *pahredārō ne use ghusne nahī diyā* (U.SK, 98) 'Часовые не дали ему пройти внутрь', ... *parantu putra-sneh ne is cintā ko der tak na thaharne diyā* (S.TY, 7) '... но любовь к сыну не позволила этой мысли задержаться в сознании', *us ne āsū nahī āne die* (JK.S, 120) 'Он сумел сдержать слезы';

5) перед прилагательными *lāyaḥ*, *yogyā* 'достойный', 'годный', 'подходящий', *kābil* 'достойный', 'годный', 'способный', например, *ab yah gāv bhale ādmī ke rahne lāyaḥ nahī rah gayā Teknāth!* (N.D, 95) 'Теперь, Текнатх, эта деревня больше не достойна того, чтобы в ней жил порядочный человек!', *kyā karne lāyaḥ abhī vah thā?* (BG.S, 50) 'На что он теперь был годен?' ... *kyā māñ āp ke hāth ko rakarne kā adhikār pāne yogyā hī?* (G.D, 278) '... достоин ли я получить право взять вас за руку?', *us vakt mere hāthō kī safāt dekhe kābil thī* (P.N, 70) 'В то время стоило взглянуть на ловкость моих рук'.

В первом и пятом из рассмотренных случаев супинный инфинитив выступает как альтернант герундиального инфинитива, а именно инфинитива, оформленного последлогом *ko* или *ke liye* (*ke lie*) 'для', 'ради', либо инфинитива, осложненного последлогом-транспозитором *kā* в форме *ke*.

Герундивный инфинитив

Герундивный инфинитив в морфологическом отношении уподобляется изменяемому прилагательному, характеризуясь флексиями *-ā*, *-ī* и *-e*'. По сравнению с герундиальным инфинитивом он имеет более узкую сферу применения, однако в ряде позиций его использование является предпочтительным или даже доминирующим.

Качественное своеобразие герундивного инфинитива или, точнее говоря, герундивного использования инфинитива состоит в согласовании этой инфинитивной формы в роде, а в случае мужского рода и в числе или (а) со стоящим в форме прямого падежа именем объекта соответствующего действия, если глагол переходный, или (б) с именем субъекта действия, если глагол непереходный, بالإضافة чему служат следующие примеры:

(а) ... *mā se yah bāt corī rakhnī usse unucit vyavahār karnā hai* (G. D, 178) '... держать это (букв. это обстоятельство) в тайне от

а) прямым дополнением, например, *pālki se nikalkar māi ne vṛddha ko pālki ke bhitar khīc lenā cāhā* (HD.B, 108) 'Сойдя с паланкина, я хотел втащить в него старца', *tab usne phir laimp jalāyā aur ek pustak parhne lagī* (P.N, 166) 'Тогда она снова зажгла лампу и стала читать книгу';

б) дополнением адресата, например, *bas kī sīṭhē rizaru karvāne ke lie carṛāsī ko rupaye dene hāi* (PL, 100) 'Для того чтобы зарезервировать места в автобусе, следует дать деньги посыльному';

в) другим косвенным дополнением, например, *us vyakti ko kisī kes mẽ Polhorām se salāh lenī thī* (B.D, 21) 'Тому человеку нужно было получить совет у Польшорама по какому-то судебному делу';

г) объектно-предикативным членом, например, *tumhē vivaś ho mujhī ko 'sundartā kī rānī' sunnā paregā* (K.C.G, 140) 'Меня вам поневоле придется избрать королевой красоты';

д) предикативом, например, *kisī baṛe ādmī ke jamāi ke lie budhimān honā zarūrī nahī* (K.C.G, 122) 'Зятю какого-либо влиятельного лица не обязательно быть умным';

е) обстоятельством (выраженным не только наречием или именем, но и такими инфинитивными формами глагола, как деепричастие и причастие), например, *merā yah ā rahnā kyō burā lagtā hai?* (P.N, 87) 'Почему мое пребывание здесь [ей] не нравится?', *lekin rāt kuśal se na bitne pāi* (P.N, 152) 'Однако ночь так и не прошла благополучно', *vah śādī ham logō ke lautkar āne ke bād hī karnā cāhī thī* (MR.A, 309) 'Замуж она хотела выходить только после нашего возвращения (букв. приезда, возвратившись)', *merā kamre mẽ akele baiṭhe hue hās denā śāyad use bahut asvābhāvīk-sī bāt lagī* (PL, 138) 'То, что я рассмеялся, сидя один, ей, наверное, показалось странным'.

Разумеется, глагол в форме инфинитива, как и финитный глагол, способен реализовать одновременно несколько активных валентностей, соотносимых с вышеназванными синтаксическими функциями.

Субстантивация и адъективация инфинитива

Переход глаголов, представленных инфинитивом, в слова других частей речи имеет место в результате субстантивации и адъективации.

Субстантивация осуществляется на основе:

а) отпадения от парадигмы герундивного инфинитива его формы женского рода, нередко осложненной префиксом *an-* 'не-'; см., например, *honī* 'грядущее', *karnī* 'деяние', 'содеянное', *ankarnī* 'то, чего не следует делать' (*karnā* 'делать'), *ankahnī* 'то, чего не следует говорить' (*kahnā* 'говорить') в предложениях *honī ko koī nahī tal saktā Vinod bābū* (S.K, 61) 'Грядущего никто не в силах предотвратить, господин Винод', *aur yah sārī vipatti Jhīgur kī karnī thī* (P.PD, 157) 'И все это несчастье было делом рук Джхингура', *gussā mujhe aksar ā jātā hai. us mẽ ankahnī kah jātā hū, ankarnī kar jātā hū* (JK.K, 133) 'Я часто прихожу в ярость. Тогда я го-

ворю то, чего не следует говорить, и делаю то, чего не следует делать';

б) приобретения герундиальным инфинитивом формы множественного числа; см., например, *kosne* 'оскорбления' (*kosnā* 'проклинать', 'ругать') в предложении *yahā ārām ke badle kosne sunne parte hāi* (P.N, 35) 'Здесь вместо отдыха [мне] приходится выслушивать оскорбления'.

Примером адъективации служит слово *ronā* со значением 'печальный', 'плаксивый' (*ronā* 'плакать') — *ronā mūh* (P.N, 199), *ronī sūrat* (P.M-4, 284) 'печальное лицо', а также слово *anhonī* в значении «невероятный», «несбыточный» (*honā* 'быть', 'становиться'), характеризующееся формой женского рода, — *kaisī anhonī bāt!* (PL, 172) 'Какая невероятная вещь!'

ПРИЧАСТИЯ

Общая характеристика причастий

Причастие I имеет своим показателем морфему *-tā*, присоединяемую к глагольной основе, например:

<i>bujhtā</i> (<i>bujhnā</i> 'гаснуть', 'угасать')	— основа <i>bujh-</i>
<i>ātā</i> (<i>ānā</i> 'приходить', 'прибывать')	— основа <i>ā-</i>
<i>pātā</i> (<i>pānā</i> 'получать')	— основа <i>pā-</i>
<i>likhtā</i> (<i>likhnā</i> 'писать')	— основа <i>likh-</i>
<i>kartā</i> (<i>karnā</i> 'делать')	— основа <i>kar-</i>
<i>boltā</i> (<i>bolnā</i> 'говорить')	— основа <i>bol-</i>
<i>bulātā</i> (<i>bulānā</i> 'звать')	— основа <i>bulā-</i>
<i>jātā</i> (<i>jānā</i> 'идти', 'уходить')	— основа <i>jā-</i>
<i>pītā</i> (<i>pīnā</i> 'пить')	— основа <i>pī-</i>
<i>detā</i> (<i>denā</i> 'давать')	— основа <i>de-</i>
<i>dubotā</i> (<i>dubonā</i> 'топить', 'погружать')	— основа <i>dubo-</i>
<i>hotā</i> (<i>honā</i> 'быть', 'становиться')	— основа <i>ho-</i>

Причастие II имеет своим показателем морфему *-ā*, присоединяемую к глагольной основе, например:

<i>bujhā</i> (<i>bujhnā</i> 'гаснуть', 'угасать')	— основа <i>bujh-</i>
<i>likhā</i> (<i>likhnā</i> 'писать')	— основа <i>likh-</i>
<i>bolā</i> (<i>bolnā</i> 'говорить')	— основа <i>bol-</i>
<i>girā</i> (<i>girnā</i> 'падать')	— основа <i>gir-</i>
<i>ṭūṭā</i> (<i>ṭūṭnā</i> 'ломаться')	— основа <i>ṭūṭ-</i>
<i>torā</i> (<i>tornā</i> 'ломать')	— основа <i>tor-</i>

При образовании причастия II от глаголов, основа которых (за исходную берется основа, принимающая показатель инфинитива *-nā* и показатель причастия I *-tā*) оканчивается на гласный, имеют место следующие фонетические явления [107, с. 272—273]:

а) если основа глагола оканчивается на *ā*, *o*, *e* или *ī*, то перед *-ā* (показателем причастия II) появляется среднеязычный щелевой сонант *y*, причем перед этим сонантом *ī* глагольной основы переходит в *i*, например:

<i>āyā</i> (<i>ānā</i> 'приходить', 'прибывать')	— основа <i>ā-</i>
<i>pāyā</i> (<i>pānā</i> 'получать')	— основа <i>pā-</i>
<i>soyā</i> (<i>sonā</i> 'спать')	— основа <i>so-</i>
<i>ḍuboyā</i> (<i>ḍubonā</i> 'топить', 'погружать')	— основа <i>ḍubo-</i>
<i>seyā</i> (<i>senā</i> 'высиживать птенцов')	— основа <i>se-</i>
<i>kheyā</i> (<i>khenā</i> 'грести')	— основа <i>khe-</i>
<i>piyā</i> (<i>pīnā</i> 'пить')	— основа <i>pī-</i>
<i>siyā</i> (<i>sinā</i> 'шить')	— основа <i>sī-</i>
<i>jīyā</i> (<i>jīnā</i> 'жить')	— основа <i>jī-</i>

б) конечный гласный основы *ū* перед *-ā* (показателем причастия II) переходит в *u*, например:

<i>chūā</i> (<i>chūnā</i> 'трогать')	— основа <i>chū-</i>
<i>cuā</i> (<i>cūnā</i> 'капать')	— основа <i>cū-</i>

К иррегулярным образованиям, в которых показатель причастия присоединяется к фонетически модифицированной или же супплетивной глагольной основе, относятся следующие причастия II [107, с. 273]:

<i>ḍiyā</i> (<i>denā</i> 'давать')	— основа <i>de-</i>
<i>liyā</i> (<i>lenā</i> 'брат')	— основа <i>le-</i>
<i>kīyā</i> (<i>karnā</i> 'делать')	— основа <i>kar-</i> ¹⁰
<i>miā</i> (<i>marṇā</i> 'умирать')	— основа <i>mar-</i> ¹¹
<i>gayā</i> (<i>jānā</i> 'идти', 'уходить')	— основа <i>jā-</i>
<i>hiā</i> (<i>honā</i> 'быть', 'становиться')	— основа <i>ho-</i>

Оба отмеченных причастия представляют собой весьма важный компонент системы инфинитивных форм глагола хинди. В функциональном плане роль каждого из причастий заключается не только в том, что оно может участвовать в образовании аналитических форм финитного глагола или выступать в качестве финитной формы, но и в том, что ему присуща также способность выполнять различные синтаксические функции вне рамок глагольного сказуемого. При использовании в этих функциях причастия I и II часто выступают не в своем, так сказать, первоначальном виде, а осложненными перфективным причастием от глагола *honā* 'быть', 'становиться' — *hiā*, т. е. в виде сложных (или составных) причастий. В грамматической литературе утверждается, что сложные причастия по сравнению с простыми способны более рельефно реализовать ту или иную синтаксическую функцию [128, с. 444—445; 148, с. 181, 358].

¹⁰ Регулярное образование — *karā* считается диалектальным.

¹¹ В современном хинди употребительно регулярное образование *marā*; причастная форма *miā* выступает как прилагательное в значениях «мертвый», «низкий» или же используется в поэтическом языке.

Обращение к противопоставлению как формальному методу анализа плана содержания членов одного и того же парадигматического ряда позволяет установить, что дифференциация, присущая отмеченным выше причастиям — причастию I и причастию II, носит характер:

а) или видовой, реализуя одноплановую оппозицию, например, *bujhtā huā dīpak* 'гаснущий / гаснувший светильник' ~ *bujhā huā dīpak* 'угасший светильник', *ātā huā mehmān* 'прибывающий / прибывавший гость' ~ *āyā huā mehmān* 'прибывший гость', *inām pātā huā larḳā* 'получающий / получавший премию мальчик' ~ *inām pāyā huā larḳā* 'получивший премию мальчик';

б) или — исключительно в случае с переходными глаголами — залогово-видовой, реализуя, таким образом, двуплановую оппозицию, например, *patra likhtā huā kavi* 'пишущий / писавший письмо поэт' ~ *likhā huā patra* 'написанное письмо', *inām pātā huā larḳā* 'получающий / получавший премию мальчик' ~ *pāyā huā inām* 'полученная премия'.

Поскольку процессуальный признак, обозначаемый причастием II, в отличие от признака, обозначаемого причастием I, предстает как вытекающий из достижения соответствующим действием предела его развития или из достижения им момента, пресекающего его развитие, постольку причастие II целесообразно квалифицировать как перфективное причастие, или причастие совершенного вида, а причастие I считать имперфективным¹².

В зависимости от синтаксических условий употребления причастия (имперфективного или перфективного), не подвергшегося субстантивации и не занимающего в предложении позицию имени существительного, его конечный *-ā* (в имперфективном причастии такой *-ā* является принадлежностью морфемы *-tā*) может замещаться конечными *-e* и *-ī*, причем в сложном причастии подобное замещение распространяется и на конечный гласный второго компонента, т. е. компонента *huā*. В результате возникают такие причастные формы, как, например, *bujhtī huī* (*bujhtī huī lau* 'гаснущее пламя'), *likhī huī* (*likhī huī ciṭṭhī* 'написанное письмо'), *likhte hue* (*Ṣitā ko ek ciṭṭhī likhte hue dekhkar* 'увидев, что Сита пишет письмо'), *pāye hue* (*inām pāye hue larḳe* 'получившие премию мальчики').

При этом в причастиях II, или перфективных причастиях, наблюдаются следующие изменения [107, с. 274]:

¹² Уместно отметить, что в аспектологии, разрабатываемой преимущественно на материале славянских языков, в частности русского, одно из принятых в научной литературе определений совершенного вида опирается на представление о достижении действием внутреннего предела [21, с. 497—498; 24, с. 337; 60, с. 63]. Подобного рода определение нам представляется менее трудным для восприятия и потому практически более удобным, чем определение, базирующееся на признаке целостности действия. Однако надо отметить, что обоснованность последнего наглядно подтверждается невозможностью сочетать инфинитив совершенного вида с так называемыми фазовыми глаголами (**кончил открыть*, **продолжал открыть*, **начал открыть*), отражающей с точки зрения семантики невозможность деления действия на отдельные фазы [12, с. 12, 17; 16, с. 31].

а) среднеязычный целевой сонант *y*, следующий за конечным гласным *-ā* основы глагола, может пропадать перед *-e* или *-ī*, например: *rāyā — rāe* (наряду с более обычным *rāye*) — *rāī* (наряду с *rāyī*), *bulāyā — bulāe* (наряду с более обычным *bulāye*) — *bulāī* (наряду с *bulāyī*);

б) в позиции после *i* среднеязычный целевой сонант *y* исчезает перед звуком *ī*, замещающим показатель причастия *-ā*, что в силу действия закона сандхи ($i + ī = ī$) приводит к тому, что *ī* следует непосредственно за согласным основы, например: *piyā — pī* (*pīnā* 'пить'), *siyā — sī* (*sīnā* 'шить'), *jīyā — jī* (*jīnā* 'жить'), *diyā — dī* (*denā* 'давать'), *liyā — lī* (*lenā* 'брат'), *kiyā — kī* (*karnā* 'делать').

Парадигматический характер отношений между *-ā*, *-e* и *-ī*, расцениваемыми, таким образом, как окончания, или флексии, проявляется в двух планах, а именно:

1) в плане дифференциации согласуемых форм причастия, аналогичных формам изменяемого прилагательного, когда *-ā* выступает как показатель прямого падежа единственного числа мужского рода, *-e* — как показатель прямого падежа множественного числа мужского рода (т. е. как флексия *-e'*) или как показатель косвенного падежа мужского рода (т. е. как флексия *-e''*), *-ī* — как показатель женского рода¹³;

2) в плане отграничения от согласуемых форм форм несогласуемых, или (с точки зрения способности отражать грамматическую характеристику существительного) «нейтральных», в качестве каких могут выступать причастные формы на *-ā* (т. е. *V-tā*, *V-ā*, *V-tā huā*, *V-ā huā*, где символом *V* обозначена основа глагола) и причастные формы на *-e* (т. е. *V-te*, *V-e*, *V-te hue*, *V-e hue*).

Связь между морфологической характеристикой причастных форм, отражающей их место в парадигме, и их функционально-семантической ролью обнаруживается следующим образом:

1) неизменяемая («нейтральная») причастная форма на *-e* обладает способностью обозначать признак действия в большей мере, чем та или иная из согласуемых причастных форм;

2) специфику согласуемой причастной формы определяет присущая ей способность служить средством обозначения признака предмета, и поэтому такая форма по своей синтаксической функции соотносима в первую очередь с именем прилагательным;

3) назначение неизменяемой («нейтральной») причастной формы на *-ā* сводится к тому, чтобы обозначать такой признак предмета, выраженного именем существительным (или местоимением) — назва-

¹³ О грамматическом значении множественного числа или о гонорифическом значении в женском роде может иногда сигнализировать конечный *-ī* второго компонента сложного причастия, например: *urāī huī* (JK.S, 34) от глагола *urānā* 'пускать в полет', 'развевать', *suntī huī* (JK.K, 49) от глагола *sinpā* 'слушать', 'слышать'. То же значение может сигнализироваться и конечным *ī* простого причастия, причем, как об этом свидетельствуют встречающиеся примеры: *giriī-partī* (PL, 115) от глаголов *girnā* и *paṛnā* 'надать', *baīṭhī* (Y.DB, 372) от глагола *baīṭhnā* 'садиться', 'сидеть', не обязательно такого, которое приобретает статус финитной формы, исключаяющей факультативность выбора между *-ī* и *-ī*.

нием прямого объекта, процессивность которого связана во временном отношении с действием, обозначенным переходным финитным глаголом.

Поэтому имеются формальные основания для того, чтобы, исходя из морфологической характеристики отмеченных причастных форм и их места в парадигме, несогласуемую («нейтральную») причастную форму на *-e* квалифицировать как адвербиальное причастие, любую из согласуемых причастных форм — как адъективное причастие, а несогласуемую («нейтральную») причастную форму на *-ā* — как объектно-предикативное причастие.

Нейтрализация противопоставления в плане содержания между адвербиальным и адъективным причастиями бывает обусловлена возможностью использовать последнее для обозначения процессуального признака действия, что видно из сравнения между собой таких примеров: *larkiyā hāste hue jā rahī hāi* 'Девочки идут смеясь' — *larkiyā hāstī huī jā rahī hāi* 'Девочки идут смеясь' (букв. 'смеющиеся'). Она может сопровождаться снятием оппозиции и в плане выражения, что наглядно иллюстрируется следующим примером: *bacce hāste hue jā rahe hāi* 'Дети идут смеясь/смеющиеся', где нет достаточных оснований для того, чтобы судить, является ли причастная форма на *-e* (*hāste hue*) несогласуемой («нейтральной»), как в первом примере приведенной выше пары (*larkiyā hāste hue...*), или согласуемой с существительным *bacce* 'дети' (мужской род, множественное число, прямой падеж)¹⁴.

Полусогласуемым адъективным является такое сложное перфективное причастие, в котором первый компонент, образованный от переходного глагола, выступает в несогласуемой («нейтральной») форме на *-e*, а второй компонент *huā* согласуется с именем существительным, например: *pahne huā* в сочетании *dhotī pahne huā ādmī* 'надевший дхоти человек' ('одетый в дхоти человек'), *pahne huī* в сочетании *sārī pahne huī strī* 'надевшая сари женщина' ('одетая в сари женщина').

Кроме причастия I, т. е. имперфективного, и причастия II, т. е. перфективного, в хинди имеется также причастное новообразование — причастие III, состоящее из основы смыслового глагола и перфективного причастия глагола *rahnā* 'оставаться', например: *ā rahā* от глагола *ānā* 'приходить', *kar rahā* от глагола *karnā* 'делать', *paṛ rahā* от глагола *paṛnā* 'падать'.

По сравнению с имперфективным причастием оно характеризуется более узкой семантической зоной, сигнализируя о приуроченности протекания действия к какому-то определенному моменту или периоду времени, т. е. выражая конкретно-процессное значение. Его следует квалифицировать как процессивное или дуративное причастие («дуративное» потому, что протекание действия не может мыслиться вне длительности).

¹⁴ Ср. трактовку данного примера О. Г. Ульциферовым [65, с. 249—250], считающим все несогласуемые формы на *-e* деепричастиями, ограничиваемыми от причастий.

В отличие от имперфективного и перфективного причастий процессивное причастие характеризуется только адъективным использованием, что находит отражение во флексиях *-ā*, *-e* (*-e'* или *-e''*) и *-ī* его второго компонента как показателей согласования причастия с именем существительным.

Черты функциональной общности причастий непереходных глаголов и имперфективных причастий переходных глаголов

Имперфективные и перфективные причастия от непереходных глаголов и имперфективные причастия от переходных глаголов имеют общие основные закономерности функционирования. Эта общность функционирования касается как случаев употребления причастий, простых и сложных, так и их морфологического оформления. Она проявляется в следующем [ниже в трехзначных индексах, предваряющих приводимые примеры, первая цифра соответствует имперфективному (1) или перфективному причастию (2), вторая цифра — причастию от непереходного (1) или переходного (2) глагола, третья цифра — простому (1) или сложному (2) причастию]:

1) в употреблении адъективного причастия в составе атрибутивного словосочетания:

(111) *jaltī lakṛī* (UB.S, 123) 'горящее полено', *apne pīche āte vyakti ke lie* (Y.DB, 621) 'для идущего позади человека', *uṭhtī bhāp* (JK.S, 109) 'поднимающийся пар', *bolte gadhe se* (KC.G, 31) 'говорящим ослом', *caltī bas mē* (PL, 129) 'в движущийся автобус';

(112) *jaltī huī diyāslāi ko* (PL, 113) 'горящую спичку', *āte hue logō ko* (PL, 157) 'приближающихся людей', *uṭhtā huā bādāl* (PL, 150) 'поднимающееся облако', *bolte hue gadhe ko* (KC.G, 95) 'говорящего осла', *caltī huī tren se* (PL, 100) 'из движущегося поезда';

(121) *lālāji kā pīchā kartī Govind kī nigāh* (PL, 22) 'преследующий купца взгляд Говинда', *bhojan karte viprō ke sāmne* (U.SK, 41) 'перед совершающими трапезу брахманами', *ḍhol bajātī potnā pāṛāin* (U.SK, 41) 'благочестивая женщина из касты панде, бьющая в барабан';

(122) *uskā pīchā kartā huā bāz* (SV-2, 22) 'преследующий его (голубя) ястреб', *khāte hue viprō ke bic* (U.SK, 43) 'среди совершающих трапезу брахманов', *phaṭī huī šervānī sītī huī Khuršīd kī ākhō mē* (MR.A, 375) 'в глазах Хуршид, зашивающей порванный шервани';

(211) *Šekhāpurā se āyī striyā* (Y.DB, 109) 'прибывшие из Шекхупуры женщины', *nīce jhuke hāthō ko* (JK.S, 71) 'опущенные вниз руки', *divār par tāgī huī vah tuṭī talvār* (A.A, 64) 'тот сломанный меч, висящий на стене', *cup baiṭhī striyō ko* (Y.DB, 109) 'молчаливо сидящих женщин', *soyī Sāmmā ko* (BG.S, 500) 'уснувшую Шамму'¹⁵;

¹⁵ Именно атрибутивная связь лежит в основе соединения компонентов таких фразеологизмов обстоятельственного значения, как *āudhe mūh* 'вниз ли-

(212) *tīn mahīne mē āyā huā pahlē mehmān* (PL, 147) 'первый гость, пришедший за три месяца', *jhukī huī gardan* (A.A, 111) 'согнутая [вниз] шея', *us tūṭī huī talvār par* (A.A, 65) 'на тот сломанный меч', *apne pās baiṭhe hue yuvak se* (PL, 135) 'у сидящего рядом юноши', *soyī huī Fīrozī ko* (U.S.A, 88) 'уснувшую Фирози'.

В новой грамматической литературе по языку хинди отмечается, что существуют такие непереходные глаголы, перфективное причастие которых не может выступать в составе атрибутивного словосочетания. Так, Я. Качру, называя стативными (stative) те глаголы, причастие которых способно в атрибутивном словосочетании определять субъект действия, не считает такими следующие непереходные глаголы: *uchalnā* 'прыгать', 'скакать', *kūdnā* 'прыгать', *khelnā* 'играть', *jhūlnā* 'раскачиваться', *phādnā* 'скакать' [124, с. 155]. Однако перечень таких глаголов, по-видимому, может быть пополнен. В частности, М. К. Верма, считая, что только перфективные причастия от стальных (statal) глаголов способны относиться к имени субъекта действия в атрибутивном словосочетании, рассматривает в качестве грамматически неправильных следующие сочетания с перфективным причастием от глаголов *hāsnā* 'смеяться' и *daṛnā* 'бежать': **hāsa huā laṛkā*, **daṛnā huā laṛkā* [167, с. 160]. Следует заметить, что в работах, на которые мы сослались, содержание терминов «стативный» (Я. Качру), или «статальный» (М. К. Верма), не раскрыто. Нам кажется верным положение, что семантический признак стативности, или статальности, отражает способность глаголов обозначать «действие, осуществление которого вызывает новое состояние субъекта» [28, с. 80].

2) в употреблении адъективного причастия или в качестве предикатива (присвязочного члена) при глаголах и глагольно-именных сочетаниях со значением модифицированной связки (т. е. связки, у которой значение бытия или становления оказывается осложненным дополнительными семантическими оттенками, такими, например, как видимость, внезапность и др.), или в качестве субъектно-предикативного члена (предикативного определения) с глаголами и глагольно-именными сочетаниями, указывающими в силу своей семантики¹⁶ на проявление субъектом свойства быть доступным для восприятия (*dikhāī denā*, *dikhnā*, *nazar ānā*, *milnā* и др.):

(111) *Sudhā kī ākhō mē kamrā tairtā jān paṛā* (P.N, 154) 'Комната поплыла перед глазами Судхи' (букв. 'В глазах Судхи комната показалась плывущей'), *rāste mē Ratnā ko Yaśvant jāl uṭhāe ghar jātā mil gayā* (UB. S, 24) 'По дороге Ратне встретился Яшвант, который шел домой, неся сеть';

(112) ...*aur us larke kā kāptā huā svar uske bhītar ghūmtā huā lagtā thā* (JK.S, 99) '...и дрожащий голос юноши [теперь] казался звучащим (букв. кружившим) внутри нее', *dopahar ke sannāṭe mē bheṛ-bakriyō ke galō mē bādhi huī ghaṇṭiyō kā svar havā mē bahtā*

дом', 'ничком' (ср. *āḍhnā* 'опрокидываться'), *dabe pāv* 'крадучись', 'на цыпочках' (ср. *dabnā* 'подавляться'), *dabī zaban* 'вполголоса', *khule bāzār* 'открыто', 'во всеуслышание' (ср. *khulnā* 'открываться').

¹⁶ Именно глаголы или глагольно-именные сочетания со значением «показываться», «виднеться» могут брать на себя функцию связки, приобретая смысл «казаться», «выглядеть». Это свидетельствует о языкости границы между использованием причастия в качестве предикатива и субъектно-предикативного члена.

huā sunāi de jātā thā (PL, 113) 'Звук колокольчиков, привязанных к шеям овец и коз, казался в полуденной тишине плывущим по воздуху (букв. слышался плывущим в воздухе)';

(121) *vah madad cāhtī hī nahī mālūm hotī thī...* (JK.K, 56) 'Она же совсем не казалась нуждающейся в помощи... (букв. желавшей помощи...)', *Haricarani use barāmdē mē ek āramkursī par baiḥī ek patrikā parhī dikhāī dī* [148, с. 233] 'Харичаран предстала перед его взором сидящей на веранде в кресле и читающей журнал';

(122) *par do-ek roz ke antar se vah larḥā...* *Ratnaprabhā kī jāti huī moṭar kī or dekhtā huā dikhāī diyā* (JK.S, 98) 'Но буквально через несколько дней этого юношу... снова заметили взирающим на проезжающую машину Ратнапрабхи';

(211) *sab so gaye mālūm hote the...* (BG.S, 565) 'Все казались уснувшими...', *...aur rāniyō ke mūh se khūn lagā milā* (AY.S, 22) '...а на лицах [всех семи] рани была замечена кровь' (букв. '...а к лицу рани кровь приставшей встретилась');

(212) *un kaprō kī vajah se uskā śarīr piche se aur bhī phailā huā lagtā thā* (PL, 157) 'Из-за этой одежды сзади ее тело казалось еще более раздавшимся', *...kāle āg se jhulse hue patthar, adhjalī ṭahniyā, ...purāne akhbārō ke ṭukre idhar-udhar bikhre hue dikhāī de jāte the* (PL, 112) '...черные, опаленные огнем камни, полусгоревшие ветки, ...обрывки старых газет виднелись повсюду разбросанными';

Сочетание имперфективного причастия (простого) от глагола *calnā* 'идти', 'двигаться' с финитной формой глагола *banā* 'делаться', способного, как известно, выступать в функции связки, получило значение «отправляться», «пускаться в путь» и «умирать»: *cūhe ne garuḥ ko namaskār kiyā aur caltā banā* (S.PP, 12) 'Крыса поприветствовала Гаруду и отправилась к себе', *...aur maukā dekhkar kisī dīn burhiyā kā māl-asbāb lekar calte banēge* (SV-3, 4) '...и, уловив момент, [мы] рано или поздно захватим имущество старухи и дадим тягу', *māī ne use kitnī hī garm cīzē khilāī, magar vah do dīn mē hī caltā banā* (PL, 139) 'Как я ни кормила его горячей едой, через два дня его не стало'.

3) в употреблении адverbиального причастия в предложениях с именем субъекта, оформленным при помощи послелога *ne*, для обстоятельственной характеристики действия, названного финитным глаголом:

(111) *dārim kī chāyā mē... baiḥte Lachmā ne śankit dṛṣṭi se Gusāī kī or dekhtā* (PL, 80) 'Усаживаясь... в тени гранатового дерева, Лачхма испуганно поглядела на Гусаина';

(112) *Nāth ne... kursī par baiḥte huye kahā...* (Y.DB, 705) 'Натх... садясь на стул, проговорил...', *unhō ne sakucāte hue pūchā kī bhāṣā kī bhūlē to behad hōgī* (JK.K, 11) 'Смущаясь, она высказала предположение, что, наверное, в языке [стихотворения] бесчисленное множество ошибок';

(121) *reziḍent kī bāt kātte rājā Ajabgarh ne kahā...* (U.SA, 100) 'Перебивая резидента, раджа Аджабгарха сказал...';

(122) *māī ne sahanubhūti prakṛt karte hue use apnī pīṭh par savār kar liyā...* (KC.G, 11) 'Выражая сочувствие, я посадил его

себе на спину...’, *Nirmalā ne āśru-pravāh ko rokṭe hue kahā...* (P.N, 123) ‘Сдерживая рыдания (букв. поток слез), Нирмала проговорила...’;

(212) *rānī ne hāthī par caṛhe hue aṭkal-paccā ek tīr calāyā* [145, с. 78] ‘Взобравшись на слона, рани наугад пустила стрелу’, *paṛosin ne uske karīb baiṭhe hue kahā...* [27, с. 272] ‘Сидя возле него, соседка сказала...’¹⁷;

4) в употреблении адъективного или адverbиального причастия в предложениях с именем субъекта, стоящим в прямом падеже, для обстоятельственной характеристики действия, названного финитным глаголом:

(111) *...vah dekhte-dekhte dvār se bāhar tairtī nikal gai* (JK.S, 71) ‘...она быстро выскользнула (букв. плывущая вышла) за дверь’, *...us par se ek cīṛiyā ghōsle se āte-jāte ghās ke tinke kuē mē girātī rahtī hai* (SV-2, 19) ‘...с него (фигового дерева) одна птичка, летая туда-сюда, то и дело роняет из гнезда травинки в колодезь’;

(112) *śāyad mā ne mujhe dāṭā bhī thā, kyōki māi sīrhiyā utartī huī ro rahī thī* (PL, 111) ‘Мама меня, наверное, даже поругала, потому что я плакала, спускаясь (букв. спускающаяся) по лестнице’, *apnī jhallāhaṭ dabākar vah muskarāte hue bolī...* (PL, 105) ‘Поддавив (в себе) чувство раздражения, она с улыбкой (букв. улыбаясь) проговорила...’;

(121) *itne mē... sīrhiyō se mīs Rūpvatī aṭkheliyā kartī nīce utarne lagī* (KC.G, 121) ‘В этот момент... по лестнице, кокетничая (букв. производящая кокетство), стала спускаться мисс Рупвати’, *Bhūgī nāk-bhāu sikoṛte gayī...* (P.N, 89) ‘Бхунги, нахмурившись (букв. сморщивая нос-брови), ушла...’;

(122) *mombattiyō kā dhuā dhūp mē nīlī-sī lakīr khīcṭā huā havā mē tirne lagā hai* (PL, 103) ‘Дымок от восковых свечей, образуя в лучах солнца синеватую линию, поплыл по воздуху’, *māi unkī sūkṣmadarśitā kī praśānsā karṭe hue āge baṛh gayā* (KC.G, 136) ‘Я, расхваливая остроу́ту его зрения, двинулся дальше’;

(211) *sandhyā kā samay thā. Nirmalā chat par jākar akelī baiṭhī ākāś kī or tṛṣit netrō se tāk rahī thī* (P.N, 36) ‘Был вечер. Нирмала поднялась на крышу и теперь, сидя в одиночестве (букв. одинокая сидящая), жадно глядела на небо’, *baiṭhe kuch likh rahī hai* [148, с. 360] ‘Сидя, она что-то пишет’;

(212) *māi dekhkar yah tay nahī kar sakā ki us samay vah pustak paṛh rahī thī yā leṭī huī sirf chat kī tarāf dekh rahī thī* (PL, 136) ‘Бросив взгляд, я не мог решить, читала ли она в то время книгу, или лежа только смотрела в потолок’, *aur barāmdē mē leṭe hue māi*

¹⁷ Наиболее типичными, статистически преобладающими являются случаи со сложными причастиями, в основном имперфективными [(112), (122)]. Тот факт, что в конструкции с послелогом *ne*, оформляющим имя субъекта действия, может встретиться, вопреки выявленной общей закономерности, и согласуемая причастная форма, отмечен О. Г. Ульциферовым на примере со сложным перфективным причастием от непереходного глагола [67, с. 18].

der tak jālī ke bāhar dekhṭā rahā (PL, 152) 'И лежа на веранде, я долго смотрел наружу сквозь решетчатое окно'¹⁸.

В рамках отмеченной общей закономерности выделяются следующие частные особенности употребления причастных форм:

1) при адъективном использовании с глаголами движения причастие (преимущественно простое) иногда проявляет тенденцию становиться компонентом сочетания, характеризующегося каким-либо специфическим аспектуальным значением, например: *totā sāth-sāth urṭā calā* (SV-2, 4) 'Попугай полетел (букв. летящий тронулся) рядом'; ... *aur vah garaṭṭā-taraṭṭā bādśāh kī or larḳā calā ā rahā thā* (BG, 44) '...и он (демон) с рыком стремительно надвигался на императора';

2) при адвербиальном использовании имперфективное причастие (простое или сложное) нередко сочетается с глаголами, которые выражают чувства и переживания, вызываемые соответствующим (т. е. выраженным при помощи причастия) действием, как-то: *ḍarnā* 'бояться', 'опасаться', *jhiḥaknā* 'робеть', 'бояться', *śarmānā* 'стыдиться', *jhēpnā* 'смущаться', *thaknā* 'уставать', *ghabrānā* 'беспокоиться', 'смущаться', 'чувствовать отвращение' и т. п., — а также с глаголом *cūknā* 'упускать случай', например: *jo kṛṭā boyā hai, uskā phal khāte kyō itnā ḍarte ho?* (P.N, 130) 'Почему вы так боитесь пожать плоды тех горьких семян, которые вы посеяли?', *pahle Mansārām uske pās āte hue jhiḥaktā thā, lekin ab vah bhī kabhī-kabhī ā baiṭhā* (P.N, 66) 'Прежде Мансарам не решался ходить к ней, но теперь и он заходил иногда в ее комнату', *munṣijī usse Mansārām kī koī carcā karte śarmāte the* (P.N, 125) 'Мунши [Тотарам] стыдился заводить с ней какой-либо разговор о Мансараме', *itnā svikār karte kyō jhēpte ho?* (P.N, 128) 'Почему вы стыдитесь признаться в этом?'; *vah to yah bāt batāte bhī nahī cūktā kī uskī bahān apūrva sundarī hai* 'Он-то уж никогда не упускал случая сказать, что его сестра — несравненная красавица' [67, с. 265]. О. Г. Ульциферов отмечает, что в данном случае «обстоятельственные отношения представляются несколько затухшими, а сама конструкция является переходной от обстоятельственных к объектным словосочетаниям» [67, с. 265].

5) в употреблении адъективного причастия в качестве объектно-предикативного члена при переходном глаголе (в формах как активного, так и пассивного залога) — названии такого действия, пациенс которого выражается формой прямого падежа существительного, совпадая с агенсом действия, обозначенного причастием:

(111) *ākhē khultī dekhkar us ne cintit svar mē pūchā, «ab kaisā hāl hai?»* (A.A, 46) 'Увидев, что глаза открываются (букв. глаза открывающиеся/открывающимися), она участливо спросила: «Ну как самочувствие?»', *Bhuvan ne... dher-sī lakriyā... rakh dī thī kī āg barābar jaltī rakhī jā sake* (A.N, 224) 'Бхуван... положил [в очаг] охапку дров, чтобы поддержать огонь (букв. чтобы огонь мог поддерживаться постоянно горящим)';

(112) *lekin jab apnī vinod-vāṭikā mē praveś karte... aur kyā-riyō mē dhāl urṭī huī dekhṭe, to unkā jī cāhtā — kyō na is vāṭikā ko*

¹⁸ Факт согласования адъективного причастия с существительным (или его субститутом) дает основание полагать, что, обозначая процессуальный признак действия, такое причастие вместе с тем характеризуется в какой-то мере и значением, основанным на атрибутивной связи. Специализированным же средством передачи значения процессуального признака действия, т. е. чисто обстоятельственного значения, следует признать адвербиальное причастие. Необходимо, однако, отметить, что адвербиальное использование перфективных причастий от непереходных глаголов [см. вторые примеры в рубриках (211) и (212)] — сравнительно редкое явление.

ujār dū? (P.N, 66) 'Но когда он приходил в свой заветный сад... и видел, как над клумбами клубится пыль, то у него возникало неодолимое желание уничтожить сад', ...*striyā... Cādnī Cauk se Yamunā-ghaṭ tak rāstā caltī huī dekhī jā saktī hai* (JK.S, 94) 'Можно видеть, как... женщины... идут (букв. женщины могут быть увиденные идущими) по дороге от Чандни-Чаяк до спуска к Джамне';

(121) ...*dūsre jātiyō ke zyādā umr vāle log to aur hī kuch kahte sune gaye* (N.D, 101) '...от пожилых же людей из других каст довелось услышать нечто иное' (букв. '...пожилые же люди других каст были услышаны говорившими нечто иное');

(211) *ham ne kāī din uske mūh se -khūn lagā dekhā hai aur haḍḍiyō ke tukrē paṛe dekhe hai* (AY.S, 15) 'Мы уже не первый день видим измазанное кровью ее лицо и кругом разбросанные кости (букв. к ее лицу кровь приставшую/приставшей и костей обломки валяющиеся/валяющимися)', «*nahī nahī, jo kuch banā rakhā hai, vahī khāḍge*», *māī ne kahā* (PL, 143) '«Нет, нет, мы будем есть все то, что приготовлено (букв. имеется приготовленным)», — сказал я';

(212) *bāt yah thī ki savere-hi-savere bahut-sā dūdh dyaṛhī mē bikhṛā huā pāyā gayā* (JK.S, 122) 'Дело в том, что рано утром много молока было обнаружено разлитым в прихожей', *is ne Harbans kī cappal tūṭī huī dekhī thī to yah cappal kharīd lāī thī* (MR.A, 272) 'Она увидела, что сандалии Харбанса развалились (букв. сандалии развалившиеся/развалившимися), и поэтому купила и принесла эти сандалии'¹⁹;

б) в употреблении адвербиального или собственно объектно-предикативного причастия (т. е. причастия в неизменяемой, или несогласуемой, форме на -ā) в качестве объектно-предикативного члена при переходном глаголе — названии такого действия, пациенс которого, совпадая с агенсом действия, обозначенного причастием, выражается формой косвенного падежа существительного или местоимения с послелогом *ko* либо формой объектного падежа местоимения:

(111) *Nirmalā jyōhī dvār par pahūcī, us ne Sudhā ko tāḡe se utarte dekhā* (P.N, 199) 'Как только Нирмала подошла к двери, она увидела, что Судха вылезает из тоннга', *beṭā jab mahālō mē ghusā to apnī mā ko sone ke hīḍole mē jhultā dekhkar barā khuṣ huā* (SV-3, 17) 'Когда сын вошел в хоромы, то, увидев, что его мать качается на золотых качелях, очень обрадовался'²⁰;

¹⁹ Встречаются, однако, случаи употребления адвербиального причастия: *koḥī mē se dhuī uṭhte dekhkar ve pānī kī talāṣ mē vahā ā pahūce* (AY.S, 36) 'Увидев, как из дома поднимается дым, они в поисках воды пришли туда' (см. также примеры, приводимые В. А. Чернышевым [79, с. 89]), *uskī kṛtrīm muskarāhaṭ ke piche māī krodh ka ek tūḡān uṭhte hue dekh rahā thā* (K.C.G, 148) 'Я видел, как за этой искусственной улыбкой поднимается буря гнева' (см. также пример, приводимый З. М. Дымшицем [30, с. 26]).

²⁰ Сочетание *caltā karnā*, возникшее на основе использования причастия *caltā* (ср. *calnā* 'идти', 'двигаться') в качестве объектно-предикативного члена при глаголе *karnā* 'делать', получает значение 'отправлять' (ср. *caltā bannā* «отправляться»): *asistēnṭ sṭeṣan māṣar ne tezī dikhāte hue gāriyō ko caltā kiya* (UA.BP, 157) 'Помощник начальника станции с большой расторопностью отправил поезда'.

(112) *hatāṣ-sā vah kuch kṣaṇ tak use jāte hue dekhtā rahā...* (PL, 79) 'В растерянности он некоторое время смотрел, как она уходит...'; *vah use nadī kī or jānevālī pagḍaṇḍī par jātā huā dekhtī rahī* (PL, 83) 'Она смотрела, как он идет по тропинке, ведущей к реке';

(121) *māi cup rahkar use cāy mē cīnī milāte dekhtā rahā* (PL, 148) 'Я продолжал молча смотреть, как она кладет в чай сахар';

(122) *vah kharā-kharā use roṭī pakāte hue dekhtā rahā* (PL, 83) 'Он стоя смотрел, как она печет лепешку';

(211) *yahā āyā to unhē baiṭhe dekhā...* (P.N, 200) 'Когда [я] пришел сюда, то увидел ее сидящей...'; *Gopīcand ko soc mē paṛā dekhkar muni bole...* (SV-2, 35) 'Увидев Гопичанда погруженным в думы, мудрец проговорил...';

(212) *aur phir Mohan ko sahme hue dekhkar usse bole «jā beṭā, bāhar jākar khel»* (U.A. P, 40) 'А потом, увидев Мохана напуганным, сказал ему: «Ступай, сынок, поиграй на улице»'; *usne pitā ko kisī gahrī cintā mē ḍubā huā dekhā to kāraṇ jāne kī zid karne lagī* (BG, 47) 'Когда она увидела отца погруженным в глубокое раздумье, она стала настойчиво расспрашивать о причине'²¹.

Ряд случаев употребления причастных форм выходит за рамки рассмотренной выше функциональной общности причастий. К таким случаям относятся:

1) адъективное использование перфективного причастия в функции предикатива перед глаголом-связкой *honā* 'быть', 'становиться', когда передается значение состояния, возникающего в результате предшествующего осуществления действия:

(211) *vahā chappar kī pāṛh se sāf śīše vālī ek nai lālṭen ṭāgī thī...* (N.D, 98) 'Там к балке крыши был привешен новый, блиставший чистой стеклянный фонарь...'; *dūsrī taraf cārpāi par Dukhmocan kā bistar bichā thā* (N.D, 148) 'С другой стороны на кровати была расстелена постель Духмочана'; *bāhar bahut-se log āpse milne kī āśā lie baiṭhe hāi* (K.C.G, 88) 'Снаружи сидит множество людей в надежде встретиться с Вами';

(212) *...aur śīse se kuch ūpar kisī gārhe rang ke gilāf mē koī vādyā ṭāgā huā thā* (A.A, 127) '...а чуть выше флакона в чехле темного цвета висел какой-то музыкальный инструмент'; *kamrē mē ek taraf ko takht parā thā, jis par sundar kālīn bichā huā thā* (A.Y.S, 20) 'В комнате с одной стороны находилась одна тахта, на

²¹ Встречаются, однако, случаи адъективного использования причастий, т. е. случаи употребления причастий, согласуемых с именем субъекта соответствующего действия (именем объекта действия, названного основным глаголом): *use jāti dekhkar bolā, «aur āp?»* (A.A, 135) 'Увидев, что она уходит, [юноша] проговорил: «И вы?»; *Suśilā ko soī huī jān kar ke ve uske nikāṭ baiṭh gaye* [147, с. 173] 'Посчитав Сушиллу спящей, он сел возле нее'. Любопытен пример со сложным причастием, первый компонент которого выступает в форме на -е (т. е. используется как адвербиальное причастие), а второй — в форме на -ā (т. е. как объектно-предикативное причастие): *māi ne usko daṛṭe huā pakṛā* [145, с. 80] 'Я его поймал, когда он бежал' (согласно пояснению Д. Филлота, использование *huā* на месте *hue* исключает возможность понимать соответствующее предложение в смысле «Когда я бежал, я его поймал»).

которой был расстелен прекрасный ковер', *dāsre hāthī par kaun baiṭhā huā hai, samajh mē nahī ātā* (P.N, 144) 'Кто сидит на втором слоне, мне невдомек', *Nāi ghaṇṭe-bhar se āyā huā hai, aur abhī tak rupaye nahī mile* (P.N, 145) 'Вот уже целый час Наи торчит (букв. прибывший есть) здесь, а денег все нет', *rāt ke das baj gaye the, munṣījī āj kahī dāvat khāne gaye hue the* (P.N, 89) 'Пробило десять часов вечера, а мунши [Тотарам] все еще был (букв. был ушедший) где-то в гостях';

2) адъективное использование перфективного причастия (простого) в функции предикатива перед глаголом-связкой *rahnā* (*rah jānā*) 'оставаться': *dāktar kā praśna havā mē tīgā rahā* (PL, 93) 'Вопрос доктора повис в воздухе (букв. остался повисшим в воздухе)', *tum na calogī to māi bhī na jāūgī, yahī tumhāre pās baiṭhī ruhūgī* (P.N, 27) 'Если ты не поедешь, то и я не поеду. Здесь же останусь сидеть (букв. останусь севшей) возле тебя', *vah din bhar inhī vicārō mē dūbā rahā* (P.N, 103) 'Целый день он был погружен (букв. оставался погружившимся) в эти думы', *Candrabhānu aur Kṛṣṇā cale, par Nirmalā akele baiṭhī rah gaī* (P.N, 28) 'Чандрабхану и Кришна ушли, а Нирмала осталась сидеть одна', ... *māno bahut dhone par bhī gulāl ke kuch dhabbe idhar-udhar bikhre rah gae hō* (PL, 108) '...как будто пятна от красного порошка остались рассеянными там и сям [на ее лице], несмотря на предпринимавшиеся попытки смыть их' (в таких предложениях передаваемое значение результативного состояния осложняется семантическим оттенком длительности или — в случае с *rah jānā* — длительности, ограниченной внутренним пределом);

3) использование перфективного причастия в качестве субъектно-предикативного члена (предикативного определения) перед сочетаниями «перфективное (как правило, простое) причастие от глаголов *parṇā* 'падать', *baiṭhnā* 'сидеться' (т. е. *paṛā, baiṭhā*) + связка *honā* или *rahnā* (*rah jānā*)» либо перед сочетанием *kharā honā* 'стоять' или *kharā rahnā* 'продолжать стоять' (*kharā rah jānā* 'остаться стоять'):

(211) *vah pletfārm kī taraf mūh karke khīrkī se lagā baiṭhā thā* (N.D, 56) 'Он сидел лицом к платформе, прислонившись к окну' (букв. 'Он, повернувшись лицом к платформе, прислонившийся к окну севший был'), *merī cārpāi ke pās hī ek tipāi āudhī paṛī thī...* (PL, 153) 'Как раз около моей кровати валялся опрокинутый треножник... (букв. один треножник опрокинутым свалившийся был)' (см. *parṇā* 'падать', *āudhnā* 'опрокидываться'), *dāktar ke jāne par Latikā kuch der tak ādhare mē relīng se saṭī kharī rahī* (PL, 126) 'После ухода доктора Латика в течение некоторого времени продолжала стоять в темноте, облокотясь (букв. облокотившаяся/облокотившейся) на перила';

(212) *din-bhar uske bistre se saṭā huā baiṭhā rahā...* (PL, 122) 'Целый день я просидел у его постели (букв. прижавшийся/прижавшимся к его постели)', ... *uske pās hī uskā phaṭā huā ek mātra vastra rakta se bhīgā huā paṛā thā* (A.A, 20) '...рядом с ним валялась только его рваная одежда, обгаренная кровью (букв. ...одежда

кровью намоченная свалившаяся была)', *cauthī or, divār kī chāyā mē, ek śahtīr zamīn mē gaṛā huā kharā thā* (A.A., 101) 'С четвертой стороны в тени, отбрасываемой стеной, стоял воткнутом в землю шест';

4) использование перфективного причастия (преимущественно простого) в позиции между двумя существительными, характеризующееся тем, что данное причастие, следуя за существительным в форме прямого падежа, обозначающим субъект соответствующего действия, согласуется на основе атрибутивной связи со следующим за ним существительным: *surmā lagi ākhē* (Y.VD, 147) 'подведенные сурьмой глаза' (букв. 'сурьма-приставшие глаза'; ср. *lagnā* 'прикладываться', 'прикрепляться', 'приставать', 'прилипать'), *kāi lage pattharō par* (PL, 77) 'по покрытым тинной камням' или 'по камням с прилипшей [к ним] тинной', *ek konā-miṇe ranne par* (PL, 17) 'на одной странице с загнутым (букв. загнувшимся; ср. *mirnā* 'сгибаться') углом', *toze saṛhe pairō mē* (JK.S., 40) 'на ногах с натянутыми [на них] носками' (ср. *saṛhnā* 'натягиваться'), *pānī paṛī huī garm rākh* [30, с. 31] 'залитый водой горячий пепел' (букв. 'вода упавший горячий пепел'; ср. *paṛnā* 'падать'), *palakē mūde cehre par se* (Y.VD, 489) 'с лица с опущенными веками' (ср. *mādnā* 'закрываться')²².

Особенности функционирования перфективных причастий переходных глаголов

Своеобразие функционирования перфективных причастий (причастий II), образованных от переходных глаголов, во многом определяется тем, что они могут характеризоваться как пассивным, так и активным значением.

Пассивное значение присуще перфективному причастию в таком употреблении, когда оно определяет объект соответствующего действия, т. е. действия, названного глаголом, от которого образовано данное причастие, активное значение — в таком употреблении, когда перфективное причастие определяет субъект соответствующего действия.

Формальным показателем отнесения того или иного причастия к объекту или субъекту действия служит согласование. Поэтому адъективное причастие, согласуемое с именем объекта соответствующего действия, следует признавать выступающим в пассивном значении, а адъективное причастие, согласуемое с именем субъекта, — выступающим в активном значении. Иначе говоря, согласованием перфективного причастия, образованного от переходного глагола, с именем

²² Именно первые два компонента аналогичных трехкомпонентных сочетаний легли в основу таких прилагательных — сложных слов, как, например, *ḍum-kaṭā* 'куцый', *man-calā* 'легкомысленный', *mūh-jalā* 'низкий', 'подлый'.

объекта действия имплицитруется его (т. е. причастия) пассивное значение, а согласованием такого причастия с именем субъекта действия — его активное значение.

С наибольшей отчетливостью каждое из этих значений в их противопоставлении друг другу проявляется при употреблении причастия в составе атрибутивного словосочетания с опорным компонентом — существительным; ср. *pāyā huā inām* 'полученная премия' — *inām pāyā huā laṛkā* 'получивший премию мальчик'. При этом существенны следующие моменты:

а) наличие имени объекта в препозиции к причастию, выступающему в активном значении: *inām pāyā huā laṛkā* 'получивший премию мальчик';

б) возможность распространить сочетание, содержащее причастие в пассивном значении, препозитивным существительным или его субститутом с послелогом-транспозитором *kā* (реже с послелогом [*ke*] *dvārā*) либо притяжательным местоимением для указания на субъект действия: *laṛke kā pāyā huā inām* 'премия, полученная мальчиком', *tumhārā pāyā huā inām* 'премия, полученная вами'; см. также текстовые примеры:

(221) *merī likhī pustakē* [107, с. 476] 'написанные мной книги', *Bhāgī kā lāyā saudā* (P.N, 184) 'покупка, принесенная [самой] Бхунги', *tum logō kā chuā pānī* (N.D, 166) 'оскверненная (букв. тронутая) вами вода', *dādā-pardādā ke banvāye makān* (N.D, 134) 'строения, возведенные предками', *apkā batāyā nuskhā* [67, с. 150] 'сказанный вами рецепт';

(222) *merī paidā kī huī daulat* (P.N, 157) 'мною добытое богатство', *apnī banāi huī tasvīrē* (PL, 132) 'созданные [ею] самой картины', *tumhāri banāi huī nāi tasvīrē* (PL, 146) 'новые картины, созданные вами', *caukidār kī dī huī bīrī* (PL, 27) 'данная сторожем сигарета', *bakrī dvārā khāye hue sabhī vyakti* (AY.S, II) 'все люди, съеденные козой', *bādsāh kī māgāi huī vastu* (BS, 22) 'вещь, заказанная императором', *dūsrō ke dvārā mārā huā śikār* (SV-3, 23) 'дичь, добытая (букв. убитая) другими', *unhī kī lagāyī huī āg* (P.N, 77) 'ею же разведенный огонь' (ср., однако, случай с именем субъекта, не сопровождаемым каким-либо из послелогов: *ghun khāye hue dāne kī bhātī* (AP.D, 46) 'подобно зерну, изъеденному долгоносиком');

в) ограниченность числа глаголов, отличающихся тем, что образованное от них перфективное причастие способно в активном значении входить в состав атрибутивного словосочетания, согласуясь с существительным — именем субъекта действия; к таким глаголам, в частности, относятся *rahaṇā* 'надевать', *sikhṇā* 'изучать', *pānā* 'получать', *paṛhṇā* в значении «изучать» (но не «учиться»), *pīnā* 'пить', *khānā* 'есть', о чем свидетельствуют следующие примеры, почерпнутые из лингвистических работ по хинди: *nāi ṭopī rahnā huā bacā* [124, с. 154] 'надевший новую шапку ребенок', *kām sikhā huā naukār* [107, с. 476; 124, с. 155] 'изучивший дело слуга' ('овладевший работой слуга'), *inām pāyā huā laṛkā* [107, с. 476] 'получивший премию мальчик', *āgrezī paṛhā hindustāni* [29, с. 89] 'обучившийся английскому языку индеец', *śarāb piyā huā ādmī* [167,

с. 159] 'выпивший вина человек', *coṭ khāi huī bhāvnāē* [30, с. 31] 'упаднические (букв. удар съевшие) настроения'.

Таким образом, круг переходных глаголов, перфективное причастие которых согласуется в составе атрибутивного словосочетания с именем субъекта соответствующего действия (см. п. «в»), не исчерпывается лишь двумя глаголами — *pahannā* и *sikhnā*, квалифицируемыми Ямуной Качру как стативные [124, с. 155]. Следует, однако, считаться с возможностью того, что некоторые из отмеченных выше глаголов выступают как стативные (в понимании Я. Качру) только в сочетании с именем объекта определенной семантики: *coṭ khānā*, *śarāb pīnā*.

Вместе с тем бывают случаи, когда нет строгих формальных критериев для того, чтобы решить, употреблено ли перфективное причастие в форме, согласованной в составе атрибутивного словосочетания с именем субъекта действия, т. е. в качестве адъективного, или в нейтральной форме на *-e*, т. е. в качестве адverbиального. Это наблюдается тогда, когда имя субъекта соответствующего действия выражено существительным мужского рода в форме косвенного падежа (как единственного, так и множественного числа) или в форме прямого падежа множественного числа, например: *seth ne phatē vastra pahne hue vyakti kī or sanket karke kahā...* (K.C.G, 114) 'Сделав знак в сторону одетого в рваную одежду человека, сетх проговорил...' (ср., с одной стороны, *naī topī pahnā huā bassā* 'надевший новую шапку ребенок' и, с другой — *sārī pahne hue laṛkī* 'одетая в сари девушка' или 'девушка с надетым сари' [96, с. 99]). См. другие примеры: *naukrī pāye log* (Y.DB, 689) 'получившие работу люди', *Sūdji kī kṛpā pāye log ō ko* (Y.DB, 689) 'людям, снискавшим милость Суда', *ḍāṭī khāye hue basse kī tarah* (MR.A, 390) 'как ребенок, которому пригрозили' (букв. 'как съевший угрозу ребенок'), *mṛtyu-daṇḍ pāye hue ādmī kī bhāṭī* (P.G, 114) 'как человек, приговоренный к смертной казни' (букв. 'как получивший смертную казнь человек'), *nangī talvār liye huye Mānsinh ko* (VV.M, 194) 'Мансинха с обнаженным мечом в руке' (см. *lenā* 'брат'), *bojh lāde hue baniyō ko* (PL, 46) 'купцов, погрузивших (см. *lādnā* 'грузить') поклажу' (см. также примеры, приведенные в работах З. М. Дымшица и О. Г. Ульциферова [29, с. 89; 30, с. 31; 67, с. 152]). Практически же в подобных случаях причастие на *-e* следует признавать адъективным, т. е. согласованным с именем субъекта действия, при том условии, если зафиксировано употребление данного причастия как компонента атрибутивного словосочетания в форме на *-ā* и/или *-ī*.

Пассивным значением перфективное причастие от переходных глаголов характеризуется также в следующих случаях употребления:

1) в позиции предикатива (присвязочного члена), когда передается значение результативного состояния, приписываемого объекту действия, например:

(221) *lāl aur pile telō kī do śīṣiyā rakhī thī* (N.D, 34) '[Здесь же] стояли (букв. поставленные были; см. *rakhnā* в значении «ставить», «класть») два флакона: один с красным маслом, другой — с желтым',

kal tak tumhārā sāmān vahā hifāzat se rakhā rahegā (PL, 141) 'До завтрашнего дня ваш багаж пролежит там (букв. останется хранимым) в полной сохранности'; ... *ek khoprī aur do hadḍiyō ke krās ke nice «khatrā» aur «denjar» likhe the* (PL, 23) '... ниже изображения черепа с перекрещенными костями были написаны [слова] «опасно» и «danger», *āpar se jo kaprā dālā thā, us par acchī tarah candan kā lep carhāyā thā* (N.D, 55) 'На материю, наброшенную сверху, была густо нанесена сандаловая мазь';

(222) *ṭebal par kāsē ke cār kaṭoriyā rakhī huī thī* (N.D, 121) 'На столе стояли четыре чашки из латуни', *lifāfe par uskā nām aur hosṭal kā patā likhā huā thā* (PL, 116) 'На конверте были написаны ее имя и адрес общежития', *jis vrkṣa ke nice vah nitya baiṭhī thī, vah uske pati kā lagāyā huā thā* (A.A, 122) 'Дерево, под которым она постоянно сидела, было посажено ее мужем', *vrddha... bolā, «Kānak, ye khilaune mere hī banāye hue hai»* (A.A, 52) 'Старик... сказал: «Канак, эти игрушки сделаны мной»²³;

2) в позиции субъектно-предикативного члена (предикативного определения), в частности при глаголе *milnā* 'встречаться' или при глаголе движения *ānā* 'приходить', например: *kahār to ājkal dhūḍhe nahī milte* (P.N, 50) 'Слуг нынче днем с огнем не сыскать' (букв. 'Слуги нынче найденными не встречаются'), *is granth kī prācīntam prati sāvat 1642 kī likhī miltī hai* (PT.S, 39) 'Самый старинный из доступных нам экземпляров этой книги написан в 1642 году (букв. 1642 года написанным встречается) эры Викрамадитьи', *vah rakṣā huā āyā* (J.K.S, 62) 'Он был приведен насильно' (букв. 'Он пришел [будучи] пойманный');

3) в позиции объектно-предикативного члена, например:

(221) *sab ne pājeb rahnī dekhkar use pyār kiyā aur tārīf kī* (J.K.S, 49) 'Увидев украшение надетым, все были очарованы и выразили свое одобрение', *karnal ghar mē talvār se māge pāye gaye* (A.A, 83) 'Полковник был обнаружен у себя дома убитым саблей', ... *vah sāvat 1561 (san 1504) kī likhī kahī gayī hai* (PT.S, 43) '... он (экземпляр книги) датирован (букв. объявлен написанным) 1561 годом эры Викрамадитьи (1504 годом)';

(222) *māi ne use jangal mē nanhī-sī phēkī huī pāyā thā* (U.S.A, 109) 'Я нашел ее, крошку, брошенной в лесу [на произвол судьбы]', *merī sandūkhō mē saikrō, ek-se-ek kīmatī sāriyā tah kī huī rakhī thī... (U.S.K, 58) 'В моих ларцах хранились сложенными бесчисленные сари, одно дороже другого...'*

Что же касается перфективного причастия от переходных глаголов, согласуемого с именем субъекта действия, т. е. выступающего

²³ Субъект соответствующего действия при необходимости бывает выражен находящимся в препозиции к причастию (как правило, сложному) именем существительным или его субститутом с послелогом-транспозитором *kā* либо притяжательным местоимением (см. два последних примера). Рассмотренному случаю употребления адъективного причастия противостоит случай использования причастия в несогласуемой («нейтральной») форме на *-ā* с именем объекта действия в форме косвенного падежа с послелогом *ko*: *pūch-tāch ke silsile mē pās vyaktiyō ko rokā huā hai* 'В связи с расследованием задержано пять человек' [113, с. 363].

в активном значении, то оно практически вне атрибутивного словосочетания не встречается, хотя о потенциальной возможности его употребления в функции предикатива (присвязочного члена) свидетельствует такой текстовый пример: *donō hāthō aur pairō kī āgliyō mē vah tābe kī bahut āgūhiyā pahñī huī thī* (AJ, 34) 'На пальцах обеих рук и обеих ног она носила (букв. надевшая была) много медных колец'; см. также пример, приведенный в грамматике Э. Гривза [106, с. 123]: *māi to us ko sādhasāhi jāntī thī par kyō na ho ant ko to Banāras kā pāñī pīā huā hai nā?* 'А я-то принимала его за праведника. Не он ли в конце концов является испившим бенаресской воды?'.²⁴

В хинди широко распространены перфективные причастия, образованные от переходных глаголов, в неизменяемой («нейтральной») форме на *-e*. В лингвистической литературе, посвященной грамматике языка хинди, значение таких адвербиальных причастий принято квалифицировать как активное [27, с. 277; 29, с. 95, 97; 30, с. 37, 39; 145, с. 78; 147, с. 172; 148, с. 360, 383]²⁴.

Адвербиальное перфективное причастие переходных глаголов, сочетаясь с именем объекта действия, выступает:

1) в качестве предикатива (присвязочного члена) в позиции перед глаголом-связкой *honā* 'быть', 'становиться', например:

(221) *dāktar koṭ nahī pahne thā* (Y.DB, 474) 'На докторе не было пальто' (букв. 'Доктор надевши пальто не был'), *hāth mē vah ek thailā liye thī* (PL, 128) 'В руке она держала (букв. взявши была) сумку';

(222) *vah krīm rang kī pūrī bādhō kī ūñī jaikeṭ pahne hue thī* (PL, 108) 'Она была в шерстяном жакете кремового цвета с длинными рукавами', *donō khālī dībbe vah apne hāthō mē liye hue thī* (PL, 159) 'Обе пустые коробки она держала в руках';

2) в качестве предикатива в позиции перед глаголом *rahnā* (*rah jānā*) 'оставаться', например:

(221) *sadā kacce dūdh kī nāī safed aur svaccha vastra pahne rahtī hai* (JK.S, 95) '[Она] постоянно носит (букв. надевши остается) белую, как сырое молоко, чистую одежду', *māi ne kuch vismit hokar ākh uṭhāyī aur uṭhāye hī rah gayā* (A. A, 66) 'Я удивленно поднял глаза, да так и замер (букв. . . и поднявши остался)';

3) в качестве субъектно-предикативного члена (предикативного определения) в позиции перед {*baithā*, *paṛā*, *kharā* и т. п.} + *honā* или *rahnā*²⁵, например:

²⁴ В соответствии с этим окончание *-e* целесообразно интерпретировать как формальный показатель «преобразования пассивного значения в активное», рассматривая перфективное причастие переходных глаголов как пассивное по своей природе [113, с. 363]. Такая точка зрения обосновывается в статье М. Хельзиг [115]. Ср., однако, мнение Хардева Бахри, который, как видно из приведенного им примера, и в причастной форме на *-e* усматривает пассивное значение [83, с. 369].

²⁵ Если в этой позиции выступает, следуя за причастием, какое-то другое слово, характеризующееся функцией субъектно-предикативного члена, то соответствующее причастие играет роль обстоятельства: . . . *merī nazar ek phāṭe hāl vyaktī par paṛī, jo do gadhō kī rassiyā thāme cupcār kharā thā*

(221) *unhō ne dekhā buṛhiyā ek lohe kā sandūk khole baiṭhī hai* (SV-3, 7) 'Они увидели, что старуха сидит, открывши железный сундук (или . . . сидит перед открытым железным сундуком)', *dekhtī kyā hai ki uskā pati ākhē paṛere paṛā hai* (AУ.S, 52), 'И [она] видит, что ее муж валяется на полу, закативши глаза', *itne mē kyā dekhā hī ki bahut-se fasādi rāstā roke khare hāi* (K.C.G, 11) 'И тут я вижу, что [впереди], загородивши собой дорогу, стоит множество участников беспорядков', *mis Pāl ne daftar se chuṭī le rakhī thī aur kamrā band kiye apne gadde par leṭī thī* (PL, 133) 'Мисс Пал взяла себе в офисе выходной день и лежала на своем матрасе, закрывши дверь', *Bhālcandra ek minaṭ tak ākhē band kiye baiṭhe rahe. . .* (P.N, 42) 'Бхальчандра целую минуту сидел с закрытыми глазами. . .', *vah kuch kṣaṇ tak sās roke Jūli ke kamre ke bāhar kharī rahī* (PL, 127) 'Некоторое время она с затаенным дыханием стояла у комнаты Джули';

(222) *yuvak caukī par ghuṭne samēte hue baiṭhā thā* (A.A, 126) 'Юноша сидел на табурете, сомкнув колени', . . . *sāmne Kalyāṇī bhāūhē sikoṛe hue kharī thī* (P.N, 30) ' . . . впереди стояла Кальяни с нахмуренными бровями' ²⁶;

4) в качестве объектно-предикативного члена при переходном глаголе в активном залоге (как правило, глаголе *rakhnā* в значении «держать», «хранить») — названии действия, объект которого является одновременно и объектом действия, обозначенного причастием:

(221) . . . *vah Karīmuddīn ko der rāt tak bātō mē uljhāe rakhtī* (PL, 99) ' . . . она допоздна занимала Каримуддина разговорами' (см. *uljhānā* 'впутывать'), *kintu koī śakti use roke rakhtī hai. . .* (PL, 94) 'Но какая-то сила ее удерживает (букв. ее остановивши держит)', *par unhō ne apnā hāth merī or baṛhāye rakhkar jāne kis svar mē kahā: 'dekhiel'* (J.K.K, 78) 'Но он, протягивая в мою сторону руку, каким-то странным тоном произнес: «Глядите!»' ²⁷;

5) в качестве объектно-предикативного члена при переходном глаголе (обычно глаголе *dekhnā* в значении «видеть») — названии такого действия, объект которого отличен от объекта действия, обозначенного причастием (т. е. обычно совпадает с субъектом действия, обозначенного причастием), например:

(221) *rājā ko kafnī bādhe dekh rānī ko viśvās nahī huā* (SV-2, 36) 'Рани не поверила своим глазам, увидев раджу облаченным в балахон отшельника', *Bhuvan ko dhyān āyā ki Rekḥā ko usne rangīn sārī kam hī pahne dekhā hai, par safed pahne to kabhī dekhā*

(K.C.G, 114) 'Мой взгляд упал на какого-то доходягу, который молча стоял, держа за веревки (букв. веревки удерживая молча / молчаливым стоял) двух ослов'.

²⁶ Для большей выразительности перфективное причастие с именем объекта и другими относящимися к нему словами может быть вынесено в конец предложения: *andar dīvān par Nīlīmā baiṭhī thī, ek patrikā mē ākhē gaṛāye hue* (MR.A, 206) 'В комнате на диване сидела Нилима, уткнувшись в журнал (букв. вперив глаза в журнал)'.

²⁷ Сочетание *banāye rakhnā* получает значение глагольной лексики «сохранять»: *bātō kā kram bānāe rakhne ke lie Gusāf ne pūchā. . .* (PL, 81) 'Чтобы не оборвалась нить разговора, Гусаин спросил. . .'

hī nahī (A.N, 103) 'Бхуван вдруг осознал, что ему редко доводилось видеть Рекху одетой в цветное сари, а в белом он ее и вовсе никогда не видел';

(222) *yahā par māi ne bahut-se logō ko bher kī khāl ke bālō ke kapre pahne hue dekhā hai* (K.C.G, 15) 'Здесь я увидел многих людей носящими одежду из овечьей шерсти', *sipāhī ne cor ko māl liye hue pakrā* [107, с. 479] 'Сипай поймал вора с украденным имуществом';

6) в качестве обстоятельства сопутствующего результативного состояния²⁸, например:

(221) *Govind sir jhukāe hī hisāb-kitāb joṛtā rahā* (PL, 21) 'Склонив голову (со склоненной головой), Говинд продолжал заниматься счетами', *jab Giriś ne pūchā thā, «tum cup kyō ho», vah ākhē mūde soc rahī thī?* (PL, 117) 'Она думала, закрыв глаза (с закрытыми глазами), когда Гириш спросил: «Почему вы молчите?»', *vah sir ke pīche hāth rakhe ākāś kī or dekh rahī thī* (PL, 149) 'Она, положив под голову руки, глядела в небо', *us samay vah ek khurpī lie gulāb kī jhāriyō ke ird-gird kī ghās sāf kar rahā thā* (K.C.G, 63) 'Он в то время с мотыгой в руках (букв. взявши мотыгу) полот траву вокруг розовых кустов';

(222) *ḍāktar sāhab ne sir jhukāye hue kahā — ātī hogī* (P.N, 199) 'Доктор, опустивши голову, промолвил: «Скоро, наверное, [она] придет»', *mis Pāl apnī ākhē mūde hue mujhe batāne lagī kī. . .* (PL, 151) 'Мисс Пал, закрывши глаза, стала рассказывать мне, что. . .', *vah ab bhī tez dhūp mē bojhā sir par rakhe hue Gusāl kā uttar pāne ko ātur thī* (PL, 78) 'Она и теперь, держа под палящими лучами солнца тяжесть на голове, сгорала от нетерпения получить от Гусайна ответ', *tabhī bairā tre mē cāy liye hue ā gayā* (MR.A, 391) 'Явился официант с чаем на подносе'²⁹;

7) в качестве атрибутивного определения:

(221) *udās, maile kapre pahne striyā leṭī yā baiṭhī huī thī* (Y.VD, 480) 'Печальные, одетые в грязную одежду женщины лежали или сидели', . . . *parantu keval salvār pahne strī kī or dṛṣṭī jāne par uskā svar phir karā ho gayā* (Y.VD, 495) ' . . .но как только ее взгляд упал на женщину, на которой были надеты только шаровары, ее голос снова стал грубым';

²⁸ Имеется в виду значение такого состояния, которое, будучи результатом осуществления действия, обозначенного причастием, сопутствует другому действию (выраженному обычно глаголом-сказуемым) и характеризует его субъект. З. М. Дымшиц называет соответствующий член предложения обстоятельством состояния — образа действия [29, с. 97; 30, с. 39], разумея под этим «состояние подлежащего, сопутствующее действию, выраженному глаголом-сказуемым» [30, с. 39]. Уместно отметить, что, по утверждению Д. Филлота, в предложении *kitāb ko liye āo* заключена мысль, что адресат уже владеет книгой: «Иди сюда с [уже взятой] книгой» [145, с. 81].

²⁹ Для большей выразительности причастие с относящимся к нему именем объекта может быть помещено в конце предложения: *Mānik roz rāt ko der se lauṭtā, śarāb piye hue* (UB.S, 131) 'Маник ежедневно возвращался поздно, напившись вина'.

(222) *phir aspatāl ke safed bistre, kafan kī tarah mūh khole hue cādarē, kabrō kī tarah cārpāiyā, yamdūt ke samān narsē aur dāk-tar...* (B.D, 132) 'Затем больничные белые постели, простыни, как саваны с раскрытой пастью, кровати, словно могилы, медицинские сестры и доктора, наподобие посланцев Ямы...', *sārī pahne hue larķī apnī pustak parh rahī hai* [96, с. 99] 'Одетая в сари (букв. сари надевши) девушка читает свою книгу'.

Понимание адвербиального перфективного причастия в функции определения возможно лишь при его препозиции по отношению к соответствующему существительному, причем эта функция оказывается наиболее показательной для причастия тогда, когда данное существительное не является именем субъекта действия, выраженного в предложении глаголом³⁰. Препозицией же по отношению к глаголу-сказуемому обуславливается обстоятельственная функция причастия.

Как глагольная форма адвербиальное перфективное причастие от переходных глаголов выражает состояние, возникшее в результате предшествующего воздействия на объект, и поэтому в его грамматической семантике содержится и оттенок пассивного значения, например: *kamīz pahne (hue)* — не только «надевши рубашку», но и «с надетой рубашкой», *sir jhukāye (hue)* — не только «опустивши голову», но и «с опущенной головой» и т. п. Наиболее ярко этот оттенок значения проявляется тогда, когда есть возможность не считать имя существительное, с которым по смыслу связано имеющее при себе имя объекта перфективное причастие, именем субъекта соответствующего действия: *ās-pās aur dūr pāl tāne hue machlīmārō kī dōgiyā tair rahī thī* (UB. S, 25) 'Поблизости и вдали плыли с натянутыми парусами лодки рыбаков'.

Встречаются предложения, в которых в позиции атрибутивного определения (а) или в позиции предикатива (б) на месте адвербиального перфективного причастия от переходного глагола выступает полусогласуемое адъективное причастие, т. е. сложное перфективное причастие с согласуемым вторым компонентом:

(а) *mujhe dekhte hī ek dhōtī pahne huā ādmī zor se cillāyā: «guru jī, guru jī ā gae!»* (K.C.E, 60) 'Заметив меня, какой-то человек, одетый в дхоти, громко воскликнул: «Пришел почтенный гуру, почтенный гуру!»';

(б) *striyā tarangāyit upāntvālī lāl śāṭikāē pahne hui thī aur nīl kancuk ke ūpar hāridra uttarīya dhāraṇ kiye hui thī* (H.D.B, 140) 'Женщины были облачены в красные сари с волнистой оторочкой,

³⁰ Об особом положении такого определения свидетельствует, однако, то, что оно предшествует таким элементам, как числительное *ek* 'один', играющее роль неопределенного артикля, и указательное местоимение, например: *khaddar kā kurtā-pājamā aur gāndhī ṭopī pahne ek ādmī āyā* (Y.DB, 11) 'Пришел один человек в рубашке и штанах из домотканой материи и в конгрессистской шапочке', *kaprā pahne striyā kaprā chinnā cāhne vālī nangī strī aur keval salvār pahne us strī kā virodh kar rahī thī* (Y.VD, 495) 'Одетые женщины отбивались от голой женщины, хотевшей отнять одежду, и от этой женщины, имевшей на себе только шаровары'.

а над голубым лифчиком у них было накинуто желтое покрывало', *us šrngār-sadan mē bijlī kī anek choti-bari, harī battiyā cādnī-sā māyā-may jāl pasāre huī thī* (U.S.K., 117) 'Многочисленные зеленые электрические лампочки разного размера создавали в этом будуаре иллюзию лунного света (букв. были распростершие иллюзорную сеть наподобие лунного света)'.

Выше были рассмотрены случаи употребления перфективного причастия от переходных глаголов в несогласуемой («нейтральной») форме на -е или же в форме, согласуемой с именем субъекта или объекта соответствующего действия. Однако перфективное причастие от переходного глагола с предшествующим ему существительным в форме прямого падежа, обозначающим объект действия, может встретиться согласованным на основе атрибутивной связи со следующим за ним существительным, именем субъекта соответствующего действия не являющимся: *pāv dhoie hue pānī mē* (NK, 1961. X, 42) 'в воде, которой были вымыты ноги' (ср. *dhonā* 'мыть'), *terah lākh hekṭar anāj boī zamīn* [29, с. 89] 'один миллион триста тысяч гектаров земли, засеянной зерновыми (букв. зерно посеянная земля)' (ср. *bonā* 'сеять'), *chilke utārī huī. . . jāī* (EHD, 626) 'очищенный от шелухи овес' (ср. *utārṇā* 'снимать', 'сдирать'). Специфика таких трехкомпонентных сочетаний «существительное I + причастие + существительное II» раскрывается следующим образом.

С одной стороны, если встать на точку зрения, что перфективное причастие от переходного глагола, будучи в таких сочетаниях наделенным пассивным значением, семантически уподобляется причастию от непереходного глагола, то данные трехкомпонентные сочетания становятся в один ряд с трехкомпонентными сочетаниями, содержащими причастие от непереходного глагола, типа *surmā lagī ākhē* (Y.VD, 147) 'подведенные сурьмой глаза' (см. выше, с. 76) или *makkhan niklā dūdḥ* 'обрат' [29, с. 88] или, точнее, 'молоко со снятыми сливками' (букв. 'сливки отделившееся молоко'; ср. *chilke utārī huī jāī* как описательное обозначение овсяной крупы)⁸¹.

С другой стороны, два первых компонента подобных сочетаний «ведут себя» так, как будто они образуют комплекс («существительное I + переходный глагол»), выступающий в качестве эквивалента глагольной лексемы, называющей такое действие, объект которого выражен существительным II (т. е. применительно к трем приведенным выше примерам в значении «использовать для мытья ног», «засевать зерном» и «очищать от шелухи»).

Подобному образцу следуют, уподобляясь сложным глаголам, репрезентирующим модель синтаксической структуры уровня слова, устойчивые глагольно-именные сочетания, когда их глагольный компонент (*karnā, denā, lagānā* и др.) представлен перфективным причастием, например: *vādā kī huī jāgīr* (BG, 27) 'обещанный джагир', *nirmān kī huī vastuē* (HN, 103) 'созданные вещи', *uddhār kī huī*

⁸¹ Другими словами, можно постулировать сочетание *makkhan nikālā(huā) dūdḥ* в значении «обрат» и сочетание *chilke utrī (huī) jāī* в значении «овсяная крупа».

striyō ke lie (Y.VD, 527) 'для освобожденных женщин', «*Navanit*» *mē vijñāpan kī huī vastuē* (N, 1969. V, 8) 'товары, разрекламированные в [журнале] «Навнит»', *murammat kiyā huā sūp* (B.D, 112) 'починенная корзина', *nīce nām dī huī pustakē* [107, с. 476] 'поименованные ниже книги', *pulis dvārā vazan kiyā huā aur niśān lagāyā huā sonā* [30, с. 32] 'золото, взвешенное и помеченное полицией' [ср. сочетание с причастием от сложного глагола: *tah kiyā huā darī-takiya* (BG.S, 135) 'сложенная постель'].

Случаи использования процессивного причастия

Процессивное причастие используется преимущественно в функции атрибутивного определения, например: *donō ko cup dekh sāth cal rahe ajnabī ne kahā...* (G.D, 65) 'Увидев, что они оба замолчали, идущий рядом незнакомец сказал...', *māi vimanaska-sā hokar chat par par rahī būdē ginne kī ceṣṭā karne lagā* (A.A, 72) 'Я от нечего делать попытался считать падающие на крышу капли'.

Вместе с тем зафиксированы случаи его употребления в качестве предикатива (при связке *honā*, осложненной модификатором) и объектно-предикативного члена³²: *irāk is sangāḥan mē adhik dilcaspī nahī le rahā pratit hotā hai* 'Ирак кажется не очень заинтересованным в этой организации' [30, с. 43], *vah... in siddhāntō kī avhelnā ho rahī dekh rahā thā* (G.D, 233) 'Он видел, что... эти принципы попираются' (букв. 'Он видел попрание этих принципов происходящим').

Особые случаи употребления причастий

Причастия в абсолютных причастных оборотах

Использование причастий в хинди не исчерпывается рассмотренными выше случаями, когда они в качестве атрибутивного определения или предикатива относятся к имени субъекта или имени объекта соответствующего действия либо когда агенс причастного действия (или пациенс при условии пассивного значения причастия) совпадает с агенсом или пациенсом действия, выраженного финитным глаголом или — в более широком смысле — глаголом (в какой бы форме он ни стоял), занимающим в предложении доминирующее положение по отношению к причастию.

В частности, имперфективное причастие встречается согласованным в форме на *-e* (точнее *-ē*) или на *-ī* со следующим за ним существительным с лексическим значением «время», «раз», «миг» (*sa-*

³² Такие случаи свидетельствуют о том, что в современном хинди (особенно в языке прессы) сфера использования процессивного причастия расширяется. Следует ожидать, что рост функциональных возможностей данного причастия повлечет за собой его употребление и в несогласуемых («нейтральных») формах на *-e* и на *-ī*.

may, vaṭṭ, belā, velā, bār, dam), т. е. с существительным, которое именем субъекта соответствующего действия не является, например: *āṭe kī lōi banāte samay* (PL, 83) 'во время формовки теста', *yahā āte vaṭṭ* (P.N, 198) 'во время прихода сюда', *Jamnāji se lauṭṭi velā* (JK.S, 77) 'во время возвращения с [реки] Джамны', *lauṭṭi bār* (JK.S, 101) 'во время возвращения', 'на обратном пути', *marte dam tak* (P.N, 41) 'до смертного часа' (букв. 'мига'), 'до последнего дыхания'. Указание на субъект действия, обозначенного причастием, обычно содержится за пределами подобных оборотов, например: *bi-star bichāte samay mis Pāl ko ghar kī kāfi uthal-puthal karnī parī thī* (PL, 153) 'Когда мисс Пал стелила постель, многое в доме ей пришлось перевернуть вверх дном'. Внутри же оборота субъект действия может быть выражен помещенным в препозиции к причастию существительным или его местоименным субститутотом с послелогом-транспозитором *kā* (в форме *ke* или *kī*) либо притяжательным местоимением, например: *Bhuvan ke sote samay* 'во время сна Бхувана', *mere sote samay* 'во время моего сна'.

На основе согласования причастия от непереходного глагола с предшествующим ему именем субъекта действия, стоящим в форме прямого падежа, образуется абсолютный причастный оборот, занимающий в структуре предложения позицию члена, выражающего признак предмета, например: *vah is samay bhang piye, ākhē carhī, mailā lāl āgocā orhe thā* (UB.L, 112) 'Он в это время был пьян от бханга, с мутными глазами (букв. глаза помутневшие), с накинутым сверху грязным красным покрывалом'; *mujhe ādhī rāt ādhere mē hoṣ āyā to hāth-pāṅv bādhe kuṛ ke pās parī thī* (Y.VD, 501) 'Когда я в полуночной темноте пришла в себя, то оказалось, что я валяюсь около колодца со связанными руками и ногами (букв. руки-ноги связанные)' (ср. *bādhnā* 'быть связанным'), *rasoi se kalchī hāth mē liye, nange pair rasīnā ṭapaktā huā Rādhā nikaltī hai* [146, с. 526] 'Из кухни с половником в руке, босая, обливаясь потом (букв. пот выступающий), появляется Радха'.

Адвербиальные причастия (т. е. причастия в неизменяемой форме на -е) находят широкое применение в образовании абсолютных причастных оборотов обстоятельственного (преимущественно временного) значения, распространяющих предикативную основу предложения.

В таких случаях агенс причастного действия, будучи словесно выраженным, не входит в структуру предложения на правах его главного члена, а занимает по отношению к предикативной основе предложения периферийное положение или же, являясь компонентом причастного оборота, отчетливо противопоставляется в синтагматическом плане агенсу действия финитного глагола, что видно из сравнения примеров каждой пары, приведенных ниже:

bāt karte hue mis Pāl kī ākhē jhukī jā rahī thī (PL, 148) 'Когда мисс Пал говорила, ее взор устремлялся вниз' (букв. 'Ведя разговор, глаза мисс Пал опускались') — ... *vah bacō ke rahte hue apnā dūsrā byāh kare* (P.N, 155) '... пусть он, когда остаются дети, женится вторично' (букв. '... он, детей оставаясь, пусть женится вторично');

ts samay bālāk ko god mē liye hue use vah tuṣṭi ho rahī thī, *jo ab tak kabhī na hui thī* (P.N, 65) 'Держа ребенка на руках, она в это время испытывала такое удовлетворение (букв. ей было такое удовлетворение), какое ей до этого никогда не доводилось испытать' — *ek roz ā d h ī r ā t bīle vah sapne se cāṅkhar jāgī* (JK.K, 83) 'Однажды, когда уже минула полночь (букв. полночь истекши), она внезапно пробудилась от сна'.

Внутри причастного оборота агенс причастного действия оформляется послелогом-транспозитором *kā* (> *ke*) или сигнализируется притяжательным местоимением (1) либо, если им не обозначается лицо, выступает в форме прямого падежа, образуя с причастием полупредикативное словосочетание (2). Это иллюстрируют следующие примеры:

(1) *h a m a r e r a h t e k o ī t u j h e t i r c h ī ā k h ō n a d e k h s a k e g ā* (P.G, 125) 'Пока я жив, никто не посмеет косо поглядеть на тебя', *u s k e h o t e h u e m u j h e k i s ī b ā t k ā ḍ a r n a t h ā* (UA.P, 131) 'Когда она (Пушпа) была [рядом со мной], я ничего не боялся', *i n k e m a r e n a r o i y e* [107, с. 479] 'Не оплакивайте их';

(2) *d i n r a h t e y a h k ā m h o j ā y e g ā* [107, с. 477] 'Эта работа будет выполнена еще засветло (букв. день оставаясь)', *phir tisre pahar jāti hai aur ā d h e r ā h u e ā t i h a i . . .* (JK.S, 84) 'Затем она уходит после полудня и возвращается, когда уже темно. . . (букв. тьма наступивши)', *k a l b a r ī r ā t g a y e ā p k e g ā v s e k u c h l o g ā y e t h e* (BG.S, 695) 'Вчера, когда была уже глубокая ночь, приходило несколько человек из вашей деревни'³³, *m a h ī n ā k a ṭ t e d e r n a l a g ī* (P.N, 142) 'Месяц прошел быстро' (букв. 'Месяц проходя, задержки не было'), *G o m t i k ā v i v ā h h u e v a r ṣ ō b i t c u k e h ā i* (UA.P, 14) 'С тех пор как Гомти вышла замуж (букв. замужество Гомти состоявшись), прошли года', *t u m h ē a i s ī b ā t ē m ā h s e n i k a l t e ṣ a r m n a h t ā t i*? (P.N, 48) 'И тебе не стыдно так говорить?' (букв. 'Тебе, такие слова из уст появляясь, стыд не приходит?').

Способ же оформления агенса, занимающего по отношению к предикативной основе предложения периферийное положение, зависит от лексико-грамматических особенностей предикативной основы; см. выше: . . . *m i s P a l k i ā k h ē j h u k i j ā r a h i t h ī*, с одной стороны, и . . . *u s e v a h t u ṣ ṭ i h o r a h i t h ī* — с другой.

Агенс причастного действия, указывающий на лицо и представленный личным местоимением в форме объектного падежа либо существительным (или его местоименным субститутотом) в форме косвенного падежа с послелогом *ko*, выступает как в постпозиции, так и в препозиции по отношению к причастию, что видно из сравнения между собой следующих примеров, разбитых попарно:

³³ В силу своей семантики, связанной с лексическим значением слов — агентов причастного действия, причастные обороты типа *baṛī rāt gaye* «локализуют» во времени то, что излагается в остальной (основной) части предложения. Отсюда ведут свое начало такие наречные образования хинди, как, например, *din-caṛhe* 'на заре', 'поутру', *din-dhale* 'к концу дня', 'вечером', *din dahāre* 'в разгар дня', *rau-phate* 'на заре', 'ранним утром'. Ср. также *kuch din hue* 'на днях', 'недавно'.

а) *do āne kī miḥāī māgle hue u n h ě šarm āī* (P.N, 164) 'Ему стало стыдно просить сладости на две аны' (букв. 'Прося сладости на две аны, ему стыд пришел') — *t u m h ě aisī bātē karte šarm nahī āī?* (P.N, 158) 'И тебе не стыдно говорить такие вещи?' (букв. 'Тебе, такие вещи говоря, стыд не приходит?');

б) *usse bātē karte hue use ek apār sukh kā anubhav hotā thā* (P.N, 85) 'Разговаривая с ним, она испытывала безмерное счастье (букв. ей было восприятие безмерного счастья)' — *use larkī se bātē karte ghīn āī thī* (U.A.P, 13) 'Ей было неприятно разговаривать с [этой] девочкой' (букв. 'Ей, с девочкой ведя разговор, отвращение появлялось');

в) *is choṭe-se hīl-ṣeṣan par rahte āj use arsā ho gayā...* (P.L, 89) 'Прошел уже не один год с тех пор, как она живет на этой маленькой горной станции...' (букв. 'На этой маленькой горной станции живя, сегодня ей [продолжительное] время исполнилось') — *m u j h e hindī paṛhte hue ek mahīnā ho gayā hai* [135, с. 226] 'Вот уже месяц я изучаю хинди' (букв. 'Мне, хинди изучая, месяц исполнился');

г) *aur abhī Lāhaur āye m u j h e kuch hī dīn hue the kī Kailāś kā patra pahūcā* (U.A.P, 33) 'Минуло всего лишь несколько дней после моего приезда в Лахор (букв. И вот в Лахор приехав, мне всего лишь несколько дней исполнилось), как [вдруг] пришло письмо от Кайлаша' — *...aur mī s Pāl ko vahā āye kāī mahīne ho cūke the* (P.L, 135) '...а с тех пор как приехала туда мисс Пал, прошло уже несколько месяцев' [см. также пример с агенсом, не обозначающим лица, но оформленным с помощью послелога *ko*: *is g h a ṭ n ā k o hue cār dīn bīt gaye* (A.N.S, 150) 'Минуло четыре дня с того времени, как произошло это событие' (букв. 'Этому событию совершившись, четыре дня прошло')].

Встречаются предложения, в которых ясный из контекста субъект действия, обозначенного причастием, остается словесно не выраженным в рамках предложения, содержащего причастие, например: *lekin sāyog hī kahīe kī kāgazō ko jhāṛte hue ek savannī gir paṛī* (P.N, 189) 'Но когда [Тотарам] встряхивал бумаги (букв. встряхивая бумаги), из них вдруг выпала монета в четыре аны', *sārā dīn daurte guzrā, par hāth kuch na lagā* (P.N, 188) 'Весь день [у меня] прошел в беготне (букв. Весь день бегая прошел), но всё зря', *saberā hote hī munṣījī phīr Siyārām ko khojne nikle. kīsī se pūchte šarm āī thī* (P.N, 192) 'Как только наступило утро, мунши [Тотарам] снова отправился на поиски Сиярама. Спрашивать у кого-либо [ему] было стыдно'.

Факторы расширения функциональных и выразительных возможностей причастий

Диапазон функциональных и выразительных возможностей причастий языка хинди расширяется в силу ряда факторов. Эти факторы, некоторые из которых могут проявляться и во взаимодействии друг с другом, рассматриваются ниже.

Синтагматически связанное употребление причастий

Различаются три основных случая синтагматически связанного употребления причастий.

1. Адвербиальное простое причастие (как правило, имперфективное³⁴) выступает перед глаголом *bannā* 'делаться', 'становиться'. Конструкция характеризуется следующими особенностями:

а) глагол *bannā* как финитный глагол выступает или в форме, согласуемой со стоящим в прямом падеже именем объекта (пациентом) действия, обозначенного причастием от переходного глагола, как, например, ...*par usse kisī bhāti bhī kaṭhortā prakāṭ kartē na bantī* (JK.S, 83) '...но она никак не могла проявить твердость', или в нейтральной форме, совпадающей с формой 3-го лица единственного числа мужского рода, например: ...*usse bolte bhī nahī ban paṛ gahā thā* (Y.VD, 525) '...Она была не в силах даже говорить', *ghūr lēge jitnā unse ghūrte ba negā* (P.N, 143) 'Будет пялить глаза сколько ему влезет', *patnī se lāj ke māre kuch kahte na banā* (JK.K, 8) 'Жена от смущения ничего не могла сказать', *becne ke liye pukār lagāte na bantā thā par yah āvaśyak thā* (Y.VD, 490) '[Ему] было невмочь звать покупателей, но в этом была необходимость'³⁵;

б) агенс причастного действия, будучи выраженным, стоит в форме косвенного падежа с послелогом *se*, например: *sāle aur sasur se jo bhī karte banā unhō ne kiyā* (BG. G, 39) 'Шурин и теща сделали все, что было в их силах' [см. также первые четыре примера пункта (а)]³⁶.

Семантически подобные предложения с отрицательной частицей при глаголе *bannā* характеризуются в основном значением причинно обусловленной неспособности субъекта осуществить действие, относящееся к сфере его (субъекта) волеустремления; предложения, не содержащие отрицательной частицы при глаголе *bannā*, передают

³⁴ Пример с перфективным причастием приводится в статье О. Г. Ульциферова: *Zindā se ab kuch kahe na banātā thā* 'Теперь Зинда ничего не могла сказать' [65, с. 265].

³⁵ Данный пример свидетельствует о допустимости использовать глагол *bannā* в нейтральной форме и тогда, когда существительное — имя объекта выступает в форме прямого падежа (см. существительное женского рода *pukār* 'зов', 'клич'). Такой узус отмечается, в частности, Камтапрасадом Гуру [107, с. 259, 321]. Отступлением от общего правила является употребление глагола *bannā* в форме женского рода: *lekin māi unkā irādā bhāp gayā. islie māi ne chāhte hī do-car dolattiyā balki caulattiyā aisī jamāt ki un šūrvirō se bhāgte hī banī* (KC.G, 147) 'Но я разгадал их намерения. Поэтому, как только мне удалось вырваться, я принялся так брыкаться не только двумя, но и всеми четырьмя ногами, что эти «герои» были вынуждены пуститься наутек'.

³⁶ Однако отнюдь не исключено оформление агенса послелогом *ko*, например: *buṛhiyā ko vahā se haṭte hī banā* 'Старухе пришлось убраться оттуда' [65, с. 265]. Оно сопряжено, если судить по переводу, с выражением значения вынужденности совершить действие (ср. *buṛhiyā ko vahā se haṭnā paṛā*).

значение реализации действия в меру имеющихся у субъекта возможностей [см. выше третий пример пункта (а) и пример пункта (б)]. В литературе по грамматике хинди указывается также на значение вынужденности совершить действие, как, например, *usse āte banā* [107, с. 321] 'Ему пришлось прийти'.

2. Простое перфективное причастие переходного глагола (как правило, адвербиальное) предшествует финитной форме непереходного глагола того же корня, имеющей при себе отрицательную частицу. Пациенс причастного действия соответствует агенсу действия, обозначенного финитным глаголом. Агенс причастного действия, будучи выраженным, обычно занимает место перед причастием и выступает в форме косвенного падежа с послелогом-транспозитором *kā* (> *ke*) либо репрезентируется притяжательным местоимением. В предложениях говорится о тщетности усилий, прилагаемых (приложенных) ради осуществления действия, названного финитным (непереходным) глаголом. Примеры: *bādiyō ke samjhāye na samjhī*, *Faizan bibī ke sirāye na sirī* (AN. S, 75) 'Она не поддавалась на уговоры служанок и не умолкла, несмотря на все попытки Файзан-биби успокоить ее', *Gulnār kī hāsī roke na ruktī thī...* (S. TY, 55) 'Гульнар не могла удержаться от смеха...', *māi ne unhē rokā, par mere roke vah ruke nahī* (JK. K, 40) 'Я его удерживала, но, несмотря на все мои попытки его удержать, он не остался', *borā bahut bhārī thā, uṭhāye na uṭhā* (BC. C, 30) 'Мешок был страшно тяжелым, его никак нельзя было поднять' [65, с. 266]³⁷.

Допускается употребление инактивной формы переходного глагола, от которого образовано причастие, если отсутствует соответствующий непереходный глагол того же корня: *tīn khāce to mere diye na diye jāyāge?* (P. G, 21) 'Три корзины [с фуражом] мне никак не дать'.

3. Адвербиальное перфективное причастие (простое) от глагола *karnā* 'делать' употребляется в предложении совместно с финитной формой глагола *honā* 'быть', 'становиться' или сложным глагольным образованием *ho saknā*, например: *māi unkā dukh dūr karnā cāhtī thī, parantu mere kiye kuch hotā na thā...* (S. TY, 76) 'Я хотела избавиться их от страданий, но у меня ничего не выходило...', *jo kām dūsrō ke kiye na ho sake, vah tumhē khud karnā cāhie* (P. N, 82) 'Ту работу, которая не под силу другим, вам самим нужно выполнять', *mere kiye jo kuch ho saktā hai, kar rahā hū* (P. N, 115) 'Я делаю все, что в моих силах'. Агенс причастного действия выражается здесь так же, как и в предложениях предыдущего пункта. Вместе с тем причастие *kiye* уподобляется в какой-то мере второму элементу сложного послелога (ср. *ke māre* и *ke kāraṇ* 'по причине', 'вследствие', 'из-за').

³⁷ Возможность употребления адъективного причастия при выражении соответствующего значения подтверждается следующим примером: *aisā bandhān hai jo ukhāgā nahī ukhartā* (N. K, 23) 'Это такой обычай, что его никак не поломать, как ни стараться' [65, с. 266].

Употребление причастий с частицами

Частицы *hī* 'же', 'ведь' и *bhī* 'также', 'даже', выступая в постпозиции по отношению к причастиям, создают такие их функционально-семантические варианты, как «причастие непосредственного предшествования» и «уступительное причастие».

Имперфективное (как правило, простое) причастие, сопровождаемое при адвербиальном использовании (т. е. в форме на *-e*) частицей *hī* 'же', 'ведь' (> 'лишь только'), обозначает действие, за осуществлением которого сразу же следует другое действие, упомянутое в предложении, например: *yah ghoṣṇā sunte hī bahut-se numāinde prasannatāvaś uchal parē* (КС. G, 76) 'Услышав это заявление, многие представители [прессы] тотчас же подскочили от радости' (или 'Как только представители прессы услышали это заявление, многие из них подскочили от радости'), *uṭhte hī usne apne ekmātra vastra ko phār dālā* (А. А, 20) 'Поднявшись, она сразу же порвала [в клочья] свое единственное платье'.

Таким примерам противостоят случаи с абсолютным употреблением причастия, когда субъект действия, обозначенного причастием, не совпадает с субъектом действия, обозначенного финитным глаголом.

При этом агенс причастного действия получает словесное выражение:

1) в той части предложения, к которой относится причастие с зависимыми от него словами, как, например, *karvaṭ badalte hī use nīd ā gaī thī* (PL, 125) 'Он заснул сразу же (букв. ему сон пришел), как только перевернулся на другой бок', ... *magar mujhe pahcānte hī uskā cehrā kḥuṣī aur utsāh se khil gayā* (PL, 128) '...но как только она меня узнала (букв. меня лишь только узнавая), ее лицо осветилось радостью и ликованием';

2) в составе причастного оборота, когда он (агенс) бывает представлен:

а) формой косвенного падежа существительного (или его местоименного субститута) с послелогом-транспозитором *kā* (> *ke*) либо притяжательным местоимением, как, например, *Latikā ke kḥiṛkī kholte hī dhūdh kā gubbārā sā bhītar ghus āyā...* (PL, 96—97) 'Как только Латика открыла окно, туман проник внутрь помещения...', *kḥiṛkī ke khulte hī thaṇḍī havā kā jhōkā mūh par lagā...* (JK.S, 66) 'Как только окно открылось, в лицо повеяло прохладой...', *mere bolte hī logō kī hālat ajīb ho jāti thī* (КС. G, 95) 'Как только я принимался говорить, с людьми творилось что-то странное';

б) формой прямого падежа существительного (в случаях с личным агенсом), как, например, *pahlā mahinā guzarte hī Totārām ne Nirmalā ko apnā khazāncī banā liyā* (P. N, 60) 'Как только прошел первый месяц, Тотарам сделал Нирмалу своим казначеем'; *vah ṭhe kā hāth mē āte hī māi sab ṭhīk kar līgā* (КС. G, 126) 'Как только контракт попадет [нам] в руки, я все устрою как надо'.

Субъект действия, обозначенного причастием, может остаться не выраженным в рамках предложения, содержащего причастие, например: *daftar mē ghuste hī ek bahut barā sajā huā kamrā nazar āyā*

(КС. G, 41) 'Как только [я] проник в учреждение, [перед моим взором] предстала огромная, хорошо обставленная комната', *taiyār rahnā ki kahte hī cal sako* (JK. S, 107) 'Будь готов к тому, чтобы идти, как только тебе скажут'.

Частица *bhī* наделяет причастия (как имперфективные, так и перфективные) способностью передавать уступительное значение, например: *yah kahte bhi ise sankoc nahī hotā ki āp logō ne Mansārām ko viṣ de diyā* (P. N. 165) 'Он даже не стесняется говорить (букв. Даже говоря это, ему нет стыда), что будто я отравил Мансарам', *islīe ek bezabān gadhā hote hue bhī māi insānō kī zabān mē tum logō se kahne āyā hī...* (КС. G, 100) 'Поэтому, даже будучи бессловесным ослом, я явился сюда, чтобы человеческим языком сказать вам...', *lekin vah mere roe bhī nahī ruke* (JK. K, 41) 'Но даже и плач мой не помог мне удержать его'.

Постпозитивная частица *sā* вносит в значение причастий (как правило, простых перфективных преимущественно от непереходных глаголов) дополнительный оттенок подобия ($\cong$ «как бы»), например: *ṭūṭā-sā pul* (PL, 112) 'полуразвалившийся мост' [67, с. 151], *udbh-rānt ukhṛī-sī ākhē* (PL, 116) 'бегающие колющие (букв. как бы вышедшие [из орбит]) глаза'.

Выступающий в качестве модальной частицы союз ($<$ относительное местоименное наречие) *jaise* 'как будто', 'словно', употребляясь перед причастием, вносит оттенок условно-предположительного сравнения: *mujh se calā nahī jātā, Lahrā ne jaise rote hue kahā* '«Я не могу идти», — сказала будто плача Лахран' [30, с. 28].

Повтор причастий

Повтор простых причастий служит выражению таких значений, как:

а) длительность или продолжительность соответствующего действия или состояния, например, *is tarah bāt karte-karte donō bahinē soī* (P. N, 41) 'Переговариваясь так, обе сестры [незаметно для себя] уснули', *Nirmalā inhī śokmay vicārō mē paṛī-paṛī so gaī...* (P. N, 28) 'Погруженная в такие грустные мысли, Нирмала уснула...';

б) повторяемость действия, например, *pūchte-pūchte ākhī māi punarvās ke daftar mē pahūc hī gayā* (КС. G, 41) 'Спрашивая и спрашивая, я наконец добрался до конторы, ведающей вопросами переселения'. При этом предложениями передается идея приурочения действия, выраженного синтаксически ведущим (как правило, финитным) глаголом, ко времени действия, обозначенного причастием.

В основном причастные повторы выполняют обстоятельственную функцию³⁸. Они как бы определяют временные координаты действия, названного синтаксически ведущим глаголом.

³⁸ О том, что нельзя не считаться с возможностью использования причастных повторов в других функциях, свидетельствует следующий пример, в котором повтор перфективного причастия от непереходного глагола выступает в качестве объектно-предикативного члена: *terī battakhē tujhe soye-soye apne pankhō par biṭhakar le āī thī* (MR. A, 534) 'Твои утки тебя спящим посадили к себе на крылья и доставили сюда'.

Оформление причастий в составе повтора регулируется при этом следующими правилами.

1. Причастия (как имперфективные, так и перфективные) от непереходных глаголов характеризуются адвербиальным (а) и адъективным (б) использованием, если агенс действия, названного финитным глаголом, выступает в форме прямого падежа:

а) *vaḥ rote-rote kuch bolne bhū lagī...* (A. A. 19) 'Она даже стала говорить сквозь слезы...'; *...us caukī ke āge, jis par Dineś — yā Sūryakānt — baiṭhe-baiṭhe so gayā thā* (A. A., 113) '...перед тем табуретом, сидя на котором Динеш, или Сурьякант, уснул';

б) *Sukhdā jhōpre ke ek sire ke ek tāk kī or jāī-jāī bolī...* (A. A., 126) 'Направляясь к нише, имеющейся по одну сторону хижины, Сукхда проговорила...'; «*dekho, mis Vuḍ kursī par baiṭhi-baiṭhi so rahī hai*», *ḍākṭar hoṭhō mē hī phusphusāyā* (PL, 104) 'Глядите-ка, мисс Вуд так и спит, сидя на стуле», — прошептал доктор, шевеля одними губами'.

2. Причастия (имперфективные и перфективные) от непереходных глаголов используются адвербиально, если агенс действия, названного финитным глаголом, оформлен послелогом *ne*, например: *mujhe aīsā mālūm huā kī māī ne sote-sote kuch kahā thā* (A. A., 129) 'Мне показалось, что я что-то сказал во сне', *Latikā ne leṭe-leṭe pālang ke nīce cappalō ko pairō se utār diyā* (PL, 122) 'Лежа по-прежнему (или Так и не поднимаясь), Латика сбросила под койку сандалии с ног'.

3. Причастия (перфективные и, как правило, имперфективные) от переходных глаголов характеризуются адвербиальным использованием, например: *yuvak cauk parā. kivār ko thāme-thāme bolā*, «*kaun Umā?*» (A. A., 133) 'Юноша вздрогнул. Не отпуская створку двери, он спросил: «Какая Ума?»' *vaḥ kursī khiskāte-khiskāte bilkul mere sehre ke karīb ā gayā* (K. G., 82) 'Все пододвигая и пододвигая стул, он вплотную приблизился к моей физиономии'.

Конкретный характер обстоятельственного значения может быть выявлен на основании контекста с учетом семантики глагола, выступающего в форме причастия, и синтаксически ведущего (финитного) глагола. Так, если в последнем из приведенных примеров ярко проявляется значение обстоятельства образа действия, то в следующем примере легко усмотреть значение обстоятельства причины: *ek din vaḥ ghūnte-ghūnte thak gayī aur mere pattō kī saghan chāyā mē... baiṭh gayī* (A. A., 26) 'Однажды, долго гуляя, она утомилась и... села в густой тени моей листвы'.

Семантический сдвиг, приводящий к смысловому своеобразием предложений, наблюдается в случаях с финитным глаголом *basnā* 'спасаться', 'избегать', например: *saiḱrō nāgarik juṭ gae aur brāhmaṇ, vikal, uajñopavit dikhākar hī, piṭhe-piṭhe bac ā* (U. SK., 76) 'Собралось много жителей города, и этот брахман, совершенно растерянный, лишь показав священный шнурок, сумел избежать побоев' (см. также «классический» пример: *vaḥ girte-girte bac gayā* 'Он чуть было не упал'). Подобный сдвиг может наблюдаться и в предложениях с финитным глаголом *rukṇā* (*ruk jānā*) 'останавливаться': *is samay*

bhī vah kahte-kahte ruk gaī ki jab tak yah lakṣmī is ghar mē ra-hegī, is ghar kī daśā bigarī hī jāyagī; par uske prakat rūp se na kahne par bhī uskā āśay munṣījī se chipā nahī rahā (P. N, 114) 'И сейчас она едва не сказала (букв. говоря-говоря остановилась), что, пока эта красавица будет находиться в доме, дела в семье будут идти все хуже и хуже, и хотя это не было сказано вслух, мунши [Тотарам] и так все понял' [ср. *log rāh calte-calte ruk gaye aur ek gadhe ko bīs saṛak mē kahkahā lagāte dekhkar hāsne lage* (K.C. G, 14) 'Прохожие (букв. Люди, шагая-шагая по дороге) остановились и, увидев, как посреди улицы хохочет осел, сами стали смеяться'].

В случаях абсолютного употребления причастные повторы выступают неизменно в форме на -е, например: *yah kahte-kahte Nirmalā kī ākhē dabdabā gaī...* (P. N, 126) 'Когда Нирмала говорила это, ее глаза наполнились слезами...', *kintu uske kahte-kahte Sukhdā ne potlī khol hī to dālī* (A. A, 129) 'Но пока он говорил, Сукхда все же ухитрилась развязать узелок', *cauthe klark tak pahūcte-pahūcte mere krodh kī pārā bahut carh cukā thā* (K.C. G, 54) 'К тому времени, когда я добрался до четвертого клерка, я уже был вне себя от злости', *socā, yahā baiṭhe-baiṭhe kām na calegā, kuch udyog karnā cāhie* (P. N, 49) '[Мотерам] подумал: «Оттого, что я вот так сижу здесь, толку не будет. Надо что-то предпринять»'³⁹.

Частица *hī* 'же', 'ведь', будучи помещенной внутри причастного повтора, характеризующегося формой на -е, наделяет его способностью служить более четкому выражению значения приурочения одного действия к другому. Это касается случаев как неабсолютного (а), так и абсолютного (б) употребления причастных повторов:

(а) *Sukhdā ne use dhīre se hilāyā. yuvak ne sote hī sote kahā, «kyā hai, Umā?» aur phir cauk kar jāg paṛā* (A. A, 129) 'Сукхда легонько потрясла его. «Что такое, Ума?» — сквозь сон проговорил юноша и, встрепенувшись, проснулся', *sthīr bhāv se uske mukh kī or dekhtī rahī. mukh kī or dekhte hī dekhte us ne bahut-sī bātē dekh lī* (A. A, 124) '[Она] пристально глядела ему в лицо. И глядя ему в лицо, она увидела многое', *ekāek kisī ne dvār khaṭkhaṭāyā. māī ne baiṭhe hī baiṭhe uttar diyā, «ā jāo!» aur likhne mē lagā rahā* (A. A, 60) 'Вдруг кто-то постучал в дверь. Я, не поднимаясь с места, крикнул: «Войдите!», — и продолжал писать';

(б) *aur sab ke dekhte-hī-dekhte mahārāj Madansinh ke pīṛit prāṇ-pakherū ur gae* (U. SA, 108) 'И на виду у всех страдающая душа махараджи Мадансинха покинула этот мир', *āp ko likhte-hī-likhte kāi ghaṇṭe lag jāte hāi* [107, с. 479] 'Пока вы пишете, проходит несколько часов', *uske baiṭhe hī baiṭhe rāt bhī hone ko āyī* (A. A, 120) 'Пока она сидела, спустились сумерки'.

Повтор имперфективного причастия, осложненный частицей *hī*, иногда выполняет семантическую функцию причастия непосредствен-

³⁹ В основе таких выражений, как *dekhte-dekhte* в значении «на глазах», «на виду», а также «быстро», «моментально» (ср. *dekhnā* 'смотреть', 'видеть') и *hote-hote* в значении «постепенно», «шаг за шагом» (ср. *honā* 'быть', 'становиться'), лежит причастный повтор в абсолютном употреблении, модифицированный семантически.

ного предшествования: *itne mē Siyārām aur Jiyārām skūl se ā gaye. āte-hi-āte donō buājī ke pās jākar khāne ko māgne lage* (P. N., 63) 'Тем временем из школы вернулись Сиярам и Джиярам. Едва успев переступить порог, оба направились к своей тетке и принялись про-сить что-нибудь поесть'.

Значение действия, едва достигшего завершения к моменту осуществления другого действия, выражается повтором имперфективного причастия с интерпозитивно расположенной отрицательной частицей *na* 'не' в абсолютном употреблении, например: *bhojan samāpta hōte na hote us ne kahā, «huzūr hukum karē to cāy phir de saktā hū»* (A. N., 149) 'Не успели они поесть, как он проговорил: «Если господин прикажет, то я потом подам чай»', ... *mere bī. e. pās karte-nakarte unhō ne naukrī chor dī aur apne šahar mē parivār ke sāth rahne cale gae* (NK, 1961. XII, 92) '...едва я сдал экзамены на степень бакалавра искусств, он бросил службу и уехал к семье в свой город'.

Для хинди показательны также причастные сочетания с компонентами-причастиями, образованными от разных глаголов одного и того же корня. Расположение компонентов таких образований определяется следующим принципом: в качестве второго компонента выступает причастие от глагола, осложненного (по сравнению с глаголом — лексической базой первого компонента) добавочной семей «каузировать», например: *banā-banāyā* 'готовый', 'изготовленный' (ср. *banṇā* 'делаться', 'становиться' и *banānā* 'создавать', 'делать'), *sunā-sunāyā* 'услышанный' (ср. *sunṇā* 'слушать', 'слышать' и *sunānā* 'рассказывать').

В самых типичных случаях первый компонент причастного образования бывает представлен непереходным глаголом (обычно таким, который может характеризоваться медиопассивным значением), второй — переходным глаголом того же корня: *jaltī-jalātī taptī-tapātī yah sarak* [67, с. 146] 'раскаленная, пышущая жаром эта дорога', *banī-banāī koṭhī* (КС. G, 9) 'готовый дом'; см. также следующие текстовые примеры — предложения: *ve kucle-kucḷae muṭṭhī mē bādhe rah gae* (JK. S, 120) 'Они (банкноты) так и остались скомканными в крепко сжатом кулаке', *Pārvatī ne jyōhī piṭārī kholī tyōhī usmē ek-se-ek baṛhiyā cīzē lagī-lagāī mil gaī* (SV-2, 27) 'Как только Парвати открыла шкатулку, в ней были обнаружены (букв. обнаружили положенными) превосходные вещи, одна лучше другой', ... *cāḍī kī ek baṛī sundar īre mē harī-harī sugandhit dūb dhulī-dhulāī rakhī hai* (КС. G, 80) '...на большой красивый поднос из серебра положен вымытым зеленый-зеленый ароматный свиной'. Однако указанный выше принцип не нарушен и в следующем приведенном в свое время Э. Гривзом примере с причастным образованием, каждый из компонентов которого (*kahā* и *kahāyā*) произведен от переходного глагола (см. *kahnā* и *kahānā*): *ham logō ke kahe-kahāye uske bairī kyō bante hai?* 'Почему по наущению [этих] людей мы становимся ее врагами?' [106, с. 124].

Элемент *binā* играет при перфективных причастиях (простых и сложных) роль отрицания (отрицательной частицы), занимая место после причастия или перед причастием (обычно перед причастием со всеми зависимыми от него словами или с частью зависимых от него слов, если таковые имеются в препозиции к причастию).

При этом наиболее характерным для причастий является адвербиальное использование в обстоятельственном значении (преимущественно в качестве обстоятельства образа действия), например: *keval muharrar ne ... merī or dekhe binā kahā...* (K.C.G, 31) 'Только писарь, ... не глянув в мою сторону, сказал...', *uttar mē binā ek śabda kahe māi supcāp baithā thā* (J.K.K, 142) 'Я сидел тихо, не проронив ни слова в ответ', *binā vākya pūrā kiye hue Latikā calī gai* (PL, 94) 'Не договорив фразы, Латика ушла'. Эмфатическая частица *hī* 'же', 'ведь' способна вносить в значение причастия уступительный оттенок: *usne dṛṣṭi uṭhāye binā hī thālī lāne vāle ko ādeś de diyā* — '*ti-pāi idhar khīckar thālī rakh de*' (Y.DB, 12) 'Даже не бросив взгляда на несущего поднос [человека], он распорядился: «Подвинь сюда треножник и поставь поднос»', *māi subah Manālī se binā nāštā kiye hī calā thā, islie mujhe bhākh lag āi thī* (PL, 140) 'Утром я выехал из Манали, даже не позавтракав. Поэтому мне хотелось есть'.

Абсолютное употребление причастий иллюстрируют следующие примеры: *mere apne sthān se tale binā hī anekō log mere pās se ho jāte hai* [149b, с. 230] 'Многие проходят мимо меня, а я даже не трогаюсь со своего места (букв. без моего двинувшись со своего места)', *binā ap ke āye hue yah kām na hogā* [107, с. 477] 'Если вы не придете, это дело провалится'.

Своей семантикой выделяются предложения, в которых за причастием, сопровождаемым служебным элементом *binā*, следует глагол *rahnā* 'оставаться' с отрицательной частицей, например: *māi is dṛṣya ke tīkhe vyangya se prabhāvit hue binā rah sakā* (K.C.G, 14) 'Я не мог не остаться под впечатлением едкой иронии, заключенной в этой сцене', *is dampati kā sukhmay jīvan dekhkar use apnī daśā par duḥkh hue binā na rahtā thā* (P.N, 125) 'Увидев, как счастливо живет эта пара, она не могла не испытывать чувства горечи по поводу своего собственного положения'.

В случае отсутствия указания на субъект действия, обозначенного причастием переходного глагола, в данном причастии проступает пассивное значение: *binā bulāye mat jāo* [100, с. 174] 'Не ходи, пока тебя не позвали' (≅ 'не будучи позванным'), *vah bulāye binā na āegā* [107, с. 477] 'Если его не позовут, он не придет', *koī saudā do-cār bār lautāye binā nahī liyā jātā* (P.N, 179) 'Покупаемый товар не берется сразу, не будучи предварительно несколько раз возвращенным [тому, кто товар продает]'.

⁴⁰ В хинди данное служебное слово выступает как последок и, что касается только его второго элемента *binā*, как предлог. Его синоним *ke bagair* используется преимущественно в урду.

Возможность адъективного использования причастий, осложненных отрицанием *binā*, в качестве атрибутивного определения иллюстрируют такие примеры: *binā pisī huī jāī* (EHD, 626) 'немолотый овес', *binā bunī huī cārpaī* (BG, 19) 'не переплетенная [веревкой] кровать'.

Осложнение причастий послелогоми

Здесь имеется в виду такое употребление простых имперфективных причастий (как правило, от непереходных глаголов) совместно с послелогоми, при котором они выступают как помен actionis, например: *āte ke sāth hī* 'сразу по прибытии' [29, с. 84], *sote mē* 'во сне', 'во время сна' (ср. *sote samay*), *sote se* 'от сна', *pahūcte tak* 'до прибытия'. Подобное использование причастий иллюстрируют следующие предложения: *sote mē bhī ve bhūkhe rahte hāī aur jāgte mē bhī bhūkhe rahte hāī* 'И когда спят, они голодны, и когда бодрствуют, они голодны' [29, с. 84—85], *use sote se kyō jagāyā* [116, с. 202] 'Почему его разбудили', *hosṭal pahūcte tak bijlī camakne lagī thī* (PL, 122) 'До [их] прибытия в общежитие начали сверкать молнии'.

Префиксация причастий

В результате префиксации причастий (как правило, простых) наблюдается их адъективация и адвербиализация. В основном используются отрицательные префиксы, как-то: *an-*, *a-*, *be-*, например: *anboltā paṣu* (U.SK, 9) 'бессловесное животное', *a-thakī ākhē* (U.SK, 55) 'не знающие, устали глаза', *andekhī aurat* (PL, 40) 'невидимая женщина', *be-parhā mānav* (U.SK, 38) 'неграмотный человек', *be-khāye-piye so jānā* (BG.S, 151) 'заснуть натопа́к'.

Явлением такого же порядка следует считать использование причастия в качестве второго компонента сложного слова, содержащего *adh-* 'полу-' в качестве первого компонента, например: *devdār par khude hue adhmīte nām* (PL, 118) 'полустершиеся имена, вырезанные на кедре', *adhjālī jahniyā* (PL, 112) 'полусгоревшие ветки', *adhmūdī ākhē* (PL, 110) 'полузакрытые глаза'.

Субстантивное использование причастий

При субстантивном использовании причастия, как простые, так и сложные, занимают в структуре предложений синтаксическую позицию, свойственную имени существительному. При этом в зависимости от конкретных условий употребления в них обнаруживаются те же флексии, которыми располагают существительные I типа словозменения⁴¹. Примеры: *ḍubte ko tinke kā sahārā bas hai* [107, с. 272]

⁴¹ В сложных причастиях флексией *-ō*, показателем пересечения граммем «множественное число — косвенный падеж», оформляется только второй компонент, тогда как первый компонент, носитель лексического значения, сохраняет форму на *-e*.

‘Утопающий хватается за соломинку’ (букв. ‘Утопающему и опора на соломинку достаточна’), ... *aur un mē phal paidā hokar rāh caltō ko lalcāte hai* (B.D, 93) ‘... и плоды, появившись на них (деревьях), манят прохожих’, ... *prakāś un donō bhāgte huō ko bhī dikhā* [30, с. 23] ‘... свет стал виден и тем двум бегущим’, *kiye kā phal bhugatnā hī parlā hai* (S.B, 467) ‘Плоды содеянного приходится пожинать’, *us ke dil mē insāniyat kā dard mālūm hotā thā — garibō ke lie sahanubhūti aur gire huō ke prati prem* (K.C.E, 47) ‘Он, казалось, болел за все человечество, испытывая в душе сострадание к немущим и любовь к падшим’.

Причастия и глагольная парадигма

Будучи составной частью глагольной системы, причастия языка хинди не остаются в стороне от тех оппозиций по категории залога, которыми пронизываются финитные формы. В современном хинди образуются также инактивные формы причастий:

а) имперфективного, например: *parhā jātā* и (сложная инактивная форма) *parhā jātā huā* ‘читаемый’;

б) перфективного, например: *parhā gayā* ‘прочитанный’;

в) процессивного, например: *parhā jā rahā* ‘читаемый’.

Их употребление в функции атрибутивного определения иллюстрируют следующие примеры:

а) *vah... kahte hue pati ko dekhtī aur kahe jāte śabdō ko suntī rah gai* (J.K.S, 71) ‘Она... так и продолжала смотреть на говорившего мужа и слушать произносимые слова’;

б) *Bhārgav ke svar se lagtā jaise vah apne par lagāye gaye kisī abhiyog kā uttar de rahā hai* (M.R.A, 71) ‘Бхаргав говорил таким тоном, что казалось, будто он отвечает на предъявленное ему обвинение’, *paṇḍit Girdhārīlāl jī ko dākṭar Prān aur Tārā par kiyē gaye nīc ākramaṇ kī bāt mālūm huī to unkā man dukh aur glānī se bhar gayā* (Y.DB, 703) ‘Когда пандиту Гирдхарилалу стало известно о подломе нападении, совершенном на доктора Прана и Тару, его душа преисполнилась чувством горечи и негодованием’; см. также: *śrotāō ke liye bichāī gayī dariyō par* (Y.DB, 85) ‘на расстеленных для слушателей ковриках’, *anke sāth pakṣe gaye do anyā vyaktiyō ko* (A.N.S, 137) ‘двух других человек, схваченных вместе с ним’, *dūsrī dafē likhā gayā patra* (N.D, 90) ‘вторично написанное письмо’, *Tārā aur dākṭar Nāth ko diye gaye notīs* (Y.DB, 698) ‘извещения, выданные Таре и доктору Натху’;

в) *kharibolī par kie jā rahē in ākṣepō ko avāstavik pramāṇit karne mē kharibolī-pakṣa ke samarthak vidvān bhī lage hue the* (K.D.S, 83) ‘[Однако же] необоснованность этих нападков на кхари-боли (букв. на кхари-боли совершаемых этих нападков) доказывали ученые, стоявшие на стороне кхари-боли’; см. также: *nīce dī jā rahī tālikā* ‘приводимая ниже таблица’ [67, с. 156], *pravāśī bhāratīyō ke sāth kiyā jā rahā vyavahār* ‘обращение, которому подвергаются эмигранты-индийцы’ [30, с. 45].

Из других функций для причастий в форме пассива характерна функция объектно-предикативного члена или функция предикатива, например: *usne uskā nām bahut bār pukārā jātā sunā thā, kintu use dekhā kabhī nahī thā* (A.A., 51) 'Он много раз слышал, как называли ее имя, но ее он еще никогда не видел', *galā ghote jāte hue to khud nahī dekhā lekin māi kah saktī hū ki uskī hatyā huī hai* (J.K.K., 81) 'Хотя сама я и не видела, как ее душили, но утверждать могу, что ее убили', *ve sab-ke-sab kyā sabzī maṇḍī se uṭhākar lāye gaye nahī lagte the?* (MR.A., 351) 'Разве все они не выглядели доставленными сюда прямо с овощного базара?'

Как члены глагольной парадигмы причастия располагают также:

а) некоторыми формами, маркированными по совершаемости, типа *parhṭā jātā* 'все читающий и читающий' (имперфективное причастие прогрессивной совершаемости), *parhṭā jā rahā* 'все больше и больше читающий' [30, с. 21] (процессивное причастие прогрессивной совершаемости); например: *pirā se jarvat hote jāte mastiṣk mē* (Y.V.D., 491) 'во все тупеющей от боли голове', *bigarṭi jā rahī khādya sthiti* 'все более обостряющаяся продовольственная проблема' [30, с. 43—44];

б) формами, маркированными в плане глагольной категории предельности, например: *gir gayā* в сочетании *gale se gir gayā naipkin* (Y.DB, 189) 'свалившаяся с шеи салфетка', *barh āyā* в сочетании *sāmne barh āye hāth tak* (N.D., 161) 'до протянутой вперед руки', *mar-mar jātā huā* в сочетании *mar-mar jāte hue śabdō ko* (S.TY, 75) 'умолкающие слова';

в) способностью образовываться от глаголов *suknā* и *saknā*, сочетающихся с краткой формой деепричастия в качестве заключительных компонентов сложных глагольных образований со значением прекращения действия или возможности, например: *rāśan le suke do puruṣ aur ek strī* (Y.DB, 9) 'двое мужчин и женщина, уже получившие свой паек', *na nikālī jā sakī vastuē* (N.D., 128) 'вещи, которые невозможно было вынести наружу'.

ДЕЕПРИЧАСТИЕ

Деепричастие выступает в краткой или в одной из осложненных форм. Краткая форма деепричастия равна основе глагола, например: *parh* 'прочитав', 'прочтя' от глагола *parhṇā* 'читать', *bulā* 'позвав' от глагола *bulānā* 'звать'. Осложненные формы образуются путем присоединения к основе глагола одного из следующих суффиксов: *-ke*, *-kar*, *-karke*, например: *parhke*, *parhkar*, *parhkarke*; *bulāke*, *bulākar*, *bulākarke*⁴². В современном хинди наиболее употребительна форма на *-kar*. В краткой форме деепричастие встречается значи-

⁴² С точки зрения диахронии эти суффиксы присоединяются к деепричастной форме, причем все они по своему происхождению являются формами деепричастия от глагола *karnā* 'делать' [90, III, с. 231]. Поскольку и в современном хинди деепричастие от глагола *karnā* репрезентируется формами *kar* и *karke*, постольку отмеченные выше формы деепричастия на *-kar* и *-karke* можно считать не просто осложненными, а составными формами.

тельно реже. Формой на *-ke* характеризуется обычно деепричастие от глагола *karnā* 'делать', например: *karke* 'сделав'. Деепричастие в форме на *-karke* практически не находит применения в литературном хинди наших дней.

Глагол в форме деепричастия обозначает действие, которое в своем осуществлении предшествует действию, выраженному синтаксически ведущим (преимущественно финитным) глаголом, например: *Karīmud-dīn darvāzā band karke calā gayā* (PL, 98) 'Каримуддин, закрыв дверь, ушел', *pīche ghūmkar Dukhmocan ne Veṇī Mādhav ko dekh liyā* (N.D, 169) 'Повернувшись назад, Духмочан увидел Вени Мадхава', *Mahāgū sab ko dilāsā dekar śām ko phir āne kā vāyḍā karke calā gayā* (P.N, 151) 'Успокоив всех и пообещав снова прийти вечером, Махангу удалился', *āgan mē jākar usne ek bār ākāś kī or dekhā...* (P.N, 33) 'Выйдя во двор, она глянула на небо...', *pālki se nikalkar māi ne vṛddha ko pālki ke bhitar khīc lenā cāhā* (H.D.B, 108) 'Сойдя с паланкина, я хотел втащить в него старца'.

Учет грамматического значения деепричастия хинди дает основание называть его «деепричастием предшествующего действия» [65, с. 250; 67, с. 17], чему в общих чертах соответствует и название, даваемое этой глагольной форме индийскими грамматистами, — *pūrvakālik kṛdant*, т. е. «причастие предшествующего времени» [107, с. 275; 100, с. 172].

С. Келлог и (на материале урду) Абдул Хак, чтобы оттенить семантику деепричастия, сопоставили его с перфективным причастием (от переходного глагола), выступающим в функции обстоятельства сопутствующего результативного состояния (см. выше, с. 82), и с имперфективным причастием в обстоятельственной функции. В частности, С. Келлог подчеркивает смысловое различие между формами переводом примеров: *vah kapre rahine bāhar āyā* 'Он вышел одетым', *vah kapre rahinte bāhar āyā* 'Он вышел, одеваясь [на ходу]' и, наконец, *vah kapre rahinke bāhar āyā* 'Он вышел одевшись' [128, с. 450].

Абдул Хак сравнивает между собой три предложения: 1) *vah ghar mē se śarāb piye [piye hue] niklā*; 2) *vah ghar mē se śarāb pītā (pīta huā) niklā*; 3) *vah ghar mē se śarāb pīkar niklā*. Он поясняет, что в первом предложении (с перфективным причастием) имеется в виду «когда он вышел из дома, он находился в состоянии опьянения», во втором (с имперфективным причастием) — «он начал пить вино и пил его и тогда, когда выходил из дома» и в третьем (с деепричастием) — «сначала он дома выпил вина, а потом вышел наружу» [116, с. 205]. Кстати сказать, данный ряд предложений уместно дополнить и предложением с «причастием непосредственного предшествования», т. е. с имперфективным причастием в форме на *-e*, осложненным частицей *hī* 'же', 'ведь' (см. выше, с. 91): *vah ghar mē se śarāb pīte hī niklā* 'Он сразу же вышел из дома, как только выпил вина'.

На значение предшествования, передаваемое при помощи деепричастия, могут накладываться, нередко вытесняя эту семантику, другие значения. Конкретный характер каждого из таких значений устанавливается на основании контекста с неперменным учетом семантики как глагола, выступающего в форме деепричастия, так и глагола, занимающего по отношению к деепричастию главенствующее положение. Наиболее типичные из таких значений отмечены в грамматической литературе [107, с. 275; 128, с. 451—452]. К ним, в частности, относятся:

1) значение причины, например, *larṇā kusang mē paṛkar bigar gayā* [107, с. 275] 'Мальчик испортился, попав в дурную компанию'; 2) значение способа действия, например, *usne ghūrkar ham donō kī or dekhā* (K.C.G., 130) 'Она пристально (букв. уставившись) посмотрела на нас обоих'; 3) значение средства, например, *yadī bīrhā unhē khaderṭā to vah zarūr hī bhāgkar bac jāte* (U.S.K., 46) 'Если бы старик принялся их преследовать, то они наверняка спаслись бы бегством'; 4) уступительное значение, например, *kaisā vicitra thā vah prem! agar māi jāntā hotā! agar māi jāntā hotā! kintu kyā jān kar, is jāl na phāstā?* (A.A., 15) 'Какой странной была та любовь! О, если бы я знал! Если бы я знал! Но даже если бы я и знал (букв. узнавши), то разве не попал бы в эти сети?'; 5) значение недостигнутого результата (в этом случае деепричастие относится к глаголу *hārnā* 'терпеть неудачу', 'уставать'), например, *subah se hī Dhunnīrām aur Lālmohar samjhā rahe the; samjhākar hār cuke the* (P.L., 61) 'С самого утра [его] уговаривали Дхуннирам и Лалмохар, но не уговорили'; 6) значение цели, например, *... aur Sayyad Karāmat-alī sāhab ko apnī jān bacākar vahā bhāgnā paṛā* (K.C.G., 8) '... и Сайиду Карамат Али ради спасения своей жизни (букв. спасши свою жизнь > спасая свою жизнь) пришлось бежать туда'.

Деепричастие в хинди способно употребляться и абсолютно, обозначая такое действие, агенс которого отличен от агенса действия, выраженного финитным глаголом, например: *aīsī daṣā mē yah khabar pākar use barī sānti milī* (P.N., 135) 'Получив эту весть, она обрела спокойствие (букв. ей большое спокойствие досталось)', *pustakō kī yah durgat dekhkar merī ākhō mē āsū ā gae...* (K.C.G., 9) 'Когда я увидел, в какое бедственное положение попали книги (букв. Книги это бедственное положение увидев), на моих глазах выступили слезы...'.

Встречаются также предложения, в которых указание на субъект действия, обозначенного глаголом в форме деепричастия, вообще отсутствует: *mujhe bipharte dekhkar sṛej par bhī ek hangāmā mas gayā* (K.C.G., 147) 'Когда увидели, что я вышел из себя (букв. меня гневающимся увидев), на сцене тоже поднялось смятение'.

Деепричастие находит применение в предложениях с финитным глаголом в форме пассивного залога. Различаются два основных случая: а) один и тот же пациенс относится к действию, обозначенному деепричастием, и к действию, выраженному финитным глаголом, например, *... aur mīs Kamlā ko jo ab burī tarah ro rahī thī, ek bṛūk mē bīhākar uske ghar pahūcāyā gayā...* (K.C.G., 172) '... а мисс Камла, которая теперь дала волю слезам, была усажена в «Бюик» (букв. мисс Камлу... усадив в «Бюик») и отправлена к себе домой...'; б) пациенс деепричастного действия отличен от пациенса действия, выраженного финитным глаголом, например, *inspektor sāhab kī karī tākid thī kī mufassil ke larṇō ko jagah dekar tab šahar ke larṇō ko liyā jāy* (P.N., 80) 'Инспектор строго требовал, чтобы городских мальчиков принимали [в общежитие] лишь после предоставления места мальчикам из окрестностей (букв. ...окрестным мальчикам место дав)'.

В первом из этих случаев ярко проявляется аттракция в плане семантики по категории залога: под влиянием формы пассива финитного глагола деепричастие может быть понято в страдательном значении, что, кстати сказать, было отмечено Камтапрасадом Гуру, обратившим внимание на семантическую равнозначность *khodkar* = *khodī jākar* и *paṇkar* = *paṇī jākar* в таких примерах: *dharti khodkar ek-sī kar dī gaī* 'Землю, вскопав, выровняв', *uskā bhāi paṇkar Akbar ke darbār mē lāyā gayā* 'Его брат был схвачен и доставлен ко двору Акбара' [107, с. 480].

Однако определяющим для понимания деепричастия в пассивном значении все же остается невозможность истолковывать существительное, синтаксически связанное с ним, в качестве имени субъекта действия, о чем может свидетельствовать следующий пример, где агенту действия, выраженного финитным глаголом в форме активного залога, соответствует пациенс деепричастного действия: *māī ne apne girte hue sāhas ko sthir karke uttar diyā, «jo ādmī kal paṇkar āyā hai uske sambandh mē bāt-cit karne āyā hī»* (S.TY, 120) 'Я, собравшись с духом, смело ответил: «Я явился, чтобы переговорить относительно человека, который был вчера захвачен и приведен сюда (букв. ... человек вчера, поймав, пришел)»'⁴³.

Значение предшествования, передаваемое при помощи деепричастия, оттеняется следующими за ним такими лексическими элементами, как *tab* 'тогда' и *tabhī* 'именно тогда', например: *inspektor sāhab kī karī tākid thī ki muṣassil ke larkō ko jagah dekar tab šahar ke larkō ko liyā jāy* (P.N, 80) 'Инспектор строго требовал, чтобы городских мальчиков принимали [в общежитие] лишь после предоставления места мальчикам из окрестностей' (букв. '... окрестным мальчикам место дав, тогда чтобы городские мальчики были взяты'); *uskā ni-šān miṭākar tabhī tumhē santos hogā* (P.N, 193) 'Ты получишь удовлетворение лишь тогда, когда уничтожишь его (былого благополучия) следы' (букв. 'Его следы уничтожив, именно тогда тебе удовлетворение будет').

Союз *jaise* (< относительное местоименное наречие) 'как будто', 'словно' вносит в передаваемое деепричастием значение оттенок условно-предположительного сравнения, например: *Rāmlocan ne sahaṇ bhāv se pahle Sudhai ko praṇām kiyā, par uskī šakl dekhte hī aise samke jaise višvanāth ke mahant mandir mē ārtī ke samay domre ko dekhkar* (U.SK, 41) 'Сперва Рамлочан машинально поприветствовал Судхай, но потом, распознав его по фигуре, сразу же отшатнулся так, как будто в храме Шивы во время совершения обряда арти увидел (букв. увидев) кого-то из касты дом'.

Деепричастие оставляет невыраженным такой признак действия, как продолжительность. Соответствующее значение по мере необходимости выражается лексически, например: *bailō ke nazdik pāc mī naṭ baithkar vah gāy ke karīb ā gae* (N.D, 77) 'Посидев в течение

⁴³ Ср. предложение с перфективным причастием в пассивном значении: *vah paṇkar huā āyā* (J.K.S, 62) 'Он был приведен насильно' (букв. 'Он пришел, [будучи] пойманный').

пяти минут возле быков, [Дукхмочан] подошел к корове' [ср. *phir kuch sockar uṭhe aur mez par baiṭhkar ek patra likhne lage* (P.N, 131) 'Затем, поразмыслив, он встал и, сев за стол, стал писать письмо'], *koī-koī... kuch der cupcār āsū bahākar calī jāti thī māno use kuch sāntvanā mil gayī ho* (A.A, 14) 'Иная из женщин... молча поплакав, удалялась, словно пайди утешение'.

Выражению значения повторяемости действия служит повтор деепричастия (суффикс, оформляющий деепричастие, следует за вторым элементом повтора): ...*man kī bāt kahne mē jaise use jhīhak ho rahī ho. aṭak-aṭakkar vah bolā*, «*Lachmā!*» (PL, 86) '...он словно не решился высказать самое сокровенное. Запинаясь, он проговорил: «Лачма!»', ...*aur Rāmū hāth hilā-hilākar, sir jhukā-jhukākar kah rahā thā...* (K.C.G, 26) '...а Раму, размахивая руками и склоняя голову, говорил...' (см. также *rah rahkar* 'то и дело', 'периодически' от глагола *rahnā* 'оставаться').

Для отрицания действия, обозначенного деепричастием, используется отрицательная частица *na* или *nahī* 'не', например: *adhikāś log śrotāo ke liye bichāi gayī dariyō par na baiṭhkar ās-pās ghūm kar krodh prakat kar rahe the...* (Y.DB, 85) 'Большая часть людей, не сев на расстеленные для слушателей коврики, выражала свой гнев, бродя вокруг...', *mujh se kuch kahkar nahī gaye* (P.N, 176) 'Он ушел, не сказав мне ничего' (в данном примере был бы неверен перевод: 'Он не ушел...').

Отрицание, относящееся к действию, выраженному финитным глаголом, нередко распространяется и на деепричастное действие, например: *vidhavā kā vilāp aur anāthō kā ronā sunākar ham pāṭhakō kā dil na dukhāyēge* (P.N, 37) 'Мы не будем терзать душу читателей рассказом (букв. рассказав) о том, как убивалась вдова и плакали сироты' (≅ 'Мы не будем рассказывать... и терзать душу...').

Частица *bhī* вносит в значение, передаваемое деепричастием, уступительный оттенок, например: *aur use dekhkar bhī mujhe viśvās nahī huā ki vah sthāyī rūp se Kullū aur Manālī ke bīc us chote-se gāv mē hī rahtī hogī* (PL, 127) 'И даже увидев ее, я не поверил, что она постоянно живет в этой небольшой деревушке между Куллу и Манали'.

Деепричастия, образованные от некоторых глаголов, в сочетании с послелогами или без них могут приобретать черты служебного слова — второго компонента сложного послелога или послелога:

(*ko*) *chorṅkar* 'кроме', 'за исключением', 'исключая' (< 'отбросив' < 'оставив') — *do-ek adhūrī tasvīrō ko chorṅkar mujhe ek bhī naī cīz dikhāī nahī dī* (PL, 147) 'За исключением нескольких незавершенных картин, мне не удалось увидеть ни одной новой вещи';

ko lekar 'вместе с' (< 'взяв') — *tīn dīn bād jab Rekhā ko lekar Candramādhav phir vahā gayā, tab bhī Gaurā kā bartāv kuch aisā hī thā...* (A.N, 174) 'Но и тогда, когда через три дня Чандрамадхав вместе с Рекхой уехал туда, Гаура в обращении оставалась такой же...';

ko lekar 'из-за' — *samjhaute kī vāstavik bādhā... yuddhabandiyō ke sarāl ko lekar uṭh khaṛī huī thī* (JY, 5.VIII.1973) 'Реальное пре-

пятствие на пути к соглашению... возникло из-за вопроса о военнопленных';

se lekar 'от' — *sabere se lekar sājh tak* [107, с. 481] 'с утра до вечера', *pāc se lekar pacās tak* [107, с. 481] 'от пяти до пятидесяти';

(*mē, se, mē se, par*) *hokar* 'через', 'мимо', 'минуя' (<'побыв') — *islie ham bīc kī galī se hokar gaye* (MR.A, 82) 'Поэтому мы поехали средним переулком';

ho(kar) 'как', 'в качестве' — *māi Brahma ho banātā hū, Viṣṇu ho pālītā hū, Śiv ho sanhārtā hū* [128, с. 452] 'Как Брахма я созидаю, как Вишну я охраняю, как Шива я разрушаю';

se baṛhkar 'сверх', 'свыше', 'больше' (<'превзойдя') — *parantu māi to āpko Tenisan aur Vardsvarth se baṛhkar samajhtī hū* (S.TY, 186) 'Но я ставлю Вас выше Теннисона и Уодсворта';

se haṭkar 'в отдалении от', 'в стороне от' (<'отступив от') — *kilā sarak se haṭkar hai* [107, с. 481] 'Крепость находится в стороне от дороги'.

Отдельные деепричастия в своем употреблении сближаются с наречиями или становятся компонентами клише наречного значения, например: *milkar* 'вместе' (*milnā* 'соединяться'), *chipkar* 'украдкой' 'тайно' (*chipnā* 'прятаться', 'скрываться'), *bhūlkar* 'ошибочно', 'случайно' (*bhūlnā* 'забывать', 'ошибаться'), *dil kholkar* 'искренне' (букв. 'открыв сердце'), *kul milākar* 'итога', 'в итоге', 'в целом' (букв. 'соединив все'), *ab jākar* 'на этот раз' (букв. 'теперь пойдя'), *ek-ek karke* 'по одному', *kṛpā karke* 'пожалуйста' (букв. 'сделав милость').

В современном хинди деепричастие обнаруживает способность принимать форму инактивного залога, что иллюстрируется следующими примерами: ... *sneh anekō coṭē sahtā hai. kuclā jākar bhī punaḥ uḥh kharā hotā hai* (A.A, 15) '...любовь сносит многие удары. Даже будучи поверженной, она снова пробуждается', *Bhuvan jaise rakṛā jākar muskarā diyā* (A.N, 115) 'Бхуван улыбнулся, будто его застигли врасплох' (букв. 'словно будучи застигнутым врасплох').

Как член глагольной парадигмы деепричастие может располагать формой, маркированной по совершаемости, или формой, маркированной в плане глагольной категории предельности, например: *Ṣahālmī kī āg tīn dīn jaltī rahkar bujh cukī thī* (Y.VD, 305) 'Пробушевав три дня подряд, пожар в Шах-Алми прекратился', ... *kām mē lag jākar vah māno thorā āram bhī anubhav kartī* [149b, с. 228] '... включившись в работу, она даже испытывала нечто вроде облегчения'.

В позиции перед глаголами *saknā* 'мочь', 'быть в состоянии' и *suknā* 'кончаться', 'оканчиваться' краткая форма деепричастия выступает как первый компонент сложных глагольных образований, характеризующихся соответственно значением возможности или значением прекращения действия в связи с достижением им (действием) полной меры своего проявления, например: *Dev ab laṭ nahī saktā thā...* (AP.D, 59) 'Теперь Дев не мог вернуться...', *ṛtu badal cukī thī* (AP.D, 47) 'Уже наступил новый сезон' (букв. 'Сезон уже изменился').

ГЛАГОЛЬНОЕ ПРИЛАГАТЕЛЬНОЕ

Глагольное прилагательное имеет своим показателем морфему *-vālā*, присоединяемую к инфинитиву на *-ne*. Конечный *-ā* данной морфемы объединяется парадигматическими отношениями с конечными *-ī* и *-e*, а при субстантивном использовании глагольного прилагательного — также с *-ō* и *-o*, являясь, таким образом, наряду с последними флексией. Тем самым глагольное прилагательное упирается в области словоизменения изменяемым прилагательным, а также — при субстантивном использовании — существительным мужского рода ⁴⁴.

На уровне грамматической семантики отношение между существительным и сочетающимся с ним глагольным прилагательным характеризуется как отношение «производитель действия — действие (как признак производителя действия)», в связи с чем отглагольное прилагательное при характерном для него субстантивном использовании берет на себя роль имени деятеля (*nomen agentis*). Черты семантической общности глагольного прилагательного, выступающего в качестве атрибутивного определения, и глагольного прилагательного, используемого субстантивно, видны из сопоставления следующих двух примеров: *Dillī ke bhūgol kū varṇan sankṣipta rūp se kartā hī, tāki Dillī āne vāle yātrī merī jānkārī se paryāpta lābh uḥā sakē aur dhokhā na khāē* (K.C.G, 14) 'Я вкратце остановлюсь на географических особенностях Дели, чтобы прибывающие в Дели путники могли себя извлечь достаточно пользы из моей осведомленности и не попали впросак', *Dillī mē āne vālō ko yah yād rakhnā cāhie ki Dillī mē praveś karne ke bahut-se darvāze hāi* (K.C.G, 15) 'Прибывающим в Дели нужно помнить, что в Дели имеется целый ряд въездных ворот'.

В плане выражения аспектуальных значений глагольное прилагательное характеризуется семантической зоной имперфективного причастия, включая и тот участок этой зоны, который свойствен процессивному причастию, например: *skūl se ūpar caipal jāne vāli sarak bādālō mē chip gai thī* (PL, 97) 'Дорога, ведущая (букв. идущая) от школы вверх к церквухе, скрылась в облаках' (глагольным прилагательным обозначен постоянно-непрерывный признак предмета), ... *aur is prakār bāt-cīt karne lage, jaise āyū-bhar angrezī bolnevāle gadhō hī se unhē kām partā rahā ho* (K.C.G, 36) '... и [он] заговорил так, как будто всю жизнь имел дело с говорящими по-английски ослами' (глагольным прилагательным выражен потенциально-качественный признак), *hamešā ādhū paig lene vālā Gusāt us din do paig ram lekar apnī cārpāi par par gayā thā* (PL, 76) 'Усами, всегда принимавший по полпорции спиртного, в тот день завалился на свою кровать, приняв две порции рома' (глагольным прилагательным вы-

⁴⁴ В принципе возможно также оформление глагольного прилагательного, употребленного субстантивно, и флексиями множественного числа существительных женского рода, а именно: *-iyā* (< *-ī* + *-ā*), *-iyō* (< *-ī* + *-ō*) и *-iyu* (< *-ī* + *-o*).

ражен неограниченно-кратный признак), *baksā ḍhone vāle ādmī ne hāth ke išāre se gārī hākne ko kahā aur ādhere mē gāyab ho gayā* (PL, 41) 'Человек, несущий ящик, дал рукой знак трогаться в путь и скрылся в темноте' (глагольным прилагательным выражен конкретно-процессный признак).

Однако в позиции предикатива (при глаголе-связке *honā* 'быть', 'становиться') глагольное прилагательное, если оно не употреблено субстантивно, обычно указывает на предстоящее действие и в случаях с агенсом-подлежащим, обозначающим лицо (лиц), понимается как «причастие намерения», например: *mis Latikā, jaldī kījīe, bārīš šurū hone vālī hai* (PL, 121) 'Поторапливайтесь, мисс Латика. Вот-вот начнется дождь', *yah kaun jāntā thā ki nakal asal hone jā rahā hai, abhinay satya kā rūp grahaṇ karne vālā hai* (P.N, 35) 'Кто мог знать, что вымысел оборачивается действительностью, а спектаклю предстоит оказаться жизненной правдой!', *māi lauṭne hī vālā thā ki āp lauṭte hue nazar aye* (P.M-4, 301) 'Я собирался уже отправиться в обратный путь, как [вдруг] увидел, что он сам возвращается'. В этой же позиции оно используется для выражения эмоционально окрашенного отрицания в форме риторического вопроса: *tum yah pūchnevāle kaun hote ho?* (P.N, 33) 'А ты кто такой, чтобы спрашивать об этом?', *mis Rūpātī kahā pīche rahnevālī thī. turant bol uṭhī...* (K.C.G, 112) 'Но мисс Рупвати не оставалась в долгу. Она сразу же проговорила...'

В каждом конкретном случае субстантивного использования глагольное прилагательное занимает синтаксическую позицию имени существительного, например: *bājā bajāne vāle bājā bajānā bhūl gae* (U.S.K, 35) 'Играющие музыканты (букв. играющие на музыкальных инструментах) вдруг перестали играть', *sambhav hai, kisī sunne vāle ne ghar jākār ālmahatyā kar li ho...* (K.C.G, 162) 'Возможно, какой-нибудь слушатель, придя домой, покончил с собой...', *is virām ke daurān mē sunne vālō ko cāy pilāi gāi...* (K.C.G, 161) 'Во время этого перерыва слушателям был предложен чай...', *Pī Kyū. Rangā-cārī Tāmilnād kā rahnevālā thā* (K.C.G, 47) 'П. К. Рангачари был жителем Тамилнада'.

Морфема *-vālā* как показатель глагольного прилагательного способна присоединяться к разным формам инфинитива, участвуя таким образом в образовании различных форм глагольного прилагательного, как-то:

а) формы пассивного залога — *kandhō par ḍhoyā jāne vālā bojhā* (AP.D, 20) 'переносимый на плечах груз', *koī śūnya mē rakhī jāne vālī vastu* (K.C.G, 145) 'какая-либо вещь, хранимая в вакууме';

б) формы, маркированной по совершаемости, — *camakte rahne vāle balb* (Y.V.D, 484) 'постоянно блестящие зрачки';

в) формы, маркированной в плане глагольной категории предельности, — *... perō, pattō, jhāriyō ko jalākar rākh kar dene vālī mṛtyu* (K.C.G, 100) '... смерть, испепеляющая деревья, листья и кустарники'.

Морфема *-vālā* присоединяется также к *saknā* — заключительному компоненту сложных глагольных образований, например: *bhūmī tak rahūs pā sakne vāle prakāś kī mātṛā* [67, с. 156] 'количество света,

который может достичь земли', *khetī ke antargat lāi jā sakue vāli bhūmī* [67, с. 156] 'земля, которая может быть использована в сельском хозяйстве'.

Встречаются случаи, когда связь между существительным и глагольным образованием на *-vālā* предстает не как отношение «производитель действия — действие», а как отношение «предмет — его целевое назначение», например: *un dīnō vah ālhō pahar śarāb chāne rahā karte the. aur kaisī śarāb! māmūli nahī bābū, gorō ke pīne vāli — angrezī* (U.S.K., 106) 'В то время он целыми сутками был под мухой от вина. И какого вина! Не простого, господин, а такого, какое пьют европейцы, — английского! (букв. ... европейцев питья — английского)' ⁴⁵.

Кваликативные отношения особого рода переданы в следующих предложениях: *is sāmān-patra ke bād paśuō ko mānav-atyācārō se bacāne vāli sabhā kī or se ek sāmān-patra prastut kiyā gayā* (K.C.G., 97) 'После этого приветственного адреса был преподнесен приветственный адрес от имени общества по защите животных от жестокого обращения с ними', *vahī ustād gāte hue mar gae, is khayāl se musalmān tāge vālā ustād ke kāraṇ pīte jāne vāli ghaṭnā bhūl gayā...* (U.S.A., 117—118) 'И под впечатлением того, что мастер этот умер с песней на устах, возница-мусульманин позабыл о том, как он подвергся избиению из-за этого мастера'.

В таких примерах *-vālā* выступает скорее как послелог-транспозитор, функционально сближающийся с *kā*, а не как суффиксальная морфема глагольного прилагательного. Поэтому и глагольную форму на *-ne* следует трактовать в них скорее как герундиальный инфинитив в функции определения, а не как компонент глагольного прилагательного.

ГЕРУНДИЙ

Герундий в хинди — это неизменяемая глагольная форма, равная форме на *-ā* простого перфективного причастия: *likhā* (*likhnā* 'писать'), *girā* (*girnā* 'падать'), *āyā* (*ānā* 'приходить') ⁴⁶. Герундий от глагола *jānā* 'идти', 'уходить' — *jāyā* (ср. причастие *gayā*), от глагола *marnā* 'умирать' — *marā* (ср. причастие *mīā* наряду с *marā*).

Герундий имеет узкую сферу применения. Он употребляется в позиции перед глаголом *karnā* 'делать', формируя в сочетании с ним средство передачи многократной совершаемости (см. ниже, раздел «Многократная совершаемость»), или в позиции перед глаголом

⁴⁵ Этот вид отношения (т. е. «предмет — его целевое назначение») М. К. Верма квалифицирует как *sleeping pills type*, поясняя его примером *soṇe vāli golīyā* 'снотворные таблетки' ('таблетки для сна'). Он противопоставляет его наиболее обычному виду отношения — *talking doll type*, которому соответствует пример *bolnevālī gurīyā* 'говорящая кукла' [167, с. 162—163].

⁴⁶ На герундий (глагольное пмя) на *-a* как особую глагольную форму, отличную от перфективного причастия, одним из первых указал С. Келлог [128, с. 223, 265].

cāhna 'хотеть', 'желать' в связи с указанием на предстоящее действие (относительное временное значение ближайшего будущего < значение желания совершить действие), например: *is samay bahudhā donō bahinē kahī sair karne jāyā kartī thī* (P.N, 26) 'Обычно в это время обе сестры отправлялись куда-нибудь на прогулку', *kaī larkō ne man-hī-man praṇ kiya ki ve bhī tasvīrē banāyā karēge* (NK, 1962.VII, 22) 'Некоторые мальчики поклялись в душе, что они тоже будут рисовать картины', *pitā-putra mē larāī chīrā hī cāhtī hai...* (S.TY, 273) 'Между отцом и сыном вот-вот начнется сражение...', *abhī ghaṇṇī bajā cāhtī hai. āp stāf-rūm mē taśrif rakhīe, māī abhī hā-zir huā* (NK, 1962.VII, 22) 'Вот-вот раздастся звонок. Вы пожалуйте в преподавательскую комнату. Я сейчас же там буду'.

Как член глагольной парадигмы герундий располагает:

а) формой инактивного залога — *likhā jāyā*, причем первый компонент такой формы характеризуется способностью согласовываться с пменем (например, *cit!hiyā likhī jāyā kartī hai* 'письма пишутся');

б) формой, маркированной по совершаемости, в частности формой, передающей длительную совершаемость, — *likhtā rahā*;

в) формой, маркированной в плане глагольной категории предельности, — *likh diyā, ā jāyā*.

ФИНИТНЫЕ ФОРМЫ ГЛАГОЛА

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА ФИНИТНЫХ ФОРМ

В языке хинди основу системы финитных форм глагола составляют формы времени и/или наклонения, т. е. формы, призванные служить средством актуализации понятия о глагольном действии во временном и модальном планах и различающиеся между собой характером такой актуализации.

Многие из форм времени и/или наклонения или, иначе говоря, многие из форм финитного глагола образуются в хинди при помощи причастий.

Те формы времени и/или наклонения, в образовании которых участвует причастие II (перфективное причастие), могут быть (хотя бы с точки зрения их строения) названы *перфективными*, а формы, образующиеся при помощи причастия I (имперфективного причастия), — *имперфективными*. Естественно предположить также, что причастия накладывают свой отпечаток на семантику форм, в построении которых они принимают участие, выступая компонентом аналитической формы или обретая качество финитной формы, и что поэтому на временную (темпоральную) и/или модальную характеристику соответствующих форм накладываются в качестве дополнительной семантической нагрузки определенные аспектуальные значения или оттенки, которые в свою очередь в зависимости от условий функционирования этих форм могут либо преломляться в темпоральном плане, либо конкретизоваться в плане совершаемости.

Показательным примером преломления аспектуального значения в темпоральном плане является способность перфективных форм передавать значение предшествования, т. е. приобретаемая ими способность служить средством выражения временной отнесенности¹. Показательным примером конкретизации аспектуального значения в плане глагольной совершаемости является употребление имперфективных форм для обозначения неоднократного или повторяющегося действия.

К перфективным и имперфективным, т. е. характеризующимся определенным видовым значением, формам примыкают аналити-

¹ Грамматическая категория временной отнесенности (соотнесенности) выделяется рядом исследователей на базе противопоставления имеющихся форм, например, в английском и французском языках [7; 8, с. 161; 20, с. 33; 63, с. 321—322].

ческие формы, которые можно назвать *процессивными*, поскольку их назначение заключается в выражении действия как процесса, актуального для какого-то определенного момента времени (конкретно-процессное значение). Такие формы состоят из основы спрягаемого глагола, перфективного причастия глагола *rahnā* 'оставаться' и формы глагола *honā* 'быть', причем комбинация двух первых элементов может быть расценена как причастие особого типа — процессивное, или дуративное («дуративное» потому, что конкретное протекание действия не может мыслиться вне длительности). Аспектуальное значение данных форм преломляется в темпоральном плане как значение одновременности.

Появление процессивных форм в хинди объяснимо в свете общетеоретических положений Е. Куриловича относительно хода развития видо-временных функций глагольных форм. Эти положения нашли обобщенное отражение в универсальной схеме, учитывающей взаимную функциональную связь между отдельными элементами глагольной системы [45; 129; 130]. Так, относительно временного плана, совпадающего с моментом речи, т. е. системы *tupe*, можно констатировать следующее: поскольку прежний презенс индикатива, сместившись в сферу выражения косвенной модальности (сослагательное наклонение), утратил свое исконное значение и поскольку поэтому присущая ему ранее функцией настоящей общего времени (*présent général*) закрепилась за аналитической формой, образованной при помощи имперфективного причастия, т. е. за формой типа *bolā hai* 'говорит', постольку в хинди стала ощущаться потребность в форме настоящего длительного времени (*présent duratif*), функцией которой явилось бы выражение действия в процессе его развития, что и привело к появлению глагольного образования типа *bol rahā hai* 'говорит [в данный момент]'. Таким образом, существующая ныне в литературном хинди оппозиция *bolā hai: bol rahā hai* пришла на смену прежней оппозиции, имевшей вид *bolai* (> *bole*): *bolata* (> *bolā, bolā hai*), т. е. оппозиции, в которой первый член был представлен формой, возводимой к древнему презенсу индикатива. Разумеется, аналогичная перестройка могла иметь место и в плане *tupe* и затрагивать в рамках выражения видовых значений различные модальные сферы.

Итак, в кругу финитных форм глагола хинди имеются такие формы, в которых с присущим им темпоральным и/или модальным значением связано какое-либо из аспектуальных значений.

В случае передачи изъявительной модальности аспектуальное значение тесно переплетается с темпоральным, так что отдельные формы выступают как выразители определенных видо-временных комплексов и поэтому могут быть расценены как видо-временные формы. В сфере же выражения косвенной модальности аспектуальное значение перфективной, имперфективной или процессивной формы, будучи, так сказать, внешним по отношению к выражаемому модальному значению, обнаруживается как бы в чистом виде, не затемненным указанием на то, как действие, названное глаголом, относится к моменту речи.

Каждая из упомянутых выше трех форм обладает значением, благодаря которому она в нейтральном, т. е. в минимальном для данной формы, контексте, не содержащем лексических указателей, влияющих на передаваемый ею смысл, способна отличаться при противопоставлении в аспектуальном плане от двух других форм. Для перфективной формы таким отличительным значением является значе-

ние завершенности и/или предшествования действия, для имперфективной — значение обычности и/или повторяемости (многократности) действия, для процессивной формы — значение процессуального протекания и/или одновременности действия.

Предложенная выше формулировка, касающаяся семантической стороны рассматриваемых форм, нуждается в некотором разъяснении. Прежде всего надо остановиться на понятии завершенности действия. Завершенность действия здесь рассматривается как достижение им такой точки времени, в которой его развитие мыслится прерванным, а само действие воспринимается в целостности как единое сомкнутое событие. Другими словами, в семантику перфективной формы входит представление о моменте, при достижении которого предшествующее развитие действия воспринимается в целостности как единое событие. При этом следует подчеркнуть, что достижение действием такого момента (точки времени) не означает достижения им своего внутреннего предела и поэтому значение завершенности, о котором идет речь, отнюдь не сводимо к семантическому содержанию совершенного вида славянских языков, в частности русского ². Процессуальное протекание действия, упомянутое выше в связи с характеристикой процессивной формы, понимается как пребывание действия в процессе развития, приходящемся на данный момент (данную точку времени). В значении же обычности, свойственной имперфективной форме, не содержится ссылки на какой-либо определенный момент или даже отрезок времени.

Итак, для случаев употребления рассматриваемых видовых форм в отличительном значении можно в связи с вышесказанным констатировать следующее:

а) глагол в перфективной форме обозначает действие достигшим такого момента, когда его предшествующее развитие воспринимается в целостности как единое событие;

б) глагол в процессивной форме обозначает действие находящимся в процессе развития, актуальном для данного момента времени;

в) глагол в имперфективной форме обозначает действие имеющим место безотносительно к какому-либо определенному моменту времени. Важным представляется привативный характер противопоставления процессивной и имперфективной форм. Он обусловлен историей появления процессивной формы и заключается в том, что имперфективная форма тоже способна передавать конкретно-процессное значение, располагая, таким образом, как «беспризнаковая» форма более широкой семантической зоной.

² Тождественность семантического содержания форм, названных нами перфективными, с семантическим содержанием совершенного вида славянских языков отрицается, в частности, В. Поржизкой, который выдвигает положение, что передача значения, в общих чертах соответствующего значению совершенного вида славянских языков, достигается в хинди употреблением «модифицированных глагольных выражений» (в первую очередь с *jānā*), т. е. глагольных образований, известных под традиционным названием «интенсивные глаголы» [149; 150]. Именно такие глагольные выражения В. Поржизка считает «перфективными глагольными выражениями» [150].

В приведенной здесь таблице отражены отношения между перфективными, имперфективными и процессивными формами на основе противопоставления по таким бинарным признакам, как «завершенность/незавершенность действия» и «актуальность/неактуальность протекания действия» (табл. 4).

Таблица 4

Признак	Форма		
	перфек- тив	имперфек- тив	процес- сив
Завершенность/незавершенность	+	—	—
Актуальность/неактуальность	—	±	+

В хинди имеются также формы, которые стоят вне описанных выше видовых противопоставлений. К ним относятся формы повелительного наклонения, форма простого будущего времени (будущее I), простая форма сослагательного наклонения (форма настояще-будущего времени сослагательного наклонения), а также простая форма настоящего времени и простая форма прошедшего времени глагола *honā* 'быть'. Две последние формы, как и другие формы глагола *honā* в случае, когда он выступает в качестве вспомогательного, участвуют вместе с причастиями от смыслового глагола в образовании аналитических форм.

Финитному глаголу хинди присуща способность формально (путем словоизменения) отражать грамматические категории того существительного или местоимения в форме прямого падежа, к которому он относится. Степень такого отражения, известного как согласование, бывает различной, что определяется следующими закономерностями:

а) причастие, являющееся составной частью аналитической формы, согласуется с существительным или местоимением в роде, а в мужском роде — и в числе (показатели: *-ī* — для ж. р., *-ā* — для ед. ч. м. р., *-e* — для мн. ч. м. р.);

б) финитная форма любого глагола, равная причастию, а также простая форма прошедшего времени глагола *honā*, причастная по своему происхождению, согласуются в роде и числе (показатели: *-ī* — для ед. ч. ж. р., *-ī* — для мн. ч. ж. р., *-ā* — для ед. ч. м. р., *-e* — для мн. ч. м. р.);

в) простая форма сослагательного наклонения любого глагола и простая форма настоящего времени глагола *honā* согласуются в числе и лице;

г) простая форма будущего времени (будущее I) согласуется в роде, числе и лице.

Отсюда явствует, что полное согласование (т. е. согласование, охватывающее все три категории: лицо, род и число) наблюдается у простой формы будущего времени, а также у аналитических форм, содержащих наряду с причастием вспомогательный глагол *honā*

либо в форме будущего времени (при этом категория рода и, что характерно для мужского рода, категория числа получают в финитном глаголе двойное выражение: и в причастии и в форме вспомогательного глагола), либо в простой форме сослагательного наклонения или в простой форме настоящего времени изъявительного наклонения (при этом двойное выражение — и в причастии и в форме вспомогательного глагола — получает категория числа, соотношенная с мужским родом).

Итак, формы глагола, призванные служить средством актуализации понятия о глагольном действии в категориях времени и модальности, по своему строению распадаются на три группы: а) аналитические формы, состоящие из причастия (перфективного, имперфективного или процессивного) и одной из форм глагола *honā* 'быть', выполняющего функцию вспомогательного; б) простые формы, морфологически равные причастию (перфективному или имперфективному); в) простые формы, не представленные причастием. Каждая из форм первой и второй группы характеризуется определенным видовым значением, обнаруживаемом в противопоставлении.

В связи с актуализацией понятия о глагольном действии в категории модальности глагол хинди располагает грамматической категорией наклонения, а в связи с актуализацией понятия о глагольном действии в категории времени (т. е. в темпоральном плане) — грамматической категорией времени. Каждая из форм, относящаяся в плане выражения к той или иной грамматической категории, имеет свое семантическое содержание и может характеризоваться рядом значений.

Семантическую функцию грамматической формы, состоящую в передаче такого значения, в силу которого наиболее четко проявляется ее противопоставленность (в плане соответствующей грамматической категории либо — в более узкой сфере — внутри одного из экспонентов грамматической категории [25, с. 127—128]) другим формам, можно назвать *отличительной* (или *характеристической*) *функцией*. Поддающиеся учету синтаксические условия, в которых выступает данная форма при выполнении ею отличительной функции, составляют совокупность сильных позиций данной формы в предложении. Регулярностью появления формы в том или ином значении определяются типичные случаи ее употребления, влияющие на то, в каком качестве воспринимается форма в языковом сознании. Если форма преимущественно выполняет отличительную функцию, то это значит, что ее отличительной функции соответствует типичный случай использования данной формы. При отсутствии такого соответствия противопоставленность данной формы другой (или другим) не оказывается в языке ясно выраженной.

То обстоятельство, что формы, относящиеся к разным экспонентам грамматической категории, могут перекрещиваться в своих функциях, говорит о возможности их взаимозаменяемости. Взаимозаменяемость может иметь место тогда, когда по крайней мере одна из форм не выполняет отличительной функции. Однако она далеко не всегда бывает полной, поскольку та или иная форма, используясь на месте

другой, может нести в себе какой-то специфический оттенок значения, обусловленный ассоциативной связью со значением этой формы, характерным для другого случая (других случаев) ее употребления.

Среди частных значений той или иной формы ведущим (главным, основным) является такое значение, выражение которого в минимальной степени зависит от контекста и синтаксических условий ее употребления³. По отношению к этому значению можно утверждать, что оно действительно передается прежде всего грамматической формой и является парадигматическим в той мере, в какой — в случае его передачи — данная форма обнаруживает общность окружений с другими формами, которым она противопоставляется. Другие частные значения могут считаться производными от него в силу своей обусловленности контекстом и/или ситуацией.

НАКЛОНЕНИЕ КАК ГРАММАТИЧЕСКАЯ КАТЕГОРИЯ

Категория наклонения понимается как грамматическая категория глагола, существующая в языке на основе противопоставленности друг другу таких рядов глагольных форм, каждому из которых свойственно выражение определенного отношения действия к реальности/нереальности его осуществления — отношения, в силу своей природы призванного отразить характер связи содержания высказываемого с действительностью. Таким образом, формами наклонений представлен морфологический способ выражения модальности.

Будучи категорией глагола, категория наклонения охватывает самые типичные, самые регулярные средства выражения модальных отношений, поскольку предложения в своем подавляющем большинстве являются глагольными. Вместе с тем категория наклонения составляет грамматическую основу языковой модальности, поскольку в формах отдельных наклонений, образующих ее как замкнутую систему, модальные значения получают специализированное и притом наиболее обобщенное выражение, закрепившись в грамматике языка в виде семантического субстрата этой системы. Каждое из наклонений, выражая модальное значение, обслуживает все предложение в целом, поскольку модальность — это такая категория предложения, которой конституируется его предикативность. На примере категории наклонения можно наблюдать, как морфологические категории обслуживают синтаксис предложения, как они, поступая в распоряжение структуры целого предложения, становятся его неотъемлемой частью.

Значение того или иного наклонения, отражающее определенный вид отношения действия к реальности/нереальности его осуществления, является объективным в том смысле, что «определенный тип отношения

³ См. следующее определение: «... под основным грамматическим значением понимается такое значение, которое наименее обусловлено контекстом, т. е. встречается в наиболее разнообразных типах контекста и при минимальном контексте» [43, с. 8].

к действительности заложен уже в самой грамматической форме наклонения» и что он «устанавливается и фиксируется в системе форм наклонения как ячейке грамматической системы языка» [16, с. 120].

Каждое из наклонений, отражая определенный тип модального отношения, может вместе с тем передавать в зависимости от контекста, синтаксических условий использования его форм и интонации целый ряд различных частных значений. При этом можно иногда наблюдать, что формы, относимые к разным наклонениям, служат для выражения более или менее одинаковых значений, т. е. перекрещиваются в своих модальных функциях. Однако такое совпадение наклонений в одной функции (в одном значении), свидетельствующее о том, что в некоторых случаях семантическая грань между разными наклонениями как бы стирается, отнюдь не означает, что противопоставление между наклонениями вообще отсутствует в языке. Именно случаи использования финитных форм глагола, когда противопоставление одного ряда этих форм другому (или другим) в модальном плане сохраняется, позволяют говорить о существовании отличительной (характеристической) функции (либо ряда таких функций) для каждого из наклонений. Анализ же отличительных функций лежит в основе выявления тех дифференциальных семантических признаков, по которым различаются наклонения как элементы одной системы. Обращение к таким признакам в лингвистическом описании дает возможность показать системный характер форм, образующих грамматическую категорию.

В хинди выделяются четыре наклонения, а именно: изъявительное, сослагательное, условное и повелительное, противопоставляемые друг другу по трем бинарным различительным признакам: 1) «реальность/нереальность глагольного действия»; 2) «отнесенность/неотнесенность выражаемого значения к факту осуществления/неосуществления действия»; 3) «направленность/ненаправленность воли говорящего на участника речевого акта».

Изъявительное наклонение, наделяя глагольное действие признаком реальности, обнаруживает свою противопоставленность остальным наклонениям как наклонениям «нереальным».

Сослагательное наклонение характеризуется употреблением вне связи с констатацией отдельного факта реализации/нереализации действия, безотносительно к такому факту. В связи с этим оно проявляет общность с повелительным наклонением, но расходится с изъявительным, а также и с условным.

Условное наклонение в силу того, что выражаемая им нереальность противопоставляется реальной ситуации, действительному ходу событий, обладает признаком отнесенности передаваемого им значения к факту осуществления/неосуществления действия. Этот признак роднит условное наклонение с изъявительным.

Повелительное наклонение, выражая побуждение, направленное на собеседника говорящего лица, обнаруживает признак направленности воли говорящего на участника речевого акта. Изображая действие подлежащим осуществлению в результате волеизъявления,

повелительное наклонение служит средством формирования особого типа предложений по цели высказывания — предложений побудительных, в связи с чем оно лежит как бы в другой плоскости по сравнению с остальными наклонениями.

Изложенное понимание отношения наклонений к выдвинутым дифференциальным признакам отражено в нижеприведенной таблице (табл. 5).

Таблица 5

Признак	Наклонение			
	изъяви- тельное	сослага- тельное	условное	повели- тельное
Реальность/нереальность	+	—	—	—
Отнесенность/неотнесенность	+	—	+	—
Направленность/ненаправленность	—	—	—	+

Таким образом, каждое из наклонений может быть представлено как характеризующееся своим набором различительных признаков (позитивных или негативных), а именно:

изъявительное — {реальность, отнесенность, ненаправленность},
 сослагательное — {нереальность, неотнесенность, ненаправленность},
 условное — {нереальность, отнесенность, ненаправленность},
 повелительное — {нереальность, неотнесенность, направленность}⁴.

Набором различительных признаков определяется инвариантное семантическое содержание соответствующего наклонения. Относясь к парадигматике языка, это содержание отражает ту часть семантического потенциала, присущего наклонению, которая лежит в основе выделения последнего⁵.

Все возможные оппозиции (как простые по своей структуре, т. е. характеризующиеся одноэлементностью противочленов — экспонентов грамматической категории, так и сложные), выявляемые для наклонений, охватываются следующими пятью формулами, каждая из которых отражает определенную иерархию признаков:

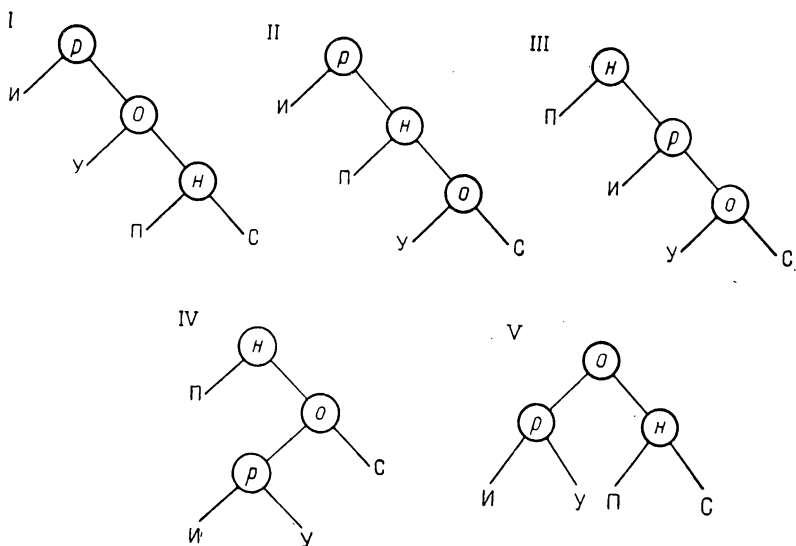
⁴ Включая в наборы негативные признаки (такие, как «нереальность», «неотнесенность», «ненаправленность»), мы исходим из того, что они не лишены семантического содержания. Сходная точка зрения прослеживается в связи с трактовкой немаркированности рядом лингвистов [7, с. 99; 18, с. 220—221, 226,—227, 230—231].

⁵ Иначе и быть не может, раз эти признаки выявлены на базе учета отличительных функций наклонений. Так, например, за пределами той части семантического потенциала, о которой идет речь выше, лежит побудительная функция сослагательного наклонения хинди: она не способствует ограничению сослагательного наклонения от повелительного, тогда как в других значениях сослагательное наклонение непременно противопоставляется повелительному как наклонению, располагающему признаком «направленность». Говоря о семантическом потенциале, мы имеем в виду то, что у А. В. Бондарко охватывается понятием инвариантного семантического потенциала [12, с. 8].

$$\begin{array}{l}
 \text{I} \quad \text{и} \sim (\text{у} \sim (\text{п} \sim \text{с})) \\
 \text{II} \quad \text{и} \sim (\text{п} \sim (\text{у} \sim \text{с})) \\
 \text{III} \quad \text{п} \sim (\text{и} \sim (\text{у} \sim \text{с})) \\
 \text{IV} \quad \text{п} \sim ((\text{и} \sim \text{у}) \sim \text{с}) \\
 \text{V} \quad (\text{и} \sim \text{у}) \sim (\text{п} \sim \text{с})
 \end{array}$$

Примечание. Буквенный символ, помещенный в кружке над тильдой — знак противопоставления, — служит обозначением признака, лежащего в основе соответствующего противопоставления, причем слева от тильды помещены члены противопоставления, характеризуемые данным признаком позитивно, а справа от тильды — члены противопоставления, характеризуемые данным признаком негативно.

Приведенным формулам соответствуют следующие изображения в виде «деревьев»:

Признаки, составляющие тот или иной набор, обладают неодинаковой диагностирующей силой. Дело в том, что в определенных оппозициях некоторые из признаков оказываются несущественными для идентификации соответствующего наклонения, тогда как другие являются неперменными во всех оппозициях, в которых оно участвует как элемент системы.

Второй род признаков можно назвать доминирующими семантическими признаками. Они составляют доминанту семантического содержания⁶ наклонений.

Для изъявительного наклонения доминирующим признаком является «реальность». У сослагательного наклонения — два доминирующих признака: «неотнесенность» и «ненаправленность». Условное наклонение тоже располагает двумя доминирующими признаками: «нереальность» и «отнесенность». Для повелительного наклонения доминирующим семантическим признаком является «направленность».

Показательно то, что именно доминирующим признаком обуславливается участие соответствующего наклонения в элементарной простой оппозиции, каковой являются оппозиция $\Pi \sim \Sigma$ по бинарному признаку «направленность/ненаправленность» (см. формулы I и V), оппозиция $\Upsilon \sim \Sigma$ по бинарному признаку «отнесенность/неотнесенность» (см. формулы II и III), оппозиция $\Pi \sim \Upsilon$ по бинарному признаку «реальность/нереальность» (см. формулы IV и V).

Что же касается других простых оппозиций, которые можно было бы постулировать для наклонений хинди, а именно: $\Pi \sim \Sigma$, $\Upsilon \sim \Pi$, $\Pi \sim \Pi$, — то их элементарность является мнимой потому, что в них члены противопоставляются по двум бинарным признакам, каждый из которых составляет основу противопоставления данного наклонения еще одному наклонению, или, что касается оппозиции $\Pi \sim \Pi$, по всем трем признакам, из которых каждый лежит в основе противопоставления данного наклонения еще одному либо двум из остальных наклонений. Следовательно, сущность этих оппозиций состоит в том, что они отражают лишь одну из сторон сложных оппозиций.

Например, в $\Pi \sim \Sigma$ налицо противопоставление по бинарным признакам «реальность/нереальность» и «отнесенность/неотнесенность», но по первому из этих признаков изъявительное противопоставляется условному (см. элементарную простую оппозицию $\Pi \sim \Upsilon$), а по второму сослагательное наклонение противопоставляется условному (см. элементарную простую оппозицию $\Upsilon \sim \Sigma$). Таким образом, оппозиция $\Pi \sim \Sigma$ отражает одну сторону сложной оппозиции $\Pi \sim \{\Upsilon, \Sigma\}$ и одну сторону сложной оппозиции $\{\Pi, \Upsilon\} \sim \Sigma$. Собственно говоря, мы здесь имеем дело не с противопоставлением изъявительного наклонения сослагательному, а с противопоставлением изъявительному наклонению наклонений сослагательного и условного, взятых совокупно как наклонений «нереальных» (см. формулу III), а также с противопоставлением сослагательному наклонению наклонений изъявительного и условного, взятых совокупно как наклонений «отнесенных» (см. формулу IV).

В $\Upsilon \sim \Pi$ налицо противопоставление по бинарным признакам «отнесенность/неотнесенность» и «направленность/ненаправленность» (точнее, «ненаправленность/направленность»), но по первому

⁶ Термин «доминанта семантического содержания» заимствован у А. В. Бондарко [12, с. 8], хотя мы вкладываем в него несколько иной смысл.

из этих признаков условное наклонение противопоставляется сослагательному (см. элементарную простую оппозицию $У \sim С$), а по второму повелительное наклонение противопоставляется как сослагательному (см. элементарную простую оппозицию $П \sim С$), так и изъявительному. Таким образом, оппозиция $У \sim П$ отражает лишь один из аспектов сложной оппозиции $У \sim \{П, С\}$ и один из аспектов сложной оппозиции $П \sim \{У, И, \bar{С}\}$. Здесь мы сталкиваемся по сути дела не с противопоставлением условного наклонения повелительному, а с противопоставлением условному наклонению наклонений «неотнесенных» (см. формулу I), а также с противопоставлением повелительному наклонению трех остальных наклонений, взятых совокупно как наклонений «ненаправленных» (см. формулы III и IV).

В $И \sim П$ налицо противопоставление по признакам «реальность/нереальность», «отнесенность/неотнесенность», «направленность/ненаправленность» (точнее, «ненаправленность/направленность»). Однако по первому из признаков изъявительное наклонение противопоставляется как условному (см. элементарную простую оппозицию $И \sim У$), так и сослагательному наклонению, по второму признаку изъявительное наклонение противопоставляется сослагательному, а повелительное — условному, а по третьему признаку повелительное наклонение противопоставляется как сослагательному (см. элементарную простую оппозицию $П \sim С$), так и условному наклонению. Таким образом, оппозиция $И \sim П$ отражает лишь один из аспектов сложной оппозиции $И \sim \{П, С, У\}$ и один из аспектов слож-

Таблица 6

№ формулы	Бинарный признак	Наклонение			
		И	С	У	П
I	(1) реальность/нереальность	+	—	—	—
	(2) отнесенность/неотнесенность	0	—	+	—
	(3) направленность/ненаправленность	0	—	0	+
II	(1) реальность/нереальность	+	—	—	—
	(2) направленность/ненаправленность	0	—	—	+
	(3) отнесенность/неотнесенность	0	—	+	0
III	(1) направленность/ненаправленность	—	—	—	+
	(2) реальность/нереальность	+	—	—	0
	(3) отнесенность/неотнесенность	0	—	+	0
IV	(1) направленность/ненаправленность	—	—	—	+
	(2) отнесенность/неотнесенность	+	—	+	0
	(3) реальность/нереальность	+	0	—	0
V	(1) отнесенность/неотнесенность	+	—	+	—
	(2—3) реальность/нереальность	+	0	—	0
	(2—3) направленность/ненаправленность	0	—	0	+

Примечание. Несущественный признак обозначен знаком «ноль».

ной оппозиции $P \sim \{И, С, У\}$, а также две линии противопоставления в оппозиции $\{И, У\} \sim \{П, С\}$, а именно: $И \sim \{П, С\}$ и $\{И, У\} \sim П$. Здесь мы сталкиваемся по сути дела не с противопоставлением изъявительного наклонения повелительному, как таковому, а с противопоставлением изъявительному наклонению трех остальных наклонений, взятых совокупно как наклонений «нереальных», (см. формулы I и II), и с противопоставлением повелительному наклонению трех остальных наклонений как наклонений «ненаправленных» (см. формулы III и IV).

Несущественность ряда признаков для идентификации наклонений, обнаруживающаяся в зависимости от постулируемой иерархии признаков, видна из нижеследующей таблицы, построенной с учетом порядка приведенных выше формул (табл. 6).

ВРЕМЯ КАК ГРАММАТИЧЕСКАЯ КАТЕГОРИЯ

Категория времени понимается как грамматическая категория глагола, объективно существующая в языке на основе противопоставленности друг другу таких рядов глагольных форм, которые различаются в плане выражения отношения действия к моменту речи, отражающемуся в языке в качестве грамматической точки отсчета ⁷. По отношению к данной точке отсчета время, выражаемое грамматической формой, может быть представлено как настоящее, как прошедшее или как будущее. Именно грамматическим моментом речи, понимаемым как точка отсчета для различения времен, обусловлено то, что «для выражения временного отношения действия в данном конкретном случае речи используются грамматические формы языка, в которых уже заложено грамматическое значение времени, установленное не говорящим, а грамматической языковой системой» [12, с. 49].

В языке хинди глагольные формы с заложенным в них значением времени образуют развитую систему лишь в рамках изъявительного наклонения. Что же касается форм других наклонений (а также и форм изъявительного наклонения, выражающих значение неочевидности действия), то передача временного значения оказывается им свойственной лишь в той мере, в какой:

а) присущее форме видовое значение преломляется в темпоральном плане как значение предшествования (это касается перфективных форм) или как значение одновременности (это касается процессивных и отчасти имперфективных форм);

б) форма сохраняет присущее ей прежде временное значение (это касается восходящей к презенсу индикатива простой формы сослагательного наклонения, которую можно понимать как форму настоящего-будущего времени сослагательного наклонения);

⁷ Разделяя мнение А. В. Бондарко [12, с. 48—49; 16, с. 80—81], мы считаем необходимым различать, с одной стороны, внеязыковой момент речи как элемент объективного времени и, с другой стороны, грамматический момент речи как элемент системы языка.

в) временная отнесенность формы обуславливается выражаемой модальностью (в частности, значение побуждения, свойственное повелительному наклонению, вызывает представление об осуществлении действия в будущем);

г) форма затрагивается временной дифференциацией в пределах одного из временных планов, определяемого семантикой наклонения (это, в частности, касается различения *pratyakṣa vidhi* и *parokṣa vidhi* внутри повелительного наклонения).

Отмеченным характером взаимосвязи категории наклонения и категории времени диктуется то, чтобы в основу рассмотрения финитных форм глагола была положена категория наклонения.

ИЗЪЯВИТЕЛЬНОЕ НАКЛОНЕНИЕ

Состав форм изъявительного наклонения

Изъявительное наклонение представлено следующими формами, составляющими ядро грамматической категории времени:

- 1) настоящее общее время (презенс) — *boltā hai* 'говорит';
- 2) настоящее актуальное время (актуальный презенс) — *bol rahā hai* 'говорит [в данный момент]';
- 3) прошедшее общее время (имперфект) — *boltā thā* 'говорил';
- 4) прошедшее неоднократное время (итеративный имперфект) — *boltā* 'говорил';
- 5) прошедшее актуальное время (актуальный имперфект) — *bol rahā thā* 'говорил [в данный момент]';
- 6) прошедшее аористическое время (аорист) — *bolā* 'сказал';
- 7) прошедшее время актуального результата в настоящем (перфект) — *bolā hai* 'сказал';
- 8) предпрошедшее время (плюсквамперфект) — *bolā thā* 'сказал', 'говорил';
- 9) будущее I (футурум I) — *boleḡā* 'скажет', 'будет говорить';
- 10) будущее II (футурум II) — *boltā hogā* 'будет говорить' (> 'вероятно, говорит');
- 11) будущее III (футурум III) — *bolā hogā* 'скажет' (> 'вероятно, сказал');
- 12) будущее IV (футурум IV) — *bol rahā hogā* 'будет говорить [в данный момент]' (> 'вероятно, говорит [в данный момент]')⁸.

По своему строению прошедшее неоднократное время (4), прошедшее аористическое (6) и будущее I (9) являются простыми фор-

⁸ С. А. Черникова насчитывает в урду 11 временных форм [72, с. 3]. В другой, более поздней, ее работе они трактуются как видо-временные формы из общего числа 35 подобного рода форм, подвергнутых анализу [74, с. 14], причем из приведенных в работе схем [74, с. 23—26] и из некоторых высказанных положений явствует, что они могут расцениваться как базисные формы описываемой видо-временной системы. К перечню из 11 форм мы добавили еще одну форму — прошедшее неоднократное время (итеративный имперфект), — пользующуюся в хинди, как, впрочем, и в урду, заметным распространением.

мами, остальные времена — аналитическими, образованными сочетанием причастия и глагола *honā*.

Прошедшее неоднократное морфологически совпадает с имперфективным причастием и поэтому должно быть отнесено к имперфективным формам наряду с такими аналитическими формами, как настоящее общее время (1), прошедшее общее (3), будущее II (10).

Прошедшее аористическое морфологически представлено перфектным причастием и, следовательно, является перфективной формой. Из аналитических форм к перфективным принадлежат прошедшее время актуального результата в настоящем (7), предпрошедшее время (8) и будущее III (11).

Настоящее актуальное время (2), прошедшее актуальное время (5) и будущее IV (12) принадлежат к процессивным формам.

Отмеченные выше отношения между перфективными, имперфективными и процессивными формами (с. 111—112) проявляются в изъяснительном наклонении в плане прошедшего времени и отчасти (в той мере, в какой будущее II, будущее III и будущее IV могут характеризоваться способностью относить действие ко времени, следующему за моментом речи) в плане будущего времени. В плане же настоящего времени релевантным является отношение противопоставления между имперфективной и процессивной формой, а также в определенной степени — между процессивной и перфективной формой, поскольку такая перфективная форма, как прошедшее время актуального результата в настоящем, связывает план прошедшего времени с планом настоящего времени — с ситуацией момента речи.

К плану настоящего времени из перечисленных 12 финитных форм глагола всецело принадлежат настоящее общее время (1) и настоящее актуальное время (2).

К плану прошедшего времени относятся шесть времен (3, 4, 5, 6, 7, 8), что отражено и в их названии. Однако одно из них, а именно прошедшее время актуального результата в настоящем (7), или перфект, соприкасается в силу передаваемого им значения также с планом настоящего времени.

Свойственное этой форме значение актуальности результата реализованного в прошлом действия для ситуации момента речи составляет комбинация двух признаков (помимо признака завершенности, общего для всех перфективных форм), а именно признака перфектности (причем перфектность понимается как связанность действия через его результат с более поздним временным планом⁹) и признака неразобщенности действия с ситуацией момента речи.

Признаком перфектности может характеризоваться и предпрошедшее время, или плюсквамперфект, но, указывая на актуальность результата, оно в отличие от перфекта выражает при этом разобщенность действия с ситуацией момента речи.

⁹ А. В. Бондарко определяет перфектность как «выражение актуальности последствий действия для более позднего временного плана» [12, с. 61]. В другом разделе этой же работы перфектное значение раскрывается им как выражение «прошедшего действия, результаты которого актуальны для более позднего временного плана — настоящего или прошлого» [12, с. 95].

В отличие от перфекта, характеризующегося признаком перфектности, и от плюсквамперфекта, способного характеризоваться данным признаком, аорист располагает противоположным признаком — признаком имперфектности, вследствие чего оппозицией по бинарному признаку «разобщенность/неразобщенность [с ситуацией момента речи]» он не затрагивается.

Вне этой оппозиции находится и плюсквамперфект в случае, когда ему оказывается не чуждым имперфектное значение. Но если плюсквамперфект, характеризуясь имперфектностью, служит средством ориентации времени описываемого события (описываемых событий) на момент речи или же выражает идею предшествования в прошлом, то аорист, напротив, сигнализирует об автономности времени описываемого события (описываемых событий) по отношению к моменту речи и не указывает на предшествование.

Таким образом, «имперфектный» плюсквамперфект вступает с аористом в одну из альтернативных оппозиций: или в оппозицию по бинарному признаку «автономность/неавтономность (=ориентация на момент речи)», или в оппозицию по бинарному признаку «предшествование/непредшествование [в прошлом]». Перфект в сферу данных оппозиций не вовлекается.

Итак, место перфекта (прошедшего времени актуального результата в настоящем) среди двух других перфективных форм плана прошедшего времени определяется взаимоотношением ряда бинарных различительных признаков, что отражено в приведенной здесь таблице (табл. 7), где для предпрошедшего времени учтена его способность выступать и в качестве носителя признака перфектности и в качестве носителя признака имперфектности и возможность его участия для второго из случаев в одной из двух альтернативных оппозиций с аористом.

Таблица 7

Признак	Форма времени			
	пер- фект	аорист	плюсквамперфект	
Перфектность/имперфектность	+	—	+	—
Разобщенность/неразобщенность	—	0	+	0
Автономность/неавтономность	0	+	0	— 0
Предшествование/непредшествование	0	—	0	0 +

К плану будущего времени всецело относится будущее I любого глагола, кроме глагола *hōnā*. Что же касается будущего I глагола *hōnā*, а также будущего II, будущего III и будущего IV, в состав которых входит форма будущего I от этого глагола, то все они в своем употреблении способны выходить за рамки сферы выражения значения предстоящего действия, поскольку им оказывается

свойственной передача значения предположительности. Другими словами, они принадлежат плану будущего времени лишь в той мере, в какой присущая им сема «будущее» остается не преобразованной в сему «предположительное». Поэтому, если учесть, что как действие, отнесенное к плану будущего, так и действие (к какому бы временному плану оно ни относилось), мыслимое предположительным, выступает по сути дела как действие, лишенное признака очевидности (или даже достоверности), все четыре формы будущего времени могут считаться формами неочевидного действия и противопоставляться остальным восьми формам как формам «очевидным». Роль «перекидного мостика» между чисто футуральным значением и предположительным значением, с которой следует считаться как с формальным моментом, относящимся к функционированию форм неочевидного действия, играет глагол *honā*, который в форме будущего I, с одной стороны, объединяется в значении будущего времени с аналогичной формой любого другого глагола и, с другой стороны, используется для выражения предположения в плане настоящего или даже прошедшего времени.

Важно подчеркнуть, что предположительное значение передается формой будущего I глагола *honā* и аналитическими формами глаголов, образованными с ее участием, по отношению к реальности глагольного действия. Это обстоятельство, а также и то, что выражаемое значение предположительности представляется связанным со значением будущего времени в синхронном плане, должно расцениваться как свидетельство отсутствия достаточных оснований для того, чтобы выделять в хинди особое предположительное (или сомнительное) наклонение, которое было бы равноправным с другими наклонениями, и для того, чтобы в случае такого выделения признавать относительно отмеченных форм существование грамматической омонимии, затрагивающей два наклонения — изъявительное и выделяемое предположительное ¹⁰.

В отличие от всех других глаголов глагол *honā* обладает, кроме регулярных аналитических форм, простой формой настоящего времени (презенса) и простой формой прошедшего незавершенного времени (имперфекта).

Выступая в качестве вспомогательного глагола в одной из этих простых форм или в форме будущего I, глагол *honā* участвует в образовании отмеченных выше аналитических форм (1—3, 5, 7, 8, 10—12) изъявительного наклонения глаголов, включая также и сам глагол *honā*.

Словоизменение глагола *honā* в форме простого презенса, простого имперфекта и будущего I отражено в нижеприведенной таблице (табл. 8).

¹⁰ На этом вопросе мы уже подробно останавливались в своих предыдущих публикациях [47; 48, с. 18—26]. В дополнение к данному в ранее опубликованных работах обзору точек зрения в связи с проблемой выделения предположительного наклонения следует также отметить статью Р. Мухамеджанова, в которой отстаивается позиция признания омонимии форм двух рассматриваемых наклонений [54].

Форма времени	Простой презенс		Простой имперфект				Будущее I			
Лицо			Род							
			мужской		женский		мужской		женский	
	Число									
	ед.	мн.	ед.	мн.	ед.	мн.	ед.	мн.	ед.	мн.
1-е	<i>hā</i>	<i>hai</i>	<i>thā</i>	<i>the</i>	<i>thī</i>	<i>thī</i>	<i>hāgā,</i> <i>hoāgā</i>	<i>hōge</i>	<i>hāgi,</i> <i>hoāgi</i>	<i>hōgi</i>
2-е	<i>hai</i>	<i>ho</i>					<i>hogā</i>	<i>hoge</i>	<i>hogī</i>	<i>hogi</i>
3-е	<i>hai</i>	<i>hai</i>					<i>hogā</i>	<i>hōge</i>	<i>hogī</i>	<i>hōgi</i>

Формы очевидного действия

Настоящее общее время, или презенс

Настоящее общее время, или презенс, образуется путем сочетания имперфективного причастия смыслового глагола с глаголом *honā* в простой форме настоящего времени.

Важнейшие семантические функции этого времени связаны с выражением следующих значений:

1) значение обычного или неограниченно-кратного действия, например, *log akhbār paṛhte hāi*, *māi akhbār bhī nahī paṛhtā. ghar se daftar ātā hū, daftar se ghar calā jātā hū* (S.N, 200) 'Люди читают газеты, я же даже газет не читаю. Из дома иду в контору, из конторы отправляюсь домой', *vah kyō bār-bār merā hāl pūchti hāi? kyō bār-bār mujhe bulāti hāi?* (P.N, 103) 'Почему она то и дело спрашивает обо мне? Почему она то и дело зовет меня?';

2) значение постоянно-непрерывного действия, например, *is jagal mē tarah-tarah ke jānvar rahte hāi* (P.JK, 43) 'В этом лесу обитают различные животные', *is mile hue dakṣiṇī bhāg kī nadiyō kā bahāv uttar kī or hai tathā ve sab ant mē Gangā mē ākar milī hāi* (DV.B, 2) 'Течение рек этого прилегающего южного района направлено к северу, и все они впадают в Ганг';

3) значение обобщенного действия, распространяющегося на все временные планы, например, *grāhak dukān mē vahī cīz letā hai, jo use pasand āti hai* (P.M-2, 92) 'Покупатель берет в лавке именно ту вещь, которая ему приходится по вкусу', *dil kī bāt mūh se nikal hī āti hai, cāhe koī kitnā hī chipāye* (P.N, 34) 'Затаенное в душе всегда срывается с уст, как бы его ни скрывали';

4) конкретно-процессное значение, или значение конкретного единичного действия, находящегося в процессе развития, например, *pul pār karte samay santrī ne mujhe rokā, bolā, o āvāragard gadhe!*

kidhar jāta hai? (K.C.G, 33) 'Когда я шел по мосту, меня остановил часовой и сказал: «Эй, бродячий осел! Куда э́т ты идешь?»', *Jān ne pāchā, bahan, kyū rotī ho?* (A.A, 115) '«Почему ты плачешь, сестра?» — спросил Гьян'.

Неограниченно-кратное значение и постоянно-непрерывное значение — это своего рода полярные, с точки зрения изображаемого характера протекания действия, случаи проявления значения общности, которое при условии соотнесенности также и со сферой прошедшего и будущего времени преобразуется во всевременное значение обобщенного действия.

К особым случаям употребления настоящего общего времени, или презенса, относится его использование:

а) в модальном значении решимости говорящего осуществить действие в ближайшем будущем, например, *calo, māi tumhāre sāth callī hū. tumhē sābhāle rahūngī* (P.N, 153) 'Ступай же, и я пойду с тобой. Уж я-то тебя не оставлю', *sunō... tumhē ek kavītā sunātī hū* (K.C.T, 31) 'Слушайте... Вам [я сейчас] прочитаю одно стихотворение', ... *tum calkar soo, māi abhī ātī hū* (P.N, 142) '... ты отправляйся спать, я скоро приду' (выражению данного значения может способствовать наречие *abhī* 'сейчас', 'вот-вот');

б) в переносном значении в качестве настоящего исторического времени, например, *thorī der bād jab bālī bhar kar lāyā to dekhtā hū kī gāy gāyab hai* (K.C.H, 101) 'Когда я вскоре вернулся с полным ведром, то вижу, что корова куда-то исчезла';

в) в качестве сценического настоящего (в сценических ремарках), например (*A n ā p s i n h*) — *rāj Kumār kī jāy ho! (Anūpsinh sir jhūkār calā jāta hai)* (S.TY, 226) '[А н у п с и н х]: Да здравствует принц! (Склонив голову, Анупсинх удаляется)', *sab hāste hāi. pardā girtā hai* (S.TY, 292) 'Все смеются. Занавес опускается';

г) в качестве настоящего изложения (т. е. при изложении содержания какого-либо произведения), например, *jab rānī Rājmatī ke mūh se apnī nindā aur hīrō kī khān ke deś Uṛisā ke rājā kī barāi sunkar Bīsaldev vahā jāne ko taiyār hotā hai tab rānī kā dimāg thaṇḍā hō jāta hai. vah rājā ko manāte hue kahtī hai ki... (HS, 73)* 'Когда Бисальдев, услышав из уст рани Раджмати хулу в свой адрес и восхваление раджи Ориссы — страны алмазных копий, собирается туда отправиться, то у рани замирает сердце, и, обращаясь с мольбой к радже [Бисальдеву], она молвит...'

Своеобразие настоящего общего времени, или презенса, при его использовании в качестве исторического настоящего и настоящего изложения состоит в том, что оно в этих случаях функционально сближается с прошедшим аористическим временем, или аористом, служащим для выражения конкретного единичного действия (в соответствующих предложениях на месте формы настоящего общего времени могла бы стоять форма аориста: *dekha* 'увидел' и *taiyār huā* 'собрался', *thaṇḍā huā* 'замерло', *kahī* 'промолвила').

В случае выражения отрицания при помощи частицы *nahī* 'не' настоящее общее время бывает обычно представлено лишь причастием (без вспомогательного глагола), например, ... *vah mujh se*

dahej nahī cāhte, keval kanyā cāhte hai (P.GJ, 105) '...он не хочет [брать с меня] приданое, он хочет [взять] лишь [мою] дочь', *māi to bhagvān ke nām ke sivāy aur kuch nahī jāntā* (VV.M, 31) 'Я ничего не знаю, кроме имени бога'.

Настоящее актуальное время, или актуальный презент

Настоящее актуальное время образуется путем сочетания с глаголом *honā*, стоящим в простой форме настоящего времени, комбинации двух элементов — основы смыслового глагола и перфективного причастия от глагола *rahnā* 'оставаться', комбинации, приобретающей статус процессивного причастия.

Основная семантическая функция этой формы состоит в выражении конкретно-процессного значения, когда действие изображается в процессе развития, актуальном для момента речи, например: *sahsā ek ādmī ne kahā — pulis ā rahī hai* (P.M-2, 78) 'Вдруг один человек сказал: «Приближается полиция», *«tum kisī ko dhūḍh rahe ho?» māi ne pūchā. «nahī, dekh rahā hū, ki koī skūṭar mil jāe, to tumhē apne ghar le calū»* (MR.A, 14) '«Ты кого-нибудь ищешь?» — спросил я. — «Нет, смотрю, не подвернется ли скутер, чтобы мне отвезти тебя к себе домой»'.

В более широком временном диапазоне актуальность процесса осуществления действия относится ко всей ситуации момента речи, например: *«ham log inke banāye hue kuch citra dekh rahe the», politikal sekretarī bolā. «ye log bahut acchī racnāē kar rahe hai...»* (MR.A, 389) '«Мы смотрели некоторые нарисованные ими картины, — сказал политический секретарь. — Они создают прекрасные творения...»' При этом допускается такое расширение сферы настоящего, что форма настоящего актуального времени может быть понята и в значении постоянно-непрерывного действия, например: *...jis veg se prakāś hamārī or ā rahā hai usī veg se yah nīhārikā ham se dūr haṭtī jā rahī hai (yā ham is se dūr haṭte jā rahe hai* (VL, 1960.IX, 2) 'Эта звездная туманность все удаляется от нас (или мы все удаляемся от нее) с такой скоростью, с какой в нашу сторону движется свет'.

В таком случае настоящее актуальное время функционально сближается с настоящим общим временем. И действительно, сообщить, например, о том, что Земля обращается вокруг Солнца, можно, употребив любую из двух форм, что видно из сравнения предложения с формой настоящего общего времени: *sabhi grah sūrya ke cārō or ek hī diśā mẽ pradakṣinā kartē hai* (VL, 1961.III, 1) 'Все планеты обращаются вокруг Солнца в одном направлении' со следующим предложением с формой настоящего актуального времени, приведенным в качестве примера в работе С. А. Черниковой по языку урду [74, с. 47]: *zamīn gēd ki tarah lūḥakniyā khātī hū āftāb ke gird cakkar lagā rahī hai* 'Земля, вертясь, как мяч, обращается вокруг Солнца' (Назир Ахмат).

В предложениях с глаголом-сказуемым в форме настоящего актуального времени нередко наличествуют лексические элементы,

указывающие на длительность временного отрезка в прошлом, охватываемого действием, процесс осуществления которого актуален в настоящем, например: *ghaṛī bhar se kah rahī hū, par bahin jī māntī hī nahī* (P.N., 146) 'Я уже целый час твержу [это], а сестрица не верит', *burhiyā kā nām Rukhiyā hai. is muhalle mẽ vah tīn baras se rah rahī hai* (J.K.S., 77) 'Старуху зовут Рукня. В этом квартале она живет уже три года'.

К особым случаям употребления настоящего актуального времени относится его использование:

а) в модальном значении намерения говорящего совершить намеренное действие в ближайшем будущем, например, *... māi zarā daf-tar mẽ jākar ḍakṭarō ko khat likh rahā hū* (P.N., 117) '... я, пожалуй, пойду в контору и напишу письмо врачам', *«māi abhī ā rahī hū» usne calte-calte Nilimā se kahā, «māi tum se bāt karne ke lie bahut utsuk hū»* (MR.A., 389) '«Я сейчас приду, — на ходу она обратилась к Нилиме. — Мне очень хочется поговорить с вами»';

б) в футуральном значении с привнесением оттенка запланированного действия, например, *Rājasthān sine karmacāriyō kā pahlā rājya sammelan yahā 12 disambar ko āyojit ho rahā hai* (JY., 29.XI.1973) 'Первая всераджастханская конференция служащих кино созывается здесь 12 декабря';

в) в сценических ремарках для обозначения действия-процесса, обычно представляющего собой фон, на котором разворачиваются события, изображаемые с помощью настоящего общего времени, например, *bandiḡh ke sanrakṣak aur Zorāvar ke sipāhī laṛ rahe hai. Anūpsinh hathiyār pahne ātā hai, aur yah dṛṣya dekhkar cāuk uṭhtā hai* (S.TY., 269) 'Стражники темницы и воины Зоравара сражаются между собой. С оружием появляется Анупсинх и, увидев это зрелище, настораживается'.

В случае выражения отрицания с помощью отрицательной частицы *nahī* 'не' настоящее актуальное время может утрачивать вспомогательный глагол и, таким образом, совпадать формально с процессивным причастием (основа смыслового глагола плюс перфективное причастие глагола *rahnā* 'оставаться'), например: *Šuklā ko aur sab ko merā sneh denā. aur kisī ko patra nahī likh rahā* (MR.A., 139) 'Передайте привет Шукле и всем остальным. Я не пишу никому больше', *māi āpkī laṛkī ke bāre mẽ nahī soc rahā, māi to apne bāre mẽ soc rahā hū* (K.C.G., 119) 'Я не думаю о вашей дочери, я думаю о самом себе'.

Прошедшее общее время, или имперфект

Прошедшее общее время, или имперфект, образуется путем сочетания имперфективного причастия смыслового глагола с глаголом *honā* в форме простого имперфекта.

Важнейшие семантические функции этого времени, соответствующие семантическим функциям настоящего общего времени, или

презенса, но имеющие отношение к плану прошедшего, связаны с выражением следующих значений:

1) значение обычного или неограниченно-кратного действия, например, *hamāre ghar mẽ sirf ek tauliyā hotā thā aur ham चाहō bhāi use kām mẽ lāte the* (JS, 134) 'У нас дома имелось всего лишь одно полотенце, и мы, шестеро братьев, пользовались им', *har pūrṇamāsī ko Satyanārāyaṇ kī kathā sunte the* (P.M-2, 25) 'Каждый раз в день полнолуния он слушал сказание о Сатьянараяне', *is liye mai jab bhī udās hotā thā, us ke pās jātā thā aur us se do-cār mināṭ bātē karke āge cal detā thā* (K.C.S, 106) 'Поэтому всегда, когда мне становилось грустно, я шел к ней и, поговорив с ней несколько минут, отправлялся дальше';

2) значение постоянно-непрерывного действия, например, *donō choṭe laṛke usī skūl mẽ paṛhte the* (P.N, 95) 'Оба младших мальчика учились в той же школе', *ek dīn ḍākṛar Sinhā ne Jiyārām ko bulākar samjhānā śurū kiyā. Jiyārām unkā adab kartā thā* (P.N, 158) 'Однажды доктор Синха позвал Джиярама и стал его успокаивать. Джиярам уважал доктора';

3) конкретно-процессное значение, например, *aur Motī vijay śār kī bhāti uskā rāstā roke kharā thā. gāv ke log yah tamāśā dekhte the aur hāste the* (P.M-2, 161) 'А Моти с видом победителя преграждал ему дорогу. Жители деревни взирали на эту сцену и смеялись', *unhō ne turant jebī lālṭen nikālī aur uske prakāś mẽ us ādnī ko dekhā. ek baliṣṭha manuṣya kandhe par lāṭhī rakhe calā ātā thā* (P.N, 45) 'Он быстро вынул карманный фонарь и в его свете увидел этого человека. [Сзади] приближался здоровенный детина с дубинкой на плече', *«hā! hā! ab samajh gayā» klark ne sir hilākar kahā, «dhobī kapre dhotā thā. itne mẽ ek magarmacch āyā aur dhobī ke kapre khā gayā»* (K.C.G, 56) '«Да! Да! Теперь [я] понял, — закивал головой клерк. — Прачка стирал белье, и тут откуда-то появился крокодиль и сожрал белье прачки»'.

При выражении отрицания прошедшее общее время выступает как с отрицательной частицей *na*, так и с отрицательной частицей *nahī* 'не', например: *bahū ko ghar ke kām-dhām se chuṭṭī na millī thī* (P.G, 267) 'Невесткам не удавалось освободиться от домашних дел', *sāl-sāl bhar talab nahī millī thī* (P.G, 180) 'Из года в год [он] не получал жалованья'.

Прошедшее неоднократное время, или итеративный имперфект

Прошедшее неоднократное время, или итеративный имперфект, формально равен имперфективному причастию. Отнесение данной формы к числу форм изъявительного наклонения базируется на положительном решении вопроса о выделении в хинди условного наклонения и на отграничении от данной формы омонимичной простой формы условного наклонения [46, с. 79—88]. Также нельзя не учитывать специфику этой формы в кругу форм, передающих изъяви-

тельную модальность [134, с. 104—120; 148, с. 176—177; 149b, с. 221; 170, с. 204—206].

В общих чертах прошедшее неоднократное время, или итеративный имперфект, с точки зрения его семантического содержания можно считать эквивалентом прошедшего общего времени в значении обычного или повторяющегося действия. В пользу такой трактовки говорит сравнение между собой следующих примеров, из которых первый содержит форму прошедшего общего времени, а второй — форму прошедшего неоднократного, позиционно соотносимую с прошедшим общим временем первого примера: *is liye māi jab bhī udās hotā thā, us ke pās jā t ā t h ā aur us se do-cār mināṭ bātē karke āge cal detā thā* (K.C.S, 106) 'Поэтому всегда, когда мне становилось грустно, я шел к ней и, поговорив с ней несколько минут, отправлялся дальше', *islie jab bhūkh satāti, to kabhī-kabhī vah corī se gharō mē ghus jāti aur khāne kī jo cīz mil jāti, lekar nikal bhāgtī* (P.K.K, 6—7) 'Поэтому, когда [ее] мучил голод, она иногда тайком пробиралась в дома и, захватив оттуда с собой все то, что ей попадалось из съестного, убегала'. Показателен также следующий пример, содержащий два сложносочиненных предложения, характеризующихся противительной связью частей; в первом из предложений вторая часть, вводимая противительным союзом, содержит глагол в форме прошедшего неоднократного, во втором — в форме прошедшего общего (в обоих случаях с отрицательной частицей *na* 'не'): *kisān bār-bār zor lagātā aur bār-bār jhājhlākar bailō ko mārta, lekin gārī utarne kā nām na letī. becārā idhar udhar nirāś hokar tāktā, magar vahā koī sahāyak nazar na ā t ā t h ā* (P.Ss, 110) 'Крестьянин раз за разом напрягал свои силы, раз за разом в сердцах колотил быков, однако телега никак не вылезала [из грязи на дне потока]. Бедняга в отчаянии посматривал по сторонам, ища помощи, но никто не показывался'.

Однако было бы неверным абсолютизировать семантическую эквивалентность обеих форм и считать обе формы полностью равнозначными. В употреблении прошедшего неоднократного времени все-таки обнаруживаются некоторые отличия в функциональном плане от прошедшего общего времени. Показательны в этом смысле некоторые типы примеров, в которых наличествуют обе формы, дифференцируясь функционально отнюдь не только в связи с различиями между постоянно-непрерывным или конкретно-процессным значением, с одной стороны, и значением повторяющегося или обычного действия — с другой:

1) прошедшее общее время создает фон, на котором развертываются повторяющиеся в прошлом события, для обозначения которых использовано прошедшее неоднократное время, например, *kahī gānā-bajānā hotā thā, kahī bāje bajte the. yah sahal-pahal dekhkar Devapriyā kā citta cancel ho jatā* (P.SS, 101) 'В одном месте играли и пели, в другом — раздавались звуки музыки. При виде такого веселья на душе у Деваприи становилось беспокойно', *donō choṭe larke usī skūl mē parhte the. Nirmalā roz unse Mansārām kā hāl pūchti* (P.N, 95) 'Оба младших мальчика учились

в той же школе. Нирмала ежедневно расспрашивала их о Мансараме' (в последнем примере то, что изложено во фрагменте высказывания, содержащем форму прошедшего неоднократного, может пониматься как вытекающее из предшествующего утверждения: '... учились в той же школе. Поэтому Нирмала ежедневно расспрашивала...');

2) прошедшее неоднократное время выступает в той части высказывания, которая, представляя собою, как правило, сложное предложение (чаще всего условного или временного типа), служит для конкретизации или пояснения утверждения, переданного при помощи прошедшего общего времени, например, *uskā zyādā samay dūkhkī logō kī sevā mē guzartā thā. gāv mē koī bimār hotā, Sulakkhī pahūc jāti* (S.SS, 101) 'Много времени она проводила в уходе за страдальцами. Если в деревне кто-нибудь был болен, то являлась Сулаккхи', *magar apnī asaphaltāo ko vah Nirmalā se chipāte rahte the. jis din kuch hāth na lagtā, us din kisi se do-cār rupae udhār lekar Nirmalā ko de dete* (P.N, 188) 'Однако свои неудачи он всё скрывал от Нирмалы. Когда ему не удавалось что-либо заработать, он брал у кого-нибудь займы несколько рупий и отдавал Нирмале';

3) прошедшее неоднократное время служит для изображения событий, которым предшествуют события, описываемые при помощи прошедшего общего времени, причем различаются два вида контекста —

а) контекст «тогда — теперь», например, *pahle Mansārām uske pās āte hue jhi jhaktā thā, lekin ab vah bhī kabhī ā baithtā* (P.N, 66) 'Прежде Мансарам боялся заходить к ней, но теперь и он иногда располагался у нее в комнате', *jin baccō par vah prūp detī thī, ab unkī sūrat se ciphtī* (P.N, 38) 'Теперь ее раздражал один вид детей, в которых [прежде] она души не чаяла';

б) контекст «воспоминание о былом», например, *mujhe apne gāv kā vah pokhar yād ā jātā jiske kīcar-mile pāni mē sūar mūh mārte rahte the aur māi unhē patthar mār-mārkar bhagāyā kartā thā, magar mere māre hue pattharō kā un par ulā hi asar hotā thā* (MR.A, 23—24) 'В моей памяти возникал наш деревенский пруд, в жиге которого рылись мордами свиньи, а я пытался их прогнать, швыряя камни, но камни, брошенные мной, оказывали на них обратное воздействие', *Ratan aur Tārā donō usī makān mē paidā hue the. Tārā ko yād ā jātā ki āth-nau baras pahle donō... jāpū, kīrī-kārā aur ākh-micaunī khela karte the* (Y.VD, 11) 'Ратан и Тара родились в этом доме. Тара вспоминала, как лет восемь-девять тому назад они вдвоем... играли в прятки и другие игры'.

Отмеченные случаи расхождения в использовании двух форм вызваны в основном тем обстоятельством, что в современном хинди налицо специализация прошедшего неоднократного времени как формы, служащей для выражения значения повторяемости во временном отрезке, отнесенном к плану повествования, создаваемому с помощью формы, названной прошедшим аористическим временем.

Этой специализацией прошедшего неоднократного времени определяется господствующая тенденция его использования. Связанность событий, которые передаются с помощью прошедшего неоднократного времени, с планом повествования можно показать на некоторых из вышеприведенных примеров, помещенных в более широкий контекст таким образом, что эта временная форма оказывается употребленной в одном ряду с прошедшим аористическим временем, например: *Mansārām ke jāne se ghar sunā ho gayā. donō chōte larke usī skūl mē parhte the. Nirmalā roz unse Mansārām kā hāl puchhī* (P.N, 95) 'После того как Мансарам оставил кров, дом как будто опустел. Оба младших мальчика учились в той же школе. Нирмала ежедневно расспрашивала их о Мансараме'.

К такого же типа примерам, в которых прошедшее неоднократное время в синтагматическом плане соотносится, с одной стороны, с прошедшим общим, а с другой стороны — с прошедшим аористическим, принадлежат следующие: *pahle vah mere pās āyā karthe, ab māi unke yahā jāne lagā. yadi ek din bhī na jātā, to man udās ho jātā, jaise kisī āvaśyak kartavya ko pūrā na kiyā ho* (S.P, 43) 'Прежде они имели обыкновение заходить ко мне, а теперь я стал ходить к ним. Если я пропускал хотя бы один день, то мне становилось не по себе, будто я не выполнил свой долг', ... *lekin unkī yah āśā leśmātra bhī pūri na hui; balki pahle to vah kabhī-kabhī unse hāskar bolā bhī kartī thī, ab baccō hī ke lālānpālān mē vyasta rahne lagī. jab ghar āte, baccō ko uske pās baiṭhe pāte* (P.N, 65) '...но этой его надежде не суждено было сбыться. Более того, если раньше она временами смеялась и шутила с ним, то теперь она стала заниматься воспитанием детей. Когда теперь он приходил домой, то заставлял детей у нее'.

С наибольшей отчетливостью соотнесенность прошедшего неоднократного и прошедшего аористического с одним и тем же реальным временным планом проявляется в рамках сложных предложений, в которых придаточная часть пояснительного характера, вводимая союзом *ki* 'что', содержит первую из форм, например: *āṭh-das din hī ke bād mere larke-bālō ko us se itnā prem ho gayā ki sājh hote hī dvār par jā khare hote, aur yadi use āne mē kuch bhī vilamb ho jātā, to vyākul se ho jāte* (S.TY, 19) 'За какие-то восемь-десять дней мои дети так привязались к нему, что, как только наступал вечер, они выстраивались у двери, и если ему приходилось хотя бы чуточку где-то задержаться, то они готовы были сгореть от нетерпения'.

Некоторые случаи употребления прошедшего неоднократного времени расходятся с господствующей тенденцией его использования для выражения значения повторяемости действия во временном отрезке, отнесенном к плану повествования. К таким случаям принадлежит его употребление:

а) для изображения действий, повторяющихся во временном отрезке, отнесенном не к плану повествования, а к более раннему плану, например: *idhar kuch dinō se munṣījī aur un dāktar sāhab mē jinhō ne Mansārām kī davā kī thī, yārānā ho gayā thā. ve kabhī-*

kabhī ākar munšijī ko samjhāyā kartē, kabhī-kabhī apnē sāth harā khilāne ke lie khēt le jāle. unki strī bhī do-cār bār Nirmalā se milne āi thī. Nirmalā bhī kāi bār unke ghar gai thī, magar vahā se jab vah laūtī to kāi dīn tak udās rahtī (P.N, 125) 'Недавно мунши [Тотарам] близко познакомился с тем доктором, который лечил Мансарам. Заходя к мунши, доктор его успокаивал и иногда вытаскивал его из дома с собой на прогулку. Жена доктора тоже несколько раз навестила Нирмалу. И Нирмала не раз заходила к ним в дом, но каждый раз, когда она возвращалась оттуда, она несколько дней ходила сумрачной';

б) для обозначения действий, не повторяющихся, а постоянно-непрерывных во временном отрезке плана повествования, например: *Mansārām ne do dīn tak gahrī cintā mē dūbā rahā. bār-bār apni mātā kī yād āti; na khānā acchā lagtā, na parhne hī mē jī lagtā. uski kāyāpalat-sī ho gai* (P.N, 98) 'Целых два дня Мансарам был погружен в тяжелые думы. То и дело он вспоминал о своей матери. И пища ему не нравилась, и к учению тоже душа не лежала. Его как будто подменили';

в) в контексте настоящего исторического для обозначения повторяющихся действий, например: *aur Rukiya kā jī māno ekdam kaṭhor ho jānā cāhtā. uske jī mē hotā, kah dū, to kal hī le jānā prasād, par usse kisī bhāti bhī kaṭhortā prakaṭ karte na bantī, aur vah tiraskṛt aparādhī kī bhāti kuṇhā se lajā uṭhī... koī das baje dīn tak yah rahtā hai* (JK.S, 83) 'И в душе у Рукии вдруг словно рождается желание быть твердой. Ей хочется сказать: «Завтра же и берите прасад», — но проявить твердость она не в силах, и ей становится неловко, как преступнику, от которого все отвернулись... Так продолжается примерно до десяти часов утра'.

Для выражения отрицания с формой прошедшего неоднократного времени употребляется, как правило, отрицательная частица *na* 'не', например: *kisān bār-bār zor lagātā aur bār-bār jhājhlākar bailō ko mārātā, lekin gārī utarne kā nām na letī* (P.Ss, 110) 'Крестьянин раз за разом напрягал свои силы, раз за разом в сердцах колотил быков, однако телега никак не вылезала [из грязи на дне потока]'. Однако не исключена возможность употребления и частицы *nahī* 'не', как в следующем примере: *itnā avāṣya huā ki Śānti jab rasoī mē khānā pakātī athavā andar kamre mē baiṭhī kapṛe sītī, to usko Gomtī sīrhiyō mē baiṭhkar bātē karte rahnā burā nahī lagtā* (UA.P, 14) 'И, разумеется, так уж повелось, что, когда Шанти готовила в кухне или, сидя у себя в комнате, шила одежду, она не имела ничего против того, чтобы Гомти болтала, усевшись на лестнице'.

Прошедшее актуальное время, или актуальный имперфект

Прошедшее актуальное время образуется путем сочетания процессивного причастия с глаголом *honā*, стоящим в форме простого имперфекта.

Основная семантическая функция этой формы состоит в выражении конкретно-процессного значения в плане прошедшего времени: действие изображается в процессе развития, актуальном для какого-то момента в прошлом, например: *Harbans pair phailāe pās ki kursī par baiṭhā thā aur ek kitāb ke panne palat rahā thā* (MR.A, 206) 'Харбанс, вытянув ноги, сидел рядом на стуле и листал страницы какой-то книги', *Ūsā barāmdē se khāl ko koṭhri mē le āi. Tārā is garmī mē caṭāi par ṭebal-laimp rakhe parh rahī thī* (Y.VD, 151) 'Уша втащила кровать с веранды в комнату. Тара в такую жару читала, поставив на циновку настольную лампу', *kisī mariz ko dekhkar laut rahī thī ki yah aghaṭ ghaṭit huā* (JK.K, 57) '[Она] возвращалась после осмотра больного, как вдруг произошло это невероятное событие'.

Связанное с выполнением данной функции парадигматическое значение прошедшего актуального времени ярко раскрывается при противопоставлении данной формы форме прошедшего общего времени, что можно видеть из следующего примера: *rāt ke nau baje the. Udaybhānulāl andar baiṭhe hue kharc kā takhmīnā lagā rahe the. vah prāyah roz hī takhmīnā lagā te the...* (P.N, 30) 'Было девять часов вечера. Удайбханулал сидел в комнате и подсчитывал расходы. Он почти каждый день подсчитывал расходы...'

В более широком временном диапазоне выражаемая актуальность процесса осуществления действия связывается со всей ситуацией момента в прошлом, причем форма прошедшего актуального времени может быть понятой и в значении постоянно-непрерывного действия, например: *Dillī ākar māi apne mitra Aravind ke pās ṭhahrā thā jo un dinō ek hindī dainik mē sahāyak sampādak ke rūp mē kām kar rahā thā* (MR.A, 19) 'Прибыв в Дели, я остановился у своего друга Аравинда, который в те дни работал в качестве помощника редактора в одной ежедневной газете на хинди'.

В предложении могут встретиться лексические элементы, указывающие на длительность временного отрезка, к которому принадлежит актуальное действие, например: *Purī kai din se Kanak ko patra likhne ke liye soc rahā thā* (Y.DB, 32) 'Пури уже несколько дней собирался (букв. думал) написать Канак письмо', *idhar mahinō se bābū Udaybhānulāl Nirmalā ke vivāh kī bāt-cīt kar rahe the* (P.N, 25) 'В течение нескольких месяцев Удайбханулал подыскивал Нирмале жениха (букв. вел переговоры о свадьбе Нирмалы)'.

В сочетании с лексическими элементами, указывающими на неопределенную кратность, прошедшее актуальное время — форма, характеризующаяся в парадигматическом плане значением длительности (конкретное протекание действия не может мыслиться вне длительности), — служит для выделения соответствующего действия, как бы задерживая наше внимание на каждом акте его проявления, объективно не являющемся длительным, например: *ab sārā rahasya uski samajh mē ā rahā thā aur bār-bār uskā pīrit hṛday ārttānād kar rahā thā — hāy īśvar! itnā ghor kalank!* (P.N, 101) 'Теперь ему все становилось понятным, и из его раненой души не один раз вырывался крик страдания: «О боже! Какой позор!»', *ādhā ghaṇṭā... pāitālīs-pacās minit... pūrā ek ghaṇṭā guzar gayā. kulī bār-bār*

jhāk kar dekh rahā thā (Y.A, 84) '[Прошло] полчаса. . . сорок пять — пятьдесят минут. . . Наконец, прошел целый час. Кули то и дело [с нетерпением] выглядывал наружу'].

При выражении отрицания прошедшее актуальное время выступает с отрицательной частицей *nahī* или *na* 'не', например: *sabhī bol rahe the, sun kōī nahī rahā thā* (Y.DB, 140) 'Все разом говорили, никто не слушал', *ghore daur rahe the, aur pratyek darśak jo pūrī sāvadhānī se apnā bacāv na kar rahā thā, khatre mē thā* (S.TY, 228) 'Коня скакали, и каждый зритель, который не проявлял осторожности, подвергал свою жизнь опасности'.

Прошедшее аористическое время, или аорист ¹¹

По форме прошедшее аористическое время равно перфективному причастию. В функциональном плане его специфика заключается преимущественно в том, что оно выступает как средство повествования о происшедших в прошлом событиях. Определяя план повествования, данная форма относит к нему цепь последовательно сменяющихся друг друга действий (событий), обозначенных соответствующими глаголами, например: *tāgā ā gayā. Nirmalā aur Jiyārām donō jā baiṭhe. tāgā calā* (P.N, 121) 'Подъехала тонга. Нирмала с Джиярамом сели в нее. Тонга тронулась'; *yahī socte hue bābū sāhab uṭhe, reṣmī cādar gale mē dālī, kuch rupae liye, apnā kārd nikālkar ek dūstre kurtē kī jeb mē rakhā, charī uṭhāi aur cupke se bāhar nikle* (P.N, 35) 'С такими мыслями бабу [Удайбханула] поднялся, обмотал шею шелковым шарфом, взял немного денег, положил свою визитную карточку в карман другой рубашки, взял трость и тихо вышел [из дому]'. Реже оно относит к плану повествования действия (события), которые могут мыслиться совмещенными в одном временном отрезке, например: *Gobar ne khāl dāl di, Sona ras ghol lāyī, Rūpā tamākhū bhar lāyī* (P.G, 21) 'Гобар вынес [для Бхолы] кровать, Сона приготовила шербет, Рупа наполнила табаком трубку'.

Прошедшее аористическое время может, однако, выражать отдельный факт прошлого, не включенный в цепь последовательных сменявшихся друг друга действий или в ряд действий, совмещенных в одном временном отрезке: *yah gadhā kidhar se ghus āyā, nikālō ise bāhar!* (K.C.G, 148) 'Откуда взялся здесь этот осел? Гоните его прочь!' В свете теории двух планов сообщения (высказывания), выдвинутой Э. Бенвенистом [9, с. 270—291; 91], при таком употреблении прошедшего аористического времени исторический план [plan

¹¹ Функциональная общность соответствующей формы языка хинди с древнегреческим аористом не раз отмечалась в грамматической литературе [128, с. 473; 134, с. 139; 155, с. 162], что, собственно говоря, и дает нам основание назвать ее аористическим прошедшим временем или просто аористом. Термин, которым мы пользовались прежде для названия данной формы, а именно «претерит», представляется менее подходящим, так как в языкознании претеритом принято считать «временную форму, предназначенную для выражения прошедшего времени. . . в тех языках, которые не имеют различий между имперфектом, аористом и перфектом» [50, с. 229—230]. Кстати сказать, применительно к хинди это уже было отмечено В. Шмидом [155, с. 162].

d'histoire) сообщения, связанный с выполнением повествовательной функции, уступает место речевому плану (*plan du discours*), что в свое время явилось для С. Келлога достаточным основанием для того, чтобы говорить о возможности употребления рассматриваемой формы в значении перфекта и плюсквамперфекта [128, с. 473].

Вне зависимости от того, изображается ли действие относящимся к плану повествования или выступающим как отдельный факт прошлого, прошедшее аористическое время при наличии в предложении лексических элементов, указывающих на ограниченную или неограниченную кратность действия, передает суммарное значение, т. е. значение множества одинаковых актов, сведенных к единству, например: *do tīn bār aisā bhī huā ki choṭī larkī ke hāth se cīnī ke bartan girkar tūt gaye* (K.C.A, 83) 'А раза два-три случилось и так, что из рук маленькой девочки выскальзывала и разбивалась фарфоровая посуда', *kaī bār māi ne Sādhurām ko caprāsiyō se koī kām karāne ke lie kahā, parantu use usne āp hī kar liyā* (S.T.Y, 18) 'Несколько раз я просил Садхурама поручить ту или иную работу посыльным, но он сам ее выполнял', *gaī paṛosīn ko saūpī, aur us se bār-bār kahā — «is kā pūrā-pūrā dhyān rakhnā»* (S.T.Y, 10) '[Ладжаванти] доверила корову соседке и несколько раз сказала ей: «Внимательно следите за ней»'. Однако с семантическим потенциалом этой формы оказывается совместимым и выражение разделительного значения при изображении неоднократного действия (или ряда неоднократных действий), например: *leḍī Gāmā ne uṭhkar ek-ek sundarī ko bārī-bārī se māik ke sāmne bulāyā* (K.C.G, 139) 'Поднявшись, леди Гама каждую красавицу поочередно вызывала по одной к микрофону'.

Важной семантической функцией прошедшего аористического времени является передача наглядно-примерного значения при изображении двух или нескольких разных действий (событий, актов), находящихся друг к другу в отношении временной, причинно-следственной или условно-следственной связи в рамках плана прошлого или же в плане расширенного настоящего, т. е. настоящего, захватывающего сферу прошедшего и будущего времени. Это переносное значение основывается на изображении многократного единичным: из ряда однородных актов в качестве его представительного примера вычленяется один, на котором и концентрируется внимание¹². При-

¹² Ср. высказывание С. А. Черниковой, разбирающей данную глагольную форму на материале урду: «...неоднократное или повседневное событие рисуется так, как будто оно совершилось только один раз. Этим достигается то, что внимание слушающего сосредоточивается на данном событии и событие с большей отчетливостью запечатлевается в его сознании» [74, с. 80]. Значение, которое мы называем наглядно-примерным, заимствовав соответствующий термин у А. В. Бондарко, раскрывается этим автором, анализирующим русский глагол, таким образом: «...выделяется один из многих актов повторения как своего рода пример, дающий наглядное представление о других подобных актах... Сами по себе глагольные формы обозначают действия так, как будто они конкретны: представлен один конкретный факт в его целостности. Однако это лишь „фикция конкретности“: контекст говорит о том, что данная ситуация повторяется. Так типичное передается через конкретное и единичное» [12, с. 22].

меры: *unhī dīnō mujhe samācārpatra paṛhne kā caskā paṛā. hotā adhiktar yō thā ki idhar māī ne ek uṭhī huī dīvār ke nīce ṭē phēkī, udhar bhāgtā huā riḍīng-rām kī or calā gayā. bairisṭar samācārpatra mē itne līn hote ki unhē mere āne kī khabar tak na hotī. . .* (K.C.G., 5—6) 'В те дни я пристрастился к чтению газет. Большей частью бывало так: едва сброшу я кирпичи возле растущей стены, как тут же стремглав бросаюсь в библиотеку. Адвокат же бывал настолько поглощен чтением газеты, что для него мой приход оставался незамеченным. . .' (данный пример примечателен тем, что в нем употребление аориста в наглядно-примерном значении предваряется фразой, указывающей на обычность ситуации — *hotā adhiktar yō thā* 'большей частью бывало так'; в переводе на русский допустимо использование будущего совершенного времени, хотя описываемые события относятся к прошлому), *Mehtā jhēp gaye. binā-byāhe the aur navayug kī ramaṇiyō se panāh māgte the. puruṣō kī maṇḍlī mē khūb cahakte the, magar jyō hī koī mahilā āyī aur āpkī zabān band huī, jaise buddhi par tālā lag jātā thā. striyō se śiṣṭa vyavahār tak karne kī sudhi na rahtī thī* (P.G., 57) 'Мехта смутился. Он был холостяком и сторонился модниц новой эпохи. В мужской компании он не закрывал рта, но войдет женщина — и он уже молчит, словно у него затуманивалось сознание. Он утрачивал всякую способность сообразить, как подобает обращаться с женщинами', *auratō ke lie roz bhojan karne kī āvaśyaktā hī kyā? agar ek vakt khā liyā to do din ke lie chuṭī ho gai. baccī ke lie tāzā haluā yā rotīyā ban jātī thī* (P.N., 204) 'Зачем женщинам есть каждый день?! Поели один раз — и терпи два дня. Только для девочки готовили свежую халву или лепешки', *sāl-bhar se talab nahī milī. kisī ko talab nahī dete. jahā kisī ne talab māgi aur ve lage use dāṭne. becārā naukri chopkar bhāg jātā hai. . .* (P.N., 49) 'За целый год я не получил жалованья. Он никому не платит, а потребует кто-нибудь, так он начнет угрожать. Бедняга бросает службу и бежит куда глаза глядят. . .'

Как показывают примеры, прошедшее аористическое время, выступающее в наглядно-примерном значении, контрастирует синтагматически с глагольными формами, служащими грамматическим средством указания на обычность ситуации, а именно с прошедшим общим временем (см. второй и третий из приведенных выше примеров: *māgte the, cahakte the, lag jātā thā, na rahtī thī; ban jātī thī*), с прошедшим неоднократным временем (см. первый из помеченных выше примеров: *līn hote, khabar tak na hotī*) и с настоящим общим временем (см. последний пример: *nahī dete* и *bhāg jātā hai*), причем каждой из этих форм определяется временной план, с которым соотносено выражение наглядно-примерного значения.

Рассматриваемую форму применительно к случаю, когда наглядно-примерное значение связывается со сферой настоящего времени, трактуют иногда как «гномический претерит» [134, с. 147, 149—152] или как «претерит опыта» [110, с. 157; 170, с. 208]. Однако гномическую (ахронистическую, всевременную) функцию прошедшего аористического времени, или аориста, следует усматривать лишь в афоризмах, подобных следующему: *soyā so khoṛā, jāgā*

so rūā 'Заснул — потерял, проснулся — приобрел', — где наглядно-примерное значение уступает место значению истинности высказывания, основанной на прошлом опыте.

На переносном употреблении прошедшего аористического времени основана возможность отнесения соответствующего глагольного действия к плану будущего времени в следующих случаях:

1) когда подчеркивается категоричность взаимной связи нескольких (обычно двух) действий, например, *use aisi šankā hotī ki māi yahā se calī aur lar̥kī hāth se gaī* (P.PP, 353) 'Ей становилось страшно при мысли: «Уйду я отсюда и погибнет девочка»';

2) когда подчеркивается идея неотвратимости осуществления отдельного действия при соблюдении определенных условий, например, *tum kyā bātē karte ho? laūdiyō ko panjō mē lānā kyā muškil bāt hai! zarā sair-tamāše dikhā do, unke rūp-rang kī tārīf kar do, bas, rang jam gayā* (P.N, 67) 'О чем вы говорите?! Разве так уж трудно приворожить молодых женщин! Водите их на представления, хвалите их внешность — и дело в шляпе';

3) когда говорящий сообщает о действии, которое он уже готов осуществить вслед за моментом речи, например, *...tum tab tak in se bātē karo. māi abhī āī, do minā! mē* (JS, 184) '...Вы пока побеседуйте с ними. Я сейчас же приду, через две минуты';

4) когда выражается эмоциональное отношение к действию, представляющемуся неотвратимым, например, *māh se keval itnā hī niklā — hāy mār dālā* (P.N, 37) 'С губ только и сорвалось: «Ой! Убили!»';

5) когда действие, осуществление которого казалось бы естественным, иронически отрицается (без использования при глаголе отрицательной частицы), например, *māi ne kahā — māi to sīdhā Bambaī se yahā ā rahā hī. ghar kahā gayā* 'Я [ей] сказал: «Я сюда приезжаю прямо из Бомбея. Здесь уж не до того, чтобы идти домой»' [134, с. 156].

Общее положение о способности перфективных форм передавать значение предшествования как результате преломления присущего им видового значения подтверждается употреблением прошедшего аористического времени, или аориста, в некоторых конструкциях, где данная форма синтагматически контрастирует с другими глагольными формами, относящими действие к последующему периоду или отрезку времени, как, например, *bako mat! jākar kursī lāo. jab koī kām karne ko kahā gayā, to rone lagtā hai* (P.N, 40) 'Хватит болтать! Ступай и принеси стул. Как только велишь [ему] что-либо сделать, так и начинает хныкать' (в данном случае аорист выступает в наглядно-примерном значении, связанном с планом расширенного настоящего времени). Наиболее показательны примеры с прошедшим аористическим временем в придаточной части сложноподчиненного предложения, выражающей условие, и с формой будущего I в главной части: *logō ko yadi is ghaṭnā kā patā lag gayā to ve kisī garīb par viśvās na karēge* (S.TY, 105) 'Если людям станет известно об этом событии, то они не будут верить ни одному бедняку'.

При выражении отрицания прошедшее аористическое время выступает с отрицательной частицей *na*, благодаря чему сохраняется его формальное отличие от перфекта, а также и с отрицательной частицей *nahī*, например: *vah is samay mūrccit ho gaye. unhō ne mahārāṇā ki āvāz na sunī* (S.TY, 240) 'Он в это время потерял сознание. Голоса махараны он не слышал', ... *lekin ham bahut nirāś hue, kyōki unṁē se kisī ne hamārī taraf nahī dekhā* (PL, 111) '... но мы были сильно разочарованы, потому что никто из них не глянул в нашу сторону'.

Прошедшее время актуального результата в настоящем, или перфект

Перфект образуется путем сочетания перфективного причастия смыслового глагола с глаголом *honā* в простой форме настоящего времени. Эта временная форма, как справедливо отмечается в грамматической литературе, «связывает прошлое событие с настоящим временем» [160, с. 69]. Будучи таковой, она характеризуется двойственным отношением к другим финитным формам, передающим временное значение: остальным формам прошедшего времени рассматриваемая форма противостоит как форма настоящего времени, а формам настоящего времени — как форма прошедшего времени.

Присущее перфекту значение актуальности результата реализованного в прошлом действия для ситуации момента речи или, другими словами, значение связанности действия через его результат с ситуацией момента речи ярко проявляется, например, в следующих предложениях: «*bāī, sāhab ko salām karo*», *rahalvān ne kahā. «sāhab Kanāṭ ples se āyā hai»* (MR.A, 53) '«Поклонись, подружка, господину, — проговорил верзила. — Господин явился сюда с Коннот-плейс», *acchā batāie, kaunsi pārtī ne apko kharā kiyā hai?... merā matlab yah hai ki āp kis pārtī ke ummīdvār hai* (KC.G, 38) 'Ну скажите же, пожалуйста, какая из партий выдвинула вашу кандидатуру?... Я имею в виду, кандидатом какой партии вы являетесь?', *ab mujhe yah avasar milā hai, ise kyō chorū* (P.SS, 34) 'Теперь мне представилась эта возможность. Зачем же [мне] упустить ее'. Передача отмеченного значения актуальности в принципе не зависит от степени близости или отдаленности действия по отношению к ситуации момента речи [160, с. 125]. Вот почему перфект находит употребление и тогда, когда говорится о действии, осуществление которого объективно относится к далекому прошлому, например, *yahī bāt Vālmiki ne tātālīs ślokō mē kahī hai* (HS, 229) 'Это же содержание Вальмики передал в сорока трех шлоках'. Применительно к случаям, подобным приведенному, можно сказать и так: сообщая о давно минувшем событии, говорящий или пишущий выбирает форму перфекта, если он намерен выделить значимость этого события для ситуации настоящего.

Наличие в хинди перфекта как формы, призванной передавать значение актуальности в настоящем результата действия, совершение которого

относится к предшествующему временному плану, взаимосвязано с существованием рассмотренного выше настоящего актуального времени как формы, служащей для передачи значения актуальности процесса развития действия, относящегося к сфере настоящего времени. В синхронном плане обе формы стимулируют и дополняют друг друга как средства выражения актуальности в настоящем, что особенно наглядно проявляется при их совместном использовании для описания какой-либо данной ситуации, например: *ham log sankīrṇa svārthō mē rah rahē hāi. āp ne sab taj rāṣṭra-hit kā varāṇ kiyā hai* (JK.K, 121) 'Мы живем своекорыстными интересами. Вы же предпочли всему интересы нации', *māi jānnā cāhtū thū ki vah akeli vahā kaise rah rahī hai aur naukri chorṇe ke bād usne kyā-kuch kar dālā hai* (PL, 135) 'Я хотел знать, как она одна там живет и что такое она наделала, оставив службу'.

Перфект в хинди используется не только при сообщении о конкретных единичных событиях, как в вышеприведенных примерах. Он находит применение также и при сообщении о событиях, в которых действие мыслится повторяющимся и обычным или постоянно-непрерывным, например: *Ji yārām — corī nahī hai! āp hī ko koī dād hī lāte dekh le to āp ko śarm na āyegī? munśī jī — bilkul nahī. māi ne to inhī hāthō se pānī khīcā hai, anāj kī gāthriyā lāyā hū. mere bāp lakhpatī nahī the* (P.N, 157) 'Дж и я р а м: [Так что из того, что я] не украл! Разве вам самим не будет стыдно, если увидят, как вы несете молоко? М у н ш и |Т о т а р а м|: Конечно, не будет. Ведь этими руками я сам таскал воду, приносил мешки с зерном. Мой отец не был богачом', *tum nahī jāntē, ham ne bhī kabhī acche din dekhe hāi* (S.TY, 153) 'Вам ведь неизвестно, что и мы в свое время видели счастливые дни'. При таком употреблении перфекта преобладает темпоральное значение предшествования действия моменту речи, а значение актуальности результата действия уступает место значению характеристики субъекта действия, существенной для ситуации момента речи [74, с. 95—96].

Вместе с тем в плане синтагматики перфект языка хинди обнаруживает следующие важные черты:

1) способность сочетаться в предложении с лексическими элементами, указывающими на отнесенность действия к прошлому, например, ... *aur kal kuch rasad le āyā hai. mālūm hotā hai, yāhī rahēgā* (A.A, 92) '... а вчера [он] принес провизию. Судя по всему, здесь же он и останется', *abhi parsō hī is pradārṣanī kā udghāṭan huā hai. zarā calkar āp bhī use dekh lijie aur apnī bahumūlyā rāy dijie* (K.C.G, 165) 'Только позавчера состоялось открытие этой выставки. И вы, пожалуйста, осмотрите ее и выскажите свое авторитетное мнение', *saṅ 1950 se 1962 tak vah isī nīti par calē hāi* (N, 1973.IV, 25) 'С 1950 по 1962 год он придерживался этой же политики';

2) способность сочетаться в предложении с лексическими элементами, указывающими на ограниченную или неограниченную кратность действия (*kaī bār* 'несколько раз', *kitnī bār* 'сколько раз', *aksar* 'часто' и др.), например, *manoranjan ke lie māi kabhī-kabhī deś-videś kī krāntiyō ke itihās par hī liyā kartā hū, ek-ād h bār māi ne is viśay par vyākhyān bhī diye hāi* (A.A, 64) 'Ради собственного удовольствия я время от времени читаю про историю революций

в разных странах. Несколько раз я даже выступил с лекциями на эту тему', *na jāne kitnī bār vah Fārbisganj āyā hai...* (PL, 55) 'Кто скажет, сколько раз он бывал в Форбсгандже...', *māi ne aksar bārē ādmīyō ke jamāi aise hī dekhe hāi* (K.C.G, 122) 'Как раз таких зятёв мне часто и доводилось видеть у знатных людей';

3) способность сочетаться в предложении с лексическими элементами, указывающими на постоянный или непрерывный характер действия (*hamēšā* 'всегда', 'постоянно', *lagātār* 'постоянно', 'непрерывно' и др.), например... *pārī ne hamēšā hī... sabhī bāmpantī pārīyō ke sāth kāryagat ektā kāyam karne kī himāyat kī hai* (JY 5.VIII. 1973) '...партия всегда выступала за установление единства действий... со всеми левыми партиями', *us ne in yuddhabandīyō par miḥadmā calāye jāne kā lagātār virodh kiya hai* (JY, 5.VIII.1973) 'Он постоянно выступал против судебного процесса над этими военнопленными'.

Изобразительная функция перфекта, сопоставимая с функцией «настоящего исторического времени», связана с его использованием вместо предпрошедшего времени, или плюсквамперфекта, для придания большей живости рассказу о событиях, целиком относимых к прошлому, например: *Hirāman hāth mē thailī lekar supcār kharā rahā. kurte ke andar se thailī nikālkar dī hai Hirābāi ne... cīṛiyā kī deḥ kī tarah garm hai thailī!* (PL, 69) 'Хираман так и стоял молча с кошельком в руке. Ведь этот кошелёк, достав из-под своей рубашки, ему только что дала сама Хирабаи... Кошелёк, тёплый, как тело птицы!'

При выражении отрицания перфекту свойственно употребляться [за исключением случаев неоднократного отрицания, передаваемого путем повтора отрицательной частицы *na*, типа *striyā kis prakār gṛhasthī calātī hāi, yah na āj tak kisī ne jānā hai, na jānegā* (A.A, 121) 'Как женщины справляются с домашним хозяйством — этого пока никто не постиг и не постигнет'] с отрицательной частицей *nahī* 'не', как, например, *pichle tīn hazār varṣa mē is sangīt kā ek sur na hī badlā hai* (K.C.G, 163) 'За последние три тысячи лет в этой музыке не изменилась ни одна нота'. Однако вспомогательный глагол при этом обычно опускается, вследствие чего перфект, значение которого вытекает из контекста, становится формально неотличимым от аориста, употребленного с частицей *nahī*, например: *merī umr tum se kahī zyādā hai Jiyārām, par āj tak māine apne pitāji kī kisī bāt kā javāb na hī diyā* (P.N, 161) 'Я намного старше тебя, Джиярам, но до сих пор я ни в чем не перечил своему отцу'¹³.

¹³ Здесь мы сталкиваемся с частным случаем проявления закономерности, состоящей в возможности опустить глагол *honā* в форме простого настоящего времени, используемый в качестве компонента аналитической формы смыслового глагола, при условии выражения отрицания с помощью частицы *nahī* (ср. утрату вспомогательного глагола *honā* формой настоящего общего времени и формой настоящего актуального времени). Поэтому другое решение вопроса, сводящееся к тому, что при выражении отрицания сфера употребления «претерита» (=аориста) расширяется за счет перфекта в результате возникающей нейтрализации оппозиции между обеими формами [101, с. 61], представляется нам не учитывающим в полной мере специфику хинди.

Предпрошедшее время, или плюсквамперфект

Предпрошедшее время, или плюсквамперфект, образуется путем сочетания перфективного причастия смыслового глагола с глаголом *honā* в форме простого имперфекта. В отличие от перфекта оно, как и прошедшее аористическое время, относит действие всецело к прошлому.

Принятое для рассматриваемой аналитической глагольной формы название «предпрошедшее» является довольно условным потому, что оно отражает лишь одну сторону в использовании данной формы, а именно ее способность передавать значение предшествования в прошлом. Глагол, выступающий в данной форме, обозначает действие, которое предшествует другому действию, отнесенному к плану прошедшего времени, или, вообще говоря, совершается ранее какого-то момента в прошлом, принятого за временной центр, например: *Horī ko is bīt-yawnā mē bhī vahī komal hṛday bālikā nazar āyī, jis ne paccīs sāl pahle uske jīvan mē praveś kiya thā* (P.G, 125) 'И в этой изможденной женщине Хори вдруг увидел ту нежную девушку, которая двадцать пять лет тому назад вошла в его жизнь', *sāyog se usī vakt Agre se vah sajjan ā gaye, jin ke pās Joṣī kuch dīnō rahā thā* (P.M-4, 72) 'Случайно в это же время из Агры приехал тот господин, у которого Джоши прожил несколько дней'; *Jiyārām ghar pahūcā to gyārah baj gaye the* (P.N, 161) 'Когда Джиярам вернулся домой, было уже одиннадцать часов'. В подобного рода примерах отмеченное смысловое содержание рассматриваемой временной формы обнаруживается в ее взаимодействии с прошедшим аористическим временем, определяющим план повествования.

Такое употребление формы может привести, с одной стороны, к установлению второго, дополнительного, временного плана повествования (показательно употребление ряда глаголов, стоящих в этой форме), например, *bābū sāhab use dekhte hī cāuk parē. yah šahar kā chaṭā huā badmāś thā. tīn sāl pahle us par ḍāke kā abhiyog calā thā. Udaybhānu ne us mukadme mē sarkār kī or se pairavī kī thī aur is badmāś ko tīn sāl kī sazā dilāi thī* (P.N, 36) 'Увидев его, бабу [Удайбханулал] вздрогнул. Это был самый отъявленный преступник города. Три года назад он был привлечен к судебной ответственности по обвинению в грабеже. Процесс вел Удайбхану и добился осуждения этого бандита на три года'. При этом в плюсквамперфекте с наибольшей отчетливостью проявляются семантические черты имперфектности и предшествования.

Но, с другой стороны, такое употребление формы может повлечь за собой появление у нее перфектного значения, что наблюдается в случае, если предшествующее действие мыслится имеющим результат, актуальный для определенной ситуации в прошлом (семантический признак «предшествование» уступает при этом место семантическому признаку «разобшенность действия с ситуацией момента речи» или, точнее говоря, семантическому признаку «неразобшенность действия с ситуацией момента в прошлом»), например:

mai ne sahāyatā ke līe idhar-udhar dekhā, lekin maukā pākar sehji khisak gae the (K.C.G, 121) 'Я поглядел по сторонам в поисках помощи, но, воспользовавшись случаем, сех уже улизнул', *Mālī bacce ko god me liye baithī thī aur baccā anāyās hī ro rahā thā. śāyad usne koī svapna dekhā thā, yā aur kisī vajah se dar gayā thā* (P.G, 340) 'Малти сидела с ребенком на руках, а ребенок безутешно плакал. Возможно, он увидел какой-то [страшный] сон или же напугался по какой-либо другой причине'.

С отмеченным выше перфектным значением рассматриваемой формы тесно связано значение результативного состояния или, другими словами, значение «статического состояния как результата предварительно завершенного действия» [51, с. 30], например: *cehrā unkā jhurriyō se bharā thā aur caṣme kā frem nāk ke ūpar se tūt gayā thā...* (PL, 20) 'Его лицо было покрыто морщинами, а оправа очков была поломана над носом...', *kintu ab Līlādhār ne lambī dārhī aur bāl kaṭvā liye the, sādharan nepālī vajrācārya kī tarah lag rahe the* (N.D, 151) 'Но теперь у Лиладхара длинная борода и волосы были острижены, и он походил на обыкновенного непальского буддиста-проповедника'.

Пониманию предпрошедшего времени в значении результативного состояния обычно способствует описательный контекст, возникающий вследствие выполнения данной формой функции, важной с точки зрения организации связного текста, — служить средством изображения ситуации, исходной для развертывания событий, относимых к плану повествования.

Такая функция предпрошедшего времени наглядно раскрывается в начале отрывка или абзаца, воспроизводящем ситуацию, на фоне которой совершались описываемые события. При этом предпрошедшее время часто соседствует с прошедшим актуальным, формируя с последним единый временной план описания, например, *ṭip ṭip ṭip... pichle sattar ghaṭṭō se āsmān ṭapak rahā thā. ūde-ūde bhārī-bhārī bādāl virāt cādoṡā kī tarah ūpar tane hue the. nice bhīgī dhartī sikur-simaṭ kar māno choṭī ho āī thī* (N.D, 9) 'Кап, кап, кап... Вот уже в течение семидесяти часов непрерывно лил дождь. Тяжелые, свинцовые тучи нависли сверху куполом огромного шатра. Внизу же напоенная влагой земля будто съежилась, сократившись в размерах'. Обе формы стимулируют и дополняют друг друга как средства выражения разной актуальности, относимой к плану прошедшего времени: актуальности результата действия (значение такой актуальности восходит к значению результативного состояния) и актуальности самого протекания действия.

Синтагматически связанное употребление предпрошедшего времени, обусловленное присущим ему значением предшествования, наблюдается в препозитивной части сложных предложений, постпозитивная часть которых, вводимая союзом *kī* 'что', сообщает о действии, мыслимом как внезапное, неожиданное или нарушающее нормальный ход явлений, например: *...vah kursī se uthā hī thā kī kisī ke pairō kī āhaṭ mālūm huī* (P.PD, 147) '...едва он поднялся со стула, как послышались чьи-то шаги', *vah thoṛī hī dūr gayā thā kī use ek bahut*

barī bhīr ātī dikhāī parī (U.S.K., 98) 'Как только он прошел немного, он увидел огромную толпу, двигавшуюся ему навстречу'.

Помимо рассмотренных выше случаев употребления, в основе которого лежит значение предшествования в прошлом, форме предпрошедшего времени (плюсквамперфекту) свойственно также использование, при котором событие (действие) оказывается соотношенным на временной оси не с каким-либо моментом прошлого, принятым за временной центр, а непосредственно с моментом речи.

Здесь различимы два значения, полярных в рамках объединяющего их признака имперфектности, а именно:

1) значение давнопрошедшего времени, связанное с указанием на дистанцию во времени [128, с. 475], отделяющую описываемое событие от момента речи, например: *unhī dīnō Kāśī mē mahāmārī kā prakop bhī huā thā...* (H.S., 215) 'В те же дни [когда жил Тулсидас] в Каши разразилась эпидемия...', *bahut arsā pahle māī bhī Dillī gāī thī mistar Hyūbarī, tab māī bahut choṭī thī, na jāne kitne bars bit gae* (P.L., 110) 'Когда-то давно я тоже совершила поездку в Дели, мистер Губерт. Тогда я была совсем маленькой. С той поры минул уж не один год';

2) значение снятой (суппрессированной) перфектности, связанное с указанием на то, что актуальность результата действия, реализованного в прошлом, для ситуации момента речи утрачивает силу, например: *pūchā — kaun khaṛā hai vahā? Hīrā bolā — māī hī dādā, tumhāre kauṛe mē āg lene āyā thā* (P.G., 106) '«Кто это там стоит?» — спросил [Хори]. «Это я, брат. Приходил за огнем от вашего костра», — ответил Хира'¹⁴, *Tankhā khisiyākar bole — jāīe! socā thā, khūb kabāb urāyēge, so āpne sārā mazā kirkirā kar diyā...* (P.G., 97) '«Ах, оставьте, — проговорил раздраженно Танкха. — Я-то думал, что мы полакомимся жарким, а вы взяли и испортили все удовольствие...»', *būrhā Dhabbū mere pāv par gayā aur bolā, «kitnī āsāē lekar tere pās āyā thā Dhabrū! kaisī-kaisī abhilāṣāē lekar tere bārhe mātā-pitā tere pās āe the aur tū ham se aisā vyavahār kar rahā hai...* (K.C.G., 116) 'Старик Дхаббу упал к моим ногам и проговорил: «С какими надеждами я ехал к тебе, Дхабру! С какими чаяниями ехали к тебе твои старые родители, а ты с нами так [жестоко] обращаешься...»' (два последних примера показательны в том отношении, что в каждом из них изложено основание суппрессии перфектности).

В сфере выражения неизъявительной модальности предпрошедшее время иногда употребляется в главной части сложноподчиненного предложения для выражения обусловленной нереальности действия, например: *yadī ek bhī kṣaṇ kā valamb ho jātā to Jaysinh mārā jā sukā thā* (S.T.Y., 232) 'Если бы было допущено хоть малейшее промедление, то с Джайсинхом было бы покончено', *yadī naukār ek hāth aur mārātā to cor mar hī gayā thā* [107, с. 470] 'Если бы слуга нанес еще один удар рукой, то вор бы скончался'. В таких предложениях глагол, стоящий в форме плюсквамперфекта, обозна-

¹⁴ См. пояснение С. А. Черниковой: «Вместо *āyā hī* употреблено *āyā thā* потому, что говорящий, добившись своей цели, собирается уйти» [74, с. 108].

чает действие, осуществление которого было предотвращено реальным ходом событий.

В синтагматическом плане предпрошедшее время, передавая изъяснительную модальность, обнаруживает способность сочетаться с лексическими элементами, указывающими на кратность действия, например: *aisī avasthā mē vah d o-c ā r b ā r havālāt mē bhī rah āyā thā* (КС.А, 149) 'В таком состоянии он раза три-четыре попадал в полицейский участок', *māi ne pahle ka i b ā r dekhā thā ki vah us kutte ko ek bacce kī tarah hī pyār kartī hai...* (PL, 165) 'Мне и прежде несколько раз доводилось видеть, что она любит эту собаку, как ребенка...', *māi ne yah śabda unke mukh se sa i k r ṛ ṇ b ā r sunā thā, parantu jo bāt is mē ā j thī vah is se pahle kabhī na thī* (S.TY, 80) 'Я много раз (букв. сотни раз) слышала от него такие слова, но теперь за ними крылось что-то такое, чего прежде никогда не было'.

При выражении отрицания предпрошедшее время сочетается как с частицей *na*, так и с частицей *nahī*, например: *abhi uske sadbhāvd kā sampūrṇatah lop na huā thā...* (P.N, 161) 'Добрые чувства еще не совсем угасли в его душе...', *sabērā nahī huā thā* (A.A, 91) 'Утро еще не наступило'.

Формы неочевидного действия

К формам неочевидного действия¹ относятся четыре формы будущего времени. Одна из них, а именно будущее I (футурум I), образована путем присоединения морфемы *-gā* (< икр. *gaa* < др.-инд. *gata*), изменяющейся в зависимости от рода и — в мужском роде — от числа, к форме, выступающей в современном хинди в качестве настояще-будущего времени сослагательного наклонения и генетически связанной с древнеиндийским презенсом индикатива. В отличие от трех остальных форм будущего времени, строящихся аналитически, будущее I предстает как простая по своему строению форма. При спряжении в форме будущего I глагол изменяется в зависимости от трех категорий: лица, рода и числа, что отражено в приведенной ниже таблице 9 (в качестве примера взят глагол *bolnā* 'говорить').

Таблица 9

Лицо	Род			
	мужской		женский	
	число			
	единственное	множественное	единственное	множественное
1-е	<i>bolūga</i>	<i>bolēge</i>	<i>bolūgī</i>	<i>bolēgī</i>
2-е	<i>bolega</i>	<i>bologe</i>	<i>bolegī</i>	<i>bologī</i>
3-е	<i>bolega</i>	<i>bolēge</i>	<i>bolegī</i>	<i>bolēgī</i>

Аналитические формы будущего времени (будущее II, будущее III и будущее IV) образуются путем сочетания причастия (имперфективного, перфективного, процессивного) смыслового глагола с формой будущего I от глагола *honā* 'быть'.

В зависимости от того, какое именно из причастий участвует в построении формы, для обозначения аналитических форм будущего времени могут быть использованы следующие наименования: будущее имперфективное, будущее перфективное и будущее процессивное.

Будущее простое время, или футурум I (будущее I)

Будущее простое стоит вне оппозиций по тем признакам, которыми определяются отношения между аналитическими формами будущего времени.

Его специфику составляет функция отнесения глагольного действия к плану будущего времени, например: *kal Mrdulā yahā se calī jāygi, vah phir akeli ho jāygi* (P.M-7, 7) 'Завтра Мридула уйдет отсюда, а она снова станет одинокой', *kaī din gardan dukhegi mālik!* (P.G, 99) 'Несколько дней [у вас] будет болеть шея, хозяин!', *śāyad āj gānā na hogā. sāzinde Pukhrāj ke ghar gaye hāi* (N.S, 80) 'Возможно, сегодня пения не будет. Музыканты ушли в дом Пукхраджа'.

Значение будущего времени, передаваемое формой будущего простого, легко осложняется разными оттенками модальных значений [138], из которых в первую очередь должны быть отмечены следующие:

а) волитивный оттенок значения готовности, намерения или решимости совершить действие, связанный со значением 1-го лица, например, *talvār nikāl kar nirbhaytā se bole, «sābhal kar bāt kar! māi inke lie apnā sir de dūgā»* (S.TY, 215) 'Вынув меч, он бесстрашно проговорил: «Не распускайте язык! За нее я готов сложить свою голову»';

б) оттенок значения отвергаемого допущения, обычно связанный в риторическом вопросе со значением 1-го лица, например, *āj tak lāl ākhē nahī dekhī, yah apamān kaise sahāgi?* (S.TY, 51) 'Пока я еще не попадала под горячую руку. Как я вынесу такое унижение?';

в) побудительный оттенок значения, связанный со значением 2-го лица, например, *thahar, mūrkhā laṛke! thahar, tū āge na barh sakegā* (S.TY, 275) 'Стой, глупый мальчишка! Стой, ты не смеешь идти дальше', *Pramod, dekhegā māi tere lie kyā-kyā lāī hī* 'Погляди-ка, Прамод, что я для тебя принесла' [134, с. 208].

В контекст настоящего времени рассматриваемая форма привносит значение уверенности в том, что существует постоянная возможность осуществления (или, что определяется наличием отрицатель-

ной частицы при глаголе либо риторическим вопросом, неосуществления) действия.

При дальнейшем расширении временного плана будущее простое приобретает гномическую функцию, например, *jo bovegā so kātegā* 'Что посеешь, то и пожнешь'.

Форма будущего простого, образованная от глагола *honā* 'быть', характеризуется способностью передавать предположительное значение в плане как настоящего, так и прошедшего времени, например: *usne apne putra ko vahī bulā liyā, aur sahelī se kahā — bahan tere yahā dādh hogā. ek kaṭorā Gopāl ko de* (S.N., 99) 'Она позвала туда же своего сына и сказала подруге: «Сестрица, у тебя, наверное, есть молоко. Дай одну чашку Гопалу», *unki āyu adhik na thī. zyādā se zyādā raccīs sāl ke hōge* (S.SS., 87) 'Он был еще довольно молод. Ему исполнилось, вероятно, не более двадцати пяти лет'. Данное значение выступает как частная реализация более общего значения неочевидности, которое сближает отмеченный случай использования формы глагола *honā* с ее использованием в вопросительном предложении, например: *usne pūchā, «Māḍū mē kyā bahut striyō ke pās hōge aise gahne-kaṭre?»* (VV.M., 238) '«Разве у многих женщин в Манру есть (= найдутся) такие украшения и наряды?» — спросил он'.

Для выражения отрицания с формой будущего простого обычно употребляется отрицательная частица *na*, например: *yah bāt mujh se na pūcho. māī na batāūgī* (S.TY., 249) 'Не спрашивайте у меня об этом. Я не скажу', *tumhē kisī tarah kā kaṣṭa na hogā* (P.G., 219) 'У вас не будет никаких затруднений'. Реже используется отрицательная частица *nahī*, например: *udhar Camanlāl kā vicār thā ki is samay koī nahī rokegā* (S.TY., 146) 'Чаманлал же думал, что в такое [позднее] время [их] никто не остановит'.

Аналитические формы будущего времени

Для всех трех аналитических форм будущего времени (будущего имперфективного, будущего перфективного и будущего процессивного) характерно то, что присущая им сема «будущее» обычно предстает преобразованной в контексте настоящего или прошедшего времени в сему «предположительное». Таким образом, они употребляются преимущественно в предположительном значении, причем в диапазоне модальных оттенков от малой до большой вероятности осуществления действия это значение может быть подчеркнуто такими словами, как *śāyad*, *kadācit* 'возможно', 'может быть', 'вероятно', *zarūr*, *avaśya* 'конечно', 'несомненно', 'непременно', *śāyad hī* 'едва ли', 'вряд ли', например: *ka d ā c i t v a h s a m a j h t ā h o g ā k i m u j h m ē y a h s ā h a s n a h o g ā* (S.TY., 236) 'Он, возможно, думает, что у меня не хватит смелости', *śok, khīṇ aur bebāsī kī aisī karuṇ mūrti śāyad hī kisī ne dekhi hogī* (S.N., 118) 'Вряд ли кто-нибудь видел столь скорбное воплощение печали, гнева и беспомощности', *vah a v a ś u a*

pājā kar rahī hogī (JS, 167) 'Она, конечно, сейчас совершает молитву'.

Как и в случае с формой будущего простого, образованной от глагола *honā* 'быть', это значение аналитических форм укладывается в рамки более общего значения — значения неочевидности, обнаруживаемого в вопросительных предложениях, окрашенных оттенком сомнения или догадки относительно осуществления или неосуществления действия либо оттенком заинтересованности лица в выяснении обстоятельств осуществления предполагаемого действия, например: *kyō dākṭar sāhab, jo log zahar khā lete hāi unhē barī tak-lif hotī hogī?* (P.N, 105) 'Скажите, доктор, те люди, которые принимают яд, испытывают большие мучения?', *dākṭar in bātō ko lajjā aur vismay ke vicitra bhāv se suntā aur socne lagā — kyā merā patra Rāj ke pās abhī tak na pahūcā hogā?* (Y.D, 24) 'Доктор выслушивал эти слова со смешанным чувством смущения и удивления и задумывался: «Неужели мое письмо Радж еще не получила?»', *vah becārī kis prakār jīvan kī ghariyā bitā rahī hogī?* (Y.D, 162) 'Как она, бедняжка, проводит часы своей жизни?'.

Будущее имперфективное (будущее II), передавая предположительное значение, совпадает с формой настоящего общего или с формой прошедшего общего времени в отношении видо-временной характеристики действия, например: *yah tumhē bhalā kyā parhātā hogā? do-cār śabda batākar bhāg jātā hogā. is tarah to tumhē kuch bhī na āyegā* (P.N, 79) 'Да и чему [он] может тебя научить? Объяснит, наверное, несколько слов и убеждает. Так ты ничего и не усвоишь', *vah apne kāle bālō mẽ sarsō hī kā tel dāltī hogī, kyōkī uske mastak par bālō ke nīce pasīne ke kāraṇ tel mẽ milī hūi mail kī ek rekhā ban rahī thī* (U.A.P, 12) 'Она, должно быть, смазывала свои черные волосы горчичным маслом, потому что пот оставлял на ее лбу тонкую полоску маслянистой грязи'. Предположение, относящееся к ближайшему будущему, вытекает из понимания действия, обозначенного глаголом *ānā* 'приходить', в конкретно-процессном значении плана настоящего: *abhī kuch to baiṭhiye! bhaiyā āte hōge, — Yamunā ne āgrah kiyā* (Y.D, 175) '«Посидите же еще немного! Сейчас братец, наверное, придет», — настаивала Ямуна'.

Будущее перфективное (будущее III) при выражении им предположительного значения сопоставимо в видо-временном отношении с перфективными формами очевидного действия (аористом, перфектом или плюсквамперфектом), например: *agar āj savere vah calā to śām tak Rāvalpiṇḍī pahūc gayā hogā* (K.C.T, 65) 'Если сегодня утром он выехал [из Лахора], то к вечеру, должно быть, добрался до Равалпинди', *Pyārelāl baiṭhe intazār karte socte rahe, kahī aṭak gaye hōge, āte hōge* (N.S, 89) 'Пьярелал сидел в ожидании и думал: «Должно быть, [Амарсинх] застрял где-нибудь. Сейчас, наверное, придет», *magar bīs kadam bhī na gayā hūgā kī khānsāmā ne ākar mujhe rakar liyā... (P.K.K, 57) 'Но не успел я пройти и двадцати шагов, как меня настиг буфетчик...'*

Будущее процессивное (будущее IV), выражая предположительное значение, в видо-временном отношении соответствует форме на-

стоящего актуального или форме прошедшего актуального времени, например: *mujhe paise jald dijie, merā bhāi intazār kar rahā hogā* (K.C.T., 73) 'Отдайте мне поскорее деньги, [а то] мой брат, вероятно, ждет [меня]', «*ye battakhē tum kharīdkar lāi ho?*» *māine pāchā. «nahī», vah bolī. «kal šām ko māi Arun ko jantar-mantar mē ghumāne ke lie le gai thī. vahā se lauṅkar ā rahi thī, to ye sarak par pari thī. šāyad koī krīsmas īv ke lie le jā rahā hogā aur rāste mē usse gir gai hōgī...»* (M.R.A., 534) '«Вы купили этих уток?» — спросил я. «Нет, — ответила она. — Вчера вечером я ходила гулять с Аруном в [сад обсерватории] Джантар-мантар. Когда я возвращалась оттуда, они валялись на улице. Наверное, кто-то тащил их домой на рождество и они по пути у него выпали...»'.

В тех редких случаях, когда речь идет о действиях, относимых к плану будущего времени, форму будущего имперфективного отличает значение неограниченно-кратного или постоянно-непрерывного действия, форму будущего перфективного — значение предшествующего действия, форму будущего процессивного — значение актуальности протекания действия (конкретно-процессное значение), например: *use viśvās thā, Hariś kahī na kahī yah sab dekhtā hogā aur ākhir apnī bhūl samajh pāyegā* (Y.D.K., 187) 'Она была уверена в том, что все это Хариш где-нибудь будет видеть и в конце концов поймет свою ошибку', «... *mazdūr-pancāyat kī ājñā na mānne par maine jar ko bhī prthak kiya jā sakegā. yahī matlab hai na tumhārā?*» — «*bilkul. par maine jar, jo mazdūr-pancāyat dārā niyukta kiya gayā hogā, vah pancāyat kī ājñā kī avahelnā karegā hī kyō?*» (G.D., 195) '«... Управляющего можно будет уволить за неподчинение рабочему панчаяту. Ведь именно это вы имеете в виду, да?» — «Точно. Только какой смысл управляющему, которого назначит рабочий панчаят, ни с того ни с сего игнорировать распоряжение панчаята?»', *tāzā hokar usse kahā — «ab tā jākar ek kap barhiyā cāy aur do toṣṭ acchī tarah sēkkar makkhan cuparkar le ā. bāhar ke barāmdē mē māi citra banā rahā hūgā, vahī ā jānā aur dekh, hukkā bhī bhar lānā»* (N., 1969. V., 55) 'Немного освежившись, я сказал ему: «Теперь ступай и принеси мне чашечку хорошего чая и два поджаристых и намазанных маслом ломтика хлеба. Я буду рисовать на наружной веранде, туда-то ты и приходи. Да и не забудь приготовить и принести кальян»'.

Презенс и имперфект глагола *honā*

Глагол *honā* 'быть' — единственный глагол в хинди, который имеет не только аналитические презенс и имперфект, образованные по правилам, имеющим силу для всех глаголов, т. е. настоящее общее и прошедшее общее время, но также и простые формы презенса и имперфекта. Семантические различия между простыми и аналитическими формами презенса и имперфекта проявляются, как показал в своей монографии З. Линхард [134, с. 59—64, 97—104], в не-

скольких планах¹⁵. Если первые служат для выражения состояния, то вторые — для констатации события (действия, взятого в процессе развития); если первые передают значение однократности, то вторые — значение многократности (неоднократности, повторяемости); если первые указывают на нечто единичное, частное, то вторые — на массовое, общее; если употреблением первых достигается категоричность высказывания, то вторые допускают привнесение в высказывание семантического оттенка неопределенности или неуверенности; если при употреблении первых высказывание базируется на непосредственном восприятии или наблюдении, то при употреблении вторых — на опосредованном восприятии. Определенное представление о смысловой дифференциации простых и аналитических форм презенса и имперфекта от глагола *honā* дают следующие примеры, в каждом из которых содержится и простая и аналитическая форма этого глагола: *lekin un logo kī racnāē Bhārat bhar mē lokpriy hai. dāsri bhāṣāō mē unkā anuwād hotā hai* (K.C.G, 156) 'Но произведения этих авторов популярны во всей Индии. Они переводятся на другие языки', *yah koī nāī bāt nahī hai! is sansār mē yahī kuch hotā hai* (K.C.G, 118) 'Это ничуть не ново. Такое случается в этом мире', *mujhe mālūm hai ki jo dard āp ke dil mē maujūd hai vah hamārī daṣū ko, hamārī pratidin kī daṣā ko dekhkar hī āp ke dil mē paidā hotā hai* (K.C.G, 70) 'Мне известно, что боль в вашем сердце возникает тогда, когда вы видите наше положение, когда вы видите, в каких условиях мы повседневно живем', *jaisī anya bārātē hotī hai vaisī hī yah bhī thī* (P.S, 186) 'Какими бывают другие свадебные процессии, точно такой же была и эта', *māī ne kahā «tumhāre dāt bahut acche hai»*. *Anand bolā «hindiyo ke dāt bahut acche hote hai* (K.C.H, 65) '«У вас очень хорошие зубы», — проговорил я. «У индийцев [вообще] зубы очень хорошие», — сказал Ананд'.

Гиперсложные и нестандартные формы изъявительного наклонения

В структуру аналитических глагольных форм, рассмотренных выше, входит, сочетаясь с причастием (имперфективным, перфективным, процессивным), одна из простых форм глагола *honā* 'быть': простая форма настоящего времени (простой презенс), простой имперфект, форма будущего простого (будущее I).

Однако в хинди встречаются гиперсложные формы — образования, состоящие из причастия и глагола *honā* в форме настоящего общего, прошедшего общего или прошедшего неоднократного времени:

1) настоящее общее имперфективное время (*bolā hotā hai*), например, *jab aur raīs mīthī nīd ke maze lete hote hai, to āp nadī ke kināre āsā kā ṣṅgār dekhte hai* (P.M-4, 77) 'Когда другие знатные

¹⁵ См. также специально посвященную данному вопросу работу П. Хакера [111] и статью Я. Качру о связке в хинди [123].

люди сладко спят, сам он на берегу реки любовается красотой утренней зари’;

2) настоящее общее перфективное время (перфект обычного действия; *bolā hotā hai*), например, *jab us ne vardī pahān rakhī hotī hai vah barā sundar lagtā hai, parantu vaise vah sundar nahī* (NK, X. 1961, 6) ‘В униформе (букв. когда он надевает униформу) он выглядит очень красивым, а вообще-то он некрасив’;

3) настоящее общее процессивное время (настоящее актуальное обычного действия; *bol rahā hotā hai*), например, *Rukiya prasād kā dāsra donā lagā rahī hotī hai* (JK.S, 82) ‘Рукия [каждый раз] готовит другую чашу для подношения’;

4) прошедшее общее имперфективное время (*boltā hotā thā*), например, *Rāmamūrti prātaḥ ūthkar niyampūrvak vyāyām kartā hotā thā* [99, с. 136] ‘Рамамурти регулярно занимался по утрам гимнастикой’;

5) прошедшее общее перфективное время (плюсквамперфект обычного действия; *bolā hotā thā*), например, *...unhē bhī patā cal jātā thā, magar zarā der ke bād! jab thekā unke hāth se nikāl cukā hotā thā* (K.C.G, 106) ‘...им тоже становилось известно [об этом], но несколько позже! Когда они уже лишились своих прав на контракт’;

6) прошедшее общее процессивное время (прошедшее актуальное обычного действия; *bol rahā hotā thā*), например, *logō ke cehre aur jism par pasīne kī dhārāē bah rahī hotī thī aur ve dhyānmagna hokar Nehrūjī kā bhāṣaṇ sun rahe hote the* («Hindustān», 28.V.1961) ‘[Каждый раз] по лицам и телам людей струился пот, а они [несмотря на это] с огромным вниманием слушали выступление Неру’;

7) прошедшее неоднократное имперфективное время (*boltā hotā*), например, *koī kām kartī hotī, to bār-bār ākar us guldaste ko dekh jātī. kitnī bār use ākhō se lagāyā, kitnī bār use cūmā!* (P.M-4, 95) ‘Когда [я] была занята какой-либо работой, то все равно то и дело ходила взглянуть на этот букет. Сколько раз я подносила его к своим глазам, сколько раз целовала!’;

8) прошедшее неоднократное перфективное время (плюсквамперфект неоднократного действия; *bolā hotā*), например, *phir jo larke bilkul kore nikalte, athavā jin kā kām adhūrā hotā athavā jinhō ne begār tālī hotī, unkī jo gat bantī us kī kalpanā kī jā saktī hai* (U.A.K.S, 216) ‘Можно себе представить, какова была участь тех мальчиков, которые или совсем ничего не знали, или не доводили работу до конца, или не проявляли усердия’;

9) прошедшее неоднократное процессивное время (прошедшее актуальное неоднократного действия; *bol rahā hotā*), например, *jab vah akhroṭ ke per ke nīce baijhā huā jūtiyā banā rahā hotā to uskā bholā aur pavitra cehrā kisī devtā jaisā lagtā* (K.C.S, 135) ‘[Всякий раз] когда он, сидя под ореховым деревом, изготавливал туфли, его простое и бесстрастное лицо казалось божьим’.

Значение каждой из этих форм представляет собой результат сложения двух смыслов / значений: смысла / значения причастия и смысла / значения формы глагола *honā* как компонента аналитической формы смыслового глагола. При этом семантическая избыточ-

ность, появляющаяся в формах с имперфективным причастием (настоящее общее имперфективное, прошедшее общее имперфективное и прошедшее неоднократное имперфективное времена) в силу повтора семы «обычность» или «неоднократность», имеет тенденцию к исчезновению, о чем свидетельствует возможность понимать эти формы в значении соответствующих процессивных времен (... *rai's mīlhi nīd ke maze lete hote hai* $\cong$... *rai's mīlhi nīd ke maze le rahe hote hai*, *koī kām kartī hotī*... $\cong$ *koī kām kar rahī hotī*...).

Следовательно, появление в хинди трех гиперсложных имперфективных форм не имеет семантических оснований. Будучи своим возникновением обязанными действию аналогии в области аналитической морфологии, эти формы весьма редко употребляются в языке хинди.

К нестандартным формам относятся в хинди перфект состояния и плюсквамперфект состояния, которые образуются путем сочетания сложного перфективного причастия от смыслового глагола с простой формой соответственно презенса или имперфекта от глагола *honā*. Они встречаются в конструкции с послелогом *ne*, оформляющим имя субъекта глагольного действия, например: *Rām pukārne kī zarūrat nahī. bhagvān ne hamē sab kuch diyā huā hai* (SV-3, 46) 'Нет необходимости вызывать к Раме. Бог не оставил нас без щедрот своих', *rāj Kumārī ne Hīrāman nām kā ek totā pālā huā thā* (SV-3, 33) 'Принцесса приручила попугая по имени Хираман' (или 'У принцессы был прирученный ею попугай по имени Хираман').

Конструкция с данными формами семантически эквивалентна типичной для хинди конструкции с именем субъекта действия в прямом падеже и с перфективным причастием (сложным или простым) в нейтральной форме па -е, выполняющим функцию предикатива перед глаголом-связкой, наглядной иллюстрацией чего служит следующий пример с глаголом *pahannā* 'надевать' (> 'носить'): *vah yuvā thā aur paṭhānō kī sī poṣāk pahne hue thā... vah bahut khulā lambā kurtā aur uspar vāskeṭ pahne thā. us ne salvār aur toṭī peṣāvarī cappal pahni huī thī* (G.D, 226) 'Он был молод и одет по-пуштунски... На нем была очень просторная длинная рубаша с надетым поверх нее жилетом. Он был в шароварах и в грубых пешаварских сандалиях'.

Нестандартной финитной формой, чье спорадическое использование может быть характерным для языка отдельного автора (показателен, например, в этом отношении язык произведений Ниралы), является ингрессивный аорист — аналитическое образование, представляющее собой сочетание имперфективного причастия с аористом от глагола *honā*; эта форма возникла на базе переосмысления осложненного (сложного) имперфективного причастия, например: *idhar hindustānī paṇḍitji ... ek or banāe hue maṇḍap mẽ ā virāje; sāth-sāth prajājan aur unke sahāyak. Kamal mustaidī se unkī ājñā kī pratikṣā kartī huī. mahilāo ko vivāh dekhne kā āmantraṇ phir gayā. sab maṇḍap mẽ ākar ekatra hone lagī* (N.N, 143—144) 'В это время хиндустанский пандит... воссел в павильоне, выстроенном с одной стороны, в окружении паствы и своих сподвижников. Камаль с не-

терпением стала ждать его распоряжения. Женщин пригласили посмотреть свадебный обряд, и все они начали собираться в павильоне'.

СОСЛАГАТЕЛЬНОЕ НАКЛОНЕНИЕ

В сослагательном наклонении выделяются четыре формы: настояще-будущего времени, имперфективная, перфективная и процессивная. Первая из этих форм является по своему строению простой, синтетической. Три остальные формы строятся аналитически: они образуются путем сочетания соответствующего причастия (имперфективного, перфективного, процессивного) с формой настоящего-будущего времени сослагательного наклонения от глагола *honā* 'быть'.

Форма настоящего-будущего времени (или простая форма) сослагательного наклонения образуется путем присоединения личных окончаний к основе глагола: *-ñ* — для 1-го лица единственного числа, *-e* — для 2-го и 3-го лица единственного числа, *-ē* — для 1-го и 3-го лица множественного числа и *-o* — для 2-го лица множественного числа.

Спряжение глагола *bolnā* 'говорить' в сослагательном наклонении выглядит следующим образом:

Ед. ч.	Мн. ч.
1-е лицо <i>bolñ</i>	<i>bolē</i>
2-е лицо <i>bole</i>	<i>bolo</i>
3-е лицо <i>bole</i>	<i>bolē</i>

Спряжение глагола *honā*, участвующего в образовании аналитических форм, несколько отступает от общего правила. Словоизменение этого глагола в форме настоящего-будущего времени сослагательного наклонения имеет следующий вид:

Ед. ч.	Мн. ч.
1-е лицо <i>hoñ</i>	<i>hō (hovē)</i>
2-е лицо <i>ho (hove)</i>	<i>ho (hoo, hovo)</i>
3-е лицо <i>ho (hove)</i>	<i>hō (hovē)</i>

Аналитические формы сослагательного наклонения, т. е. формы типа *bolñ ho*, *bolā ho*, *bol rahā ho* (2-е или 3-е л. ед. ч. м. р.), дифференцируются в аспектуальном плане.

В частности, перфективной форме, которая, характеризуясь положительно по признаку «завершенность/незавершенность действия», служит выражению целостности действия, противопоставляются имперфективная и процессивная формы. Из двух последних имперфективная форма оставляет невыраженным такой смысловой момент, как нахождение действия в процессе конкретного совершения в определенный момент времени (конкретно-процессное значение), присущий семантике процессивной формы. Положительным в семантике импер-

фактивной формы является значение общности или повторяемости действия.

Форма настоящего-будущего времени упомянутыми оппозициями аспектуального плана не затрагивается. Она передает значение следования или, что оказывается более характерным для глагола *honā* 'быть', значение одновременности.

Сослагательное наклонение используется как в независимых элементарных, так и в зависимых предложениях: в придаточных частях сложноподчиненных предложений и в компонентах бессоюзных сложных предложений — аналогах придаточных частей.

В независимых предложениях сослагательное наклонение служит для выражения целого ряда конкретных значений, причем наибольшим диапазоном применения обладает форма настоящего-будущего времени (простая форма), которая способна передавать значения недоверности, допущения, сравнения, необходимости, долженствования, возможности и широкий круг желательно-волеизъявительных значений (намерение, готовность, желание, пожелание, побуждение, просьба, призыв к совместному действию и т. п.), например: *śāyad āp ko us par viśvās na āe* (S.SS, 2) 'Вы, быть может, не поверите этому', *Jāy mānō sahānubhūti, dukh, mantā aur prem ke sammiśrit bhāvō kī sākṣāt mūrti ho...* (K.C.S, 40) 'Джой [тогда] словно являлась воплощением сострадания, печали, материнской привязанности и любви, слитых воедино...', *svayam Jagatsinh se rūch liyā jāy* (S.TY, 235) 'Надо спросить у самого Джагатсинха', *ab mujhe yah avasar milā hai, ise kyō choṛū?! (P.SS, 34) 'Теперь мне представилась эта возможность. Зачем же [мне] упускать ее?!', calo koī aur jūtā hī kharid lū, koī sastā jūtā* (K.C.A, 154) 'Куплю-ка я какие-нибудь другие ботинки, подешевле'; *khudā ke lie āp merā pichā karnā choṛ dē* (K.C.K. 43) 'Ради бога, перестаньте меня преследовать'.

Аналитические формы находят применение в независимых предложениях только при выражении значений недоверности (включая случаи с передачей оттенка опасения), допущения, сравнения, например: *śāyad āp socte hō ki Belā aur Butul merī laṛkiyā hāi* (K.C.H, 45) 'Вы, возможно, думаете, что Бела и Бутул — мои дочери', *kahī bīmār na ho gaī ho* (K.C.T, 12) 'Как бы [она] не заболела', *uskī nigāh merī taraf uṭhī ho yā na uṭhī ho, par merī jakṭakī us vakt tak lagī rahī jab tak fiṭan aḍṛṣya na ho gaī* (P.PP, 155) 'Устремилась она свой взор на меня или нет, я же не отрывал своего взгляда до тех пор, пока коляска не скрылась из виду', *hāy yah pīṛā! māno tīvra lahrē taṭ se jakrā rahī hō* (K.C.S, 43) 'О эта боль! Будто могучие волны неистово бьются о берег'. Эти значения объединяются общим значением предположения и противопоставляются включающимся в сферу перспективно-потенциального значения тем частным значениям, для передачи которых из форм сослагательного наклонения используется только форма настоящего-будущего времени (простая форма).

В хинди среди частных значений сослагательного наклонения, объединяемых общим значением предположения, в качестве ведущего выступает значение допущения: его выражение не обусловлено спе-

цифичностью условий в пределах элементарного предложения. Точно так же среди значений, объединяемых в общем перспективно-потенциальном значении, ведущая роль принадлежит значению желания и пожелания и значению необходимости, долженствования.

Широкое использование сослагательного наклонения в придаточной части сложноподчиненных предложений наблюдается в следующих основных случаях.

1. В связи с передачей определенного функционального отношения между содержанием частей сложного предложения (при разных типах союзного соединения частей, не считая изъяснительного), например: *beṭā, kām jī lagākar karnā tāki mālik tum se santuṣṭa aur prasanna rahe* (K.C.S, 131) 'Сынок, работай усердно, чтобы хозяин остался тобой доволен' (в придаточной части указывается на цель), *vah lakṣyavedh aisā acchā kartī hai ki bare-bare dhanurdhārī lajjit ho jāyē* (V.V.M, 251) 'Она так метко стреляет, что самые искусные лучники могут оказаться посрамленными' (придаточная часть указывает на предполагаемое следствие), ...*aur Lākhī... ancal mūh par rakh liyā, māno ṭhaṇḍ se apnī 'rakṣā' kar rahī ho* (V.V.M, 317) '...а Лакхи... закрыла свое лицо покрывалом, словно она защищалась от холода' (придаточная часть, выражая нереальное сравнение, содержит качественную характеристику того, о чем говорится в главной части), *yadī mujh mē hī koī khās bāt āp ne dekhī ho to mujhe batāiye* (Y.DK, 156) 'Если во мне вы заметили что-то особенное, то, пожалуйста, скажите мне' (придаточная часть указывает на условие, реализация которого мысленно допускается), *tankhāvāh cāhe kam pātā ho par sāhab hai saubhāgyavān, jo aisī strī milī* (S.N, 197) 'Даже если он и получает маленькое жалование, то все равно ему повезло, раз ему досталась такая жена' (выражается уступительно-следственная зависимость между частями сложного предложения), *jab tak Mehtā kuch bolē, vah havā ho gayī* (P.G, 83) 'Прежде чем Мехта успел что-либо сказать, ее и след простыл' (в придаточной части говорится о действии, которому предшествует во времени то, что изложено в главной части), *gharī tumhārī hai, kintu jab tak dūsri gharī na le lī, ise mere pās rahne do* (P.M-4, 285) 'Часы ваши, однако пока я не приобрету других часов, оставьте их у меня' (в придаточной части с отрицательной частицей при глаголе изображено действие, момент реализации которого мыслится как конечный предел тому, о чем сообщается в главной части).

В случаях подчинения при помощи относительных слов именно сослагательное наклонение привносит в содержание придаточной части оттенок условия, сравнения, цели или следствия, например: *tumhē jo laṛka dīk kare, use pīṭ diyā karo* (P.N, 62) 'Луня любого мальчишку, который (≅ если он) будет тебе досаждать', ...*aur vah ṭakṭakī bādhe bacce kī or dekh rahā hai hasrat-bharī ākhō se, us kanjūs sūhūkār kī bhāṭī, jis ke sāmne us kā sab kuch luṭ rahā ho* (U.A.P, 34) '...и он пристально глядит на ребенка глазами, полными печали, подобно скуному ростовщику, у которого отнимают все его состояние', *ek din āve jab tum sab sone-cāḍī se bharpūr ho jāo...* (S.N, 1) 'Да наступит день, когда у вас всех станет много золота и серебра...'

2. В связи с отрицанием в главной части (в разных по строению и выражаемым отношениям сложноподчиненных предложениях), например: *yah bāt nahī ki un mē mat-bhed na hotā ho* (P.M-4, 297) 'Нельзя сказать, что у них не бывало разногласий', *aisā to ham log kabhī nahī karte ki kisī kā ehsān bhūl jāyā* (P.KK, 82) 'Мы никогда не забываем (букв. ...не делаем такого, чтобы забыли) оказанную нам кем-либо милость', ...*aur us mē itnī śakti bhī na thī ki uṭhkar mūh-hāth dho jāle* (P.N, 107) '...а у него не было сил даже для того, чтобы встать и умыться' (действие-следствие предстает в придаточной части как чисто предположительное, поскольку в главной части отрицается наличие условия, необходимого для его реализации), ...*aur koī sapṭāh nahī jātā ki vah mātā ko patra na likhāt ho* (P. PPh, 11) '...и не проходит недели без того, чтобы он не писал матери письмо' (придаточная часть, содержа при глаголе отрицательную частицу, указывает на последствия, без которых не обходится течение какого-то определенного периода времени, названного в главной части), *par aisi ek mahilā bhī na thī jis kī nigāh kaṭār yā talvār kī taraf gaī ho* (P.PP, 362) 'Но [там] не было ни одной такой женщины, чей взгляд упал бы на кинжал или меч'.

3. В связи с лексическим значением одного из компонентов главной части (при изъяснительном типе соединения частей), например: *sa m bha v hai ki vah apnī māt ko smaraṇ kar ro paṛā ho* (P.PP, 87) 'Возможно, что он расплакался оттого, что вспомнил свою мать', *ab hamē cāhīye ki Ajit kā lālan-pālan hoṣiyārī se karē* (P.D, 4) 'Теперь нам надлежит лелеять Аджита', *lagtā thā jaise pralay kī ghaṛī ā gaī ho* (VV.M, 436) 'Казалось, что наступил час конца света', *sāhab kā hukm hai ki yah bāt gupta rakhi jāy* (P.M-7, 290) 'Сахиб приказывает, чтобы это хранилось в тайне', *śart yah hai ki ve cārō bekār hō* (S.N, 123) 'Однако есть одно условие, а именно: чтобы все четверо были ничем не заняты'.

Компоненты главной части, в связи с лексическим значением которых придаточная часть принимает сослагательное наклонение, указывают, как правило, на те модальности, какими характеризуются независимые предложения с этим же наклонением, или на те виды функционального отношения между явлениями, которые передаются сложноподчиненными предложениями с глаголом придаточной части в форме сослагательного наклонения.

Аналитические формы сослагательного наклонения не находят применения в придаточной части в том случае, когда лексический компонент главной указывает на модальность, входящую в круг перспективно-потенциального значения, цель или условие, а также тогда, когда придаточной частью выражается значение цели или следствия либо в ней говорится о действии, совершению которого предшествует действие главной части.

Простая форма сослагательного наклонения способна употребляться в придаточной части вне зависимости от того, с каким временным планом совмещается передаваемое ею значение следования или одновременности. Это видно из сравнения между собой примеров, приводимых ниже попарно:

Jamnā kī itnī majāl nahī ki mujh se pūche binā calī jāe (S.SS, 82) 'Без моего ведома Джамна не посмеет уехать' — *kisī mē bhī sāhas na thā, ki us sannāṭe ko toṛe* (P.M.-4, 124) 'И никто не решился нарушить это безмолвие';

is ke pahile ki māi āp ko giraftār karū, māi kuch aur tahkikāt karnā cāhtā hū (K.K., 9) 'Прежде чем арестовать вас, я хочу провести еще кое-какое расследование' — *aur iske pahle ki jantū kuch samjhe, svāmiji... pulis kī gārī mē savār hokar jā cuke the* (U.A. BP, 163) 'И прежде чем люди успели что-либо сообразить, господин... сел в полицейскую машину и укатил';

icchā hai ki āp ko bhī sāth le jāū (V.V.M., 107) 'Я хочу взять и вас с собой' — *ve keval yah cāhte the ki Trivenī ākhō se ojhal na ho* (S.N., 193) 'Он лишь хотел, чтобы Тривени не скрылась из виду'.

В той мере, в какой сослагательное наклонение выступает как одно из средств формирования сложноподчиненных предложений, допустимо его расценивать как средство подчинения. Это касается в первую очередь случаев использования сослагательного наклонения:

1) в придаточной части, передающей значение цели, например, *kuch hī der pahle to vah ūpar gayī thī ki zarā havā mē leṭe* (U.A.P., 25) 'Незадолго до этого она поднялась наверх, чтобы немного полежать на свежем воздухе' (см. также выше первый пример пункта 1.);

2) в придаточной части, зависимой от отрицательной по смыслу главной части, например, *javār kā koī aisā ādmī na thā jo un do bhāiṃ ko aur unkī tākat aur bahādurī ko na jāntā ho* (B.G. G, 15) 'Во всей округе не было человека, который бы не знал этих двух братьев, их силы и отваги' (см. также выше примеры пункта 2.);

3) в придаточной части, вводимой союзом, имеющим значение «прежде чем», «до того как» (*jab tak, is ke pahle ki, is se pūrva ki* и др.), например, *is ke pahile ki māi āp ko giraftār karū, māi kuch aur tahkikāt karnā cāhtā hū* (K. K., 9) 'Прежде чем арестовать вас, я хочу провести еще кое-какое расследование' (см. также выше предпоследний пример пункта 1.).

В частях бессоюзных сложных предложений — аналогах придаточных частей — сослагательное наклонение употребляется согласно тем же закономерностям, которым оно следует в придаточных частях, например, *apnā vacan bhūl na jāyā, islie Balrāj aur Narottam unke pīche lage rahe* (U.A. KS, 58) 'Но чтобы он не забыл своего обещания, Бальрадж и Нароттам от него не отставали', *koī kuch samajh yā bol sake, iske pahle hī vah bhī nadī ke umarte phen mē kūd parī* (Y.A., 48) 'Прежде чем кто-либо смог что-то сообразить или сказать, она тоже бросилась в бурлящую реку', *vah kām adhik kartā ho, yah bāt na thī* (U.A.P., 115) 'Нельзя сказать, что он много работал', *pitāji kī abhilāṣā thī unkī santān bhī īśvar kī bhakta aur sadācārī hane* (Y.A., 124) 'У отца было желание, чтобы и его дети стали чтить бога и отличаться добродетелью'.

Из отрицательных частиц с формами сослагательного наклонения употребляется только частица *na* 'не', например, *śāyad āp ko is par viśvās na āe* (S.SS, 2) 'Возможно, не поверите этому'.

УСЛОВНОЕ НАКЛОНЕНИЕ

В условном наклонении выделяются четыре формы — одна простая и три аналитических.

Простая форма условного наклонения морфологически равна имперфективному причастию. Претерпевая изменения как согласуемая форма в зависимости от рода и числа, она характеризуется следующими морфемами, присоединяемыми к основе глагола: *-tā* — мужской род единственного числа, *-te* — мужской род множественного числа, *-tī* — женский род единственного числа, *-tī* — женский род множественного числа¹⁶.

В качестве примера здесь приводится спряжение глагола *bolnā* 'говорить' в данной форме (табл. 10).

Таблица 10

Лицо	Род			
	мужской		женский	
	число			
	единственное	множественное	единственное	множественное
1-е	<i>bolta</i>	<i>bolte</i>	<i>boltī</i>	<i>boltī</i>
2-е	<i>bolta</i>	<i>bolte</i>	<i>boltī</i>	<i>boltī</i>
3-е	<i>bolta</i>	<i>bolte</i>	<i>boltī</i>	<i>boltī</i>

Аналитическими являются имперфективная, перфективная и процессивная формы. Они образуются путем сочетания соответствующего причастия (имперфективного, перфективного, процессивного) с простой формой условного наклонения от глагола *honā* 'быть': *bolṭā hotā*, *bolā hotā*, *bol rahā hotā*.¹⁷

Для глагола в условном наклонении наиболее характерно обозначение такого действия, возможность реализации которого в каком-либо из временных планов представляется не превращающейся в действительность, например: *bābājī, kahī ek paisā bhī nahī hai. rupaye hote to ammā itnī taklif kyō uṭhāī?* (P.PP, 297) 'О господин, [у меня] нет ни пайсы. Если бы были деньги, то разве мать испытывала бы такие лишения?', *kisī dūsre sīge mē hote to abhī tak ṭhokarē khāte hote, nahī to ghore par savār nauṣā bane ghūmte hāī* (P.Ss, 96) 'Если бы он служил в каком-нибудь другом ведомстве, то до сего вре-

¹⁶ Простая форма условного наклонения омонимична, таким образом, прошедшему неоднократному времени (итеративному имперфекту) изъявительного наклонения.

¹⁷ Эти формы условного наклонения омонимичны таким гиперсложным формам изъявительного наклонения, как соответственно прошедшее неоднократное имперфективное, прошедшее неоднократное перфективное и прошедшее неоднократное процессивное время.

мени влачил бы жалкое существование, а он, напротив, разъезжает верхом, как жених', *kisī aur din unhō ne us ādmī ko dutkār diyā hotā, magar āj bāhar nikal āye* (P.PPh, 49) 'В другой день он прогнал бы этого человека, но сегодня он вышел ему навстречу', *Belā kī umr bārah sāl se zyādā nahī thī jab vah cauthī mē parthī thī. apne ghar par holī to āj vah pācvi jamāt mē parh rahī hotī* (КС.Н, 46) 'Беле было не более двенадцати лет, когда она училась в четвертом классе. Будь она у себя дома, она теперь училась бы в пятом классе'.

Именно эта сторона в выражаемой нереальности действия определяет специфику условного наклонения, обуславливая в наибольшей степени его автономность среди других наклонений языка хинди.

В основе смысловой дифференциации аналитических форм условного наклонения лежит аспектуальный признак. Перфективная форма характеризуется присущим ей значением завершенности действия, не получающим выражения в двух остальных аналитических формах. Процессивная форма выражает действие, находящееся в процессе совершения, приуроченного к определенному моменту. Эта же семантическая функция свойственна и имперфективной форме, которая, однако, характеризуясь более широкой семантической зоной, может передавать значение обычности или повторяемости действия.

Объединяясь с аналитическими формами значением, специфичным для условного наклонения в целом, простая форма по сравнению с ними, особенно по сравнению с перфективной и имперфективной формами, выступает как форма, носящая универсальный характер, что видно из следующих примеров: *yadī peṣṣī de dele to māi bhāṅ na jātā* (S.SS, 109) 'Если бы [он] дал аванс, я не убежал бы', *yadī lālā Sadānand aisī sajjantā na dikhlāte, aur Śādirām ko bār-bār tagādā karke tang karle, to unhē aisā mānasik kaṣṭa na hotā* (S.TY, 174) 'Если бы лала Садананд не проявлял такого благородства и раз за разом изводил бы Шадирама требованием уплатить долг, то Шадирам не испытывал бы таких душевных страданий'.

Однако в ряде случаев простая форма условного наклонения употребляется вне существующих оппозиций по аспектуальному признаку. Это наблюдается в той мере, в какой она по передаваемой модальности оказывается близкой к простой форме сослагательного наклонения, выступая в отличие от последней как показатель отношения действия только к плану прошедшего времени, например: *lekin māi ne apne niścīt path ko na chorā. sevā ke is suavasār ko kyōkar hāth se jāne detā?* (P. PP, 149) 'Но я не свернул с избранного мною пути. Да разве благоприятный случай служения [крестьянам] я мог упустить?', *lekin kisī mē itnī himmat na thī ki Gopī ke sāmne zabān kholtā* (BG.G, 113) 'Но никто не решался и рта открыть в присутствии Гопи', *dūsre din is ke pahle ki use hoṣ ātā, us kī muattalī kā ādeś pahūcā* (UA.BP, 157) 'На другой день, прежде чем к нему вернулось сознание, пришло распоряжение о его увольнении', *merī barī icchā thī ki āj thorā ghūm āī* (S.TY, 197) 'Мне очень хотелось прогуляться сегодня'. (Ср. три последних примера с примерами, приведенными попарно на с. 157).

Наиболее частым, типичным для условного наклонения является его употребление:

а) в обеих частях сложноподчиненного предложения (или — при бессоюзии — их аналогах), когда при передаче условно-следственной связи между явлениями указывается на нереальность условия (придаточная часть или ее аналог) и обусловленную нереальность (главная часть или ее аналог), например, *yadi vah na cāhtā to dangā abhī śānt na hotā* (К.К., 9) 'Если бы он не хотел, то беспорядки все еще продолжались бы', *beḷā tū ne kyō corī kī. na corī kartā, na mār khātā...* (S.SS, 60) 'Сынок! Зачем ты совершил кражу? Если бы ты не украл, тебя бы не побили...';

б) в элементарном независимом предложении в связи с выражением значения обусловленной нереальности (в синтаксических условиях, отличных от оговоренных в пункте «а»), например, *kisī dūsre samay māi daurkar mā kī iḡō se cimāṭ jātā...* (S.SS, 58) 'В другое время я, подбежав, прильнул бы к ногам матери', *māi itnā aiś kā bandā nahī hī varnā āj bherō ke gallā carātā hotā* (P.PP, 364) 'Я не такой уж раб страстей. Иначе пас бы я ныне отары', *khat to māi pahle hī likhtā par āp kā patā mālūm na thā* (U.A.BP, 148) 'Я бы прежде написал письмо, но мне не был известен ваш адрес'.

При таком употреблении условного наклонения, охватывающем как простую, так и аналитические формы, наиболее ярко раскрывается его специфика в семантическом отношении.

В независимых (простых) предложениях условное наклонение служит также для передачи:

а) значений возможности, необходимости, долженствования (используется только простая форма, причем предложение носит характер риторического вопроса), например, *thorī hī dūr calkar hāph uthe. magar mard to the hī, yah kaise kahte ki bhāi zarā aur dhīre calo* (P.PPh, 17) 'Пройдя немного, он стал задыхаться. Но недаром он был мужчиной. Разве мог он сказать (≅ Не мог же он сказать): «Брат, иди, пожалуйста, помедленнее?»' *vah nahī ātā, to kyā māi zabardastī uḥā lātā* (P.N, 112) 'Сам он не идет. Не тащить же мне его силой!';

б) значения желания, упрека или сожаления, побуждения, например, *kāś ki darte hote ālampanāh* (AN.S, 73) 'О, если бы тревожилось Его Величество!', *bevakūf tumhē āne kī itnī kyā jaldī thī? naḍī ke pār rah jāte* (K.C.P, 53) 'Глупец, зачем ты так торопишься сюда? Оставался бы на том берегу реки', *tū ne dhotī rahin lī hotī* (V.A.A, 161) 'Ты бы надела дхоти'.

В придаточной части сложноподчиненных предложений условное наклонение используется:

а) в связи с передачей определенного функционального отношения между содержанием частей сложного предложения, например, *lekin in ko to cup rahnā cāhie thā cāhe māi ghar mẽ āg hī lagā detā* (P.SS, 58) 'Но им следовало молчать, даже если бы я поджег дом' (уступительно-следственная зависимость), *magar is se pahle ki vah kuch aur kahtā, ek skūḷar śaiṇḍ par ā gayā...* (MR.A, 189) 'Но

прежде чем он успел что-либо еще сказать, к остановке подъехал скутер...’ (действию придаточной части предшествует действие главной); сюда же должны быть отнесены примеры предложений, выражающих условно-следственную связь между явлениями (см. выше, с. 160);

б) в связи с отрицанием в главной части: *parantu māi aisā mūrkhā nahī thā ki ruk jātā* (КС.К, 143) ‘Но я был не настолько глуп, чтобы остановиться’, ... *un ke sāmne koī dūsrā aisā vyakti nā thā jise ve mere sthān par rakhte* (К.К, 80) ‘... у него не было другого такого человека, которого он поставил бы на мое место’, *hā, yah to nā huā ki kalasiyā uṭhākar bhar lāte* (P.GJ, 144) ‘Нет чтобы взять кувшин и принести воду’;

в) в связи с лексическим значением компонента главной части (при сообщении о возможности, необходимости, целесообразности, желании), например, *kyā yah m m kin nā thā ki tum mere hukm ko pairō tale kucal detī* (P.PP, 364) ‘Разве вы не могли нарушить мой приказ?’ (букв. ‘Разве не было возможно то, чтобы вы растоптали мой приказ?’), *cāhie to yah thā ki luk chip kar māi use dekhti...* (JS, 70) ‘Нужно было, чтобы я увидела его тайком...’, *uske dil mē ek tīvrā iśc hā hotī ki uṛkar un coṭiyō par jā pahūctī* (P.PP, 114) ‘Ее сердцем владело одно сильное желание — долететь до тех вершин’;

г) в силу уподобления наклонения придаточной части наклонению (условному) главной части, например, *yadi tum dekh saktī to tumhē aisā dṛṣya dikhāi detā ki tum mūrchit ho jāī* (S.TY, 99) ‘Если бы ты могла видеть, то тебе представилось бы такое зрелище, что ты упала бы в обморок’, *kāś, yah mere bas mē hotā ki māi us ko ās bādhā saktā...* (КС.Т, 13) ‘О, если бы было в моих силах вселить в ее душу надежду...’

Из отрицательных частиц с формами условного наклонения употребляется только частица *nā* ‘не’: *māi tumhē kaṣṭa nā detā, par vivaś hī* (UA.KS, 45) ‘Я не беспокоил бы вас, но вынужден’.

ПОВЕЛИТЕЛЬНОЕ НАКЛОНЕНИЕ

Повелительное наклонение служит средством выражения побуждения. Оно в отличие от других наклонений характеризуется следующими особенностями: а) оформляя глагол-сказуемое побудительного предложения, передает значение 2-го лица; б) относит осуществление действия лишь к будущему времени (непосредственно следующему за моментом речи или отдаленному от момента речи); в) выступает, как правило, в независимых предложениях в составе прямой речи; г) используется в тесной связи с особой, повелительной интонацией, специфической для побудительных предложений; д) обычно вызывает опущение в предложении местоимения, имеющего значение 2-го лица.

Повелительное наклонение включает следующие формы:

1) форму, равную основе глагола (*bol* 'говори' от глагола *bolnā* 'говорить');

2) форму, характеризующуюся окончанием -o, присоединенным к основе (*bolo* 'говорите', 'говори');

3) форму, характеризующуюся присоединенной к основе морфемой -iye (-ie) [*boliye* (*bolie*) 'говорите, пожалуйста'];

4) форму, характеризующуюся присоединенной к основе морфемой -iye (-ie) и следующей за ней морфемой -gā [*boliiyegā* (*boliegā*) 'говорите, пожалуйста', 'соблаговолите говорить'];

5) форму, характеризующуюся присоединенной к основе морфемой -iyo (-io) [*bolio* (*bolio*) 'говорите', 'говори'];

6) форму, характеризующуюся присоединенной к основе морфемой -nā (*bolnā* 'говорите', 'говори')¹⁸.

У глаголов *denā* 'давать', *lenā* 'брать', *karnā* 'делать', *honā* 'быть', *pīnā* 'пить' формы повелительного наклонения на -iye (-ie), -iyeḡā (-ieḡā) и -iyo (-io) предстают в виде форм на -jiye (-jie), -jiyeḡā (-jieḡā) и -jiyo (-jio), причем только у глагола *pīnā* основа остается без изменения: *dījiye* (*dījie*) — *dījiyeḡā* (*dījieḡā*) — *dījiyo* (*dījio*), *lījiye*., *kījiye*., *hījiye*., *pījiye*..¹⁹. В случае стяжения звуков после -j- соответствующие формы приобретают вид *dīje*, *dījeḡā*, *dījo* (от *denā* 'давать') и т. п. От глаголов *honā* и *karnā* изредка встречаются и «правильные» формы: *hoiye* (*hoie*), *kariye* (*kari*).

Из форм повелительного наклонения форма, равная основе глагола, соотносится с местоимением *tū* 'ты' и поэтому употребляется тогда, когда выражение учтивости представляется излишним или необязательным для самого побуждения, например: *mā, tuijhe bahut bhūkh jagī hai, thorā dūdh de* (S.N, 99) 'Мама, я сильно проголодался, дай немного молока', *ek seṭh ne kahā — «terā sandūk uṭhākar ghar le cal, māi tuijhe do āne dūḡā»* (S.SS, 157) 'Один сетх сказал [ему]: «Возьми мой ящик и отнеси [ко мне] домой, я дам тебе две аны»'.

Форма на -iyo (-io), соотносящаяся с местоимениями *tū* 'ты' и *tum* 'вы', 'ты', является устаревшей и поэтому малоупотребительной. Она используется для придания побуждению большей настоятельности, когда выполнение действия не оставляется говорящим на усмотрение лица (лиц), к которому (которым) он обращается, например: *lekin jald āiyo* (P.M-4, 165) 'Но приходи побыстрее', *acchā kal šām ko zarūr cale jāiyo* (K.C.K, 163) 'Ну ладно. Завтра вечером обязательно убирайтесь отсюда'.

Остальные четыре формы повелительного наклонения разбиваются на две пары форм, противопоставляемых друг другу в зависимости

¹⁸ Таким образом, форма на -o повелительного наклонения расценивается как грамматический омоним формы 2-го лица множественного числа настоящего будущего времени сослагательного наклонения, а форма на -nā — как омоним инфинитива. В форме на -iyeḡā (-ieḡā) ее заключительная морфема -gā остается неизменной (ср. изменяемость этой морфемы в формах будущего времени изъявительного наклонения).

¹⁹ С. Келлог к этой группе глаголов причисляет также *sīnā* 'пить' и *marṇā* 'умирать': *sījiye*, *tuijiye* [128, с. 230].

или от того, с каким местоимением они соотносимы, или от того, насколько срочным представляется выполнение действия.

Так, с одной стороны, форма на *-iye* (*-ie*) и форма на *-iyeḡā* (*-ieḡā*), соотносясь с местоимением *āp* 'вы', 'Вы', противопоставляются как вежливые формы повелительного наклонения форме на *-o*, соотносящейся с местоимением *tum* 'вы', 'ты', и форме на *-nā*, соотносящейся с *tum* 'вы', 'ты' и *tū* 'ты'. С другой стороны, формы на *-iyeḡā* (*-ieḡā*) и *-nā* противопоставляются формам на *-iye* (*-ie*) и *-o* как формы, относящие осуществление действия к будущему, отдаленному от момента речи.

Отмеченная дифференциация четырех форм повелительного наклонения наблюдается в следующих примерах: *āp mere khaccar le jāiye, kal tak vāpas bhej dījiyeḡā* (К.С.Т, 37) 'Вы забирайте моих мулов, но верните их, пожалуйста, не позднее завтрашнего дня', *tum yahā rahkar kuch acchī-acchī cizē banā lo, phir Dillī ākar apnī pradarśanī karnā* (РЛ, 151) 'Здесь вы создайте несколько прекрасных вещей, а затем, приехав в Дели, устройте выставку своих работ'.

Присущее формам на *-iyeḡā* (*-ieḡā*) и *-nā* значение «дистанции во времени» может уступать место значению «выполнения действия по усмотрению побуждаемого лица», однако форма на *-nā* способна, вопреки любому из этих значений, служить средством выражения настоячивого побуждения к немедленному осуществлению действия, например: *sahsā Gokul ne pukārā — Mānī, ek gilās ṭhaṇḍā pānī to lānā. barī pyās lagī hai* (Р.М-1, 209) '«Мани, принеси стакан холодной воды. Очень хочется пить», — воскликнул вдруг Гокуль'.

К частным особенностям отдельных форм повелительного наклонения относится то, что форма на *-iye* (*-ie*) может сближаться по употреблению с формой настоящего-будущего времени сослагательного наклонения, а форма на *-iyeḡā* (*-ieḡā*) может выступать в качестве вежливой формы будущего времени индикатива, например: *agar āp aise ek sige kā nām batā dijie to māi to umr bhar āp kī gulāmī karī* (Р.Сс, 95) 'Если вы назовете хоть одно такое ведомство, я стану вашим рабом на всю жизнь', *kal kis tren se jāiyeḡā?* (К.К, 60) 'Каким поездом вы завтра поедете?'

При выражении запрещения (побуждения воздержаться от осуществления действия) с формами повелительного наклонения употребляются отрицательные частицы *mat*, *na*, *nahī*. Частица *mat*, сфера использования которой ограничена лишь побудительными предложениями, встречается как перед глаголом, так и после него, частица *na* является препозитивной по отношению к глаголу, частица *nahī* — постпозитивной, например: *bāl-baccō kī cintā mat kar* (Р.М-4, 161) 'Не беспокойся о детях', *chūnā mat use* (N.N, 86) 'Не трогайте его', *ise kathā na samajhiegā, saccī ghaṭnā hai* (Р.Сс, 43) 'Не думайте, пожалуйста, что это выдумка. Так было на самом деле', *jījī! āp jāiye nahī. āp se mujhe bahut bātē karnī hāi* (JS, 180) 'Сестрица, вы не уходите, пожалуйста. Мне нужно о многом поговорить с вами'.

КАТЕГОРИЯ ПРЕДЕЛЬНОСТИ И ПРЕДЕЛЬНЫЕ ФОРМЫ

АСПЕКТУАЛЬНАЯ ПРИРОДА КАТЕГОРИИ ПРЕДЕЛЬНОСТИ

Если обратиться к понятию функционально-семантической категории как имеющей полевую структуру «системы разнородных языковых средств, способных взаимодействовать для выполнения определенных семантических функций» [14, с. 8], а функционально-семантическую категорию, «охватывающую различные средства выражения характера протекания действий», квалифицировать как аспектуальность [14, с. 12], то становится ясным, что в хинди поле аспектуальности создается не только отношениями между перфективными, имперфективными и процессивными формами.

Специфика этих отношений была определена выше (см. с. 112) на базе противопоставления указанных форм по двум признакам, а именно по признаку «завершенность/незавершенность действия», отражающему в своем положительно выраженном значении то, что действие воспринимается в его целостности, и по признаку «актуальность/неактуальность протекания действия», отражающему в своем положительно выраженном значении нахождение действия в процессе развития, актуальном для данного момента времени (конкретно-процессное значение). В связи с этим различия между перфективными, имперфективными и процессивными формами можно квалифицировать как видовые.

Аспектуальная природа обнаруживается также в противопоставлении глагольных образований, широко известных как «интенсивные глаголы», т. е. глагольных образований, состоящих из основы глагола, выступающего в своем лексическом значении, и следующей за ней формы глагола, утрачивающего свое лексическое значение, глаголам, не подвергнутым модификации со стороны других глагольных элементов ¹.

В основе соответствующей оппозиции, имеющей привативный характер, лежит семантический признак «предельность/непредель-

¹ Согласно точке зрения В. Поржизки [149; 150], упомянутые глагольные образования, или «модифицированные глагольные выражения», призваны передавать значение, в общих чертах соответствующее значению совершенного вида славянских языков, и выступают в хинди в качестве «перфективных глагольных выражений» (см. также подстрочное примечание на с. 111).

ность действия», который, будучи положительно выраженным, понимается как достижение действием своего внутреннего предела. Упомянутые выше глагольные образования, следовательно, можно рассматривать как глагольные формы, маркированные по признаку «предельность/непредельность» или, другими словами, формы, отличающиеся признаком предельности, которые поэтому могут быть условно названы предельными.

Таким образом, в функционально-семантическом поле аспектуальности языка хинди с отношениями, установившимися между перфективными, имперфективными и процессивными формами, сосуществуют отношения, возникшие между формами, отличающимися признаком предельности, и формами, оставляющими данный признак невыраженным.

Место предельных форм, противопоставляемых формам, оставляющим признак предельности невыраженным, определяется в парадигме финитного и инфинитного глагола той формой, которую принимает глагольный компонент, присоединяемый к основе глагола, выступающего в своем лексическом значении. В частности, принятие именно таким компонентом формы перфективного причастия перед выступающим в качестве вспомогательного глаголом *jānā* обуславливает вхождение форм, отличающихся эксплицитно выраженным признаком предельности, в систему инактивного залога.

В сфере финитного глагола оппозицию по бинарному признаку «предельность/непредельность» реализуют перфективные и имперфективные формы, а также такие формы, стоящие вне противопоставления по признаку «завершенность/незавершенность», как формы повелительного наклонения, форма простого будущего времени (будущее I) и простая форма сослагательного наклонения. Вместе с тем формальная противопоставленность предельных форм непредельным (или, если воспользоваться терминологией В. Поржизки, «модифицированных глагольных выражений» «немодифицированным глаголам») обнаруживается и в сфере инфинитного глагола (инфинитива, причастия, деепричастия, глагольного прилагательного, герундия).

Из вышесказанного вытекает ряд положений, важных для понимания функционирования глагольных форм.

1. В возможности перфективной формы характеризоваться эксплицитно выраженным признаком предельности (т. е. в возможности использовать перфективную форму, образованную от «модифицированного глагольного выражения») отражен тот факт, что значение завершенности, свойственным перфективной форме, как таковой, значение достижения внутреннего предела отнюдь не имплицитно.

2. При формальном совмещении имперфективной и предельной форм (т. е. при употреблении «модифицированного глагольного выражения» в имперфективной форме) сообщается о незавершенной (непресеченной) цепи отдельных актов, каждый из которых изображается достигшим своего внутреннего предела.

3. Конкретно-процессное значение, свойственное процессивным формам, не может быть совместимым со значением достижения действием своего внутреннего предела.

Итак, отношение глагола хинди к признаку «предельность/непредельность» характеризуется следующими чертами:

а) противопоставление глагольных форм по признаку «предельность/непредельность» носит регулярный характер, проявляясь в сфере финитного глагола и затрагивая также сферу инфинитного;

б) регулярность данного противопоставления обеспечивается наличием глагольных образований, маркированных по указанному бинарному признаку, т. е. образований, отличающихся признаком предельности или, иначе говоря, характеризующихся значением достижения действием своего внутреннего предела;

в) подобные образования строятся по единой модели, представляя собой сочетание основы глагола, выступающего в своем лексическом значении, с формой другого глагола, не сохраняющего в таком сочетании своего лексического значения.

В связи с этим представляется возможным говорить об аспектуальной категории предельности в системе глагола хинди, приписывая именно в плане этой категории указанным глагольным образованиям («модифицированным глагольным выражениям», согласно В. Поржизке) грамматический статус предельных форм.

Предложенное здесь решение вопроса опирается прежде всего на понятие функционально-семантического поля аспектуальности и на точку зрения В. Поржизки. Согласно утверждению Поржизки, «модифицированные глагольные выражения» (прежде всего с компонентом *jānā*), характеризуясь значением, присущим совершенному виду славянских языков, являются по существу «перфективными глагольными выражениями», противопоставляемыми в качестве маркированных по видовому признаку немодифицированным глаголам [149; 150].

Таким образом глагольным образованиям, лежащим в основе оппозиции по признаку «предельность/непредельность», во-первых, отводится место внутри всей совокупности языковых средств выражения аспектуальных значений и, во-вторых, приписывается определенная функция в плане выражения абстрактного грамматического значения.

В. Поржизка, касаясь семантического содержания «модифицированных глагольных выражений», основывается на той интерпретации совершенного вида славянских языков, согласно которой в качестве видовой семантики совершенного вида признается значение целостности действия. Он пишет: «Перфективное глагольное выражение обозначает действие маркированным в отношении его реализации, как такового, указывая чаще всего на реализацию действия в его целостности (as a whole), включая его конечную, заключительную стадию, но иногда, однако, выделяя начало действия» [150, с. 81].

Мы же при истолковании грамматического значения «перфективных глагольных выражений» исходим из развиваемого в аспектологии положения о том, что грамматической абстракции, характерной для совершенного вида, в большей мере отвечает значение достижения действием своего внутреннего предела, и в соответствии с этим трактуем «перфективные глагольные выражения» как формы, отличающиеся признаком предельности, или, иначе говоря, как предельные формы глагола.

Значение же целостности действия мы извлекаем из содержательной интерпретации оппозиции по признаку «завершенность/незавершенность действия», признаваемой релевантной для отграничения перфективных форм (форм, построенных на базе перфективного причастия) от форм имперфективных и процессивных.

Тем глагольным образованиям, которые мы назвали предельными формами, а В. Поржизка именует «модифицированными глагольными выражениями», в общих чертах отвечают «формы определенности» (Bestimmtheitsformen) П. Хаккера [112, с. 77]. Им же соответствуют и формы «результативного вида» (*natī-jevālī śūrat*) С. А. Черниковой [74, с. 10], которая на материале урду выделяет три типа видовых противопоставлений, в связи с чем она различает формы совершенного вида (фактически формы, построенные на базе перфективного причастия) и формы несовершенного вида, формы, указывающие на результат, и формы, на результат не указывающие, а также формы, указывающие на способ протекания действия, и формы, на способ протекания действия не указывающие [74, с. 13—14]. Следует отметить, что в аспектологии признается «сближение значения достижения результата со значением достижения внутреннего предела действия» [3, с. 17], и именно этим, пожалуй, объясняется, почему по отношению к указанным глагольным образованиям был применен термин «результативный вид», несмотря на то что результативность характеризует тот или иной процесс со стороны не вида, а способа действия [13, с. 12].

ОБРАЗУЮЩИЕ ГЛАГОЛЫ И ИХ ФУНКЦИИ

Круг глаголов, выступающих в качестве второго компонента предельных форм, который присоединяется к основе несущих лексическое значение глаголов, не может быть очерчен достаточно строго. Это объясняется тем, что образование предельных форм есть в масштабе всего языка живой процесс преобразования — в определенных условиях — сочетаний краткого деепричастия со следующим за ним глаголом, связанный с грамматикализацией последнего.

К числу таких глаголов со всей очевидностью относятся глаголы *jānā* 'идти', 'уходить', *ānā* 'приходить', 'прибывать', *denā* 'давать', *lenā* 'брать', *uṭhnā* 'подниматься', 'вставать', *paṛnā* 'падать', 'случаться', *baiṭhnā* 'садиться', 'сидеть', *ḍālnā* 'бросать', *calnā* 'ходить', 'двигаться', *rahnā* 'оставаться', *rakhnā* 'класть', 'держат', 'сохранять'. В качестве компонента предельной формы может выступать также сочетание *kharā honā* 'стоять', 'вставать' (*kharā* 'стоящий' + *honā* 'быть', 'становиться').

Будучи переходными, глаголы *ḍālnā* и *rakhnā* вступают в соединение исключительно с основой переходных глаголов, а глаголы *denā* и *lenā* — по преимуществу с основой переходных глаголов.

Будучи непереходными, глаголы *uṭhnā*, *paṛnā*, *ānā*, а также *calnā* вступают в соединение преимущественно с основой непереходных глаголов. Глагол *rahnā* и сочетание *kharā honā* сочетаются почти исключительно с основой непереходных глаголов.

Глаголы *jānā* и *baiṭhnā*, будучи непереходными, наряду с присущей им способностью сочетаться с основой непереходных глаголов обнаруживают широкие возможности к соединению с основой и переходных глаголов.

Механизм образования предельных форм, как таковых, заложен в нарушении свойства аддитивности сложения значений исходных компонентов, выражающемся в конечном счете в утрате первым компонентом грамматического значения, свойственного деепричастию как

инфинитной глагольной форме, а именно значения предшествования, и в грамматикализации второго компонента².

Выступая как примета предельной формы, второй компонент соответствующей глагольной композиты может одновременно служить более четкому и ясному выражению смыслового момента, содержащегося в значении представленного основной глагола, дублируя этот смысловой момент, и/или вносить в значение представленного основной глагола некоторый дополнительный элемент смысла, сам по себе в семантике глагола, представленного основной, не содержащийся, но и не противоречащий этой семантике. Таким образом, функция второго компонента как средства образования формы, отличающейся значением предельности (достижения действием своего внутреннего предела), может быть дополнена экспликативной функцией (функцией повторения, или дублирования, определенного смыслового момента) и/или модифицирующей функцией (функцией осложнения определенного семантического содержания дополнительным смысловым моментом). Это значит, что глагол, служащий средством образования предельной формы и являющийся в этом смысле глаголом образующим, может одновременно выступать в качестве глагола экспликативного и/или модифицирующего³.

Экпликативную функцию образующего глагола иллюстрируют, например, следующие формы, рассмотренные в составе предложений:

phēk denā 'выбросить', 'отбросить' (ср. *phēknā* 'бросать' и *denā* 'давать'), где компонент *denā* дублирует такой смысловой момент, содержащийся в семантике глагола *phēknā*, как «разъединение субъекта с объектом»: *us ne lihāf phēk diyā aur cārpāi se utarkar nīce kharā ho gayā* (P.N, 108) 'Он отбросил одеяло и соскочил с кровати';

gir parṇā 'свалиться', 'упасть' (ср. *girṇā* 'падать' и *paṇṇā* 'падать'), где повторяется смысловой момент «движение вниз»: *māik-rofon gir paṇā* (K.G.G, 147—148) 'Микрофон свалился вниз';

paṇar lenā 'схватить' (ср. *paṇarṇā* 'хватать', 'ловить' и *lenā* 'брать'), где компонент *lenā* дублирует присущий семантике глагола *paṇarṇā* смысловой момент «приобретение субъектом контакта с объектом»: *yah kahkar unhō ne Mansārām kā hāth paṇar liyā...* (P.N, 104) 'С этими словами он (доктор) схватил Мансарам за руку...'

² На принципиальную возможность подойти к интерпретации семантики традиционных интенсивов («форм определенности», по П. Хаккеру) с позиций учета сложения смыслов компонентов сочетаний указал в своей диссертации А. А. Сигорский [62], опираясь при этом на работы В. Г. Гака [22] и Ю. Д. Апресяна [4]. О грамматикализации второго компонента см. статью А. А. Давидовой [26, с. 228].

³ Именно на экспликативной и модифицирующей функциях останавливается в своей монографии П. Хаккер [112]. Глаголы же, сочетающиеся в качестве вспомогательных с «кратким абсолютивом» (основой), он предлагает называть экспликативными, принимая при таком наименовании в расчет только одну из функций [112, с. 77]. Подробнее по данному вопросу см. рецензию на работу Хаккера [49].

Модифицирующую функцию образующего глагола ниже иллюстрируют следующие формы:

ro denā 'заплакать' (ср. *ronā* 'плакать', *denā* 'давать'), где в семантику глагола *ronā* вносится дополнительный смысловой оттенок начала действия: *māi māre kḥuṣi ke ro dī* (B.D, 167) 'Я заплакала от радости';

cillā paṛnā 'воскликнуть', 'вскричать' (ср. *cillānā* 'кричать', *paṛnā* 'падать', 'случаться'), где в семантику первого компонента вносится дополнительный смысловой момент внезапности или непроизвольности: *usī šokātirek kī daṣā mē vah cillā paṛā — mātāji! tum kahā ho?*... (P.N, 102) 'Преисполненный горестных чувств, он воскликнул: «Мама! Где ты?...»';

kah dālānā 'выболтать' (ср. *kahnā* 'говорить', *dālānā* 'бросать'), где семантика глагола *kahnā* осложняется смысловым моментом неуместности соответствующего действия: *uske prāṇ sūkhe jāte the ki kahī Sillo sab kuch kah na dāle* (P.G, 306) 'Его грудь щемило от страха, как бы Силло все не выболтала'.

Совмещение экспликативной и модифицирующей функций в образующем глаголе (втором компоненте предельных форм) наблюдается, например, в следующем предложении: *lekin sāyog hī kahīe kī kāgazō ko jhāṛte hue ek cavannī gir paṛī* (P.N, 189) 'Но когда [Тотарам] встряхивал бумаги, из них вдруг выпала монета в четыре аны'. В примере присущая глаголу *girnā* 'падать' сема «движение вниз» дублируется глагольным компонентом *paṛnā* (ср. *paṛnā* 'падать'), который вместе с тем осложняет семантическое содержание глагола *girnā* дополнительным смысловым оттенком внезапности.

ЧЕРТЫ СЕМАНТИЧЕСКОГО СВОЕОБРАЗИЯ ПРЕДЕЛЬНЫХ ФОРМ

Семантическое своеобразие предельных форм сводится к ряду моментов. Из них наиболее существенными являются следующие.

1. С одной и той же семей может быть связана как экспликативная, так и модифицирующая функция образующего глагола (второго компонента предельных форм). Например, в *phēk denā* 'выбросить', 'отбросить' (ср. *phēknā* 'бросать') компонент *denā* выполняет экспликативную функцию, дублируя в силу присущей ему семантики («давать») сему «разъединение с объектом», тогда как в *nikāl denā* 'прогнать', 'изгнать' (ср. *nikālānā* 'вынимать') с данной семей, поскольку ей осложняется содержание глагола *nikālānā*, связана модифицирующая функция компонента *denā*.

2. Экспликативная функция образующего глагола имеет своим истоком семантическое согласование исходных компонентов предельной формы. Она как бы представляет собой проекцию этого согласования на плоскость синхронного среза языка, взятого на настоящем этапе его развития, проекцию, которая проявляется тем четче, чем полнее обнаруживается наличие у обоих компонентов общей для них семы.

3. Такое согласование сказывается на частных особенностях распределения разных глаголов, представленных основой, относительно того или иного образующего глагола. Например, такие глаголы, как *oṛhnā* 'накидывать', 'надевать'; *khānā* 'есть'; *chīnnā* 'вырывать'; *dekhnā* 'смотреть', 'видеть'; *pānā* 'получать'; *pīnā* 'пить'; *pūchnā* 'спрашивать'; *bhāpnā* 'узнавать', 'догадываться'; *samajhnā* 'понимать', 'усваивать'; *sikhnā* 'изучать', 'осваивать'; *sunnā* 'слушать', 'слышать'; *sosnā* 'думать', будучи представленными своей основой, выступают с *lenā*, а не с *denā*, тогда как для глаголов *ujāgnā* 'разрушать', 'опустошать'; *kahnā* 'говорить'; *khonā* 'терять'; *chernā* 'раздражать', 'возбуждать'; *dālnā* 'бросать'; *pīnā* 'бить'; *batānā* 'сообщать', 'рассказывать'; *bigārnā* 'портить', 'ломать', 'губить'; *bhejnā* 'посылать', 'отправлять'; *saupnā* 'вверять', 'вручать' и других характерно сочетаться с *denā*, а отнюдь не с *lenā* (в противоположность им такие глаголы, как, например, *utārnā* 'снимать', 'спускать'; *kholnā* 'открывать'; *dhonā* 'мыть', 'стирать'; *nikālnā* 'вынимать'; *banānā* 'делать', 'создавать'; *bīṭhānā* 'сажать', 'усаживать'; *rakhnā* 'класть', 'держать'; *roknā* 'останавливать', 'задерживать'; *lagānā* 'прикреплять', будучи представленными своей основой, выступают и с *lenā*, и с *denā*)⁴.

4. Следы такого согласования проявляются в некоторых особых случаях взаимной обусловленности образующего глагола и семантики глагола, представленного основой.

Так, для глагола *baiṭhnā* 'сидеть', 'сидеть' как глагола образующего характерно употребление с основой глаголов посягательства (*verba aggradiendi*), т. е. глаголов, обозначающих, по словам П. Хаккера, «энергичное вмешательство в личную сферу человека», например: *mār baiṭhnā* 'поколотить', *ḍabū baiṭhnā* 'попирать', *ḍāṭ baiṭhnā* 'пригрозить' [112, с. 60]; для глагола *dālnā* 'бросать' — с основой глаголов, обозначающих насильственное воздействие или разрушение, например: *mār dālnā* 'убить', *phār dālnā* 'порвать в клочья'; для глагола *uṭhnā* 'подниматься', 'вставать' — с основой глаголов, обозначающих действия, находящие «внешнее выражение в мимике, жестах, звуках» [92, с. 203—205] и т. п., например: *bharak uṭhnā* 'вспыхнуть', *tamtamā uṭhnā* 'разрумяниться', *taṛap uṭhnā* 'встрепенуться', *cillā uṭhnā* 'воскликнуть', *gūj uṭhnā* 'огласиться'; для глагола *rahnā* 'оставаться' — с основой глаголов, способных обозначать как само положение субъекта в пространстве или его состояние, так и приобретение субъектом соответствующего положения в пространстве или состояния (*leṭnā* 'лежать/ложиться', *baiṭhnā* 'сидеть/сидеться', *sonā* 'спать/засыпать' и др.), например: *leṭ rahnā* 'улечься',

⁴ Возможность распределения глаголов, представленных основой, относительно *lenā/denā* явилось для Я. Качру основанием для того, чтобы различать [+atmane]-глаголы, [-atmane]-глаголы и [±atmane]-глаголы [121, с. 383—384]. Следует, однако, иметь в виду, что отмеченным распределением глаголов, представленных основой, относительно *lenā/denā* (показательны также образования *le lenā* 'взять' и *de denā* 'отдать') не исключается возможность употребления многих из них перед какой-либо другой приметой (другими приметами) предельной формы.

‘прилечь’ (≅ ‘лечь и полежать’), *baiṭh rahnā* ‘усесться’, ‘присесть’ (≅ ‘сесть и посидеть’), *so rahnā* ‘уснуть’, ‘прикорнуть’, ‘задремать’.

5. Образующие глаголы в своей модифицирующей функции, как правило, не являются однозначными (исключение из этого составляют, пожалуй, *rahnā*, *rakhnā* и *kharā honā*).

Какой именно из смысловых моментов получает выражение в ходе реализации тем или иным образующим глаголом своей модифицирующей функции, зависит (при условии, если в данном конкретном случае семантика глагола, представленного основой, или его принадлежность к определенной группе глаголов не играет никакой роли для выявления приносимого смыслового оттенка) от контекста и/или ситуации речи⁵.

6. Отмеченная зависимость вскрывает динамичность модифицирующей функции образующего глагола: эта функция, выявляемая по отношению к смысловому содержанию глагола, представленного основой, обнаруживает себя или как аналог экспликативной функции (т. е. как квазиэкспликативная функция), или как собственно экспликативная функция по отношению к контекстно и/или ситуационно обусловленному значению данного глагола или, точнее говоря, по отношению к смысловому единству, возникающему из взаимодействия глагола и контекста и/или ситуации.

Первую из этих возможностей иллюстрирует, в частности, следующий пример: *joṣ mē Devanandanjī itnā kah to gae, magar...* (U.SK, 24) ‘Хоть и выпалил Деванандан все это в сердцах, но...’ Здесь модифицирующая функция образующего глагола *jānā* состоит во внесении в семантику глагола *kahnā* ‘говорить’ смыслового оттенка опрометчивости или ошибочности совершения действия. Экспликативную же функцию глаголу *jānā* можно приписать по отношению к *joṣ mē kahnā* ‘говорить в сердцах’, поскольку в *joṣ mē* при глаголе *kahnā* уже заключено указание на упомянутый смысловой оттенок. Однако эта экспликативная функция оказывается все же мнимой, поскольку глагол *jānā* ‘идти’, ‘уходить’ дифференциальнойемой «опрометчивость» или «ошибочность» не располагает.

Равным образом в предложении *māi apne parsō ke patra mē śāyad bahut bakvās likh gayā hū* (MR.A, 159) ‘В своем позавчерашнем письме я, возможно, написал много чепухи’ глагол *jānā* характеризуется такой же модифицирующей функцией по отношению к *likhnā* ‘писать’ и квазиэкспликативной функцией по отношению к *bakvās likhnā* ‘писать чепуху’.

Вторую возможность иллюстрирует такой пример: *us ne bahut dhārhas dekar mujhe apne yahā rakh liyā...* (U.SK, 61) ‘Он меня приободрил и оставил у себя...’ Здесь модифицирующая функция образующего глагола *lenā* ‘брать’ состоит в осложнении смыслового содержания глагола *rakhnā* ‘класть’, ‘держатъ’ семей «приятие [со стороны субъекта действия]». Однако по отношению к *apne yahā*

⁵ На неоднозначность модифицирующей функции «экспликативных глаголов» и на роль контекста и ситуации было указано Н. Хаккером [112, с. 77—78].

rakhnā функция глагола *lenā* предстает как экспликативная: *lenā* дублирует семантический момент, заключенный в *apne yahā* 'у себя' при глаголе *rakhnā*.

Такая интерпретация модифицирующей функции образующего глагола (с учетом двух возможностей его осмысления в контексте) в принципе подходит и к случаям с устойчивыми глагольно-именными словосочетаниями (и даже со сложными глаголами, если рассматривать их как словосочетания), когда сему, обнаруживающую свою релевантность в связи с модификацией значения глагола, представленного основой, содержит имя, выступающее при данном глаголе: ... *tum ne tez ā-tez ī kyō kar dāli? aise kōi bāt bhālā kabhī sulajhti hai?* (JK.S., 56) '... Зачем вам понадобилось пороть горячку? Разве так можно уладить какое-нибудь дело?', *phir das-pāc sāl me us gāv par k ā b z ā kar lēge* (P.N., 132) 'Потом через каких-нибудь пять-десять лет [он] завладеет этой деревней'.

В первом примере функция глагола *dālnā* 'бросать', которую можно рассценивать как модифицирующую в связи с осложнением значения глагола *karnā* 'делать' дополнительным оттенком неуместности действия, предстает как квазиэкспликативная по отношению к *tez-ā-tez karnā* 'спешить', 'торопиться' (букв. 'делать спешку'). Во втором примере компонент *lenā*, которому по отношению к *karnā* может быть приписана модифицирующая функция, характеризуется экспликативной функцией по отношению к *kabzā karnā* букв. 'делать захват' (ср. *lenā* 'брать').

7. Существует зависимость между выбором образующего глагола и валентными свойствами переходных глаголов, выступающих в предельной форме.

В частности, переходные глаголы, располагающие адресатной (адресатно-объектной) валентностью, охотно принимают, будучи представленными основой, глагол *denā* 'давать'. И именно тем глаголам этого круга, которые, являясь производными, характеризуются суффиксами *-ā/-vā-* или *-lā/-lvā-*, свойственно соотноситься с непроизводными переходными глаголами, принимающими в предельной форме глагол *lenā* 'брать'. Ср. *sikh lenā* — *sikhā denā* (*sikhnā* 'изучать', 'осваивать' — *sikhānā* 'преподавать'), *khā lenā* — *khilā* (*khilvā*) *denā* (*khānā* 'есть' — *khilānā* 'кормить', *khilvānā* 'кормить через посредника'), *sun lenā* — *sunā denā* (*sunnā* 'слушать', 'слышать' — *sunānā* 'рассказывать') и т. п.⁶

8. Некоторые из образующих глаголов могут в своей модифицирующей функции выражать способ действия. Так, например, глагол *denā*, сочетаясь с основой непереходных глаголов (типа *calnā* 'ходить', 'двигаться', *ronā* 'плакать', *muskarānā* 'улыбаться', *hāsnā* 'смеяться'), служит приметой начинательного способа действия: *yah kahkar vah to vahā se cal die* (K.C.G., 157) 'Сказав это, он пошел отсюда', *jab mujhe rote dekhtā, to apne kaṣṭa bhūlkar muskarā detā* (P.N., 154) 'Когда [он] видел, что я плачу, он, позабыв о своих мучениях, начинал улыбаться', *vah khilkhilākar apnī bāt par svayam*

⁶ Данное грамматическое явление было раскрыто у Я. Качру в следующей формулировке: «... переходные глаголы, отмеченные как [+atmane] и, следовательно, встречающиеся только с оператором *lenā*, располагают первой каузативной формой, встречающейся, как правило, с оператором *denā* (оператор *denā* не выступает с [+atmane]), и кроме того, ... только глаголы, встречающиеся с *denā*, располагают (второй) каузативной формой» [121, с. 383].

hī hās di thī (PL, 75—76) 'И она сама же звонко рассмеялась над своими словами'.

Глагол *lenā*, напротив, может служить приметой финитивного способа действия (тоже в сочетании с основой непереходных глаголов): *varṣā lag-bhag ho* li... (A.N, 198) 'Сезон дождей почти прошел...'⁷.

В случаях с образующими глаголами *paṇnā* и *uṭhnā* оттенок начала действия бывает связан с привносимым в семантику глагола, представленного основой, смыслового момента внезапности: *usī śokā-tirek kī daṣā mē vah cillā paṇā — mātāji! tum kahā ho?* ... (P.N, 102) 'Преисполненный горестных чувств, он воскликнул: «Мама! Где ты? ...»', *gānā sunkar vah mast ho jātā thā, aur «o-ho-ho!» karke cillā uṭhā thā* (P.N, 106) 'Он пьянел от пения и [восторженно] восклицал: «О-о!»'

Роль глагола *ānā* как приметы начинательного способа действия (*vah hās āyā* 'он рассмеялся', *vah ro āyī* 'она расплакалась'), отмеченная в литературе по грамматике хинди [134, с. 227], связана со способностью этого глагола замещать глагол *uṭhnā* [107, с. 318; 154, с. 307].

Глагол *jānā* может служить выражению общерезультативного способа действия, т. е. передавать значение достижения результата. 9. Из всех глаголов, выступающих вслед за глагольной основой в качестве второго компонента предельных форм, глагол *jānā* 'идти', 'уходить' в наибольшей степени проявляет себя как средство образования именно предельной формы (т. е. как чисто образующий глагол), поскольку его функция передавать значение предельности (достижения действием своего внутреннего предела) нередко остается не дополненной со стороны экспликативной или (если не считать значения достижения результата) модифицирующей функции, например: *itne mē Siyārām aur Jiyārām skūl se ā gaye* (P.N, 63) 'Тем временем Сиярам и Джиярам пришли из школы', *ghoṛe usī maidān ke sire par ākar ruk gaye* (A.A, 89) 'И у края этой площадки лошади остановились', *lekin Nirmalā maike mē hī rah gaī* (P.N, 147—148) 'Нирмала же осталась в родительском доме', *vah ab cārpāī par leṭ gayā* (N.D, 145) 'Он теперь лег на кровать', *Nirmalā samajh gaī, āj dīn khālī gayā* (P.N, 188) 'Нирмала поняла, что день сегодня прошел впустую', *us ke jāte hī lālā ek bahut baṛā muḥadmā hār gayā*... (PL, 34) 'Сразу же после ее отъезда купец проиграл крупный процесс'⁸.

⁷ Под финитивным способом действия имеется в виду «прекращение действия, замкнутого в сфере субъекта» [3, с. 15]. На соответствующую семантику образований с *lenā* указал Арьендра Шарма: *so lenā — to finish off sleeping, ro lenā — to finish off crying* [160, с. 88].

⁸ Отмеченное грамматическое явление раскрывается у В. Поржизки такой формулировкой: «Среди перфективных глагольных выражений с *jānā* 'идти' обозначают, так сказать, чистую и простую совершенность... Другие перфективные глагольные выражения (с *denā*, *lenā* и др.) сочетают идею совершенности с каким-либо характерным оттенком значения, соответствующим идее, выражаемой в модифицирующем глаголе» [150, с. 82—83]. Если в функ-

Семантическая функция каждого образующего глагола раскрывается в тех значениях или оттенках, которыми он осложняет семантику глаголов, представленных основой, или в значениях, с передачей которых глаголами, представленными основой, связывается его употребление⁹.

Глагол *jānā* 'идти', 'уходить' используется:

1) для привнесения оттенка удаления в семантику глагола, представленного основой, например, *Latikā ke kamre mē āne se anuśāsan kī jo ghuṭan āyī thī vah acānak bah gaī* (PL, 88) 'Та натянутость в общении, которая возникла в комнате с приходом Латики, сразу исчезла (букв. ушла)', *Devanandan kī chātī par samāj ne aisā krūr āghāt kiya kī dharmaparivartan ke nau mahīne bād hī vah is duniyā se kūs kar gae* (U.S.K., 27) 'Общество так морально травмировало Деванандана (букв. нанесло Деванандану в сердце такой жестокий удар), что спустя девять месяцев после перехода в другую веру он ушел из этого мира' (в таких примерах у глагола *jānā* частично сохраняется его исходное лексическое значение);

2) в связи с выделением динамического аспекта в семантике глаголов, способных обозначать как само положение субъекта в пространстве или его состояние, так и приобретение субъектом соответствующего положения в пространстве или состояния, например, *vah ab cārpāī par leṭ gayā* (N.D, 145) 'Он теперь лег на кровать'; ... *tab vah hāstī huī ākar merī chāyā mē baiṭh jātī thī* (A.A, 24) '... тогда она прихотила и со смехом садилась в моей тени', *Nirmalā inhī šokmay vicārō me paṛī-paṛī so gaī*... (P.N, 28) 'Погруженная в такие грустные мысли, Нирмала уснула...'; *lālimā ke sāyog se kālīmā aur bhī bhayankar ho jātī hai* (P.N, 40) 'От багрянца чернота становится еще более ужасной';

3) в связи с выражением общерезультативного способа действия, например, *Mārṭin ghoṛe par se utar paṛā, dekhkar sthiti samāj gayā* (A.A, 90) 'Мартин соскочил с лошади и мигом понял сложившуюся ситуацию', *donō ne sāth-sāth maitrik kī parīkṣā dī thī. Kapil pās kar gayā thā, Jāy Mādhav fel* (N.D, 82) 'Оба вместе держали вступительные экзамены. Капил сдал, а Джай Мадхав провалился' (для та-

ционально-семантическом плане вторые компоненты предельных форм сравнить с приставками славянских языков (допустим, русского), то глагол *jānā* в наибольшей мере окажется функционально сопоставимым с «чисто видовой» приставкой.

⁹ Данного вопроса касаются А. А. Давидова [26], Д. И. Еловков [36], Р. Мухамеджанов [55]. Ему уделяется внимание и во многих грамматиках и учебниках хинди (и урду): в грамматике Арьендры Шармы [160, с. 87—90], грамматическом очерке М. Хельзинг [114, с. 116—120], учебнике Р. С. Макгрегора [135, с. 99—104] и других работах. В специальной монографии П. Хаккера [112] и последовавших за ней откликах-рецензиях [92; 95; 103; 133; 154; 158] показаны многие из особенностей употребления глаголов в качестве второго компонента сложных глагольных образований. В статьях В. М. Бескровного вскрыта роль глагола *rahnā* [11] и сочетания *kharā honā* [10].

ких примеров характерно то, что *janā* следует за основой переходных глаголов);

4) для привнесения оттенков опрометчивости, поспешности, необдуманности или ошибочности совершения действия, например, *joṣ mē Devanandanjī itnā kah to gae, magar...* (U.S.K., 24) 'Хоть и выпалил Деванандан все это в сердцах, но...', *gussā mujhe aksar ā jātā hai, us mē ankahnī kah jātā hū, ankarnī kar jātā hū* (J.K.K., 133) 'Я часто прихожу в ярость. Тогда я говорю то, чего не следует говорить, и делаю то, чего не следует делать'.

Глагол *ānā* 'приходить', 'прибывать' выступает в следующих случаях:

1) для привнесения оттенка приближения в семантику глагола, представленного основой, например, *lān par lage hue cīr ke patlō kī sarsarāhaṭ havā ke jhōkō ke sang kabhī tez, kabhī dhīmī hokar bhītar bah ātī thī* (P.L., 90) 'Вместе с порывами ветра внутрь [где находилась Латика] врывался (букв. вливал) то резко, то приглушенно шелест хвои растущего на лужайке кедра', *yah gadhā kidhar se ghus āyā, nikālō ise bāhar* (K.C.G., 148) 'Откуда здесь взялся этот осел? Гоните его прочь!' (ср. *ghusnā* 'проникать');

2) в связи с тем, что глагол, представленный основой, обозначает действие, способное проявляться (как правило, внешне) в качестве объекта восприятия, например, *yah kahte-kahte Sudhā ke āsū phir chmaṭ āye...* (P.N., 154) 'Когда Судха это говорила, на ее глаза снова навернулись слезы' (ср. *umarnā* 'разливаться', 'выступать'), *dekhte nahī, dīn nikal āyā* (J.K.S., 71) 'Разве не видишь, занялся день' (ср. *nikalnā* 'выходить', 'появляться'), *merā cehrā lāl ho āyā* (R.Y.S., 110) 'Лицо у меня покраснело' (ср. *lāl honā* 'быть/становиться красным');

3) при осложнении семантики переходного глагола, представленного основой, сопроводительным оттенком включения субъекта в ситуацию, охватывающую результат (или возможные последствия) соответствующего действия, например, *vahī khā lūgā. rasoīye se bhojan banāne ko kah āyā hū* (P.N., 94) 'Там поем. Я сказал повару, чтобы он приготовил поесть', *vah parhnā nahī jāntī, par patra mē kyā likhā hai, vah parhāwākār sun āyī hai...* (A.A., 106) 'Читать она не умеет, но то, что написано в письме, она выслушала, когда ей прочитали по ее просьбе...';

4) в связи с выражением начинательного способа действия в примерах типа *vah hās āyā* 'он рассмеялся', *vah ro āyī* 'она расплакалась' (см. выше, с. 173)¹⁰.

Глагол *denā* 'давать' выступает:

¹⁰ В том материале, которым мы располагаем, нет примеров в пользу точки зрения Арьендры Шармы, согласно которой *ānā*, употребляясь с непереходными глаголами, может привносить значение «собираться» или «быть готовым»: *vah ro āyā* 'He was about to cry', *baccā so āyā hai* 'The child is about to fall asleep' [160, с. 87]. Не нашли мы подтверждения и тому, что *ānā* может служить показателем «наличия недостатка интенсивности» (presence of lack of intensity), как полагает К. Ч. Бахль [82, с. 371]. Однако данный семантический момент, как нам кажется, поддается выведению из присущей глаголу *ānā* 'приходить', 'прибывать' потенциальной семы «появление»: ведь «появление» не есть «полное проявление».

1) в связи с дублированием (экспликативная функция) или внесением (модифицирующая функция) смыслового оттенка направленности действия вовне из сферы субъекта, что конкретно проявляется при выражении таких частных значений, как, например:

(а) направленность действия на объект, внешний по отношению к субъекту, — *us ne ek larke kī cārpāī ulaṭ dī, kaī larḱō ke kamre ke dvār bāhar se band kar diye...* (P.N, 106) 'Он опрокинул кровать одного из мальчиков и запер снаружи двери комнаты, где жило несколько мальчиков...', *tumhē jo larḱā dik kare, use piṭ diyā karo*, (P.N, 62) 'Пути любого мальчишку, который будет тебе досаждать';

(б) разъединение (утрата субъектом контакта) с объектом — *us ne lihāf phēk diyā...* (P.N, 108) 'Он отбросил одеяло...', *us ne baccī ko god se utār diyā aur dvār kī or calī* (P.N, 201) 'Она опустила (букв. сняла с рук) девочку вниз и пошла к двери';

(в) ориентация действия на субъект восприятия или ощущения, отличный от субъекта самого действия, — *māī ne kalejā rūkhā kar use zor se paṛh diyā* — «*māī jis dīn tumhē yah patra milegā...*» (U.SK, 24) 'Собравшись с духом, я громко его (письмо сына, адресованное матери) зачитал: «Мама! В тот день, когда ты получишь это письмо...»', *mere sāth ghūmne cal, to rāste mē sārī bātē batā dī* (P.N, 28) 'Иди со мной гулять, тогда по дороге я расскажу обо всем';

(г) заинтересованность в осуществлении действия со стороны лица, отличного от субъекта (осуществление действия в интересах лица, отличного от субъекта), — *āpkā kām māī ne kar diyā hai* (K.C.G, 125) 'Ваше поручение я выполнила', *māī tumhāre lie koī mis naukar rakh dīgā* (P.N, 79) 'Я для вас найму какую-нибудь мисс';

2) для выделения начальной стадии осуществления действия (начинательный способ действия) — *māī māre khuṣī ke ro dī* (B.D, 167) 'Я заплакала (или не сдержала слез) от радости' (см. также примеры на с. 172—173).

Глагол *lenā* 'брать' выступает:

1) в связи с дублированием (экспликативная функция) или внесением (модифицирующая функция) смыслового оттенка замкнутости действия в сфере субъекта или его включения в сферу субъекта, что конкретно проявляется при выражении таких частных значений, как, например:

(а) направленность действия на объект, относящийся к сфере субъекта, — *Latikā ne khīrkī se sir bāhar nikāl liyā* (PL, 100) 'Латика высунула [свою] голову из окна', *niṣā ne indu ko parāst karke apnā sāmrajya sthāpit kar liyā thā* (P.N, 35) 'Ночь, посрамив луну, установила свое [безраздельное] господство';

(б) приобретение или сохранение субъектом контакта с объектом — *Nirmalā ne uṭhkar uskā hāth pakā liyā...* (P.N, 201) 'Нирмала поднялась, схватила ее (Судху) за руку...', *Sudhā ne larḱī ko god mē uṭhā liyā...* (P.N, 201) 'Судха взяла девочку на руки...' (ср. *uṭhānā* 'поднимать');

(в) вовлечение объекта в сферу субъекта — *māi ne Ṣankarlāl se uskī barī kaincī māg lī* (BC.C, 51) 'Я выпросил у Шанкарлала его большие ножницы', ... *parantu un mē vah cancaltā na thī jis ne Jagatsinh ke hṛday ko jīt liyā thā* (S.TY, 225) '... но в них (глазах Прамады) не было той живости, которая завоевала сердце Джагатсинха';

(г) «усвоение» объекта — *ek bār inkī premikā ko šārk machlī ne khā liyā thā* (KC.G, 169) 'Однажды его возлюбленную съела акула', *jab pyās lagī šarāb pī lele* (P.N, 39) 'Когда [его] мучила жажда, [он] выпивал вино';

(д) принадлежность действия к сфере умственной деятельности, чувственного восприятия, душевных переживаний субъекта — *īmān se kaho, māi ne bāt tāṛ lī ki nahī?* (P.N, 47) 'Скажите честно: догадалась я, в чем дело, или нет?', *heḍ kānṣtebal apnī sīt par se uchlā, māno usne koī bhūt dekh liyā ho* (KC.G, 17) 'Старший констебль подскочил на своем месте, как будто он увидел призрак', *tumhāre lie sab kuch sah lūgī* (P.N, 34) 'Ради вас я все вытерплю';

(е) заинтересованность субъекта в осуществлении (или возможных последствиях) действия — *aur Jhigurīsīnh ne darvāze par nayā kuā khudvā liyā thā* (P.G, 214) 'А Джхингури Синх велел вырыть [для себя] у ворот новый колодец', ... *kisī ne peṛ kī ṭahnī ko cākū se chīlkar choṭī-sī bēt banā lī thī* (PL, 119) '... кое-кто, обстругав ветку дерева, сделал [для себя] тросточку';

(ж) осуществление действия субъектом по своему усмотрению (самовольное осуществление действия) — *kahtī hāī, mujhe dik karoge to kān kāṭ lūgī* (P.N, 63) 'Она говорит: будете ко мне приставать, уши оборву', *vah ṭhekā hāth mē āte hī māi sab ṭhīk kar lūgā* (KC.G, 126) 'Как только в руки попадает этот контракт, я все сделаю как надо';

(з) способность совершить действие, вытекающая из предрасположенности к нему субъекта, — ... *aur yadyapi Rāgīlibāi bhī śāyad hī kabhī kitāb parṭhī hō, par khat-vat paṛh letī thī* (P.N, 44) '... и хотя Рангилибаи тоже вряд ли когда-либо читала книгу, письма все-таки она бралась читать' [112, с. 23];

(и) обоюдность действия — *magar āp do mināṭ ke lie is garīb se bāt to kar lije* (KC.G, 44) 'Но вы, пожалуйста, поговорите с этим несчастным пару минут';

2) в связи с выражением финитивного способа действия (см. выше, с. 173).

Глагол *uṭhnā* 'подниматься', 'вставать' выступает:

1) для дублирования, основанного на метафорическом преобразовании семы «движение вверх», смыслового оттенка способности действия находить внешнее проявление, причем часто с одновременным внесением оттенка внезапности или неожиданности, например, ... *hāl tāliyō se gūj uṭhā* (KC.G, 140) '... зал огласился аплодисментами'; *mināṭ-ādhe mināṭ mē hī donō gharō ke ūparī chappar jal uṭhe* (N.D, 127) 'Не прошло и минуты, как кровля обоих домов воспламенилась';

2) для привнесения оттенка внезапности в семантику представленного основой глагола, служащего для обозначения действия как

эмоциональной реакции лица на окружающие его обстоятельства, причем глаголы, представленные основой, в зависимости от своего лексического значения называют или саму эмоцию, или же такую внешнюю реакцию лица, которая связана с определенной эмоцией; некоторые из таких глаголов при этом могут быть употреблены в переносном значении (метафорически), например, *Siyārām use rote dekhkar saham uṭhā* (P.N, 180) 'Увидев, что она плачет, Сиярам испугался', *māi kabhū-kabhū to aise patro ko dekhkar jhūjhā uṭhā thā* (S.TY, 185) 'Иногда такие письма раздражали меня' (букв. 'Иногда я, увидев такие письма, раздражался'), *uskā dil kāp uṭhā* (P.N, 167) 'Сердце у нее затрепетало', *Tārā kī soī hūi sadbhāvnāyē jāg uṭhī* (S.TY, 35) 'В душе Тары пробудились доселе дремавшие благие порывы' (о сопровождающем оттенке начала действия см. в яше, с. 173);

3) в связи с внесением оттенка поступательности, замещающего оттенок внезапности, например, *Anantrām bhī māno cain pā uṭhe* (JK.S. 41) 'Анантрам тоже как будто обрел спокойствие', *fādar El-maṇḍ kā lambā ojpūrṇa cehrā caipal kī ghūṭī hūi garmū se lāl ho uṭhā thā* (PL, 105) 'Продолговатое лоснящееся лицо отца Альмонда покраснелось от духоты в церкви'.

Глагол *parṇā* 'падать', 'случаться' выступает:

1) в связи с дублированием (экспликативная функция) или внесением (модифицирующая функция) смыслового оттенка движения вниз, например, *māikrofon gir paṛā* (K.C.G, 147—148) 'Микрофон свалился вниз', *Mārṭin ghore par se utar paṛā...* (A.A, 90) 'Мартин соскочил с лошади...';

2) для выделения начальной стадии в действиях, обозначенных глаголами движения, причем обычно с привнесением оттенка произвольности, например, *jo jahā thā, vahī se daṇṇ paṛā* (N.D, 127) 'Каждый бросился бежать оттуда, где он находился', *phir us ne kahā, «calo» aur vismit sipāhiyō ke āge abhimān-bharī mudrā se cal paṛī* (A.A, 143) 'Затем она сказала: «Пошли!» и с гордым видом двинулась впереди изумленных солдат';

3) для осложнения семантики глагола, представленного основой, смысловым оттенком случайности, например, *mujhe yād nahī ki māi kaun-sī saṛak par se kidhar ko bhāgā, kidhar muṛā, kidhar ghus paṛā* (K.C.G, 148) 'Не помню, какой улицей и куда я бежал, куда свернул, куда попал', *āp yahā kaise bhūl paṛe?* (S.TY, 60) 'Как вы здесь очутились?', *bāt ho paṛī ki koyle ke bhitar āg hai, yā vah koyle ke bāhar hai* (JK.S, 42) 'Зашел [как-то] разговор о том, находится ли огонь внутри угля или же он существует вне угля';

4) для внесения смыслового оттенка неожиданности (непредвиденности) или внезапности осуществления действия (нередко при этом речь идет о явлениях, отрицательных по своим последствиям), например, *juṛ hī rel kī saṛak ke pās pahūcā, to tīn ādmī talvār liye hue na jāne kidhar se nikal paṛe* (P.N, 69) 'Как только я подошел к железной дороге, неведомо откуда появились три человека с саблями в руках', ... *mās ke ant mẽ phir yahī kaṭhināī ā paṛī* (S.TY, 139) '... в конце месяца снова возникала эта трудность', *mujh par vipatti*

tūt paṛī (S.TY, 167) 'На меня обрушилось несчастье', *kuch samay ke bād nagar mẽ cecak phūṭ paṛī* (S.TY, 97) 'Спустия некоторое время в городе разразилась эпидемия оспы'. (Как видно из примеров, сема «движение вниз» глагола *paṛnā* может в известной мере сохраняться и обнаруживаться в связи с употреблением представленных основой глаголов в переносном смысле — *lūṭ paṛnā*, *phūṭ paṛnā*.);

5) для внесения оттенка внезапности совместно с оттенком непроизвольности (импульсивности) при обозначении глаголом действия как эмоциональной реакции лица на окружающие его обстоятельства (с выделением начальной стадии действия), например, *Nirmalā khil-khilākar hās paṛī* (K.C.G, 43) 'Нирмала звонко рассмеялась', *vah logō kī āhaṭ se cauk partā...* (AN.S, 414) 'Он вздрагивал от звука людских шагов...', *Lāif kā numāindā yah achūṭī tajvīz sunkar khuṣī se ushal paṛā* (K.C.G. 77) 'Выслушав это оригинальное предложение, представитель [журнала] «Лайф» подпрыгнул от радости»;

6) для привнесения оттенка вмешательства в нормальный ход явлений, например, *munṣījī to bāhar gaye, udhar vah khānā choṛkar hākī kā daṇḍā hāth mẽ le kamre mẽ ghus hī to paṛā aur turant cārpāi khīc lī* (P.N, 71) 'Мунши [Тотарам] вышел, а он (Мансарам) оставил еду и, схватив свою хоккейную клюшку, влетел-таки в комнату и быстро отодвинул кровать', *tārī pīkar vah bākārne lagtā aur kisī na kisī se lag partā thā* (K.C.A, 149) 'Напившись вина, он начинал куролесить и затевал с кем-нибудь перебранку'.

Глагол *baithnā* 'садиться', 'сидеть' выступает:

1) в связи с передачей значения потери, убытка, утраты, например, *ab hāth malmal kar pachtāne lage. sansār jitte the, ghar gāvā baiṭhe* (S.TY, 204) 'Теперь [он] начал раскаиваться. Он покорял мир, но разорил дом', ... *tum saundarya kī pahcān karne kī śakti kho baiṭhe ho* (S.K, 70) '... вы утратили способность воспринимать прекрасное';

2) в связи с передачей значения посягательства, навязчивости, например, *bāt-bāt par ghurak partī, kabhī-kabhī mār baiṭhī* (P.N, 197) 'По всякому поводу [Нирмала] раздражалась бранью, а иногда и била [Ашу]', *ākhir ek bār Kṛṣṇā pūch hī baiṭhī — jījāji bhī āyēge na?* (P.N, 137) 'Наконец Кришна все-таки спросила: «А зять тоже приедет?»';

3) для привнесения (или в связи с выражением) оттенка дерзания (в широком смысле слова: «осмеливаться», «брать на себя смелость» и т. п.), например, ... *hamāre yahā har vyakti, jo kuch nahī kar saktā, parlok kī bāt le baiṭhtā hai, kis ne dekhā hai, parlok* (UB.L, 162) '... а у нас каждый, кто не может ничего делать, берется рассуждать о загробном мире. А кто видел загробный мир?';

4) для привнесения оттенков неуместности, несуразности, неприемлемости осуществления действия (нередко совместно с оттенком «быть поводом для сожаления, разочарования, опасения») или даже (см. *ban baiṭhnā*) оттенка иллюзорности осуществления действия, например, *māi yah kyā kar baiṭhā* 'Что я натворил?!' [160, с. 88], *śakkī ādmī hai; na jāne kyā samajh baiṭhē* (P.N, 167) 'Он очень подозрителен. Еще подумает невеста что', *jise apne ghar sūkhī roṭiyā bhī*

mayassar nahī, vah bhī bārāt mē jākar tānāsāh ban baiṭhtā hai (P.N, 31) 'И даже тот, кому дома не достается даже черствого хлеба, оборачивается вельможей, оказавшись в свадебной процессии'.

Глагол *dālṇā* 'бросать' выступает:

1) в связи с передачей значения насильственного воздействия или разрушения, например, *jis bālak ko māi ne apnā rakta pilā-pilā kar pālā, usko tum ne itnī nirdaytā se mār dālā* (P.N, 118) 'Мальчика, которого я взрастила, жертвуя всем ради него, вы убили с такой жестокостью!', *uṭhte hī us ne apne ek-mātra vastra ko phār dālā* (A.A, 20) 'Поднявшись, она сразу же порвала в клочья свое единственное платье';

2) для осложнения смыслового содержания глагола, представленного основой, оттенком неуместности действия или оттенком опрометчивости, например, *uske prāṇ sūkhe jāte the ki kahī Sillo sab kuch kah na dāle* (P.G, 306) 'Его грудь щемило от страха, как бы Силло все не **выболтала**', *lekin sandūkcā uske hāth se nikal cukā thā. yārō ne use sarāfe mē pahūcā diyā thā, aur aune-paune bec bhī dālā thā* (P.N, 170) 'Но шкатулки у него уже не было: приятели унесли ее в лавку менялы и продали за бесценок';

3) для привнесения оттенка энергичного или стремительного осуществления действия, например, *Ratnā ne ve donō upanyās din-rāt ek karke parh dāle* (UB.S, 183) 'Читая день и ночь напролет, Ратна проглотила оба романа', ... *pres ke numāindō ne mujh par praśnō kī bauchār kar dālī* (K.C.G, 75) '...представители печати обрушили на меня целый град вопросов'.

Глагол *calṇā* 'ходить', 'двигаться' выступает:

1) для привнесения оттенка постепенности («не сразу»), например, *havā tez ho calī thī* (PL, 108) 'Ветер [постепенно] усилился', *būrhe bābā ho gae hāi. kamar hī jhuk calī hai* (P.N, 140) '[Он] стал настоящим старцем. Поясница и та согнулась';

2) для выделения начальной стадии длительного действия, например, *idhar kumār ne jāgaraṇ kī āgrāi lī, udhar koras yā samavet svar mē surile bhikhārī gā cale, «mokū kahā dhūrhe bande? māi to tere pās mē!»* (U.S.K, 68) 'Тут потянулся спросонья принц, а там хором, т. е. все вместе, запели нищие, обладающие мелодичными голосами: «Где ты меня ищешь, раб? Я ведь рядом с тобой!»'

Глагол *rahnā* 'оставаться' служит для выражения фиксированности положения в пространстве или состояния, приобретенного субъектом, либо фиксированности результата действия, например: *uske jāte hī Mehtā phir leṭ rahe* (P.G, 342) 'Как только она ушла, Мехта снова улегся'; *Sundarī uṭhkar sone ke kamre mē calī gai aur bhitar se darvāzā band kar so rahī* (G.D, 71) 'Сундари поднялась и ушла в спальню. Закрыв изнутри дверь, она уснула', *baiṭhkar pati ke ghuṭṇō par sir dāl rahī. bolī kuch nahī* (J.K.S, 69) 'Присев, [она] положила свою голову на колени мужа и ничего не сказала'.

Глагол *rakhnā* 'класть', 'держат', 'сохранять' привносит в значение глагола, представленного основой, семантический оттенок сохранения результата действия, например: ... *mis Rūpvatī aṭhkheliyā kartī*

nīce utarne lagī. usne gahre nīle rang kā ek garārā pahan rakhā (thā... (K.C.G., 121) '...мисс Рупвати начала кокетливо спускаться вниз. Она была в юбке темно-синего цвета...', *ek ne do-tīn nakṣe apne āge bichā rakhe the, aur unhē dhyān se dekh rahā thā* (A.A., 32) 'Один [из офицеров] разложил перед собой несколько карт и внимательно их разглядывал', *māi ne sārī skīm pahle se soc rakhī thi* (K.C.G., 65) 'Весь план я придумал заранее' (= 'У меня в голове уже был предварительно разработанный мною план').

Сочетание *khaṛā honā* 'стоять', 'вставать' привносит оттенок безотлагательного («сразу») или энергичного осуществления действия, например: *mere āte hī sārī bādhāē ā khaṛī huī* (P.N., 90) 'Как только я пришла сюда, сразу возникли все неурядицы', *merā ronā sunkar mujhe pītne lagte, ant ko māi ek dīn ghar se nikal khaṛā huā* (P.N., 182) 'Услышав мой плач, [отец] принимался бить меня. В конце концов я [не выдержал и] убежал из дома', *dūsrā laṛkā itnī mār khākar bigaṛ khaṛā hotā* (P.G., 265) 'Другой парень сразу бы возмутился, если бы на его долю выпало столько побоев' [10, с. 59], *Jay-sinh bhāg khaṛā huā* (S.TY., 230) 'Джайсинх пустился бежать'.

Некоторые глаголы, сохраняя в значительной мере присущее им лексическое значение, выступают как окказиональные аналоги глаголов, образующих предельные формы. К ним, в частности, относятся *choṛnā* 'оставлять', 'покидать' (*de choṛnā* 'отдать', *rakh choṛnā* 'отложить'); *nikalnā* 'выходить', 'появляться' (*bah nikalnā* 'унестись', *bhāg nikalnā* 'улизнуть'); *nikālnā* 'вынимать', 'доставать' (*khoj nikālnā*, *dhūḍh nikālnā* 'отыскать', 'выискать'); *marnā* 'умирать' (*jal marnā* 'сгореть', *dūb marnā* 'утонуть'); *lānā* 'приносить' (*nikāl lānā* 'извлечь', *ghasīṭ lānā* 'затащить'). Однако иногда глагол *marnā*, следуя за основой другого глагола, утрачивает свое лексическое значение, например: *vakīl sāhab jite hote to śarmāte-śarmāte bhī pandrah-bīs hazār de marte* (P.N., 44) 'Если бы адвокат был жив, то уж он непременно выложил бы тысячу пятнадцать-двадцать (≅ ... в лепешку бы разбился, чтобы дать тысячу пятнадцать-двадцать)'. То же касается и глагола *mārnā* 'бить', 'убивать', например: *sārā bāzār chān māṛā, lekin bābā jī kā kahī patā na milā* (P.N., 186) 'Он обыскал весь базар, но старик как в землю провалился', *tum ne yah kyā likh māṛā* 'Что это [за глупость] вы написали?' [160, с. 89].

Представленные основой глаголы *ānā* 'приходить', 'прибывать' и *jānā* 'идти', 'уходить' нередко оставляют свое лексическое значение невыявленным в полной мере, в связи с чем значительная доля смысловой нагрузки в плане передачи вещественного значения приходится на следующий за основой компонент глагольного образования. Это чаще всего наблюдается в случаях, когда за основой этих глаголов следует один из таких компонентов, как *parnā*, *baīṭhnā*, *khaṛā honā*, например: *parantu kabhī-kabhī kisī ajnāt bhay se hṛday par bojh sā ā partā, jaise koī kaleje par patthar sā rakh detā ho* (S.TY., 165) 'Но иногда от неведомого страха на сердце ложилась какая-то тяжесть, словно кто-то клал на него камень', *dekh-bhāṅkar Sukhdā kī dṛṣṭi phir usī poṭlī par jā paṛī. is mē kyā hai?* (A.A., 128) 'Когда Сукхда осмотрелась, ее взгляд снова упал на этот же узелок. Что в нем?',

... vah... phir pūrvavat dehrī par ā baithī (A.A, 139) '... она... снова, как прежде, присела на порог', *munṣījī ne bistar uṭhāyā aur tāge par jā baithē* (P.N, 196) 'Мунши [Тотарам] взял постель и сел в тонгу', *Kalyāṇī ke sāmne ab viṣam samasyā ā khaṛī huī* (P.N, 54) 'Перед Кальяни теперь встал трудный вопрос', *māi dhīre se uske pīche jā khaṛā huā...* (K.C.G, 30) 'Я тихонько встал позади него...'

Аналогичное «префиксальное» использование основы *ā* и основы *jā* имеет место перед глаголами *carhnā* 'подниматься', 'взбираться', 'влезать'; *rahūcnā* 'прибывать'; *basnā* 'обитать', 'селиться'; *dhamaṅnā* 'надать с шумом'; перед сочетанием *khaṛā karnā* 'ставить'. Показателен также следующий пример, где глагол *jānā*, представленный основой, почти полностью утратил свое лексическое значение, сохранив за собой перед *gīrnā* 'падать' разве только сему «движение»: *sigār unke mūh se chūṭkar mez par kāgazō mē jā girā* (K.C.G, 38) 'Сигара выскочила у него изо рта и упала на стол прямо на бумаги'.

Наблюдаемые факты сохранения вторым компонентом своего основного лексического значения и «побледнения» лексического значения первого компонента, представленного основой, выглядят в целом ряде случаев как результат того, что «основной и образующий глаголы меняются местами» [31, с. 106]¹¹, например: ... *us ne ek patthar tūnkar Yaśvant kī pīṭh mē de mārā* (U.B.S, 17) '... она со всего размаху ударила Яшванта камнем по спине' [ср. *Nargis Nazar ke kaleje mē jaise kisī ne bāṇ mār diyā* (S.TY, 219) 'Как будто кто-то стрелой поразил сердце Наргис Назар']. Такая трактовка может быть распространена и на некоторые образования с основой *ā* или *jā*, о чем свидетельствует, в частности, следующий пример: *bāt yah hai kī ājkal hamāre ghar mē ek sipāhī Prabalsinh ā ghusā hai...* (S.TY, 290) 'Дело в том, что на днях в наш дом пробрался воин Прабальсинх...' [ср. *yah gadhā kidhar se ghus āyā, nikālo ise bāhar* (K.C.G, 148) 'Откуда здесь взялся этот осел? Гоните его прочь!']. См. также *ā rahūcnā* и *jā rahūcnā* [116, с. 222].

СЛУЧАИ УПОТРЕБЛЕНИЯ ПРЕДЕЛЬНЫХ ФОРМ С ОТРИЦАТЕЛЬНЫМИ ЧАСТИЦАМИ

В языке хинди выявлена тенденция избегать употребления предельных форм с отрицательными частицами (*na* и *nahī* 'не') [105, с. 13; 112, с. 81]. Отклонения от этой тенденции наблюдаются, главным образом, в разговорной речи в тех случаях, когда речевой ситуацией определяется эмотивное содержание высказываний¹².

¹¹ Такого рода мена мест отмечена в ряде работ по грамматике, где в качестве примеров приводятся, в частности, такие образования: *de bhagānā* (ср. *bhagā denā*) 'обратить в бегство', 'отогнать'; *de paṭaknā* (ср. *paṭak denā*) 'швырнуть'; *rakh chorṇā* (ср. *chor rakhnā*) 'отложить'; *de mārṇā* (ср. *mār denā*) 'ударить'; *ā rahūcnā* (ср. *rahūc ānā*) 'прибыть'; *jā rahūcnā* (ср. *rahūc jānā*) 'прибыть' [26, с. 224—225; 31, с. 106; 107, с. 319, 320; 116, с. 222].

¹² Этот вопрос с достаточной полнотой освещен в монографии П. Геффке [105, с. 13—38]. См. также рецензию Т. Я. Елизаренковой на упомянутую монографию Геффке [102, с. 108—110].

В частности, выделяются следующие разновидности высказываний, совмещающих предельные формы с отрицательными частицами:

1) заклинание (моление о том, чтобы не было осуществлено соответствующее действие) — *kahī aīsī himākat na kar baiṭhā, nahī to pachtāoge* (P.N, 67) 'Смотри, не вздумай сделать такую глупость, не то пожалеешь';

2) выражение опасения относительно возможности осуществления нежелательного действия — *kahī Lacchamī kī kudṛṣṭi un par na par jāy* (U.A.P, 94) 'Как бы Лачхми не следила их', *vah āj kidhar calī gaī hai? kahī bīmār na ho gaī ho* (K.C.T, 12) 'Куда же сегодня она запропастилась? Уж не заболела ли она?' (показательно также использование наречия *kahī*);

3) категорическое отрицание, носящее характер заверения или уверения, — *«to māi kyā kar saktā hū» muharrar ne cillākar kahā, «māi ne koī anāthālay nahī khol rakhā»* (K.C.G, 32) 'А что я могу сделать? — воскликнул писарь. — Ведь я не держу приюта!';

4) отрицание предполагаемой возможности (отрицание действия, возможность осуществления которого допускается) — *yah to koī zahar hai? bhalā ise koī pī le to mar jāy? — nahī, mar to na jāy, par sir mē cakkār zarūr ā jāy* (P.N, 105) '— Это яд? А если его выпьешь, то умрешь? — Нет. Умереть — не умрешь, а голова наверняка закружится';

5) категорическое утверждение в форме риторического вопроса — *tū ne mujhe dhakkā dekar girā nahī diyā?* (P.G, 30) 'Разве ты, толкнув меня, не свалил наземь?';

6) выражение удивления, принимающее форму вопроса в связи с мыслью о неосуществлении ожидаемого действия, — ... *Sudhā ne thoṛā sū dādh bhej diyā thā. vahī pilā diyā thā. — ahīrin dādh na de gaī thī? — kahtī thī, pichle paise de do to dū...* (P.N, 202) '— ... Судха прислала немного молока. Им-то я и напоила [ребенка]. — Неужели молочница так и не дала молока? — Говорит: прежде расплатитесь за старое...';

7) вопрос как средство заручиться обещанием собеседника не осуществлять действие — *calo, māi tumhāre sāth calti hū. tumhē sābhāle rahūgi. — mujhe chorakar bhāg to na jāogī? — nahī-nahī, bhāgūgi nahī* (P.N, 153) '— Ступай. Я пойду с тобой. Буду тебя поддерживать. — А не убежишь, бросив меня? — Нет, нет, не убегу!';

8) вопрос, в форму которого (показательно использование вопросительного наречия *kyō* 'почему' перед отрицательной частицей) облекается:

(а) призыв к совершению действия — ... *kyō re, batā kyō nahī deṭā jo tū ne pājeb dekhī ho?* (J.K.S, 57) '... ну, почему не говоришь, что видел [этот] ножной браслет?' (≅ 'говори же, что ты видел ножной браслет'), *pūch kyō na lījīye?* 'Спрашивайте же' [105, с. 28];

(б) порицание, упрек или выражение раскаяния — *tum ne rikār kyō na liyā beṭā* (P.N, 34) 'Почему ты не позвал [меня], сынок?'; ... *māi itnī der baiṭhī kyō rahī, kyō na gahne utār kar turant de diye?* '... почему я так долго сидела, почему сразу же не сняла и не отдала украшения?' [105, с. 29];

(в) выражение намерения или готовности осуществить действие — *kyō na is vāṭikā ko ujār dū* (P.N, 66) 'Почему бы мне не опустошить этот сад' (здесь показательны простая форма сослагательного наклонения и грамматическое значение 1-го лица).

Для предельных форм, выступающих в сочетании с отрицательной частицей, характерно также использование в структуре ряда сложных предложений, а именно:

1) в придаточной части, вводимой союзом *jab tak*, в связи с указанием на действие, момент реализации которого мыслится как временной предел («до тех пор пока не») тому, о чем сообщается в главной части, например, *jab tak ve ākh kī oṭ nahī ho gaye, Hīrā khipkī ke pās kharī rahī* (N.S, 80). 'До тех пор пока он не скрылся из виду, Хира стояла у окна', *jab tak rājakīya senā na ā jāy dvār-rakṣā honī cāhie* (JP.I, 108) 'До тех пор пока не подойдет войско раджи, входные ворота нужно защищать, *jab tak tumhārī kahānī na sun līgā, mujhe cain na āyegā* (S.P, 5) 'Пока не выслушаю твой рассказ, не видать мне покоя'¹³;

2) в зависимой части, указывающей на условие в сложном предложении, выражающем обет или клятву, например, *donō ko... yahā se nikāl na diyā, to bāp kā nahī* 'Не будь я сыном своих родителей, если не прогоню их обоих... отсюда' [105, с. 33];

3) в придаточной части сложного предложения, выражающей нереальное условие (показательно употребление форм условного наклонения), например, *yadi munṣījī ne sābhāl na liyā hotā, to use baṛī coṭ ātī* (P.N, 111) 'Если бы мунши не поддерживал его, то он сильно бы ударился';

4) в главной части сложного предложения нереального условного периода (показательны формы условного наклонения), передающей риторический вопрос, например, *us ne mujhe apne āmodan kā keval ek khilāunā banāyā thā. yadi use mujh se prem hotā to kyā vah mujh se vivāh na kar letā?* (P.PP, 118) 'Он сделал меня лишь игрушкой ради своей забавы. Если бы он любил меня, то разве не женился бы на мне?' (подчеркивается несостоятельность условия, в связи с чем высказывание приобретает характер ответа на возможное сомнение относительно нереальности условия);

5) в первой части бессоюзных сложных предложений, указывающей на цель (показательна простая форма сослагательного наклонения), например, *parantu ghar mē hī phūṭ na paidā ho jāy, isliye krodh na kiyā* (P.D, 21) 'Но ради того, чтобы в самом доме не была посеяна рознь, он сдержал свой гнев' (цель состоит в том, чтобы предотвратить нежелательное действие).

¹³ Отрицательная частица при глаголе придаточной части является неотъемлемым конструктивным элементом всех таких предложений, содержащих идею следования действия придаточной части за тем, о чем сообщается в главной части. Это значит, что роль предельной формы как таковой в формировании подобных предложений всецело зависит от находящейся при ней отрицательной частицы.

СИНТАКСИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ ПРЕДЕЛЬНЫХ ФОРМ

Отношение предельных форм к синтаксическому признаку агентивности/деагентивности регулируется следующими правилами.

1. Предельные формы, оба компонента которых (как первый, представленный основой, так и второй, следующий за основой и изменяемый в парадигме) — глаголы переходные, характеризуются признаком агентивности (т. е., будучи перфективными, сочетаются с именем субъекта, оформленным при помощи послелога *ne*), например: *āpkā kām māi ne kar diyā hai* (K.C.G, 125) 'Ваше поручение я выполнила', *Latikā ne khipkī se sir bāhar nikāl liyā* (PL, 100) 'Латика высунула голову из окна'.

2. Предельные формы, имеющие в качестве второго компонента непереходный глагол (как-то: *jānā, ānā, uṭhnā, paṛnā, baiṭhnā, calnā, rahnā*, а также *khaṛā honā*), лишены признака агентивности (т. е., будучи перфективными, предписывают имени субъекта форму прямого падежа), например: *Nirmalā khilkhilākar hās paṛi* (K.C.G, 43) 'Нирмала звонко рассмеялась', *peṭikoṭ ko ṭiḍḍiyā khā gai thī* (PL, 155) 'Юбку поела моль'.

3. Лишенными признака агентивности являются и те немногочисленные предельные формы, второй компонент которых следует за основой непереходного глагола, будучи сам переходным¹⁴, например: *māi māre khuṣī ke ro dī* (B.D, 167) 'Я заплакала от радости', *varṣā lag-bhag ho li...* (A.N, 198) 'Сезон дождей почти прошел...'

Однако третье из правил не всегда соблюдается. Отступление от него иллюстрируют такие примеры: *us ne merī or pyāse payaṇḍ se dekhā aur muskarā diyā* (S.T.Y, 199) 'Она жадно поглядела на меня и улыбнулась' [ср. *Bhuvan jaise pakṛā jākar muskarā diyā* (A.N, 115) 'Бхуван улыбнулся, будто его застigli враспloch'], «*aur kyā?*», *Candā ne Khannā ke vinod ke uttar mē hās diyā* (Y.D, 263) '«Ну разумеется», — рассмеялась Чанда в ответ на шутку Кханны' [ср. *vah khilkhilākar apnī bāt par svayam hī hās dī thī* (PL, 75—76) 'Она сама же звонко рассмеялась над своими собственными словами']¹⁵.

Переходный глагол *lenā* 'брать' или *denā* 'давать', выступая в качестве образующего, служит вместе с тем показателем транзитивности при тех глаголах, представленных основой, которые сами по себе могут употребляться и как непереходные и как переходные (например, *chānā* 'стелиться', 'расстилаться' и 'расстилать', 'застилать'; *badalnā* 'меняться' и 'менять'; *palaṭnā* 'переворачиваться' и 'переворачивать' и др.): *bādal ne cāḍ ko chā liyā thā...* (PL, 152)

¹⁴ Здесь речь практически идет о *dena* и *lenā*, поскольку *ḍalnā* и *rakhnā* с основой непереходных глаголов не встречаются.

¹⁵ Подобного рода отступления уже отмечены в работах по грамматике [107, с. 426, 483; 116, с. 163]. В частности, Камтапрасад Гуру приводит также такие примеры: *larke ne so liyā* 'Ребенок выпался', *unkhō ne unki ājñā se rath par savār hokar cal diyā* 'По его повелению они отправились, сев в колесницу' [107, с. 483].

‘Туча закрыла луну...’; *Yārkhā nām badal dūgā* (AN.S, 277) ‘Поме-
няю имя Яр Хан [на другое]’; *āj samay ne pāsā palat diyā thā*
(S.TY, 213) ‘Теперь же наступило время тяжких испытаний’ (букв.
‘Сегодня время перевернуло игральную кость’).

Показателем же интранзитивности при таких глаголах обычно
служит глагол *jānā* ‘идти’, ‘уходить’; *bādal pūre ākāś mē chā gayā*
thā... (PL, 152) ‘Туча заволокла все небо...’ (букв. ‘Туча рассте-
лилась по всему небу...’), *nau sāl mē cehre kāfī badal jāte hai*
(MR.A, 11) ‘За девять лет лица [людей] значительно меняются’, ... *jin*
logō ne sahāyatā kā vacan diyā thā palat gaye (P.S, 115) ‘...люди,
прежде обещавшие помочь, пошли на попятный’.

Однако с основой глагола *bhūlnā* ‘забываться’ (‘становиться за-
бытым’) и ‘забывать’ образующий глагол *jānā* сочетается и тогда,
когда *bhūlnā* употребляется в качестве глагола переходного, напри-
мер: *bālikā ko hṛday se lagākar vah apnī sārī cintāē bhul gaī thī*
(P.N, 133) ‘Прижав девочку к груди, она забыла все свои заботы’
[ср. *jaise śarābī ko śarāb ke naṣe mē sārī cintāē bhul jāti hai, isi*
tarah... (P.N, 197) букв. ‘Как пьянице под хмельком забываются
все заботы, так и...’].

ПСЕВДОПРЕДЕЛЬНЫЕ ОБРАЗОВАНИЯ

Двухкомпонентные глагольные образования, состоящие из глаголь-
ной основы и глагола, изменяемого в парадигме, утрачивают прису-
щее им качество предельных форм в случае их идиоматизации: *le*
jānā ‘уносить’, ‘увозить’; *le ānā* ‘приносить’, ‘привозить’, ‘достав-
лять’; *jā lenā* ‘догнать’, ‘настигнуть’; *ā lenā* ‘настичь’, ‘схватить’;
ho lenā ‘увязаться’ (за кем-либо), ‘отправиться’ (с кем-либо); *uḥā*
rakhnā (в сочетании с *bāt*) ‘откладывать’ или *uḥā nahī rakhnā* (в со-
четании с *koī bāt* или *koī kasar*) ‘делать все возможное’ и др.

Вне круга предельных форм оказываются такие глагольные обра-
зования, второй компонент которых влечет за собой изменение
в строении предложения, проявляясь как преобразователь синтакси-
ческих свойств глагола, представленного основой, например:

(а) *sun paṛnā* ‘слышаться’, ‘раздаваться’ (ср. *sunnā* ‘слы-
шать’, ‘слушать’) в предложении *vah pīche nahī dekhtī thī, na use*
pīche se ghore kī tār sun paṛī thī (A.A, 39) ‘Назад она не огляды-
валась, и ей не слышался сзади конский топот’ (то же касается и
образований *dekh paṛnā* ‘попадать в поле зрения’; *jān paṛnā* ‘ка-
заться’, ‘становиться известным’; ср. *dekhnā* ‘видеть’, ‘смотреть’,
jānnā ‘знать’);

(б) *ro ānā* в предложении *uskī bāt sunkar mujhe ro āyā* [107,
с. 318] ‘Я несколько расплакался, когда услышал его слова’;

(в) *ā milnā* и *likh milnā* в предложениях *bhāī ko kal nahī*
ā milā ‘Брат вчера не смог прийти’, *mujhe patra nahī likh milēgā*
‘Я не смогу написать письмо’ [160, с. 89—90].

Агнс действий, выражаемых глаголами *sunnā* ‘слышать’, *ronā*
‘плакать’, *ānā* ‘приходить’, *likhṇā* ‘писать’, оформлен в приведенных

примерах косвенным надежом имени с послелогом *ko* или объектным надежом местоимений. Следует также обратить внимание на то, что в случае (а) глагольное образование в некоторой степени эквивалентно форме пассива и случае (в) передается значение потенциальности (в негативном плане, что обусловлено наличием отрицательной частицы *nahī* 'не').

Встречающиеся в хинди глагольные образования с глаголом *pānā* 'получать', следующим за основой глагола, который выступает в своем словарном значении, остаются вне круга предельных форм вследствие присущего им потенциального значения; последнее в зависимости от наличия или отсутствия отрицательной частицы раскрывается или как невозможность осуществления действия, обусловленная внешними обстоятельствами, или как реализация предоставившейся в силу внешних обстоятельств возможности осуществления действия, нередко приобретая дополнительные оттенки («удаваться», «успевать» в негативном или позитивном плане), например: *vah ghar jis kī koṭhri mẽ vṛddha baiṭhā thā, Madrās nagar kī ek bahut choṭī bahut gandī galī mẽ thā, aur us koṭhri tak sūrya kā prakāś kabhī nahī ā pātā thā* (A.A, 48) 'Дом, в каморке которого сидел старик, находился в маленьком грязном переулке города Мадраса, и до каморки старика солнечный свет не доходил', *is bār āveg itnā tīvra thā ki vah svayam ko nahī rok pāyā* (PL, 79) 'На этот раз нетерпение было столь велико, что он не сумел сдержать себя', *māi ab tak uskā mizāj nahī samajh pāyā* (P.G, 90) 'Мне пока не удалось понять ее характер', *«mānī hāi», Bhuvan itnā hī kah pāyā. gārī phir cal dī* (A.N, 33) '«Есть смысл», — только и успел сказать Бхуван. Поезд снова тронулся'.

Глагольные образования типа «основа + *pānā*», как правило, не употребляются в конструкции с именем субъекта, оформленным при помощи послелога *ne*. Однако возможность такого употребления полностью не исключается для случаев с основой от переходных глаголов, как, например, *māi ne uskā nām nahī pūch pāyā* (S.K, 26) 'Я не успел спросить ее имя'.

Показателем того, что глагольное образование не принадлежит к предельным формам, или же показателем расподобления предельной формы служит процессивная форма, оформляющая компонент композиты, следующий за основой: . . . *māi āp se satya kah rahā hū ki māi inke lie apnī taraf se koī bāt uṭh ā nahī rakh rahā hū* (P.N, 116) ' . . . я уверяю вас, что со своей стороны я делаю для него все возможное', *viśeṣ vilamb na hone par bhī use jān pā rahā thā jaise bahut der ho gai* (Y.D, 180) 'Хотя и не было особой задержки, ей все же казалось, будто [ему] уже давно пора прийти', *ṭaires par Huṃbarṭ aur dākṭar ādhare mẽ ek dūstre kā cehrā nahī dek h pā rahe the. . .* (PL, 96) 'На террасе Губерт и доктор не могли видеть в темноте лица друг друга. . .', *kavitā kā khātāmā āp nahī kar de rahī hāi, yah to māi samajh saktā hū na?* (J.K, 17) 'Выходит, мне можно считать, что вы не расстаетесь с поэзией?'

СОВЕРШАЕМОСТИ ГЛАГОЛЬНОГО ДЕЙСТВИЯ

В функционально-семантическом поле аспектуальности видное место занимают имеющиеся в хинди средства выражения совершаемости — сложные глагольные образования с причастием, деепричастием или герундием на первом месте, нарушающие свойство аддитивности знаков-компонентов¹. Это своего рода глагольные сочетания с грамматической направленностью, лишенной обобщенного характера цельной грамматической категории.

ДЛИТЕЛЬНАЯ СОВЕРШАЕМОСТЬ

Длительная совершаемость² передается сочетанием простого имперфективного причастия от основного смыслового глагола с формами глагола *rahnā* 'оставаться', выступающего в качестве вспомогательного.

Ее использование связано с обозначением такого действия, которое своим протеканием или непрерывным повторением охватывает более или менее продолжительный период или промежуток времени. Следовательно, изображаемое действие объективно может быть курсивным или итеративным, и в соответствующих аспектуальных значениях находят отражение два полярных случая выражения длительности в рамках одной и той же совершаемости, например: «*dekh lo, rāt ko thaṇḍ ho jāyagī*» — «*koī bāt nahī, barānde mē havā āti rahegī, to acchā lagegā*» (PL, 152) '«Смотрите, ночью станет холодно». — «Ничего! Будет лучше, если на веранду будет поступать свежий воздух», *tumhē to udhar se lautne ke lie sārā din basē milī rahēgī* (PL, 155) 'Для возвращения оттуда вам целый день будут встречаться [подходящие] автобусы'. Конкретный

¹ О термине «совершаемость» в смысле своеобразной семантической модификации глагола, выражающейся внешними формальными средствами, см. статью Н. С. Авиловой [2, с. 5], а также работу А. В. Бондарко, написанную в соавторстве с Л. Л. Буланиным [16, с. 13]. Разумеется, в работах по русскому языку речь идет о внешних формальных средствах, отличных от тех, с которыми мы сталкиваемся в хинди.

По сравнению с другим возможным термином, а именно «способ действия» [65, с. 256—267], избранный нами термин представляется более подходящим ввиду его однословности, а главное, вследствие его большей выразительности (совершаемость — это указание на то, как действие совершается).

² Особенности функционирования этой совершаемости в разных формах времени посвящена статья С. А. Черниковой [75].

характер аспектуального значения определяется в основном семантикой глагола и связанного с ним имени субъекта соответствующего действия. Вместе с тем передаваемой совершаемости присущ семантический признак «продолжать» или «не переставать», который в зависимости от контекста может выступать на первый план, сводя на нет релевантность противопоставления по смыслу двух отмеченных аспектуальных значений, например: *moṭarō tathā relō mē !ūl-phū! adhik hotī hai, jab ki nāvē tathā jal-pot bahut kāl tak binā kisi !ūl-phū! ke kārya karte rahte hāi* (HN, 212) 'С автомашинами и поездами бывает много аварий, тогда как лодки и другие суда долгое время продолжают действовать без какой-либо аварии', *mere bār-bār kahne par vah yahī kahtā rahā ki pājeb Chunnū ke pās na huī to vah degā kahī se?* (JK.S, 54) 'В ответ на все мои слова он продолжал твердить свое: «Раз у Чхунну браслета уже нет, то как он его отдаст?»'

Обеспечивая в сочетании с имперфективным причастием выражение длительной совершаемости, глагол *rahnā* характеризуется при этом широким кругом форм, как финитных (формы разных наклонений и времен, за исключением процессивных форм), так и инфинитивных (инфинитив, перфективное причастие, деепричастие, глагольное прилагательное). Таким образом, рассматриваемая совершаемость оказывается семантически совместимой со значениями различных финитных и инфинитивных глагольных форм, и только в процессивных формах она не получает выражения.

Ниже иллюстрируются случаи выражения длительной совершаемости в разных формах.

(1) Инфинитивные формы:

(1.1) инфинитив — *dāktar sāhab kī rāy hai ki āp ko davā lete rahnā cāhiē* (JK.K, 139) 'Доктор считает, что вам нужно продолжать принимать лекарство';

(1.2) причастие — *māi ne pūchā — tab to idhar āp kuch likhtī bhī rahī mālūm hotī hāi* (JK.K, 54) 'Тогда выходит, что вы и теперь все еще пишете?' — спросил я';

(1.3) деепричастие — *thorī der uskā likhnā tākte rahkar larke ne... patrikā nikālkar uske sāmne rakh dī...* (PL, 13) 'Поглядев некоторое время, как он (Говинд) пишет, мальчик вынул журнал и положил перед ним...';

(1.4) глагольное прилагательное — *uskī ākhō mē samakte rahne vāle balbō par se ab palakē uṭhtī hī nahī thī* (Y.VD, 484) 'Теперь блеск ее глаз скрывали веки'.

(2) Формы косвенных наклонений:

(2.1) сослагательного — *ek strī kī sisak aur ek bacce kī cīkh sir par agar caltī hī rahe, to kyā cain āsān hai?* (JK.S, 31) 'До покая ли тут, если до слуха все время будут доноситься всхлипывания женщины и крик ребенка?';

(2.2) условного — *āg koyle ke andar na hotī to vah jaltā rahtā kaise?* (JK.S, 47) 'Не будь пламени внутри угля, то как бы он все горел и горел?';

(2.3) повелительного — *āp zarūr likhtī rahie. likhnā chor̥te nahī* (ЖК.К., 11) 'Вы непременно продолжайте писать. Не бросайте'.

(3) Формы изъявительного наклонения:

(3.1) имперфективные:

(3.1.1) настоящее общее время — *log cale jāte hai. Jamnā akeli bahtī rahtī hai. path nirjan dikhtā hai* (ЖК.С., 83) 'Люди уходят. Джамна продолжает течь в одиночестве. Дорога выглядит безлюдной';

(3.1.2) прошедшее общее время — *vah daftar mē baiṭhā huā bhī usī bāre mē logō ko fon kartā rahtā thā* (MR.A., 412) 'Даже сидя в конторе, он все обзванивает людей по этому же поводу';

(3.1.3) прошедшее неоднократное время — *Jiyārām unkā adab kartā thā, cup-cup baiṭhā suntā rahtā* (P.N., 158) 'Джиярам питал к нему (доктору) уважение. Он его выслушивал молча';

(3.1.4) будущее II — *āp to un logō se miltī-jultī rahtī hōgī* (Y.D., 172) 'Вы, вероятно, все еще встречаетесь с ними';

(3.2) перфективные:

(3.2.1) прошедшее аористическое время — *rātri ke āṭh baj gae, das aur bārah bhī, magar mahārāj pile hī rahe, aur socte rahe* (U.S.A., 86) 'Пробило восемь часов вечера, потом десять и двенадцать, а махараджа все пил и думал';

(3.2.2) прошедшее время актуального результата в настоящем — *aisā mālūm hotā thā, jaise jīvan bhar bolte gadhō hī se uskā pālā paṛtā rahā hai* (K.C.G., 31) 'Казалось, что всю свою жизнь он только и имел дело с говорящими ослами';

(3.2.3) предпрошедшее время — *uske Dillī se āne ke bād log uske bāre mē na jāne kyā-kyā bātē karte rahe the* (PL, 129—130) 'Чего только не наговорили о ней люди, когда она приехала [сюда] из Дели';

(3.2.4) будущее III — *gāv ke aur log tamāṣā dekhte rahe hōge* (P.M-7, 11) 'И другие жители деревни, вероятно, взирали на это зрелище';

(3.3) будущее I — *tumhāre rahne se use taskīn hotī rahēgī* (P.N., 113) 'Ваше присутствие будет приносить ему утешение'.

Семантическую специфику рассматриваемой совершаемости нередко оттеняют в предложении обстоятельственные слова, указывающие на величину временного отрезка или же фиксирующие его конечный предел, например: *tumhē to udhar se lautne ke lie s ā r ā d ī n basē miltī rahēgī* (PL, 155) 'Для возвращения оттуда вам целый день будут встречаться [подходящие] автобусы', *Māltī subāh se rahar-rāt tak daurtī rahtī thī* (P.G., 160) 'Малти бегала с утра до самого вечера', *Rukmiṇī dvār par kharī der tak rotī rahī* (P.N., 122) 'Рукмини долго плакала, стоя у двери', *aur, vah derh sāl tak Dharampur kī galiyō mē daurtā rahā* (U.S.A., 74) 'Так он в течение полутора лет бродил по переулкам Дхарампура', *yah kram ek baje rāt tak caltā rahā* (U.S.A., 99) 'Так продолжалось до часа ночи'.

Качественную характеристику выражаемой длительности действия часто передают такие обстоятельственные слова, как *har dam* 'каждое мгновение', 'всегда'; *nirantar* 'непрерывно'; *nitya* 'постоянно', *barābar* 'беспрерывно', 'безостановочно'; *sadā* 'всегда'; *sadaiv* 'всегда'; 'постоянно'; *hameśā* 'постоянно', 'всегда'; *aksar* 'обычно', 'часто'; *prāyaḥ* 'большей частью', 'обычно'; *bahudhā* 'часто', 'обычно'; *bār-bār* 'раз за разом', 'неоднократно'; *samay-samay par* 'время от времени', 'периодически'; *bīs-bīs mẽ* 'временами', 'время от времени' и др.

Использование некоторых из этих слов, в частности *har dam*, *nirantar*, предпочтительно в связи с обозначением курсивного действия, например: *Siliyā bahan na jāne kyō har dam roti rahtī hai* (P.G, 346) 'Сестрица Силия почему-то все время плачет', *nirantar Camelī Lilādhār kī sevā kartī rahī* (U.B.L, 199—200) 'Чамели не отходила от Лиладхара, ухаживая за ним'.

Такие же обстоятельственные слова, как *bār-bār*, *samay-samay par* или *bīs-bīs mẽ*, а также *aksar*, *prāyaḥ*, *bahudhā*, употребляются в связи с необходимостью изобразить действие итеративным, например: *bār-bār kahtā rahā — gahne kā sandūkcā tāk par mat rakho, lekin kaun suntā hai* (P.N, 171) 'Я не раз говорил: «Не ставь шкатулку с драгоценностями на полку», — но разве меня слушают?', *rādhāvallabhī, haridāśī ādī anek sampradāyō ke bhakt aur upāsak dūr-dūr pradeśō se samay-samay par vahā āte rahte the...* (P.T.S, 57) 'Приверженцы и почитатели сект радхаваллабхи и харидаси, а также ряда других сект время от времени прибывали туда из отдаленных районов [страны]...', *bīs-bīs mẽ, Śrīkr̥ṣṇa ke vividh lilotsavō mẽ, ve Mathurā aur Gokul tak āte-jāte rahe* (P.T.S, 49) 'Временами, в дни различных празднеств в честь бога Кришны, он (Сурдас) добирался до Матхуры и Гокуля', *māi ne bhūmī kī or dekhte hue ruk-ruk kar kahā — mujhe āśā hai, āp ab prāyaḥ yahā āte rahēge* (S.P, 25) 'Я, потупив взор, нерешительно проговорил: «Надеюсь, что теперь вы будете часто приходить сюда»'.

Остальные обстоятельственные слова из перечисленных выше, в частности *nitya*, *barābar*, *sadā*, *sadaiv*, *hameśā*, по своей семантике нейтральны к таким признакам глагольного действия, как курсивность или итеративность, что можно видеть из сравнения между собой примеров с *barābar* и *hameśā*, приводимых ниже попарно:

а) *unhē bhī mujh se prem hai barābar merā mūh dekhte rahte hai* (P.N, 138) 'И он меня любит. Глаз с меня не сводит' — *Gopā ke patra barābar jāte rahte the* [134, с. 123] 'От Гопы постоянно шли письма';

б) *dil mẽ vah hameśā dāktar ko ucchṛṅkhal, lāparvāh aur sanakī samajhtī rahī hai...* (P.L, 114) 'В душе она всегда считала доктора несдержанным, беспечным и капризным...' — *suntā hū ki tum hameśā khucur nikālī rahtī ho, bāt-bāt par tāne detī ho* (P.N, 63) 'Дошло до меня, что ты постоянно придираешься, ругаешь [ее] по всякому поводу'.

Встречаются предложения, в которых рассматриваемая совершаемость выражается на фоне свойственного имперфективным формам

значения обычного или неограниченно-краткого действия, например: *rāt ko yadi der se ghar āñ to jāgti rahti hai* (S.TY, 126) 'Если я, задержавшись, прихожу домой поздно ночью, то она не смыкает глаз...', *donō... sadā kām se jī curātī thī. mā pukārtī rahti thī par donō kothe par chipī baiṭhī rahti thī ki na jāne kis kām ke lie bulātī hai* (P.N, 25) 'Обе... всегда норовили улизнуть от работы. Мать их звала, а они обе, затаившись, [каждый раз] отсиживались в комнате наверху: кто знает, по какому делу зовет их мать!', *māi din-bhar Jamunā-kināre ghās cartā rahtā...* (K.C.G, 22) 'Я целыми днями пасся на берегу Джамны...'.

В подобного рода случаях значение передаваемой совершаемости не сливается со значением, привносимым имперфективной формой: соответствующие события, изображенные в ином видо-временном плане как одиночные, характеризовались бы той же совершаемостью, например: *jab tak māi ghar na ā gayā vah jāgti rahī* 'До тех пор пока я не явился домой, она бодрствовала', *mā pukārtī rahī par donō kothe par baiṭhī rahī* 'Мать звала их, а они обе [на этот раз] отсиживались в комнате наверху', *māi din-bhar Jamunā-kināre ghās cartā rahā* 'Я целый день пасся на берегу Джамны'.

Поэтому обстоятельствоные слова со значением «всегда», «постоянно» (например, *nitya*, *sadā*, *hamēśā*) или «часто», «обычно» (например, *aksar*, *prāyaḥ*), включенные в состав таких предложений, оказываются в своем употреблении соотнесенными уже не с длительной совершаемостью, а со значением, свойственным имперфективной форме, например: *parantu āp Dillī mē in mē se kisī darvāze ke rāste bhītar nahī ā sakte. kyōki in darvāzō ke bhītar prāyaḥ gāē, bhaisē, bail baiṭhe rahte hai yā phir pulisvāle cārpāiyā bichāe āghte-rahthe hai* (K.C.G, 15) 'Но в Дели вам не попасть ни через какие ворота, потому что внутри ворот обычно лежат коровы, буйволлицы, быки или же, раскинувши кровати, дремлют полицейские', *jo log nitya khāṭ par pare hukkā pīte rahte the, baṛī tatpartā se kām mē lage hue hai* (P.N, 30) 'Те люди, которые постоянно валялись на кроватях и курили трубки, вдруг с жаром принялись за работу', *aur ve fin kī kursī par hī uske or māh karke baiṭh gae aur hāphte rahe, asal mē unhē sāś kī bīmārī thī aur ve hamēśā... hāphte rahte the* (P.L, 21) 'И он (Рупарам) уселся на стул из жести лицом к нему (Говинду) и продолжал тяжело дышать. На самом деле у него было не все в порядке с легкими и он постоянно тяжело дышал...' (особенно показателен последний пример, где *hāphte rahte the* контрастирует с *hāphte rahe*).

Инактивный залог маркируется в плане длительной совершаемости инактивной формой причастия, например: *phir vahī purānī kahānī duhrāī jāti rahī* (NK, 1961.XII, 73) 'Вновь повторялась та же старая история'.

Передаче значения длительной совершаемости не служит сочетание причастия от глагола *jānā* 'идти', 'уходить' с глаголом *rahnā*, когда оно приобретает смысл «исчезать», «умирать» [107, с. 314], например: *ek laṛkā huā zarūr thā, magar vah do sāl kā hokar jātā*

rahā (U.S.K., 106) 'Был один сын, но он умер, когда ему исполнилось два года'. Здесь на формирование длительной совершаемости, как таковой, наложено ограничение лексическим значением глагола.

ЭКСКЛЮЗИВНАЯ СОВЕРШАЕМОСТЬ

В названии данной совершаемости отражено характерное для нее значение несовместимости выражаемого действия с осуществлением или возможностью осуществления соответствующим субъектом другого действия (других действий)³. В зависимости от того, предстает ли субъект замыкающимся в самом процессе осуществления действия или в последствиях его осуществления, эксклюзивная совершаемость проявляется в двух вариантах, а именно как курсивно-эксклюзивная и как терминативно-эксклюзивная.

Курсивно-эксклюзивная совершаемость передается сочетанием простого имперфективного причастия основного глагола с формами (практически только финитными), образованными от *rah jānā*, т. е. с предельными формами глагола *rahnā* 'оставаться'.

Свободно протекающее действие предстает как препятствующее переходу его субъекта к осуществлению другого действия (других действий), например: *jidhar us ne sanket kiyā thā, māi udhar dekhtā hī rah gayā* (A.A., 81) 'Я уставился (ср. значение «смотреть» глагола *dekhnā*) туда, куда она показала', *thorī ko hāthō mē lekar vah kuch soctī rah gaī jaise kuch bhūl rahī hō* (J.K.K., 21) 'Взявшись за подбородок руками, она задумалась, словно что-то вспоминая', *dhire-dhire tārāgaṇ kā lop ho gayā, ākāś-gaṇā bhī chip gayī. keval pūrva mē ek projval tārā jagmagālā rah gayā* (A.A., 20) 'Постепенно звезды померкли. Млечный Путь тоже скрылся. Только на востоке осталась светить одна яркая звезда'.

Вместе с тем субъект-лицо изображается поглощенным соответствующим действием, и в связи с этим специфика рассматриваемой совершаемости нередко оттеняется словами, указывающими на чувство или душевное состояние, которым сопровождается поглощенность субъекта, например: *māi acra j se unkī or dekhtā rah gayā* (J.K.K., 15) 'Я с удивлением уставился на нее', *Rekhā, tumhārā patra pākar thorī der vīmūḥ-sā soctā rah gayā...* (A.N., 263) 'Рекха, я, получив ваше письмо, был некоторое время озадачен...' (или, что ближе к буквальному переводу, 'Рекха, я, получив ваше письмо, будто озадаченный, на некоторое время задумался...'), *dāktar*

³ Семантические особенности рассматриваемой совершаемости были вскрыты З. Линхардом, который, трактуя ее как один из способов действия фазы развития, усматривает в ней значение исключительности (Ausschließlichkeit) действия в смысле «делать только это и ничего другого не делать» [134, с. 79, 128, 172]. П. Хаккер внес ряд уточнений, важных для понимания рассматриваемой совершаемости [108, с. 225—230]. Имея в виду такой семантический момент, как полный охват субъекта действием, данную совершаемость можно было бы назвать тотальной.

gumsum stabdha bhāv se dekhte aur sunte rah gae (JK.S, 50) 'Доктор остолбенел: он только смотрел и слушал'.

Курсивно-эксклюзивная совершаемость бывает обычно представлена формой прошедшего аористического времени (см. приведенные выше примеры). Возможность употребления других форм иллюстрируется следующими примерами: *ās-pās sarak se jāte hue yā ghāṭ par ke log gārī aur sephānī ko dekhte rah jate hai* (JK.S, 94) 'Люди, шествующие неподалеку по улице или находящиеся на гхатах, рассматриваются на автомобиль и жену сетха' (настоящее общее время), *...aur Yūrop cakit hokar dekhtā rah gayā thā ki ...* (A.N, 281) '...а Европа с изумлением взирала, как ...' (предпрошедшее время), *aur māi bhī dekhtā rah jāīgā* [134, с. 213] 'И я тоже так и буду взирать' (будущее I).

Она обычно характеризует действия, лексически выраженные глаголами *dekhnā* 'смотреть', *sunnā* 'слушать', *socnā* 'думать'.

Терминативно-эксклюзивная совершаемость передается сочетанием деепричастия на *-kar* от смыслового глагола с формами (практически только финитными) от *rah jānā*. Имеется в виду конечный предел развития действия, вследствие чего несовместимость соответствующего действия с другим действием (другими действиями) связывается не с процессом его протекания, как в случае курсивно-эксклюзивной совершаемости, а с его законченностью или с сопровождающим его осуществление состоянием субъекта, например: *māi unke praśna kā uttar na de sakā, jhēp mē haṭhāt kuch muskarākar rah gayā* (JK.K, 11) 'Я не смог ответить на его вопрос, только смущенно улыбнулся', *Mansārām ne... tābartor tīn-cār ḍaṇḍe kaskar jamāye. sāp cādar ke andar tarāpkar rah gayā. tab use ḍaṇḍe par uṭhāye bāhar calā* (P.N, 71) 'Мансарам... нанес подряд несколько ударов клюшкой. Когда змея перестала биться под покрывалом, он поддел ее клюшкой и вышел вон', *Nirmalā ne kojhe par cik ki āre unhē dekhā, aur kalejā thāmkar rah gai* (P.N, 147) 'Нирмала увидела их из верхней комнаты через бамбуковый занавес и так и обмерла'.

Как и курсивно-эксклюзивная совершаемость, данная разновидность эксклюзивной совершаемости преимущественно предстает в форме прошедшего аористического времени (см. примеры, помещенные выше). Иную возможность оформления терминативно-эксклюзивной совершаемости иллюстрируют, в частности, такие примеры: *Nirmalā ki dasā us pankh-hin pakṣī ki tarah ho rahī thī, jo sarpa ko apnī or āte dekhkar urnā cāhtā hai, par ur nahī saktā; uchaltā hai aur gir partā hai; pankh pharphaṛākar rah jātā hai* (P.N, 95) 'Нирмала походила на птицу с подрезанными крыльями, которая, завидя подползающую змею, хочет взлететь, но взлететь не может, отрывается от земли и падает вниз, хлопает крыльями [но тщетно]', *bār-bār jī yahī cāhtā thā ki bulākar khūb phāṭkārū, aise-aise tāne mārū ki vah bhī yād karē, rulā-rulākar choṛū, magar raham karke rah jāī thī* (P.N, 147) 'У нее неоднократно появлялось желание позвать его и отчитать как следует, обрушиться на него с упреками, чтобы он вспомнил обо всем, довести его до слез, но каждый раз чувство жалости брало верх'.

Прогрессивная совершаемость передается сочетанием простого имперфективного причастия основного глагола с формами глагола *jānā* 'идти', 'уходить' или же с формами глагольного образования *calā jānā* 'уходить', 'удаляться', обеспечивающего большую выразительность высказывания.

Такая совершаемость характеризуется значением постепенного возрастания меры действия, например: *is samay bhī vah kahte-kahte ruk gaī kī jab tak yah lakṣmī is ghar mē rahegi, is ghar kī daṣā bigaṛtī hī jāyagī...* (P.N, 114) 'И сейчас она едва не сказала, что, пока эта красавица будет находиться в доме, дела в семье будут идти все хуже и хуже...' (см. глагол *bigaṛnā* 'ухудшаться'), *gāriyō ke pahiyē koltār kī sarakō par ghiste jāte hai* (MR.A, 347) 'Колеса автомашин [все больше и больше] изнашиваются на заасфальтированных улицах', *aur Fīrozī āsmānī cāḍ-sī baṛhtī gaī...* (U.S.A, 46) 'А Фирози возмужала (букв. возросла), как [полная] луна на небосводе...'

В характерных для данной совершаемости случаях с прилагательными-предикативами при глаголе-связке *honā* 'быть', 'становиться' передается значение возрастания интенсивности проявления признака, например: *kaī dīn bit gaye. nayanō kā prem dīṛh hotā gayā* (S.T.Y, 200) 'Прошло несколько дней. Любовь с первого взгляда стала еще сильнее', *kṣaṇ-kṣaṇ mukh kī kāntī malin hotī jāti thī* (P.N, 169) 'С каждым мигом ее лицо становилось все мрачнее'.

Семантическое своеобразие рассматриваемой совершаемости оттеняют следующие факторы:

1) использование в предложении слов, указывающих на темпы возрастания меры действия (интенсивности проявления признака): *dhīre-dhīre yah dostī baṛhtī gaī* (S.P.P, 36) 'Постепенно эта дружба окрепла', *unkī daṣā dīn-dīn kharāb hotī jāti hai* (P.N, 126) 'Его состояние с каждым днем становится все хуже и хуже' [см. также приведенный выше пример с *kṣaṇ-kṣaṇ* 'с каждым мигом' (P.N, 169)];

2) дублирование свойственного данной совершаемости значения такими лексическими элементами, как *adhikādhik* 'все больше и больше' или *uttarottar* 'все больше и больше', 'постепенно', например: *Lūnī kā bhāī use adhikādhik prem kartā jāta thā...* (A.A, 107) 'Брат все больше и больше любил Луни...', *jantā ko ṣakar ko prāpta karne mē kaṭhināī hone lagī. mūlya uttarottar baṛhtā hī gayā...* (H.N, 169) 'Простому человеку стало трудно доставать сахар. Цены постепенно поднялись...';

3) использование при глаголе-связке прилагательного в форме сравнительной степени на *-tar* (или прилагательного с предшествующим ему лексическим элементом — показателем повышенной степени качества), например: *par uske bād vastra-udyog kī pragatī tīvratar hotī gaī* (H.N, 389) 'Но затем развитие текстильной промышленности пошло быстрее' (на месте формы *tīvratar* можно было бы использовать в качестве ее эквивалента сочетание *adhik tīvra* или *aur bhī tīvra*), ...*zabān muṣkil se muṣkiltar hotī jāgī* (K.C.G, 153) '...язык будет становиться все труднее и труднее';

4) уногребительность сочетания, передающего данную совершаемость, в придаточных предложениях, в которых выражается совмещенность во времени двух событий или явлений с указанием на их соразмерность в развитии: *jyō-jyō kām hotā jālā thā, Revatī kā krodh barhātā jālā thā* (S.N, 51) 'По мере того как дело продвигалось, Ревати сердилась все больше', *jyō-jyō betā barā hotā gayā, āśā apnī cādar phailāti gaī* (S.TY, 165) 'По мере того как сын подрастал, надежда [на успех] все больше овладевала сознанием'.

В лингвистической литературе прогрессивной совершаемости приписываются в качестве характерных также следующие семантические черты:

1) способность изображать действие совершающимся совместно или попеременно с другим действием (другими действиями) того же субъекта [134, с. 126];

2) способность наделять действие признаком «направленность от субъекта/говорящего лица» [74, с. 51, 127; 134, с. 78, 171].

Первую из этих черт, связанную с выражением значения, которое З. Линхард квалифицирует как «инклюзивное» [134, с. 126], можно проиллюстрировать таким примером: *dhāi-tin ser cat kar gaye. khāte jāte the aur halvāi kī tarīf karte jāte the* (P.N, 50) '[Мотерам] уплет около трех серов сладостей. Ел да и похваливал кондитера'.

Что касается второй черты, то отмеченный в связи с ней признак действия, а именно «направленность от субъекта/говорящего лица», остается невыраженным в той мере, в какой глагол *jānā* или глагольное образование *calā jānā* утрачивает конкретное лексическое значение в результате грамматикализации сочетания как средства передачи прогрессивной совершаемости. Равным образом прогрессивная совершаемость оставляет невыраженным и противоположный семантический признак, а именно «направленность к субъекту/говорящему лицу», характерный для той совершаемости, которую мы квалифицируем как ориентированно-длительную. Положительным же в содержании прогрессивной совершаемости является то, что она относит свойственное ей значение длительности к периоду времени, следующему за моментом, выделенным на временной оси описываемой ситуации. Таким образом, признак, положительно характеризующий данную совершаемость, выступает как абстракция более высокого порядка — «устремленность действия вперед от момента, выделенного на временной оси описываемой ситуации».

Прогрессивная совершаемость предстает в разных формах, как финитных, так и инфинитных. В частности, приведенные выше примеры иллюстрируют ее использование в таких формах, как будущее I, настоящее общее время, прошедшее общее время, прошедшее аористическое время. Возможность выражения прогрессивной совершаемости инфинитными формами иллюстрируют следующие примеры: *na jāne kyō mā ke sāmne yō rote jāne mē use lajjā ā rahī thī* (U.A.BP, 88) 'Ему было почему-то стыдно так безудержно плакать перед матерью' (*rotā jānā* — инфинитив), *pās kharī pyāz kāṭ kar apnī jholī mē dālī jāti aurāt bol paṛī...* (Y.VD, 410) 'Стоявшая рядом женщина, которая все чистила и бросала в свою сумку лук, вдруг выпала...' (*dālī jāti* — причастие).

В отличие от длительной прогрессивная совершаемость реализуется в процессивных формах, таких, например, как настоящее актуальное и прошедшее актуальное время:

а) *Pyūbart ne dekhā, laṛkiyō kī katār skūl ke hoṣṭal jāne vālī sa-ṛak par nīce utartī jā rahī hai* (PL, 108) 'Туберт увидел, как де-

вочки цепочкой спускаются все ниже и ниже по дороге, ведущей к общежитию школы', *aise akhbār-jīviyō kī sankhyā pratidin barhti hī jā rahī hai* (U.S.K., 28) 'Число таких читателей газет растет с каждым днем';

б) *mīl mē asantoṣ ke bādāl ghane hote jā rahe the* (P.G., 285) 'На фабрике сгущались тучи недовольства', *dūsre kāśtkārō kī tarah ye log bhī tabāh the, inkī bhī puṣtainī jāyādā sāl-dar-sāl chījtī jā rahī thī* (N.D., 89) 'Как и другие земледельцы, они тоже были разорены. Их наследственное имущество тоже таяло с каждым годом'.

Из перфективных форм изъяснительного наклонения только прошедшее аористическое время характерно для прогрессивной совершаемости. С двумя другими перфективными формами, а именно с прошедшим временем актуального результата в настоящем (перфектом) и с предпрошедшим временем (плюсквамперфектом), данная совершаемость оказывается малосовместимой. Эти формы встречаются крайне редко в сочетаниях, призванных передавать идею прогрессивной совершаемости. Показателем, в частности, следующий пример: *donō sa-ṛakō ke bīc mē ghās kī ek lambī paṛī hai, rāste ke moṛ ke sāth muṛtī calī gai hai* (A.N., 110) 'Между обеими проезжими частями находится длинный газон. Он изгибается вместе с поворотом дороги'⁴.

В форме прошедшего аористического времени прогрессивная совершаемость проявляет одну частную особенность, связанную с использованием глаголов речи, а именно способность выделять отдельный акт высказывания в качестве продолжающего цепь аналогичных актов: *praśna mē uttar kī apekṣā nahī thī. so ve āp hī kahtī gaī — sab sockar yahī māī ne tay kiyā...* (J.K.K., 38) 'Ответа на вопрос не ожидалось, и она сама же продолжила: «К такому решению я пришла, все обдумав...», «*dekhie...*» māī ne ṭoknā cāhā, lekin ve bolte hī cale gae... (K.C.G., 38) 'Послушайте же... — попытался я его прервать, но он не унимался... (но он все продолжал говорить...)'.

Встречаются, однако, случаи, когда сочетание имперфективного причастия с глаголом *jānā* 'идти', 'уходить' не становится грамматализованным средством передачи прогрессивной совершаемости. В частности, ниже это иллюстрируется примерами, в которых:

а) причастие глаголов *chorṇā* 'оставлять', 'покидать' и *sāupnā* 'вверять', 'доверять', 'поручать' сочетается с формой прошедшего аористического времени глагола *jānā* — *jāte-jāte ovalīn aur jamāye hue dūdh ke do choṭe dibbe chorṭā gayā* (N.D., 27) 'Уезжая, [он в спешке] оставил яичный порошок и две небольшие банки сгущенного молока', *māmī se do bātē karke Dukhmocan Laheriyā Sarāy kī*

⁴ Похожий пример приведен З. Линхардом: *hazārō mīl phailtā calā gayā hai* ['Гималаи] простираются (или простерлись) на тысячи миль' [134, с. 183]. В нашем примере, как и в примере З. Линхарда, речь идет о «пространственных координатах» развития действия. То же самое (но уже на материале урду) наблюдается в двух примерах из четырех, приведенных С. А. Черниковой, которая отмечает малую употребительность соответствующих форм в современном урду [74, с. 133].

tren pakarne ke lie s̃ešan kī taraf lapke. Teknāth se milne kā kām Venī Mādhav ko saup̃te gae (N.D, 170) 'Поговорив немного с тетушкой, Дукмочан поспешил на станцию к поезду в Лахериясарай. Встретиться с Текнатхом [он] поручил Вени Мадхаву';

б) причастие глагола *lenā* 'брать' сочетается с глаголом *jānā*, стоящим в форме повелительного наклонения (императива), — *abhī kuch hī kadām calā thā ki piche se Harbans ne kahā, «suno, merā pilovar lete jāo. is samay bahut thand ho gāi hai»* (MR.A, 47) 'Только я прошел несколько шагов, как позади раздался голос Харбанса: «Послушай-ка, забирай мой свитер. Сейчас ведь сильно похолодало», *apne sāth das cune hue ādmī letī jāo* (A.A, 33) 'Возьмите с собой десять отобранных человек';

в) причастие глагола *bhāgnā* 'бежать' сочетается с глаголом *jānā*, стоящим в форме повелительного наклонения (императива), — *ek acchā-sā tāgā lā. *bhāgte jaiyo, paisō kā mūh na dekhiyo* (U.S.A, 6) 'Доставь сюда приличную тонгу. Беги быстрее, денег не жалей'.

В первом случае глагол *jānā* выполняет в составе сочетания экспликативную функцию: благодаря заложенной в нем семе «удаление» он выделяет соответствующий смысловой момент в семантике глагола (*choṛnā, saup̃nā*), представленного причастием, и тем самым придает высказыванию большую выразительность.

Во втором и третьем случаях глагол *jānā* сохраняет в составе сочетания с причастием свой основной семантический признак — «движение» (наряду с признаком «удаление»).

Особая разновидность прогрессивной совершаемости, характеризующаяся выделением такого смыслового момента, относящегося к действию, как «способность находить внешнее проявление», может передаваться тогда, когда в сочетании с причастием на месте глагола *jānā* (*calā jānā*) выступает глагол *ānā* 'приходить' или глагольное образование *calā ānā* 'приходить', 'приближаться', например: *sandhyā kā samay hai. ādherā kisī bhayankar jantu kī bhāti barhtā calā ātā hai* (P.N, 29) 'Уже вечер. Тьма надвигается, как какое-то чудовище', *joy-jyō mātṛ-sneh kī pūrva-smṛtiyā jāgrat hotī thī, uske āsā umarte āte the* (P.N, 88) 'Чем больше оживали воспоминания о материнской любви, тем обильнее лились его слезы', *Nirmalā kī sās bhārī hotī ā rahi thī* (NK, 1962.VII, 63) 'Дыхание Нирмалы становилось все тяжелее и тяжелее', *lekin sacmuc unhē naśā carhtā ā rahā thā. māī ne tab jānā ki naśā kyā hotā hai* (JK.K, 106) 'Но и в самом деле она все больше пьянела. Довелось мне узнать тогда, что такое опьянение'.

Отмеченный смысловой момент, возникающий на основе семантического признака «приближение», присущего глаголу *ānā*, более обобщенно может быть интерпретирован как «устремленность действия к моменту, выделенному на временной оси описываемой ситуации». В результате становится возможным утверждать, что данный вариант прогрессивной совершаемости отличается от ее основного типа (с *jānā* или *calā jānā*) направленностью действия, и именно в этом плане усматривать семантическое различие между двумя способами изображения прогрессивной совершаемости, иллюстрируемыми,

В частности, в следующих примерах: *pati phir jahalne lage. din khultā ātā thā. jahalte-jahalte rukkar pati muskarāe* (JK.S, 71) 'Муж снова принялся ходить назад и вперед. День все разгорался и разгорался. Приостановившись, муж вдруг улыбнулся', *din carhtā jātā thā aur usmē itnī śakti bhī na thī ki uṭhkar mūh-hāth dho dāle* (P.N, 107) 'День все разгорался и разгорался, а у него (Мансарам) не было сил даже для того, чтобы встать и умыться'.

Однако сочетание «имперфективное причастие + *ānā* (*calā ānā*)» не превращается в грамматикализованное средство передачи прогрессивной совершаемости в той мере, в какой глагол *ānā* (*calā ānā*) сохраняет за собой свой исконный семантический признак «движение» (наряду с признаком «приближение»), что можно видеть из следующих примеров: *sāth kṛ sāman uskā phēknā nahī, lete ānā* (JK.S, 103) 'Пожитки его не бросай. Захвати их сюда', *use samjhā-bujhā sakā to gau ko letā hī āgā* (JK.S, 118) 'Если мне удастся его уговорить, то я корову приведу', *kabhī-kabhī moṭar bhāgtī ātī aur dhūl urātī hū bhāgtī calī jātī hai. . .* (JK.S, 83) 'Иногда показывается мчащаяся машина и [тут же] исчезает, оставляя за собой клубы пыли. . .' [последний пример показателен в том отношении, что в нем глагол *ānā* как носитель семантического признака «приближение» противопоставляется глагольному образованию *calā jānā* как носителю признака «удаление» при причастии *bhāgtī* от глагола *bhāgnā* 'бежать' (> 'мчаться')].

ОРИЕНТИРОВАННО-ДЛИТЕЛЬНАЯ СОВЕРШАЕМОСТЬ

Ориентированно-длительная совершаемость передается сочетанием простого имперфективного причастия основного глагола с формами глагола *ānā* 'приходить' или же с формами глагольного образования *calā ānā* 'приходить', 'приближаться', обеспечивающего большую длительность высказывания.

Данная совершаемость характеризуется обозначением того, что действие, охватывающее своим протеканием или непрерывным повторением длительный период времени, доводится до определенного момента, не исчерпывая, однако, себя. В ее же наименовании отражено основанное на метафоре представление о таком действии как о надвигающемся из глубины на временной центр описываемой ситуации, который определяется говорящим лицом.

Данная совершаемость обнаруживает себя как промежуточное семантическое звено между длительной совершаемостью, с одной стороны, и прогрессивной совершаемостью — с другой. Она вступает с ними в отношение дополнительного распределения, как бы возмещающая собой неупотребительность первой в процессивных формах и малую совместимость второй с перфектом и плюсквамперфектом, например: *Lāl! māī isī nām se bacpan hī se ise pukārtā ā rahā hū* (U.SK, 11) 'Лал! Именно так я зову его с самого детства', *sanskṛti mē sadaiv ādān-pradān hotā āyā hai lekin andhī nakal to mānsik durbaltā kā hī lakṣaṇ hai!* (P.G, 167) 'В области культуры всегда

имел место взаимообмен, однако слепое подражание есть не что иное, как показатель духовной пустоты'. В первом случае подчеркивается актуальность процесса совершения действия для определенного момента времени: действие не исчерпало себя, хотя до достижения данной точки на временной оси оно продолжалось долго; во втором случае подчеркивается предшествование определенному моменту времени: хотя действие, достигнув данной точки на временной оси, не исчерпало себя, все же своей длительностью оно соотносено с более ранним периодом времени. Именно в таком плане следует усматривать разницу между такими на первый взгляд семантически эквивалентными формами, как *pukārtā ā rahā hñ* и *pukārtā āyā hñ* или *pukārtā ā rahā thā* и *pukārtā āyā thā*.

Семантическую специфику ориентированно-длительной совершаемости ярче всего оттеняют лексические средства, выделяющие тот период, с которым соотносится действие, со стороны его исходного момента, а именно существительные с лексическим значением отрезка или периода времени, оформленные послелогом *se* 'от', 'из' (некоторые из них выступают с числительными), или наречия типа *hamēṣā* 'всегда', 'постоянно', *sadā* 'всегда', оформленные тем же послелогом, например: *paune do sau sālō se vilās karte ā rahe ho aur ab bhī do manke bāki hñ!* (U.SK, 71) 'Вот уже без четверти две сотни лет ты живешь всласть, а тебе и сейчас еще недостает двух бусин в четках!', *tum mahinō se mere sāth yah śarārat karti calī āti ho, aur kabhī bhūl se bhī is viṣay kā ek śabda tumhāre mūh se nahī niklā* (P.N, 146) 'Ты, оказывается, разыгрываешь меня уже не один месяц и ни разу не обмолвилась, хотя бы одним словом проговорилась!', *thik hai, puruṣ hameṣā se nāctā āyā hai, striyā na-cātī āyī hñ* (A.N, 179) 'Верно, мужчина испокон веков пляшет, женщины же заставляют плясать'.

Таким образом, в сочетании «имперфективное причастие + *ānā* (*calā ānā*)» обнаруживаются две стороны. Одна из них связана с выражением прогрессивной совершаемости (в ее особом варианте), другая — с выражением ориентированно-длительной совершаемости. З. Линхард воздерживается от функциональной дифференциации сочетания указанного состава, считая его во всех случаях формой «субъективно-прогрессивного способа действия» [134, с. 75—79, 127—128].

Двойственная природа сочетания «имперфективное причастие + *ānā* (*calā ānā*)» показана, однако, на материале урду С. А. Черниковой, которая рассматривает его то как средство выражения прогрессивного способа действия [74, с. 50, 127, 129], то как средство выражения длительного способа действия [74, с. 64, 65, 138, 139, 143, 147]. Аналогичную точку зрения разделяет О. Г. Ульциферов [65, с. 260, 257].

РАССРЕДОТОЧЕННАЯ СОВЕРШАЕМОСТЬ

Средством выражения рассредоточенной совершаемости⁵ становится сочетание простого имперфективного причастия с формами глагола *phirnā* 'бродить', характеризующееся значением разнонаправ-

⁵ Ср. термин «глаголы рассредоточенного действия», использованный Р. Мухамеджановым [55, с. 47].

ленности или нелокализованности (не только пространственной, но и временной) действия, например: *Raunakī ne socā ki hār lekar bā-zār mē kahā bectā phirūgā* (S.TY, 66—67) '«Зачем это мне слоняться где-то по базару в попытках продать ожерелье?» — подумал Раунаки', *vah paṣu-pakṣī sab ke āge apnā dukhṛā rotī phirti thī* (SV-3, 39) 'Она оплакивала свою горькую участь перед всеми зверями и птицами', *der tak māṣṭar Dukhmocan ko khojtā phirā. unse uskī mulākāt ākhir camārō ke tole mē ho gai* (N.D, 136) 'Учитель [Текнатх] долго разыскивал Дукхмочана. Наконец они встретились в квартале чамаров'. Данная совершаемость в силу своей семантики оказывается несовместимой со значением процессивных форм.

Глагол *phirnā*, выступая как средство формирования рассредоточенной совершаемости, в значительной мере сохраняет свое лексическое значение, что является показателем его неполной грамматикализации и, следовательно, неполной грамматикализации всего сочетания.

МНОГОКРАТНАЯ СОВЕРШАЕМОСТЬ

Данная совершаемость, за которой сохранено традиционное название (ср. «многократный вид», «многократный способ действия», «фреквентатив»), передается сочетанием герундия (неизменяемой глагольной формы на конечный *-ā*, присоединяемый к основе глагола) основного смыслового глагола с формами глагола *karnā* 'делать'.

Она характеризуется в первую очередь передачей таких значений, как обычность, повторяемость или многократность действия, например: *yahī sthān thā, jahā is samay kapūr ke dīpak jalā karte the...* (S.TY, 213) 'Это было то место, где [прежде] в эту пору горели камфарные светильники...', *māi ab kuch kām na kartā thā. keval bare bare logō ko pāṛṭiyā diyā kartā thā* (S.TY, 184) 'Теперь я ничем не занимался, только устраивал приемы в честь важных лиц'.

Обеспечивая в сочетании с герундием выражение многократной совершаемости, глагол *karnā* своим оформлением определяет ее характеристику в модальном и видо-временном планах. Многократная совершаемость выражается различными финитными формами, кроме процессивных. Ниже иллюстрируются случаи выражения многократной совершаемости в разных формах.

(1) **Формы косвенных наклонений** — *māi to keval itnā hī cāhtī hū ki mujhe tāne-mehne na diyā karē* (P.N, 162) 'Я лишь хочу, чтобы [она] не изводила меня своими упреками', *kām mē dhyān rakhā karo* (J.K.S, 111) 'Следи за своей работой'.

(2) Формы изъявительного наклонения:

(2.1) **имперфективные:**

(2.1.1) настоящее общее время — *tum yō hī kahā karte ho* (P.N, 183) 'Ты говоришь просто так' (или 'Тебе бы только что-нибудь сказать');

(2.1.2) прошедшее общее время — *durgandh urā kartī thī* (P.N, 204) 'Разносилося зловоние' (см. также примеры предыдущего абзаца);

(2.1.3) прошедшее неоднократное время — *vah vastra ke nām par keval lāgoī dhāraṇ kiyā karte* (U.S.K, 29) 'Всю одежду ему заменяла набедренная повязка' (букв. 'В качестве одежды он надевал только набедренную повязку');

(2.1.4) будущее II — *becārā royā kartā hogā* (P.M-7, 7) 'Бедняжка, наверное, плачет-убивается';

(2.2) перфективные: *kuch der to vah is tarah dekhā kiyā, phir mūh jhukākar hukkā gurgurāne lagā* (J.K.S, 120) 'Некоторое время глядел он так, затем, наклонив голову, стал курить хукку', *na jāne kitnī bār grīṣma mē merī jaṛō ke sūkh jāne se tṛṣīt sahasrō patra-rūp cakṣuō se māī ākāś kī or dekhā kiyā hū...* (A.A, 11) 'Сколько раз знойным летом взирал я на небо тысячами глаз-листочков, испытывающих жажду оттого, что высохли мои корни...';

(2.3) будущее I — *kāī larḱō ne man-hī-man praṇ kiyā kī ve bhī tasvīrē* banāyā karēge (NK, 1962.VII, 22) 'Некоторые мальчики поклялись в душе, что они тоже будут рисовать картины'.

В отличие от других совершаемостей данная совершаемость оказывается совместимой с формами, маркированными по категории предельности, т. е. предельными формами, что отражается в герундии, предшествующем глаголу *karnā*, например: *tumhē jo larḱā dik kare, use pīṭ diyā karo* (P.N, 62) 'Лупи любого мальчишку, который будет тебе досаждать', *vah zamānā gayā jab kamal apne-āp khil jāyā karte the...* (NK, 1961. VI, 10) 'Прошло то время, когда лотосы сами распускались', *sevā-tahal bhī yahā vah gau kī kar liyā karegā* (J.K.S, 117) 'И ухаживать за коровой он будет здесь'.

Раскрытию отмеченного выше семантического содержания многократной совершаемости служат преимущественно имперфективные формы изъявительного наклонения, такие, как настоящее общее, прошедшее общее и прошедшее неоднократное время.

Значения многократности, повторяемости, а также обычности действия, вытекающей из его повторяемости, предстают как частные проявления одного инвариантного значения, а именно значения прерывистости действия⁶. Однако сама прерывистость может быть понята двояким образом: а) как неоднократное возобновление отдельно взятого акта совершения действия; б) как расчлененность единого процесса, заключенного в определенных временных рамках, на отдельные одинаковые акты.

С семантикой рассматриваемой совершаемости в большей степени согласуется первое толкование прерывистости действия, влекущее за собой интерпретацию данной совершаемости языка хинди как мультипликативной, или множительной: отдельный акт совершения

⁶ Данная сторона семантики рассматриваемой совершаемости подчеркнута в монографии С. А. Черниковой и отражена в удачно подобранном на языке урду слове *vaqfa-pazīr* 'прерывистый', включенном в состав терминологического словосочетания *vaqfa-pazīr ŷurāt* «прерывистый вид» [74, с. 11].

действия, какой бы длительности он ни был, как бы выделяется в связи с необходимостью указать на его воспроизводимость.

При этом те лексические элементы, при помощи которых в случае длительной совершаемости дается качественная характеристика длительности действия, например: *har dam* 'каждое мгновение', 'всегда', *hamešā* 'постоянно', 'всегда', *prāyaḥ* 'большей частью', 'обычно', *aksar* 'обычно', 'часто' и др. (см. выше, с. 191), воспринимаются как носители количественной характеристики выражаемой воспроизводимости (повторяемости) действия, например: *Jiyā kahtā thā, unho ne do din se bhojan nahī kiyā*, *har dam royā kartī hāi* (P.N., 103) 'Джия говорил, что вот уже два дня она не притрагивалась к пище и каждую минуту плачет', *apnī ghabrāhaṭ chipāne ke lie Hyūbart hamešā aise hī kiyā kartā thā* (PL, 102) 'Чтобы скрыть свое волнение, Губерт всегда поступал именно так', *is gun ke lie rāysāhab prāyaḥ uskī praśansā kiyā karte the* (S.T.Y., 71) 'За эту добродетель его обычно хвалил раэсахб', *bātō ke daurān mẽ dākṭar aksar kahā karte*, «*marne se pahle mē ek dafā Barmā zarūr jāīgā*» (PL. 91) 'Во время беседы доктор часто говорил: «Прежде чем умереть, один раз я непременно съезжу в Бирму»'⁷.

При наличии в предложении такого лексического элемента, как *ek bār* 'один раз', 'однажды', данная совершаемость не утрачивает своего семантического своеобразия, т. е. она и в этих условиях характеризуется значением многократности, например: *vakīl sāhab bhojan karke kacharī jāne ke pahle ek bār usse avašya mil liyā karte the* (P.N., 97) 'Прежде чем после трапезы отправиться в суд, адвокат непременно один раз навещался к ней'. Вместе с тем ее специфика оттеняется обстоятельственным повтором *kabhī-kabhī* 'иногда' (букв. 'когда-нибудь, когда-нибудь') с присущим ему значением раздельности или (хотя и в меньшей мере с точки зрения ее отграничения от длительной совершаемости) лексическими показателями периодичности совершения действия, например: *pichle sāl apne kamre kī sīlan aur ṭhaṇḍ se bacne ke lie kabhī-kabhī vah mis Vuḍ ke khālī kamre mẽ corī-cupke sone calī jāyā kartī thī* (PL, 99) 'В прошлом году она, чтобы спастись от сырости и холода своей комнаты, тайком уходила спать в пустующую комнату мисс Вуд', *...magar āp dostō hī ke piche mujhe ro z satāyā karte hāi* (P.N., 160) '...а он ежедневно пилит меня из-за друзей'.

При наличии в предложении слов, указывающих на величину или фиксирующих конечную границу временного отрезка, к которому приурочивается действие, данная совершаемость предстает (в свете «множительной» интерпретации прерывистости действия) как выразитель воспроизводимости отдельных актов, охватывающих каждый

⁷ Предложенная трактовка роли лексических элементов вытекает из признания различия в семантике между длительной и многократной совершаемостями. В ней, в частности, получает развитие высказанное Камтапрасадом Гуру общее положение о существовании «тонкой» (*sūkṣma*) семантической грани между «глаголом, выражающим постоянство» (*nityatā-bodhak kriyā*), с одной стороны, и «глаголом, выражающим обычай» (*abhyās-bodhak kriyā*), — с другой [107, с. 316].

раз соответствующий период времени. Тем самым идею длительности, эксплицитно выраженную лексически, она подчиняет идее повторяемости или обычности действия. Иллюстрацией могут служить следующие примеры: *yahā din-bhar dhāl-sī uṛā kartī hai...* (NK, 1961. IX, 14) 'Здесь целыми днями клубится пыль...', *koī kām kartī hō, Nirmalā kī āvāz sunte hī daurtī hāī, ghaṇṭō uskē pās kathā-purāṇ sunāyā kartī hāī* (P.N, 205) 'Чем бы ни была занята [Кальяни], она сразу же спешит к Нирмале, как только слышит ее голос, и часами рассказывает ей старинные предания', *lālā Sadā-nand bīmār the. aise bīmār vah sārī āyu mē na hue the. paṇḍit Śādirām unke lie din-rāt mālā pherā karte the* (S.TY, 181) 'Лала Сада-нанд был болен. За всю свою жизнь он еще никогда так серьезно не болел. Пандит Шадирам молился за него и днем и ночью'.

Исходя именно из предложенного выше «множительного» толкования прерывистости как своего рода семантического инварианта многократной совершаемости, мы усматриваем различие по смыслу между данной совершаемостью и длительной совершаемостью таких пар примеров:

а) *Jiyā kahtā thā, unhō ne do din se bhojan nahī kiyā. har dam royā kartī hāī* (P.N, 103) 'Джия говорил, что вот уже два дня она не притрагивалась к пище и каждую минуту плачет' — *Siliyā bahan na jāne kyō har dam roti rahtī hai* (P.G, 346) 'Сестрица Силия почему-то все время плачет';

б) *aur vah aksar yuddha aur sānti ke masalō par bhī mujhe batāyā karte* (NK, 1961. XII, 89) 'И он часто разъяснял мне также и вопросы мира и войны' — *aksar Sītā āpke viṣay mē mujh se bātē kartī rahtī thī* (S.K, 79) 'Мне о вас часто рассказывала Сита';

в) *yah vahī sthān thā jahā usse aur Jagatsinh se kaī-kaī ghaṇṭe prem kī bātē huā kartī thī* (S.TY, 242) 'Это было то место, где ею и Джаягатсин-хом по несколько часов подряд велись любовные речи' — *vah naukrō kī ākh basākar nikāl jātā aur kaī-kaī ghaṇṭe larṭō ke sāth kheltā rahtā thā* (S.TY, 97) 'Тайком от слуг он выходил наружу и целыми часами играл с другими мальчиками';

г) *Lūnī din-bhar dhor carāyā kartī...* (A.A, 107) 'Луни целыми днями пасла скот...' — *māī din-bhar Jamunā-kināre ghās cartā rahtā...* (K.C.G, 22) 'Я целыми днями пасла на берегу Джамны...'.

Однако бывает и так, что в семантике рассматриваемой совершаемости ярче проявляется вторая сторона прерывистости действия, связанная с указанием на расчлененность единого процесса на отдельные одинаковые акты, например: *aur māī bahut der tak ākhē khole hue us ādhare aur purāne kamre mē na jāne kitne svapnō ko janma diyā kartā thā* (NK, 1961. XII, 90) 'И я не смыкая глаз долго еще предавался различным грезам в этой темной и старой комнате'.

Многократной совершаемости (особенно тогда, когда она представлена в форме настоящего общего времени) свойственно обнаруживаться в значении, связанном с указанием на обыденность или постоянство («всегдашность») явления, например: *Rāmnāth ke marne par bhī us tarah nahī ghighiyāyī jaise sādharāṇ striyā aise avasārō par tarṭā kartī hāī* (U.SK, 22) 'Даже когда умер Рамнатх, она не стала горевать так, как убиваются в подобных случаях обыкновен-

ные женщины', *aur yah bhī socnā cāhie ki śādī byāhō mē log jhūñhi bātē bahut urā diyā karte hāi* (S.TY, 113) 'И нельзя забывать также о том, что свадьбы вызывают у людей много пересудов', *kitne hī sāl bit jāē ādmī ki nāk, iḥorhī aur māthe ki banāvaṭ nahī badlā kartī* (S.K, 17) 'Сколько бы лет ни прошло, форма носа, подбородка и головы человека не меняется'.

Значение обычности, не сопряженной с повторяемостью действия, передается в случаях с глаголом *rahnā* 'жить', например: *phāṭak khol do. ab kūvar sāhab havelī mē hī rahā karēge* (S.K, 64) 'Открой ворота. Теперь в особняке будет обитать господин Кунвар', *māi cāhtā hū ki tum skūl hī mē rahā karo* (P.N, 76) 'Я хочу, чтобы ты при школе же и жил'. В подобных примерах лексическое значение глагола накладывает ограничения на формирование многократной совершаемости, как таковой.

В перфективных формах многократная совершаемость выступает крайне редко. При этом она обычно не раскрывает своей специфики в плане содержания, сливаясь семантически с длительной совершаемостью⁸.

Будучи показателем многократной совершаемости, глагол *karnā* определяет модальный и видо-временной планы высказывания и в случае структурного совмещения данной совершаемости с длительной (длительная совершаемость выступает в форме многократной совершаемости, а не наоборот): *bhāī tanik jaldī-jaldī apnī kuṣal-kṣem likhte rahā karo* (S.TY, 114) 'Друг, ниши, пожалуйста, скорее о своем самочувствии' (см. *likhte rahā karo*, а не *likhā karte raho*).

В случае с пассивным залогом используется пассивная форма герундия (при этом первый компонент герундия не утрачивает способности к согласованию с именем объекта), а не глагола *karnā*, например: *har grām-sabhā ke pās apne nām kī muhar hogī jo hastākṣar ke sthān par prayog kī jāyā karegī* (HN, 78) 'Каждый деревенский совет будет иметь свою печать, которая будет ставиться на месте подписи' (см. *prayog kī jāyā karegī*, а не *prayog kiyā kī jāygi*).

ПРЕДРЕЗУЛЬТАТИВНАЯ СОВЕРШАЕМОСТЬ

В качестве формирующегося средства передачи данной совершаемости выступает сочетание простого перфективного причастия от непереходных глаголов, согласуемого с именем субъекта действия — подлежащим, с формами глаголов движения или перемещения: гла-

⁸ Из грамматистов на это обстоятельство прямо указал Тхакардас Пахва который в качестве равнозначных («he continued to come») привел такие выражения, как *vah āyā kiya* и *vah ātā rahā* [143, с. 298]. Ср. также пример *kuch der to vah is tarah dekha kiya, phir mūh jhukakar hukka gurgurāne lagā* (JK.S, 120) 'Некоторое время глядел он так, затем, наклонив голову, стал курить хукку' со следующим примером: *kuch der to larā vismay mē dūbā kharā dekhtā rahā. phir apnī kafnī aur bāsuri lekar vahā se cal kharā huī* (JK.S, 108) 'Некоторое время юноша стоял и изумленно глядел. Затем, взяв свою накидку и флейту, он пошел оттуда'.

гола *jānā* 'идти', 'уходить' в первую очередь, глаголов *paṇā* 'на-
дать' и *ānā* 'приходить', изредка глагола *calnā* 'идти', 'двигаться'.

Действие, обозначенное глаголом, стоящим в форме причастия, изображается находящимся на пути к скорому достижению результата как нового состояния субъекта⁹: *ab na bacūgā. māre dard ke sārī deh phaṭi jāti hai* (P.G., 288) 'Теперь мне не выжить. Ломит все тело' (букв. 'От боли все тело того гляди разломится'), *unki pratyek gati jantā par pratibimbī ho jāti hai, kisī kī gardan terhī hui jāti hai, koī āge ko jhukā paṭā hai, vātāvaraṇ garm ho gayā* (P.G., 149) 'Каждый его (Мехты) шаг вызывает реакцию у публики. Глядишь, у одного сгибается набок шеи, другой наклоняется вперед. Напряжение возросло', *merā kalejā to abhī se umṛā ātā hai* (P.N., 153) 'Теперь мое сердце готово разорваться (букв. переполниться)'.

Согласно предложенной трактовке семантики сочетания в нем выделяются три смысловых компонента, а именно: компонент процессивности («действие находится на пути к достижению...»), компонент результативности («...к достижению результата...») и компонент статальности («...результата как нового состояния субъекта»).

Каждый из этих компонентов выступает на первый план при противопоставлении сочетания отмеченного состава другим формам или конструкциям:

а) первый компонент — формам или конструкциям, имеющим значение состояния, а именно псевдопроцессивным формам, т. е. формам с «неграмматизированным *rahā hī* (*rahā hai, rahā thā* и т. п.)» [150, с. 74], и конструкциям с причастием-предикативом: *Mālī śarm se lāl hui jāti thī* (P.G., 150) 'Малти была готова покраснеть от смущения' — *itne mē Manirām andar āye. mukh ānevāle ānand kī kalpanā se lāl ho rahā thā* (S.T.Y., 208) 'В это время вошел Манирам. Его лицо покраснелось от предвкушаемого удовольствия', *yah sir mē cakkar kyū ā rahā hai? ākhō ke sāmne jaise ādherā chāyā jāti hai* (P.G., 362) 'Откуда это головокружение? Глаза как будто вот-вот застелит темная пелена' — *Gobar ke dvār par... farš bichā hui hai, gānā ho rahā hai, aur saupāl mē sannāṭā chāyā hui hai* (P.G., 220) 'Перед домом Гобара... расстелен ковер, слышится пение, а под навесом [Шокхерама] царит безмолвие';

б) второй компонент — процессивным формам: *is kāl koṭhri mē dam ghuṭā jāti thā* [65, с. 261] 'В этой мрачной камере спирало дыхание' — *dam ghuṭ rahā thā, badan pasīne mē śāl thā* (U.S.K., 82) 'Дышалось тяжело, тело обливалось потом';

в) третий компонент — имперфективным формам, маркированным по категории предельности: *bhūkh ke māre hamāre prān nikle jā rahe hai* (A.Y.S., 2) 'Мы того и гляди умрем от голода' — *bhāī tanik jaldī-jaldī apnī kuśal-kṣem likhte rahā karo. itnī dūr baiṭhe ho, cār din patra na āye to prān nikal jate hai* (S.T.Y., 114) 'Друг, пиши, пожалуйста, скорее о своем самочувствии. Ты так далеко [от меня], и если нет письма четыре дня, то душа не находит покоя'.

⁹ С подобным или близким толкованием семантики сочетания перфективного причастия от непереходного глагола с глаголом *jānā* мы сталкиваемся в работах ряда исследователей. Так, например, В. Поржизка приписывает такому сочетанию значение «быстро достигать определенного состояния» [148, с. 301]. П. Гейфке связывает с ним выражение такого значения, как «изменение первоначального состояния (в частности, возрастание, улучшение или ухудшение)» [103, с. 356]. С. А. Черникова считает глагольное сочетание отмеченного состава частным случаем манифестации «успительного (*istiqālī*) вида» — структуры, которая обозначает, что «действие, названное первым глаголом, приближается к своему результату» [74, с. 12]. Камтапрасад Гуру характеризует его значение словом «готовность» (*tatpartā*) [107, с. 315].

В типичных случаях предрезультативная совершаемость предстает в имперфективной (1) и процессивной (2) формах в плане настоящего (а) и прошедшего (б) времени:

(1a) *Mansārām ko aisā mālūm huā, māno uskā dil phaṭā jāta hai* (P.N., 101) 'Мансараму казалось, что его сердце разрывается';

(2a) *merā dil phaṭā jā rahā hai* (P.N., 116) 'У меня прямо сердце разрывается';

(1b) *Mathurā binā kuch kahe bāhar calā gayā. uske prāṇ sūkhe jāte the ki kahī Sillo sab kuch kah na dāle* (P.G., 306) 'Ничего не сказав, Матхура вышел. Его грудь щемило от страха, как бы Силло все не выболтала', *ābhāṣaṇō se uskī deh phaṭī paṭī thī* (P.N., 125) 'Ее тело готово было надломиться под тяжестью украшений';

(2b) *dāktar sāhab ke prāṇ sūkhe jā rahe the* (P.N., 200) 'Доктор терял присутствие духа', *khuṣī Prabhā ke rom-rom se phūṭī paṭ rahī thī* (R.Y.S., 177) 'Всем своим существом Прабха излучала радость'.

При этом, как показывают примеры, имперфективные формы используются главным образом в связи с выражением конкретно-процессного значения. Вовлечение же процессивных форм, отмеченных данным значением, в сферу передачи предрезультативной совершаемости вызвано отчасти стремлением преодолеть ту неоднозначность, которую обнаруживает у соответствующих глаголов структура «основа глагола + *rahā + hū* (*hai, thā* и т. д.)», выступая по как собственно процессивная форма, то как форма, выражающая «фиксированную длительность состояния» [11, с. 103]¹⁰. Таким образом, структура «перфективное причастие от непереходного глагола + *jā (paṭ) + rahā + hū* (*hai, thā* и т. д.)» выступает, если отвлечься от значения предрезультативной совершаемости, как представитель гиперпроцессивных форм, лишенных способности указывать на наличное состояние.

Предрезультативная совершаемость обнаруживает следующие частные особенности:

1) способность указывать на готовность к немедленному осуществлению действия, что предопределяется в плане настоящего времени значением 1-го лица, — *āp inse kah dē, cī bolē, māi abhī uṭhā jāta hū* (P.G., 149) 'Велите ему сказать «сдаюсь», и я сразу же поднимусь [отпустив его]';

2) подверженность гиперболической метафоризации [112, с. 67—68] — *uske pāṁ tak na uṭhte the. deh bhitar se jhulsi jā rahī thī*

¹⁰ Вторая из возможностей проиллюстрирована целым рядом примеров (главным образом с глаголом *honā* в роли связки) в статье В. М. Бескровного [11, с. 88—89]. Приведем еще два примера: *ākhō ke sāmne ādherā thā, sir mē cakkar, kaṇṭh sūkh rahā thā, aur sārī deh sunn ho gayī thī...* (P.G., 307) 'В глазах было темно, голова кружилась, горло пересохло, все тело занемело...', *kyā munṣījī ko nēd ā saktī thī? tīn larṭō mē keval ek bac rahā thā* (P.N., 192) 'До сна ли было мунши [Тотараму]? Из трех сыновей остался лишь один'. Если В. М. Бескровный видит здесь интенсивные глаголы с образующим глаголом *rahnā*, который в какой-то мере удерживает свое вещественное значение [11, с. 85], то В. Поржизака говорит о глагольных выражениях с «неграмматизированным *rahā hū* (*hai, thā* и т. д.)» [150, с. 74].

(P.G, 362) 'Даже ноги у него не поднимались. Все тело горело изнутри' (такую метафоризацию иллюстрируют и многие из вышеприведенных примеров, в частности примеры с причастием *phaṭā* от *phaṭnā* 'ломаться', *phūṭā* от *phūṭnā* 'разбиваться', 'распускаться', 'появляться', *umṭā* от *umṭnā* 'переполняться');

3) тенденцию в зависимости от синтаксических условий к сближению с прогрессивной совершаемостью — *juḍ-juḍ āpar uṭhnā cāhtā hñ, aur nīce dabā jāta hñ* (Премчанд) 'Чем сильнее я хочу подняться, тем больше меня прижимает книзу' [112, с. 65].

Сочетание перфективного причастия с глаголом *jānā* или *ānā* не всегда выступает как грамматикализованное средство передачи предрезультативной совершаемости. На формирование данной совершаемости, как таковой, накладывает ограничение семантика глаголов движения, представленных формой перфективного причастия, например: *darā huā kapot āge-āge uṭā jā rahā thā...* (SV-3, 22) 'Испуганный голубь летел впереди...', *sarak par ekkā sarpaṭ dauṛā jā rahā thā* (P.G, 207) 'По дороге быстро катилась двуколка', *are, tum sab ko kyā ho gayā hai? kahā pāgalō kī tarah bhāge jā rahe ho* (A.A, 100) 'Эй, что со всеми вами приключилось? Куда это вы несетесь как угорелые?', *das dafē mahri ko bhejā, ākhir āp dauṛī āyī* (P.N, 92) 'Раз десять [я] посылала служанку [к Мансараму], наконец сама прибежала [к нему]', *abhī idhar hī se lautā ā rahā hñ...* (P.N, 56) 'Сейчас я как раз оттуда и возвращаюсь...'.

В таких случаях глагол *jānā* 'идти', 'уходить' или *ānā* 'приходить' не утрачивает полностью свое исконное лексическое значение, характеризующееся семой «движение», и выделяет соответствующий смысловой момент в глаголе, представленном формой причастия, обеспечивая тем самым большую выразительность высказывания. Кроме того, глагол *jānā* способен привносить в значение глагола, представленного причастием, дополнительный оттенок «удаление», а глагол *ānā* — дополнительный оттенок «приближение».

Такие сочетания, как *calā jānā* и *calā ānā* (где *calā* — перфективное причастие от *calnā* 'идти', 'двигаться'), являясь формально выразителями предрезультативной совершаемости, по существу таковыми не являются. Они выступают в языке как отдельные глагольные лексемы со значением соответственно «уходить», «удаляться» и «приходить», «приближаться», способные участвовать в формировании ряда совершаемостей, в том числе и предрезультативной.

ИНТЕНСИВНАЯ СОВЕРШАЕМОСТЬ

Данная совершаемость передается сочетанием перфективного причастия на -е (главным образом от переходных глаголов) с формами таких глаголов, приобретающих вспомогательную функцию, как *jānā* 'идти', 'уходить', *lenā* 'брать', *denā* 'давать', *dālnā* 'бросать', а также *ānā* 'приходить', *calnā* 'идти', 'двигаться', *baiṭhnā* 'садиться / сидеть'. В ее формировании могут участвовать и такие глагольные образования, как *calā jānā* 'уходить', 'удаляться' и *calā ānā* 'приходить', 'приближаться'.

Таким образом, к средствам выражения интенсивной совершаемости мы относим конструкции, различаемые Камтапрасадом Гуру как «глаголы, выражающие непрерывность» (*nirantartā-bodhak kriyāē*), с одной стороны, и «глаголы, выражающие уверенность» (*niścay-bodhak kriyāē*), — с другой. К первой из этих разновидностей «сложных глаголов» Камтапрасад Гуру причисляет образования с *jānā* [107, с. 321], ко второй — образования с *lenā*, *denā*, *dālnā*, *baiṭhnā* [107, с. 322]. Обе эти разновидности, а вместе с ними и разновидность «сложных глаголов», которые Камтапрасад Гуру квалифицирует как «глаголы, выражающие готовность» (*taṭpartā-bodhak kriyāē*) [107, с. 315], а мы связываем с выражением предрезультативной совершаемости, такими авторами, как Тхакардас Пахва, П. Хаккер, С. А. Черникова, объединяются в одной рубрике, называемой, правда, по-разному, а именно (соответственно): экстраинтенсивы [143, с. 311], интенсивы [112, с. 63—71], усилительный (*istiqlālī*) вид [74, с. 12, 55—60, 134—136, 169].

Характерным для интенсивной совершаемости является то, что действие изображается выходящим за рамки его обычного или допустимого проявления, например: *māi baiṭhā hñ, baiṭhā paṛh rahā hñ. kyā paṛh rahā hñ? mālm nahñ. paṛhe jā rahā hñ* (JK.S, 73) 'Я сижу, сижу и читаю. Что читаю? Сам не знаю. Читаю, да и только'; *ab usī Mansārām ko vah ghar se nikālkār skūl mē rakhe dele hāi* (P.N, 77—78) 'Теперь этого же самого Мансарам он готов водворить в школьный пансионат, выгнав из дому', *Mālī merā sarvanāś kiye dāltī hāi* (P.G, 201) 'Малти губит меня', . . . *aur vah paramātmā ko dhanyavād detī hñ us koḥrī mē rahe ātī hāi* (JK.S, 81) '. . . а она, воздавая хвалу всевышнему, живет-таки в этой каморке', *dāktār, sab kuch hone ke bāvajūd vah kyā-kuch hāi, jo hamē calāe caltā hāi. . .* (PL, 126) 'Доктор, что же все-таки нами движет, несмотря на все то, что происходит вокруг нас. . .' Такое представление о действии бывает продиктованным его (действия) объективными свойствами, однако оно может быть основано и на субъективном восприятии говорящего ¹¹.

Значение интенсивной совершаемости со всей очевидностью раскрывается в синтаксических условиях так называемого двойного сказуемого, например: *tum aspatāl se nikalkār āye ho aur māi hñ kī apne bāre mē hī bāt kiye jātī hñ* (PL, 134) 'Вы явились сюда прямо из больницы, а я-то, я тараторю только о себе' ¹².

Интенсивная совершаемость реализуется преимущественно в имперфективных (см. все приведенные выше примеры, кроме первого), а также в процессивных формах (см. выше первый пример). Она обнаруживает также семантическую совместимость с модальностью косвенных наклонений, в частности повелительного, и со значением, передаваемой формой будущего времени, например: . . . *āp apne dharm kā pālan kiye jāie* (P.G, 164) '. . . вы, пожалуйста, свой долг ис-

¹¹ В частности, П. Хаккер различает случаи, когда говорится об «объективно интенсивном действии (событии, процессе)», и случаи, когда говорится о «событии, которое только представляется интенсивным» [112, с. 66, 67].

¹² Соответствующее синтаксическое явление с привлечением целого ряда ярких примеров было рассмотрено В. А. Чернышевым [77], предложившим термин «двойное сказуемое» для обозначения совокупности двух глагольных форм в приведенном выше примере: *hñ. . . kiye jātī hñ*).

полняют', *muṣkil yahī hai kī Dhaniyā na rāzī hogī. gadhī to hai hī. vahī purānī lāj dhoīe jāygi* (P.G, 353) 'Вся загвоздка в том, что Дхания не согласится. Упрямая ведь: будет упираться из-за отжившего представления о чести'.

Данной совершаемости несвойственно получать выражение в перфективных формах, чему, разумеется, не противоречат лишь изредка встречающиеся примеры, подобные следующему: *puruṣ ne uske keś chore diye aur sir par hāth rakhkar baiṭh gayā* (P.G, 139) 'Мужчина все-таки выпустил ее волосы и сел, положив руки на голову'.

Подобно презерультивативной совершаемости интенсивная совершаемость:

1) может указывать на готовность или твердое намерение немедленно осуществить действие, что предопределяется в плане настоящего времени значением 1-го лица, например, *kambal liye jātā hū. bistar kī zarūrat nahī* (P.N, 94) 'Возьму [только] одеяло. Постель не нужна', «... *baiṭhne kī jagah māī abhī banāe detī hū*», *aur kapre-apre haṭākār usne ek kursī khālī kar dī* (PL, 137) '«... сейчас я освобожу для вас место», и [с этими словами] она убрала со стула всякую одежду';

2) подвергается гиперболической метафоризации (особенно в случаях с *dālā* во вспомогательной функции [112, с. 67]), например, *... yah cintā to mujhe aur bhī māre dāltī hai* (P.N, 126) '... эта мысль еще больше терзает меня', *yah cintā unhē andar hī khāye jāti thī* (S.TY, 76—77) 'Эта мысль причиняла им душевные страдания (букв. глодала изнутри)';

3) характеризуется — в случаях с *jānā* во вспомогательной функции — тенденцией к сближению с прогрессивной совершаемостью [112, с. 69], например, *vah mallāh kī khusāmād kartī hai, uske pairō partī hai, rotī hai, lekin vah yah kahe jātā hai — tere liye yahā jagah nahī hai* (P.N, 29) 'Она упрашивает лодочника, припадает к его ногам, рыдает, но он твердит свое: «Для тебя здесь нет места»', *Rūpo andar āyī. vah ro rahī thī, roye jā rahī thī* (B.D, 156) 'Вошла Рупо. Она плакала, плакала, не унималась'.

Встречаются отдельные примеры с двойным выражением интенсивной совершаемости, например, *mātā ne usko aur bhī ciptā liyā, māno koī uske hāth se use chīne liye jātā hai* (P.N, 149) 'Мать еще крепче прижала его (ребенка) к себе, как будто кто-то пытался вырвать его из ее рук'.

КАТЕГОРИЯ ЗАЛОГА

РАЗЛИЧЕНИЕ ЗАЛОГОВ

ЗАЛОГ АКТИВНЫЙ И ЗАЛОГ ИНАКТИВНЫЙ

В зависимости от подхода к предложению в нем различаются единицы грамматической структуры и единицы семантической структуры. Если качественное своеобразие первых определяется их ролью в формировании предложения как синтаксически организованного целого, то качественное своеобразие вторых определяется их содержанием, выводимым из соотнесенности с участниками описываемой ситуации и способности обозначать ситуацию. В этом плане показательно сравнение таких единиц, как подлежащее, прямое дополнение, сказуемое, с одной стороны, и таких единиц, как имя субъекта действия, или агенса, имя объекта действия, или пациенс, название ситуации, — с другой.

Определенный тип соответствия между единицами грамматической структуры предложения и единицами семантического уровня называется *диатезой*. Понятие залога неразрывно связано с понятием диатезы. Необходимость в нем ощущается в той мере, в какой та или иная диатеза регулярно маркируется в глаголе его формой (формами).

Таким образом, грамматическая категория залога базируется в языке на формальном противопоставлении таких рядов глагольных форм, которые регулярно различаются своими диатезами. Это значит, что в каждом из залогов, выделяемом в языке в качестве экспонента присущей глаголу грамматической категории, за членами глагольного окружения закреплён свой специфический тип (или набор типов) соотношения между синтаксическими и семантическими акантами. Именно поэтому глагольная категория залога — это такая морфологическая категория, которая характеризуется постоянной синтаксической значимостью [15]. Категориально-грамматическая природа залоговых оппозиций проявляется тем полнее, чем меньше ограничений в отношении глагольной лексики и форм, составляющих глагольную парадигму, обнаруживают их (оппозиций) противочлены.

В языке хинди регулярная залоговая оппозиция имеет место между двумя рядами глагольных форм, связанными отношением формальной производности. Формы или же компоненты форм одного из этих рядов соотнесены в структурном плане непосредственно с основой глагола как единицы словарного состава языка. Производность же форм второго ряда, образующихся аналитически, заклю-

чается в том, что в их состав неизменным компонентом входят формы первого ряда от глагола *jānā* 'идти', 'уходить', выступающего в функции вспомогательного в сочетании с перфективным причастием основного смыслового глагола или его (глагола) предельной формы.

Данная залоговая оппозиция проявляется не только в сфере финитных форм, но распространяется и на инфинитные формы глагола. При этом она диагностирует отнесенность к переходным (транзитивным) глаголам объектной направленности, которые сочетаются с именем, стоящим в одной из двух альтернативных форм: в форме прямого падежа или в послеложной форме на *ko*. Вместе с тем эта оппозиция оказывается релевантной не только для переходных глаголов, но и для определенного круга глаголов, не являющихся переходными (фактически только в сфере финитных форм).

Проявляясь в сфере финитных форм, данная оппозиция служит фактором, определяющим различия в конструктивных особенностях предложений.

Отличительными конструктивными особенностями предложений с финитными формами первого из рядов, традиционно относимыми к активному (действительному) залогу, являются следующие:

1) выраженность субъекта действия, отображенного словарным значением глагола, т. е. наличие в предложении словесно выраженного агенса;

2) оформление имени субъекта прямым падежом имени (или местоимения) либо (при условии наличия перфективных форм от глаголов, составляющих особое подмножество) послеложно-падежной формой на *ne*, т. е. послеложной формой, специфической для выполнения семантической функции агенса, как, например, *phir madhyāhn kā prakhar tār ātā hai...* (P. G, 32) 'Затем наступает нестерпимый полуденный зной...', ... *sardī se sikuṛe ādmī ne jhākā* (Y.DB, 296) '...[наружу] выглянул съевшийся от холода человек'.

Формы второго из рядов могут быть названы формами инактивного (недействительного) залога. Специфику предложений, содержащих финитные формы этого залога, составляют следующие конструктивные особенности:

1) грамматическая отмеченность случаев невыраженности имени субъекта действия в составе предложения, например, *fārsī kī naī gazālē gāī gāī* (AN.S, 288) 'Были исполнены новые газели на фарси', *choṭe-choṭe bacchō ko acche vastra pahṇākar āge kiya jā rahā thā* (Y.DB, 175) 'Маленьких детей, нарядив, ставили впереди';

2) оформление наличествующего имени субъекта действия косвенным падежом с послелогом *se* или со сложным послелогом [*ke*] *dvārā* (*ke zariye*) 'посредством', 'при помощи', 'через', например, «*nām kyā hai?*» Govind *se nahī rahā gayā* (PL, 27) '«Как ее зовут?» — не выдержал Говинд (букв. Говиндом не осталось)', ... *kinṭu is svīkṛtmat kā khaṇḍan śrī Nagendranāth Gupta, śrī Sukumār Sen ādi vidvānō dvārā kiya gayā hai* (KDS, 7) '...однако эту общепринятую точку зрения опровергли Нагендранатх Гупта, Сукумар Сен и другие ученые'.

Для интерпретации инактивного залога важным представляется такой аспект, как наличие, или, наоборот, отсутствие словесно выраженного пациенса, т. е. наличие или отсутствие имени объекта в форме прямого падежа или в форме косвенного падежа с послелогом *ko* (а также в форме объектного падежа местоимений). Первая из возможностей определяется валентными свойствами глаголов, относимых к разряду переходных. При ее реализации выделяется связь действия с его объектом, т. е. «пассивный» аспект ситуации, вследствие чего в рамках предложения инактивный залог приобретает статус собственно пассивного (страдательного), противопоставляясь в таком случае активному залогу как залогу, призванному выделить связь действия с его субъектом, т. е. «активный» аспект ситуации. Реализация второй возможности имеет место или в силу того, что употреблен глагол, не характеризующийся прямообъектной валентностью, т. е. глагол непереходный, или же в силу того, что переходный глагол, характеризующийся факультативной сочетаемостью с именем объекта, употребляется абсолютно, оставляя в своем окружении позицию пациенса незанятой. При отсутствии пациенса в окружении глагола инактивный залог можно интерпретировать как пассивно-возвратный [65 с. 254]¹.

Если имя объекта действия, или пациенс, стоит в форме прямого падежа, то глагол инактивного залога согласуется с ним по роду и в формах числа и лица, создавая тем самым объектную конструкцию в одном из ее вариантов [160, с. 59—60]. В остальных случаях, а именно при условии, что имя объекта оформляется косвенным падежом с послелогом *ko* (или объектным падежом местоимений), или же при отсутствии имени объекта, глагол инактивного залога выступает в нейтральной форме, равной форме 3-го лица единственного числа мужского рода², создавая тем самым частные варианты³ так называемой нейтральной конструкции [160, с. 59—60].

Роль выделенных залогов в плане дифференциации диатез можно интерпретировать следующим образом: если в предложениях с финитным глаголом активного залога функцию подлежащего выполняет имя субъекта действия (в форме прямого падежа или в послеложно-падежной форме на *-ne*), то в предложениях с финитным гла-

¹ Арьендра Шарма и Камтапрасад Гуру усматривают здесь безличный залог, ограничиваясь, правда, только случаями с непереходными глаголами [160, с. 57; 107, с. 257].

² Интерпретация нейтральной формы как формы безличной явилась бы основанием для того, чтобы признавать в хинди особый безлично-пассивный залог, противопоставляемый лично-пассивному в рамках общего пассивного залога, противостоящего активному. Такая точка зрения на категорию залога отражена в грамматике Р. С. Макгрегора [135, с. 117].

³ Первый из этих вариантов соответствует тому, что Судха Кальра называет объектно-безличной конструкцией (*karmabhāve prayog*) [127, с. 167] и что на материале языка панджаби Ю. А. Смирнов трактует как полупассивную конструкцию [64, с. 281]; другой вариант охватывает предложения с глагольными формами, относимыми Арьендрой Шармой, Камтапрасадом Гуру к «безличному залогу», и соответствует «нейтрально-безличной конструкции» (*bhāvabhāve prayog*) Судхи Кальры [127, с. 167].

голом инактивного залога имя субъекта устраняется с позиции подлежащего, что влечет за собой возможность выполнения таким именем (в форме косвенного падежа с послелогом *-se* или *[ke] dvārā*) функции агентивного дополнения, а также (если глагол относится к переходным) возможность выполнения функции подлежащего стоящим в форме прямого падежа именем объекта действия.

ИНФИНИТНЫЕ ФОРМЫ ИНАКТИВНОГО ЗАЛОГА

Залоговой оппозицией охватываются также и инфинитные формы глагола, а именно:

1) инфинитив — *paṛhnā* 'читать' — *paṛhā jānā* 'читаться';

2) причастие —

а) имперфективное: *paṛhtā [huā]* 'читающий' — *paṛhā jātā [huā]* 'читаемый';

б) перфективное: *paṛhā [huā]* 'прочитанный' — *paṛhā gayā* 'прочитанный' (с нейтрализацией залоговой оппозиции в плане содержания);

в) процессивное: *paṛh rahā* 'читающий' — *paṛhā jā rahā* 'читаемый';

3) деепричастие — *paṛhkar* (*paṛh*, *paṛhke*, *paṛh-karke*) 'прочитав' — *paṛhā jākar* (*paṛhā jā*) 'будучи прочитанным';

4) глагольное прилагательное — *paṛhnevālā* 'читающий' — *paṛhā jānevālā* 'читаемый';

5) герундий — *paṛhā* — *paṛhā jāyā*.

В сферу инактивного залога современного хинди вовлечены инфинитные формы только переходных глаголов. Они, как правило, реализуют инактивный залог в его «пассивном» варианте и как таковые могут считаться формами пассива (пассивными формами).

Инфинитным формам инактивного залога в значительно большей мере, чем его финитным формам, присуща способность сочетаться с агенсом, оформленным при помощи послелога *[ke] dvārā* 'посредством', 'при помощи', 'через', что ниже иллюстрируется примерами:

а) с инфинитивом — ... *par subah jab Candra uṭhegā, tab uske dvārā dekhā jānā nah nahī cāhtī* (A.N, 193) '...но она не хочет, чтобы ее видел Чандра, когда он поднимается утром';

б) с имперфективным причастием — *māi unse svayam to laj saktī hū, parantu kisī dūsre ke dvārā unkā anīṣṭa kiyā jātā dekh nahī saktī* (G.D, 314) 'Сама я могу браниться с ним, но я не могу видеть, когда кто-то другой причиняет ему зло (букв. не могу видеть кем-то другим ему зло причиняемым)';

в) с перфективным причастием — ... *Daljit dvārā lagāyā gayā yah ārop use bahut zordār lagā* (AN.S, 393) '...это обвинение, выдвинутое Дальножитом, показалось ему (Насируддину) очень серьезным';

г) с процессивным причастием — *iske bād ghoṣṇāpatra mē... jantā dvārā bhogī jā rahī taklif aur jantā ke anavarat sangharṣa kā ullekh kiyā gayā hai...* (JY, 18.V.1975, 5) 'Затем в заявлении го-

ворится о трудностях, переносимых... народом, и о непрестанной борьбе народа...';

д) с деепричастием — ... [Rāvaṇ] *bhikhārī ban gae aur rakhvūle gṛddha dvāgā giraftār kie jākar zalīl banāye gae...* (U.S.K., 119) '[Раван] обратился в нищего и, полоненный стражем-коршуном (Джатайю), подвергся унижению...'

Однако не исключается и возможность употребления последого-транспозитора *kā* при оформлении имени субъекта действия при инфинитивных пассивных формах, в частности при причастиях [30, с. 44]. Более того, оформленное последогом *kā* имя субъекта действия может выступать в качестве компонента, зависящего в атрибутивном словосочетании от инфинитива в форме пассивного залога, например: *Uṣasti ne pūrvadvār par niyukta graharyō ke roke jāne ke bād bhī yajña-maṇḍap mē balāt praveś kiyū* 'Несмотря на то, что он был остановлен стражами, поставленными у восточного входа, Ушастин силой проник в помещение для жертвоприношений' [32, с. 286].

Инфинитиву в форме пассивного залога свойственно и герундиальное, и супинное, и герундивное употребление. В случаях супинного и герундивного употребления его связь с именем объекта действия, стоящим в форме прямого падежа, аналогична тому отношению, которое устанавливается между обычным инфинитивом (т. е. инфинитивом — носителем словарного значения глагола, или инфинитивом активного залога) и стоящим в форме прямого падежа именем субъекта действия, обозначенного непереходным глаголом. Показательны примеры использования пассивного инфинитива в позиции перед глаголом *lagnā* (а) или предикативным наречием *cāhiye* (б):

(а) *piknik kā sāmān batōṛā jāne lagā* (P.L., 119) 'Начался сбор вещей, предназначенных для пикника', *sthān-sthān par jāse kie jāne lage...* (G.D., 110) 'Повсеместно стали проводиться собрания...' [ср. ... *moṭī-moṭī bādē paṇe lagī* (P.L., 159) '... начали падать крупные капли'];

(б) *nāī milē aise sthānō par kholī jānī cāhie jahā ki milē svayam apnā gannā utpanna kar sakē* (H.N., 171) 'Новые заводы должны быть открыты (или) Нужно, чтобы новые заводы были открыты... или просто Новые заводы нужно открыть...) в таких местах, где бы сами заводы могли производить сахарный тростник', *śānt aur sthīr citta se patra dubārā likhā jānā cāhie* (N.D., 90) 'Письмо надо снова написать спокойно и внимательно' [ср. *tumhārī rāy mē kitnī tan kvāh mahriyō ko milnī cāhie* (N.D., 80) 'А какое, по вашему мнению, жалование должны получать служанки?'].

При герундиальном употреблении инфинитива в форме пассивного залога существуют три возможности его соединения с именем объекта действия, а именно:

1) инфинитив синтаксически объединяется с выступающим в форме прямого падежа именем объекта действия, образуя с ним полупредикативное словосочетание, аналогичное словосочетанию, состоящему из обычного инфинитива от непереходного глагола и имени субъекта действия, например, *sājh ke samay darvāzā khatkhatāye jāne kī āvāz āyī* (B.D., 21) 'Вечером раздался стук в дверь', ... *us ne yahā*

tak dekhā hai ki kisī strī dvārā cāy kā pyālā diyā jāne par logō ke hāth aise kāpne lage ki cāy chalak jāy (A.N, 11) '...он увидел даже, что вслед за тем, как какая-либо женщина подавала чашку чая, у людей так начинали дрожать руки, что чай готов был расплескаться' [ср. *lekin gussā haṭne par unkā dil makkhan kā lōdā ho jātā hai!* (N.D, 168) '...но пройдет гнев — и сердце его становится преисполненным доброты'];

2) инфинитив присоединяет к себе оформленное послелогом-транспозитором *kā* имя объекта (или притяжательное местоимение), входя таким образом в атрибутивное словосочетание, аналогичное словосочетанию, состоящему из обычного инфинитива от непереходного глагола и имени субъекта действия, например, *to kyā tum unkā phēk diyā jānā thik samajhte ho?* (G.D, 50) 'Так вы считаете правильным, что их сбросили [с поезда?]', ... *Motīrām ke pakṛe jāne aur chore jāne kī bātē hone lagī* (G.D, 125) '...зашел разговор об аресте и освобождении Мотирама', *Nāzīr mē ka impō ke tor diye jāne ke virodh mē anek tarkō sahīt bahut darad-bharī apil thī* (Y.DB, 346) 'В газете «Назир» содержался страстный призыв против разрушения лагерей, подкреплённый целым рядом аргументов' [ср. *Gobar aur Jhuniyā ke jāne ke bād ghar sunsān rahne lagā* (P.G, 247) 'После ухода Гобара и Джхунии дом обезлюдел', *kukīrti ke miṭne mē varṣō lag gaye...* (A.A, 24) 'Годы и годы ушли на то, чтобы исчезла дурная слава...'];

3) инфинитив сочетается с именем объекта, стоящим в форме косвенного падежа с послелогом *ko* (или в местоименной форме объектного падежа), например, *mantrī ko barkhāst kar diye jāne ke liye nāre bhī lagāye jāne lage* (Y.DB, 345) 'Стали даже выдвигаться лозунги с требованием отставки министра (или ... с требованием, чтобы министра уволили)', *Motīrām ne apne ko ek veśyūgār kā mainejār kahe jāne par bahut burā mānā* (G.D, 289) 'Мотирам обозлился на то, что его называли управляющим публичного дома'.

В первом и третьем случаях в способе соединения инактивного инфинитива с именем объекта действия отражаются глагольные черты инфинитива. Во втором случае находят отражение его именные черты (обычно тогда, когда именем объекта действия обозначается лицо).

При супинном и герундивном употреблении инактивного инфинитива входящее в его состав перфективное причастие основного смыслового глагола согласуется с именем объекта, стоящим в форме прямого падежа. В случае же герундиального использования инфинитива в форме косвенного падежа, т. е. перед послелогом, оно, как правило, принимает окончание *-e*, но может также (о чем свидетельствует один из приведенных выше примеров — см. ... *pyālā diyā jāne par...*) оставаться согласованным с именем объекта соответствующего действия.

В словосочетании или предложении инактив таких инфинитивных форм, как причастия (имперфективное, процессивное), деепричастие, глагольное прилагательное, занимает по отношению к пациенсу соответствующего действия такую позицию, какую данные инфинитивные

формы, не будучи в форме инактивного залога, занимают по отношению к агенту⁴.

Показательны, в частности, примеры с причастиями или глагольными прилагательными, входящими в состав атрибутивных словосочетаний: активное причастие или глагольное прилагательное синтаксически зависимо от имени субъекта действия, инактивное — от имени объекта, например, *aise šabda kahtā huā ādmī* 'говорящий такие слова человек' — *kahe jāte šabda* 'произносимые слова', *bojhā dhonevālā ādmī* 'несущий тяжесть человек' — *kandhō par dhoyā jānevālā bojhā* 'переносимая на плечах тяжесть'.

Краткое деепричастие в инактивной форме употребляется в позиции перед глаголами *saknā* и *suknā* в связи с передачей значения возможности или прекращения действия, например, *uski salāh kī upēkṣā na kī jā saktī thī* (P.G, 90) 'Его советом нельзя было пренебрегать', *vivāh ke mantra pahe jā cuke the* (AP.D, 72) 'Были уже прочитаны свадебные мантры'.

Инактивная форма герундия употребляется исключительно в позиции перед глаголом *karnā* в связи с выражением многократной совершаемости, например, *har grām-sabhā ke pās apne nām kī muhar hogī jo hastākṣar ke sthān par prayog kī jāyā karēgi* (HN, 78) 'Каждый деревенский совет будет иметь свою печать, которая будет [всякий раз] ставиться на месте подписи'.

Инактивная форма инфинитного глагола и лексический элемент, от которого она, находясь в препозиции, синтагматически зависима, составляют необходимый компонент нейтральной конструкции, если имя объекта оформляется косвенным падежом с послелогом *ko* или объектным падежом местоимения, например: ...*aur das-gyārah baras kī umr hote hī use mahfilō mē utārā jāne lagtā* (AN.S, 281) '...а как только [ей] исполнялось десять-одиннадцать лет, ее начинали отправлять в компании', *abhī-abhī daftar mē hukm āyā hai kī daftarō mē kām karne vālī auratē agar šādī karēgi to unhē kīsī samay bhī naukrī se alag kiyā jā saktā hai* (K.C.G, 43) 'Только что в учреждение пришел приказ, по которому работающих в учреждениях женщин, если они выйдут замуж, можно в любое время уволить со службы', ...*apil ko svikār kiyā jānā cā hīe...* (JY, 12.VIII.1975, 1) '...апелляцию следует принять [к рассмотрению]...'.

СИНОНИМЫ ИНАКТИВНОГО ЗАЛОГА

Грамматические синонимы инактивного залога создаются⁵:

1) использованием в неопределенно-личном значении формы 3-го лица множественного числа мужского рода настоящего общего времени глаголов — *sūt ko kätte hai aur usse kaprā banāte hai* 'Приде-

⁴ Относительно перфективного причастия такое утверждение было бы неверным в той мере, в какой оппозиция между инактивной формой данного причастия и его обычной (активной) формой оказывается в плане содержания снятой.

⁵ Этот вопрос рассматривается также в монографии П. Геффке [105, с. 88—94] и в работе Камтапрасада Гуру [107, с. 258—259].

нием получают нити, а из них изготавлиют ткань' [107, с. 259], *kriyā ke jis rūp se vidhān karne kī rīti kā bodh hotā hai use artha kahte hai* (KPG, 263) 'Ту форму глагола, которой обозначается maniera высказывания, называют наклонением', *mujhe Upendra kahte hai* (AP.D, 113) 'Меня зовут Упендра';

2) употреблением перфективного причастия от переходных глаголов в позиции предикатива в связи с выражением значения результативного состояния, приписываемого объекту действия (см. с. 78—79) — *lāl aur pīle telō kī do śīšiṃ rakhī thī* (N.D, 34) '[Здесь же] стояли (букв. поставленные были) два флакона: один с красным маслом, другой — с желтым', *jis vṛkṣa ke nīce vah nitya baiṭhī thī, vah uske pati kā lagāyā huā thā* (A.A, 122) 'Дерево, под которым она постоянно сидела, было посажено ее мужем';

3) адвербиальным употреблением простого имперфективного причастия в позиции перед глаголом *bannā* 'делаться', 'становиться' (см. с. 89) — ... *par usse kīsī bhāti kaṭhortā prakṛ karle na bantī* (JK.S, 83) '...но она никак не могла проявить твердость';

4) употреблением (как правило, адвербиальным) простого перфективного причастия переходного глагола в позиции перед однокорневым непереходным глаголом, относящимся к числу «пассивных по природе» (см. с. 90), — *Gulnār kī hāsī roke na rukī thī*... (S.TY, 55) 'Гульнар не могла удержаться от смеха...', *māi ne unhē rokā, par mere roke vah ruke nahī* (JK.K, 40) 'Я его удерживала, но, несмотря на все мои попытки его удержать, он не остался';

5) употреблением с послелогом *mē* герундиального инфинитива глаголов чувственного восприятия *dekhnā* 'видеть', *sunnā* 'слышать' в позиции перед глаголом *ānā* 'приходить' (см. с. 56) — *aise sundar, sudaul balisṭh yuvak kālejō mē bahut kam dekhne mē āte hai* (P.N, 47) 'В колледжах редко можно увидеть таких красивых, статных и сильных юношей', *aur is tarah ke jūte-lāt ke kisse āye din sunne mē āte hai* (B.D, 44) 'И подобные рассказы об ударах туфлями и пинках можно слышать каждый день';

6) употреблением основы глаголов (обычно трех глаголов — *jānnā* 'знать', *dekhnā* 'видеть', *sunnā* 'слышать'), осложненной формами глагола *paṛnā* 'падать', — *yah jīvan ab unhē vyartha-sā jān paṛtā thā* (P.N, 124) 'Эта жизнь казалась ему теперь бесцельной', *usse dekh paṛtā thā kī pahle kī apekṣā uskā svāsthya bahut acchā hai* (S.TY, 169—170) 'По ней (фотографии) было видно, что состояние его здоровья стало намного лучше, чем прежде', *vah pīche nahī dekhī thī, na use pīche se ghore kī tāp sun paṛtī thī* (A.A, 39) 'Назад она не оглядывалась, и ей не слышался сзади конский топот'.

Синонимическими по отношению к неактивному залогу таких глаголов, как *dekhnā* 'видеть', *sunnā* 'слышать', являются двухкомпонентные структуры типа *dikhāi* (или *dikhīlāi*) *denā* (или *paṛnā*) 'показываться', 'появляться', 'виднеться', 'казаться', *sunāi denā* (или *paṛnā*) 'слышаться', 'раздаваться', 'доноситься', приобретающие качество сложных (или аналитических) глаголов, например: *chajje par se mujhe vah kāṭilā tār sāf dikhāi detā thā jis ke bāhar* «bā-adab, bā-

tamīz) *larke nahī jā sakte the* (B.D, 94) 'С балкона мне хорошо была видна та колючая проволока, за которую «вежливые и воспитанные» мальчики не могли заходить', *pūrā Mārvār dikhāyī parṭā hai* (B.D, 146) 'Весь Марвар предстает перед глазами', *gubbārā ab to nīce se dikhāī bhī nahī parṭā thā* (AN.S, 316) 'Теперь воздушного шара даже не было видно снизу', *darvāze par dastak sunāyī dī...* (B.D, 46) 'Послышался стук в дверь...', *...sīrhiyō par dhamādham kī āvāzē sunāyī parī* (B.D, 62) '...на лестнице послышался грохот'⁶.

К лексическим синонимам форм инактивного залога относятся:

1) медиопассивные глаголы, т. е. глаголы, являющиеся, по определению Арьенды Шармы [160, с. 100], «пассивными по природе» или выступающие в качестве таковых, — *hamāre yahā kitābē biktī hī nahī* (MR.A, 333) 'У нас книги вовсе не продаются' (*biknā* 'продаваться' $\cong$ *becā jānā* от *becnā* 'продавать'), *yuvatī ne daurkar unke hāth se rassī chīn lī aur bolī — tum se na khīcegā. tum jākar khāt par baiṭho, māi khīce letā hū* (P.G, 84) 'Девушка, подскочив, вырвала у него из рук веревку и проговорила: «Вам не вытащить [ведро из колодца]. Идите сядьте на кровать. Я сама сейчас вытащу'» (*khīcnā* 'вытаскиваться' $\cong$ *khīcā jānā* от *khīchā* 'вытаскивать'), *par sab se barā gun unkā yah māntā hū ki unke dvārā merā āpse paricay huā hai* (A.N, 95) 'Но самым большим его достоинством я считаю то, что благодаря ему (букв. через него) состоялось мое знакомство с вами' (*honā* 'быть', 'становиться', 'совершаться', 'иметь место' $\cong$ *kiyā jānā* от *karnā* 'делать', 'производить', 'совершать');

2) глаголы, располагающие суффиксом *-ā(-lā-)* в своем пассивном значении, например глагол *kahlānā* (ср. *kahnā* 'говорить', 'называть') в значении «называться» (а не «заставлять говорить» или «заставлять называть»), нарушающем регулярность соответствия между местом глагола в ряду однокорневых глаголов и его семантикой [33, с. 83; 105, с. 91], — *ve vikārī śabda jo sanjñā ke sthān mē prayukta kiye jāte hai sarvanām kahlāte hai* (D.HV, 85) 'Изменяемые слова, употребляющиеся на месте существительного, называются местоимениями';

3) санскритские и новосанскритские причастные образования и арабские по происхождению причастия страдательного значения, употребляющиеся в функции предикатива, объектно-предикативного члена, а также и атрибутивно, — *inhī do tattvō ke praspaṇḍ-viśpaṇḍ se yah sansār ābhāsīt ho rahā hai* (HD.B, 150) 'В пульсации именно

⁶ Данный уаус, относимый нами к кругу лексических синонимов инактивного залога, обнаруживает, однако, и грамматические черты в той мере, в какой в отношении между *dekhnā* и *sunnā*, с одной стороны, и первыми компонентами отмеченных структур, т. е. *dikhāī* (*dikhāī*) и *sunāī*, — с другой, можно усматривать результат формообразования, распространяющегося и на другие глаголы. Примечателен в этой связи пример, приведенный Тхакардасом Пахвой в одном из текстов приложения к учебнику [143, с. 540]: *kanṣṭāibal gaṭh-kāṭe ke pīche daurā magar vah rakṣāyī na diyā* (или *us ne rakṣāyī na dī*) 'Констебль бросился за карманником, но тот не дал себя поймать'; ср. *pakarṇa* 'ловить' — *rakṣāī dena* 'ловиться', 'попадаться'.

этих двух сущностей отражен этот мир', *saubhāgya se vah us samay prasanna thā aur caṣak bharne ke kām mē mujhe niyukta kar liyā* (HD.B, 122) 'К счастью, он тогда находился в прекрасном расположении духа и назначил (букв. сделал назначенной) меня на должность виночерпия', *pārī par āmantrit atithi* (AP.D, 41) 'приглашенные на прием гости'; *jantā dvārā nirvācit sarkār* (JY, 18.V.1975, 5) 'избранное народом правительство', *use merī zarūrat kis śiddat se mahsūs hotī hogī* (B.D, 17) 'Как, должно быть, остро ощущается им необходимость во мне'.

УСЛОВНЫЕ СОКРАЩЕНИЯ НАЗВАНИЙ ИСТОЧНИКОВ

- A.A — A jñey. Amar vallarī aur auya kahāniyā. Sarasvatī pres. Banāras, 1954.
- AJ — Śikārī. Afrikā ke jangal mẽ. Svayambhātī pustakālay. Vārāṇasī [ḡ. r.].
- A.N — A jñey. Nadī ke dvīp. Sarasvatī pres. Ilāhābād, 1971.
- AN.S — Amṛtāl Nāgar. Śātranj ke mohre. Bhāratīya jñānpīṭh. Kāśī, 1959.
- AP.D — Amṛtā Pritam. Dākṭar Dev. Hind pākeṭ buks prāiveṭ limiṭiḍ. Dillī [ḡ. r.].
- AY.S — Ādarśakumārī Yaśpal. Sacitra braj kī lok-kathāē. Bhāg 1. Ātmārām eṇḍ sanz. Dillī, 1957.
- B.D — Rājendra Sinh Bedī. Divālā. Nīlābh prakāśan. Ilāhābād, 1960.
- BC.C — Bhagvatsvarūp Caturvedī. Cumbakō kā ghar. Rājkamal prakāśan. Dillī, 1961.
- BG — Bīrbal kī gap-šap. Hindī pracārak pustakālay. Vārāṇasī, 1963.
- BG.G — Bhairavprasād Gupta. Gangā maiyā. Rājkamal prakāśan. Bambaī, 1953.
- BG.S — Bhairavprasād Gupta. Sattī maiyā kā caurā. Nīlābh prakāśan. Ilāhābād, 1959.
- BHK — Bṛhat hindī koṣ. Jñānmaṇḍal limiṭeḍ. Banāras, sāvat 2013.
- BS — Bīrbal kī gāgar-sāgar. Hindī pracārak pustakālay. Vārāṇasī, 1963.
- D.HV — Dunicand. Hindī vyākaraṇ. Hoṣyārpur, sāvat 2007.
- DV.B — Dhīrendra Varmā. Brajbhāṣā. Hindustānī ekeḍemī. Ilāhābād, 1954.
- EHD — Bahri H. Comprehensive English-Hindi Dictionary. Varanasi, 1960.
- G.D — Gurudatta. Dāstā ke naye rūp. Hind pākeṭ buks prāiveṭ limiṭiḍ. Dillī, 1969.
- HD.B — Hāzārīprasād Dvivedī. Bāṇbhaṭṭa kī 'ātmakathā'. Hindī-granth-ratnākar. Bambaī, 1958.
- HN — E. P. I. Miśra, Viśvambhar Sahāy. Hindī nibandh evam apaṭhit. Āgrā, 1960.
- HS — Rāmbahorī Śukla aur Bhagīrath Miśra. Hindī sāhitya kā udgam aur vikās. Hindī bhavan. Jālandhar aur Ilāhābād, 1956.
- HSS — Hindī-śabdasāgar. Bhāg 1—4. Kāśī-nāgarī-pracārīṇī sabhā. Kāśī, 1916—1928.
- JK.K — Jainendra Kumār. Kalyāṇī. Rājkamal prakāśan. Dillī, 1960.
- JK.S — [Jainendra Kumār]. Jainendra kī śreṣṭha kahāniyā. Rājkamal prakāśan. Dillī, 1960.
- JP.I — Jayśankar 'Prasād'. Iravati. Bhāratī-bhaṇḍār. Ilāhābād, sāvat 2006.
- JS — Jivan aur sangharṣa (ekāṅkī sangrah). Sampādak — Udayśankar Bhaṭṭa. Rājpal eṇḍ sanz. Dillī [ḡ. r.].
- JY — «Janyug». Nayī Dillī.
- K.K — Viśvambharnāth Śarmā 'Kauśik'. Kallol. Vinod pustak mandir. Āgrā, 1954.
- KC.A — Kṛṣṇacandra. Anuadātā. Rājpal eṇḍ sanz. Dillī, 1954.

- K.C.E — Kṛṣṇan Candar. Ek gadhe kī vāpasī. Hind pakeṭ buks praiveṭ limitēd. Dillī [6. r.].
- K.C.G — Kṛṣṇa Candar. Ek gadhe kī ātmakathā. Rājpal eṇḍ sanz. Dvitiya sanskaraṇ. Dillī [6. r.].
- K.C.H — Kṛṣṇan Candar. Ham vahṣī hāi. Hindustānī pabliṣing hāus. Ilāhābād, 1952.
- K.C.K — Kṛṣṇacandra. Kaśmīr kī kahāniyā. Rājpal eṇḍ sanz. Dehlī [6. r.].
- K.C.P — Kṛṣṇacandra. Pancrangī. Hind kitābs limitēd. Bambaī, 1950.
- K.C.S — Kṛṣṇacandra. Garjan kī ek sām. Rājpal eṇḍ sanz. Dillī [6. r.].
- K.C.T — Kṛṣṇacandra. Talāṣ. Hind kitābs limitēd. Bambaī, 1950.
- KDS — Kapildevsinh. Brajbhāṣā banām kharīboli. Vinod pustak mandir. Agrā, 1956.
- KPG — Kāmṭāprasād Guru. Hindī vyākaraṇ. Kaṣī, sāvat 2017.
- MHK — «Mānak hindī koṣ». Khaṇḍ 1—5. Hindī sāhitya sammelan. Prayāg, 1962—1966.
- M.R.A — Mohan Rākeṣ. Ādhare band kamre. Rājkamal prakāṣan. Dillī, 1961.
- N — «Navanīt» (Hindī dāijest). Bambaī.
- N.D — Nāgārjun. Dukhmocan. Rājkamal prakāṣan. Dillī, 1958.
- N.K — 'Nirālā'. Kāle kārṇāme. Hindī pracārak pustakālay. Vārāṇasī, 1960.
- N.N — Sūryakānt Tripāthī 'Nirālā'. Nirupamā. Bhārati bhaṇḍār. Prayāg, sāvat 2011.
- N.S — Sūryakānt Tripāthī 'Nirālā'. Sukul kī bīvi. Bhārati bhaṇḍār. Ilāhābād, sāvat 2004.
- NK — «Naī kahāniyā». Rājkamal prakāṣan. Dillī—Ilāhābād.
- P.D — Premcand. Durgādās. Hans prakāṣan. Ilāhābād, 1953.
- P.G — Premcand. Godān. Sarasvatī pres. Banāras, 1954.
- P.GJ — Premcand. Grāmya jīvan kī kahāniyā. Sarasvatī pres. Banāras, 1952.
- P.JK — Premcand. Jangal kī kahāniyā. Hindustānī pabliṣing hāus. Ilāhābād [6. r.].
- P.KK — Premcand. Kutte kī kahānī. Sarasvatī pres. Banāras, 1951.
- PL — «Pāc lambī kahāniyā jinḥē Mohan Rākeṣ ne cunā», — lekḥak: Rājendra Yādav (pr. 9—36), Phaṇīśvarnāth Reṇu (pr. 36—71), Śekhhar Joṣī (pr. 72—87), Nirmal Varmā (pr. 87—127), Mohan Rākeṣ (pr. 127—159), — Rājkamal prakāṣan. Dillī, 1960.
- P.M-1 — Premcand. Mānasarovar. Bhāg 1. Sarasvatī pres. Banāras, 1953.
- P.M-2 — Premcand. Mānasarovar. Bhāg 2. Hans prakāṣan. Ilāhābād [6. r.].
- P.M-4 — Premcand. Mānasarovar. Bhāg 4. Hindustānī pabliṣing hāus. Ilāhābād, 1951.
- P.M-7 — Premcand. Mānasarovar. Bhāg 7. Sarasvatī pres. Banāras, 1950.
- P.N — Premcand. Nirmalā. Sarasvatī pres. Banāras, 1957.
- P.PD — Premcand. Prem-dvādaśī. Hans prakāṣan. Ilāhābād, 1954.
- P.PPh — Premcand. Pāc phul. Sarasvatī pres. Banāras, 1952.
- P.PP — Premcand. Prem-pācī. Hindī pustak ejensī. Kaṣī, sāvat 1994.
- P.S — Premcand. Sevāsadan. Sarasvatī pres. Banāras [6. r.].
- P.Ss — Premcand. Saptasaroj. Hindī pustak ejensī. Kalkattā, sāvat 1983.
- P.SS — Premcand. Saptāsuman. Sarasvatī pres. Banāras, 1951.
- PT.S — Premnārāyan Ṭaṇḍan. Sūr kī bhāṣā. Hindī sāhitya bhaṇḍār. Lakhnāu, 1957.
- RK.P — Rājendrakumār. Pāścimī Avadh kī lok-kathāḥ. Ātmaram eṇḍ sanz. Dillī, 1960.
- RY.S — Rājendra Yādav. Sara akaṣ. Rājkamal prakāṣan. Dillī, 1960.
- S.B — Sītā. Bhārat kī lok-kathāḥ (dhūmil phul). Neṣanal pabliṣing hāus. Dillī, 1959.
- S.K — Samīr. Kināre-kināre. Sṭār pakeṭ sṭrīz. Naī Dillī, 1972.
- S.N — Sudarṣan. Nagīne. Vorā eṇḍ kampanī pabliṣarz. Bombaī, 1947.
- S.P — Sudarṣan. Parivartan. Indīyan pres limitēd. Prayāg, 1937.

- S.PP — Satiṣ. Paṣu-pakṣi sambandhi lok-kathāē. Ātmārām eṇḍ sans. Dillī, 1960.
- S.SS — Sudarṣan. Sudarṣan-śuman. Rājpal eṇḍ sanz. Dillī [6. r.].
- S.TY — Sudarṣan. Tīrth-yātrā. Indīyan pres limited. Prayāg, 1927.
- SV-2 — Sāvitrīdevī Varmā. Uttar Bhārat kī lok-kathāē. Bhāg 2. Ātmārām eṇḍ sans. Dillī, 1960.
- SV-3 — Sāvitrīdevī Varmā. Uttar Bhārat kī lok-kathāē. Bhāg 3. Ātmārām eṇḍ sans. Dillī, 1958.
- UA.BP — Upendranāth 'Aṣk'. Bāḡan kā paudhā. Nīlābh-prakāśan gṛh. Ilāhābād [6. r.].
- UA.KS — Upendranāth 'Aṣk'. Kālē sāhab. Nīlābh-prakāśan gṛh. Ilāhābād [6. r.].
- UA.P — Upendranāth 'Aṣk'. Pījṛā. Nīlābh-prakāśan gṛh. Ilāhābād, 1952.
- U.SA — Paṇḍey Becan Śarmā 'Ugra'. Sarkār tumhārī ākhō mē. Rājkamal prakāśan. Dillī, 1960.
- U.SK — Paṇḍey Becan Śarmā 'Ugra'. Ugra kī śreṣṭha kahāniyā. Rājkamal prakāśan. Dillī, 1961.
- UB.L — Udayśankar Bhaṭṭa. Lok-parlok. Rājkamal prakāśan. Dillī, 1958.
- UB.S — Udayśankar Bhaṭṭa. Sāgar, lahrē aur manuṣya. Masijivī prakāśan. Naī Dillī [6. r.].
- VA.A — Vallābh Agravāl. Amāvas. Agravāl printīng pres. Farrukhābād [6. r.].
- VL — «Vijñān-lok». Śrīrām Mehrā eṇḍ kampanī. Āgrā.
- VV.M — Vṛndāvanlāl Varmā. Mṛgnayanī. Māyūr-prakāśan. Jhāsi, 1955.
- Y.A — Yaśpāl. Abhiṣapta. Viplav kāryālay. Lakhnaū, 1948.
- Y.D — Yaśpāl. Deśdrohī. Viplav kāryālay. Lakhnaū, 1953.
- Y.DB — Yaśpāl. Jūṭhā sac. Deś kā bhaviṣya. Viplav kāryālay. Lakhnaū, 1960.
- Y.DK — Yaśpāl. Dādā-kāmreḍ. Viplav kāryālay. Lakhnaū, 1944.
- V.VD — Yaśpāl. Jūṭhā sac. Vatan aur deś. Viplav kāryālay. Lakhnaū, 1958.

ЛИТЕРАТУРА

1. Абрамов Б. А. О понятии семантической избирательности слов. — ИСЗСП.
2. Авилова Н. С. Способ глагольного действия, глагольная семантика и вид глагола. — Вопросы синтаксиса и лексики современного русского языка. М., 1973.
3. Авилова Н. С. «Способ глагольного действия» и возможности видовой соотносительности глагола. — НДВШ. ФН. 1975, № 2.
4. Апресян Ю. Д. Об одном правиле сложения лексических значений. Проблемы структурной лингвистики. 1971. М., 1972.
5. Баранников А. П. Хиндустани (урду и хинди). Л., 1934.
6. Бархударов А. С. Словообразование в хинди. М., 1963.
7. Бархударов Л. С. К вопросу о бинарности оппозиций и симметрии грамматических систем (на материале глагола в английском и французском языках). — ВЯ. 1966, № 4.
8. Бархударов Л. С., Штелинг Д. А. Грамматика английского языка. М., 1973.
9. Бенвенист Э. Общая лингвистика. М., 1974.
10. Бескровный В. М. О вспомогательной функции отымненного глагола *khaṛā honā* в хинди. — КСИНА. Вып. 62. Языки Индии. 1964.
11. Бескровный В. М. О сочетаниях глагольных основ хинди с *rahnī*. — УЗЛГУ. № 279, СВН. Вып. 9, 1960.
12. Бондарко А. В. Вид и время русского глагола (значение и употребление). М., 1971.
13. Бондарко А. В. Виды глагола и способы действия в русском языке. — РЯНШ. 1971. № 2.
14. Бондарко А. В. Грамматическая категория и контекст. Л., 1971.
15. Бондарко А. В. Классификация морфологических категорий. — Типология грамматических категорий («Мещаниновские чтения»). Тезисы докладов. М., 1973.
16. Бондарко А. В., Буланин Л. Л. Русский глагол. Л., 1967.
17. Будагов Р. А. Введение в науку о языке. М., 1958.
18. Булыгина Т. В. Грамматические оппозиции. — Исследования по общей теории грамматики. М., 1968.
19. Вардоль И. Ф. К вопросу о явлении эллипсиса. — ИСЗСП.
20. Васильева Н. М., Пичкова Л. П. Грамматические категории французского глагола. М., 1972 (на франц. яз.).
21. Виноградов В. В. Русский язык (Грамматическое учение о слове). М.—Л., 1948.
22. Гак В. Г. К проблеме семантической синтагматики. — Проблемы структурной лингвистики. 1971. М., 1972.
23. Грамматика русского языка. Т. 1. М., 1954.
24. Грамматика современного русского литературного языка. М., 1970.
25. Гухман М. М. Грамматическая категория и структура парадигм. — Исследования по общей теории грамматики. М., 1968.
26. Давидова А. А. Некоторые вопросы глагольного словообразования в языке хиндустани. — УЗИВАН. Т. 13, 1958.
27. Давидова А. А. Основные синтаксические функции сложных причастий в урду. — УЗМГИМО. СФ. Вып. 5. Вопросы языка и литературы стран Востока. 1961.

28. Дащенко Г. М. О семантике атрибутивных синтагм с зависимым причастием в языках урду и хинди. — ВМУ. 1972, № 2.
29. Дымшиц З. М. Особенности самостоятельного употребления простых причастий в языке хинди. — Вопросы языка и литературы. М., 1968.
30. Дымшиц З. М. Синтаксические функции усложненных причастий в языке хинди. — Восточная филология. Характерологические исследования. М., 1971.
31. Дымшиц З. М. Язык урду. М., 1962.
32. Елизаренкова Т. Я. К вопросу о неличных именных формах глагола хинди и урду. — Księga pamiątkowa ku czci Eugeniusza Śluszkiewicza. Warszawa, 1974.
33. Елизаренкова Т. Я. Об асимметрии в системе каузативных глаголов в языке хинди. — ВГЯХ.
34. Елизаренкова Т. Я. Об одной словообразовательной модели хинди (к постановке проблемы). — УЗМГИМО. ВЯЛ. Вып. 7. 1971.
35. Елизаренкова Т. Я. Эргативная конструкция в новоиндийских языках. — Эргативная конструкция предложения в языках различных типов. Л., 1967.
36. Еловков Д. И. О сложных глаголах в языке хиндустани. — Филология стран Востока. Л., 1963.
37. Жигадло В. Н., Иванова И. П., Иoffик Л. Л. Современный английский язык. М., 1956.
38. Жмотова О. Д. Глагольные черты инфинитива в хинди и урду. — Языки Индии. М., 1961.
39. Жмотова О. Д. Именные признаки инфинитива в хинди и урду. — ВГЯХ.
40. Жмотова О. Д. Синтаксические функции инфинитива хинди и урду. — Вопросы индийской филологии. М., 1974.
41. Зиндер Л. Р., Строева Т. В. Современный немецкий язык. М., 1957.
42. Зограф Г. А. Отрицания при глаголе в хиндустани. — КСИН. Вып. 18. 1956.
43. Иванова И. П. Вид и время в современном английском языке. Л., 1961.
44. Катенина Т. Е. Язык хинди. М., 1960.
45. Курилович Е. Вид и время в истории персидского языка. — Е. Курилович. Очерки по лингвистике. М., 1962.
46. Липеровский В. П. Категория наклонения в современном литературном хинди. М., 1964.
47. Липеровский В. П. К вопросу о выделении предположительного наклонения в хинди. — КСИНА. Вып. 62. Языки Индии. 1964.
48. Липеровский В. П. рец. на [P. Gaeffke. Untersuchungen zur Syntax. . .] — НАА. 1969, № 4.
49. Липеровский В. П. рец. на [P. Nacker. Zur Funktion. . .] — ПВ. 1960, № 4.
50. Марузо Ж. Словарь лингвистических терминов. М., 1960.
51. Маслов Ю. С. Вопросы глагольного вида в современном зарубежном языкознании. — Вопросы глагольного вида. М., 1962.
52. Маслов Ю. С. Система основных понятий и терминов славянской аспектологии. — Вопросы общего языкознания. Л., 1965.
53. Мурадян А. Г. Спорные вопросы изучения категории вида во французском языке. — НДВШ. ФН. 1974, № 5.
54. Мухамеджанов Р. О дифференциации изъявительного и предположительного наклонения в языках хинди и урду. — «Труды Самаркандского государственного университета. Новая серия». Вып. 194. 1970.
55. Мухамеджанов Р. Отглагольные сложные глаголы в языках хинди и урду. — Востоковедение. Иностранные языки. Ташкент, 1967.
56. Мухамеджанов Р. Синтаксические сочетания или личные формы глагола? — НТТГУ. Вып. 404. 1971.
57. Мухамеджанова В. А. К вопросу о категории залога в урду, хинди и узбекском языках. — Востоковедение. Иностранные языки. Ташкент, 1967.
58. Мухамеджанова В. А., Мухамеджанов Р. О категории залога. — НТТГУ. Вып. 404. 1971.

59. Плоткин В. Я. О принципе бинарности в строении английской видо-временной системы. — НДВШ. ФН. 1965, № 2.
60. Проспект «Русской грамматики». М., 1972.
61. Световидова И. А. Время, вид и способ действия в современном бенгали. — ЯИПНЦ.
62. Сигорский А. А. Язык «Слова о 252 вишнунтах» Гокульнатха (памятника XVII в.). Канд. дис. М.
63. Смирницкий А. И. Морфология английского языка. М., 1959.
64. Смирнов Ю. А. Категория полупассива и иррегулярного пассива в языке панджаби. — ЯИПНЦ.
65. Ульциферов О. Г. Некоторые замечания о категории глагола в современном литературном языке хинди. — УЗМГИМО. ВЯЛ. Вып. 7. 1971.
66. Ульциферов О. Г. Предикативная функция причастий в современном литературном языке хинди. — НТМГИМО. ВЯЛ. Вып. 11. 1973.
67. Ульциферов О. Г. Словосочетания в хинди. М., 1974.
68. Ульциферов О. Г. Сложные вербальные словосочетания в современном литературном языке хинди. — НТМГИМО. ВЯЛ. Вып. 12. 1974.
69. Усманов А. Р. Классификация глаголов урду на основе их сочетаемости. Автореф. канд. дис. М., 1973.
70. Храковский В. С. Деривационные отношения в синтаксисе. — ИСЗСП.
71. Храковский В. С. Пассивные конструкции. — Типология пассивных конструкций. Диатезы и залог. Л., 1974.
72. Черникова С. А. Категории времени и вида в современном литературном языке урду. Автореф. канд. дис. М., 1965.
73. Черникова С. А. Простые и сложные причастия урду в функции предикативного члена именного сказуемого. — НТТГУ. Вып. 404. 1971.
74. Черникова С. А. Употребление форм настоящего, прошедшего и будущего времени в современном языке урду. М. [б. г.] (на яз. урду).
75. Черникова С. А. Формы настоящего, прошедшего и будущего времени длительного вида в языках урду и хинди. — Проблемы филологии. Ученые записки. М., 1967.
76. Чернышев В. А. Звукоподражательные глаголы хинди. — Индийская и иранская филология. М., 1964.
77. Чернышев В. А. Об одном приеме стилистического синтаксиса хинди (двойное сказуемое). — ЯИПНЦ.
78. Чернышев В. А. Простые отыменные глаголы современного хинди. — ВГЯХ.
79. Чернышев В. А. Синтаксис простого предложения в хинди. М., 1965.
80. Чернышев В. А. Фразеологические сочетания «имя+глагол (*karnā, honā, denā*)» и сложноотыменные глаголы в современном литературном хинди. — Языки Индии. М., 1961.
81. Bahl K. Ch. The Causal Verbs in Hindi. — Languages and Areas. Studies Presented to George V. Bobrinskoy on the Occasion of His Academic Retirement. Chicago, 1967.
82. Bahl K. Ch. A Reference Grammar of Hindi (A Study of Some Selected Topics in Hindi Grammar). University of Chicago, 1967 (mimeographed).
83. Bahl H. Hindi Semantics. Allahabad, 1959.
84. Bailey T. G. The Four Classes of Urdu Verbs. — BSO(A)S. 1934, vol. 7, pt 3.
85. Bailey T. G. The Meaning and Usage of Causal Verbs in Urdu and Panjabi. — BSO(A)S. 1929, vol. 5, pt 3.
86. Bailey T. G. Teach Yourself Urdu. London [1962].
87. Bailey T. G. Urdu Grammatical Notes. — JRAS. 1931, pt 1.
88. Balachandran Lakshmi Bai. A Case Grammar of Hindi (with a Special Reference to the Causative Sentences). Agra, 1973.
89. Barnes V. О морфологических противопоставлениях в структурной диахронии. — Travaux linguistiques de Prague. T. 2. Les problèmes du centre et de la périphérie du système de la langue. Prague, 1966.
90. Beames J. A Comparative Grammar of the Modern Aryan Languages of India. Vol. 1—3. New Delhi, 1970.

91. Benveniste E. Les relations de temps dans le verbe français. — BSLP. 1959, t. 54, fasc. 1.
92. Berger H. Rez. [P. Hacker. Zur Funktion. . .] — ZDMG. 1962, Bd 112, H. 1.
93. Berger H. Rez. [S. Lienhard. Tempusgebrauch. . .] — OLZ. 1966, Jg. 61, № 1/2.
94. Burton - Page J. Compound and Conjunct Verbs in Hindi. — BSO(A)S. 1957, vol. 19, pt. 3.
95. Burton - Page J. Rev. [P. Hacker. Zur Funktion. . .] — BSO(A)S. 1960, vol. 23, pt. 3.
96. Burton - Page J. The Syntax of Participial Forms in Hindi. — BSO(A)S. 1957, vol. 19, pt. 1.
97. Černišov Vi. E. Ādhunik sāhityik hindī ke nāmdhātu aur nāmik sa-nyukta kriyāē. — «Nāgaripracāriṇī patrikā». Kāśī, sāvat 2014, varṣa 62, ank 1.
98. Dehreczeni A. Some Characteristics of the Hindi Verbal System. — AOH. 1964, t. 17, fasc. 2.
99. Dīmšits Z. M. Hindī vyākaraṇ kī rūparekhā. Dillī, 1966.
100. Dunicand. Hindī vyākaraṇ. Hošyārpur, sāvat 2007.
101. Elizarenkova T. About the Verbal System in Hindi. — Symbolae linguisticae in honorem Georgii Kuryłowicz. Wrocław—Warszawa—Kraków, 1965.
102. Elizarenkova T. Rev. [P. Gaeffke. Untersuchungen zur Syntax. . .] — «Linguistics. An International Review». № 81. The Hague, 1972.
103. Gaeffke P. Rez. [P. Hacker. Zur Funktion. . .] — «Oriens». Vol. 16. Leiden, 1963.
104. Gaeffke P. Rez. [S. Lienhard. Tempusgebrauch. . .] — ZDMG. 1963, Bd 113, H. 2.
105. Gaeffke P. Untersuchungen zur Syntax des Hindi. The Hague — Paris, 1967.
106. Greaves E. A Grammar of Modern Hindi. Benares, 1896.
107. Guru Kāmāprasād. Hindī vyākaraṇ. Kāśī, sāvat 2017.
108. Hacker P. Einiges zur Hindi-Grammatik. — IJ. 1963, vol. 6, № 3/4.
109. Hacker P. On the Problem of a Method for Treating the Compound and Conjunct Verbs in Hindi. — BSO(A)S. 1961, vol. 24, pt. 3.
110. Hacker P. Rez. [S. Lienhard. Tempusgebrauch. . .] — IJ. 1962, vol. 6, № 2.
111. Hacker P. Die Seinbegriffe des Hindi: 'hotā hai' und 'hai'. — KZ. 1963, Bd 78, H. 3—4.
112. Hacker P. Zur Funktion einiger Hilfsverben im modernen Hindi. Wiesbaden, 1958.
113. Hälsig M. Die Darstellung der resultativen Aktionsart der finitiven Sphäre im modernen Literaturhindi. — Neue Indienkunde. Festschrift Walter Ruben zum 70. Geburtstag. Berlin, 1970.
114. Hälsig M. Grammatischer Leitfaden des Hindi. Leipzig, 1967.
115. Hälsig M. Über den Wechsel vom Passivischen zum Aktivischen bei den mit *huā* zusammengesetzten perfektiven Partizipien im modernen Literaturhindi. — Probleme der Lexikographie. Akademie—Verlag. Berlin, 1970.
116. Haq 'Abdul. Qavā'id-e urdū. Aurangābād, 1936.
117. Harley A. H. Colloquial Hindustani. London, 1955.
118. Hasan R. The Verb 'be' in Urdu. — «The Verb 'be' and its Synonyms. Philosophical and Grammatical Studies — 5» (Foundations of Language. Supplementary Series. Vol. 14). Dordrecht, 1972.
119. Hindī sāhitya kā bṛhat itihas. Dvitiya bhāg. Hindī bhāṣā kā vikās. Kāśī, sāvat 2022.
120. Jha S. The Formation of the Maithili Language. London, 1958.
121. Kachru Y. Causative Sentences in Hindi Revisited. — Issues in Linguistics. Papers in Honor of Henry and Renée Kahane. Urbana—Chicago—London, 1973.
122. Kachru Y. Causative Sentences in Indian Languages. — Studies in Transformational Grammar. Poona, 1972.

123. K a c h r u Y. The Copula in Hindi. — «The Verb 'be' and its Synonyms. Philosophical and Grammatical Studies — 2» (Foundations of Language. Supplementary Series. Vol. 6). Dordrecht, 1968.
124. K a c h r u Y. An Introduction to Hindi Syntax. Urbana, 1966.
125. K a c h r u Y. On the So Called Conject Verbs in Hindi. — Studies in Hindi Linguistics (Preliminary Draft). Selected Papers from the Conference on Current Trends in Indian Linguistics with Special Reference to Hindi. New Delhi, [1968].
126. K ā l r ā Sudhā. Hindī kī prernārthak kriyāē. — «Bhāṣā». Hindī bhāṣāvijñān ank. Nāi Dillī, 1973.
127. K ā l r ā Sudhā. Hindī-vākya-vinyās. Māhābād, 1971.
128. Kellogg S. H. A Grammar of the Hindi Language. London, reprinted 1955.
129. Kuryłowicz J. Aspect et temps dans l'histoire du persan. — RO. T. 16. 1953.
130. Kuryłowicz J. L'apophonie en indo-européen. Wrocław, 1956.
131. Lakṣmībāī Bī. Karak siddhant. — «Bhāṣā». Hindī bhāṣāvijñān ank. Nāi Dillī, 1973.
132. Lienhard S. Rez. [P. G a e f f k e. Untersuchungen zur Syntax. . .]. — ZDMG. 1975, Bd 125, H. 1.
133. Lienhard S. Rez. [P. H a c k e r. Zur Funktion. . .] — OLZ. 1960, Jg. 55, № 3/4.
134. Lienhard S. Tempusgebrauch und Aktionsartenbildung in der modernen Hindi. Stockholm—Göteborg—Uppsala, 1961.
135. Mc Gregor R. S. Outline of Hindi Grammar. Oxford, 1972.
136. Meile P. Infinitifs adjectivés en hindi. — BSLP. 1948, t. 44, fasc. 1.
137. Miltner V. Rev. [S. Lienhard. Tempusgebrauch. . .] — AOr. 1962, vol. 30, № 4.
138. Nespi tal H. Einige Bemerkungen zum Futur im modernen Hindi. — Neue Indienkunde. Festschrift Walter Ruben zum 70. Geburtstag. Berlin, 1970.
139. Nespi tal H. Zur syntaktischen Verwendung der Verbalaspekte im Hindi und Urdu. — WZHU. 1974, H. 2.
140. Nespi tal H. Zur syntaktischen Verwendung der Verbalaspekte im Hindi und Urdu (untersucht am Beispiel temporaler Satzgefüge mit einmaligem Zeitbezug). — ZPSK. 1975, Bd 28, H. 3/4.
141. Olphen H. van. Aspect, Tense, and Mood in the Hindi Verb. — IJ. 1975, vol. 16, № 4.
142. Olphen H. van. Functional and Non-functional Conjoint Verbs in Hindi. — IL. 1973, vol. 34, № 4.
143. P a h w a Munshi Thakardass. The Pucca Munshi. Peshawar, 1936.
144. P a l Animesh K. Aspect in Bengali Verbal Compounds. — «Journal of the Asiatic Society». Calcutta, 1970, vol. 12, № 1—4 (issued August, 1972).
145. P h i l l o t t D. C. Note on the Statical and Some Other Participles in Hindustani. — BSO(A)S. 1926, vol. 4, pt 1.
146. P o ř í z k a V. The Adjectival and Adverbial Participles in Hindi Syntax. — AOr. 1952, vol. 20, № 3/4.
147. P o ř í z k a V. Hindi Participles Used as Substantives. — AOr. 1950, vol. 18, № 4.
148. P o ř í z k a V. Hindština. Hindi Language Course. Praha, 1963.
149. P o ř í z k a V. On the Perfective Verbal Aspect in Hindi. — AOr.: a) 1967, vol. 35, № 1; b) 1967, vol. 35, № 2; c) 1968, vol. 36, № 2; d) 1969, vol. 37, № 1; e) 1969, vol. 37, № 3.
150. P o ř í z k a V. On Some Verbal Expressions in Hindi. — «Acta Universitatis Carolinae. Philologica 5. 1970». Orientalia Pragensia 7. Praha.
151. R a u W. Rez. [S. Lienhard. Tempusgebrauch. . .] — AS—EA. 1962, № 3/4.
152. Ś a k s e n a B. Evolution of Awadhi (a Branch of Hindi). Allahabad, 1937.
153. Ś a r m ā Kanhaiyālāl. Hindī kī sanyukta kriyāē. — «Bhāṣā». 1973, varṣa 13, ank 1.

154. Schmid W. P. Rez. [P. Hacker. Zur Funktion...] — IF. 1961, Bd 66, H. 3.
155. Schmid W. P. Rez. [S. Lienhard. Tempusgebrauch...] — IF. 1964, Bd 69, H. 2.
156. Schokker G. H. The *jāna*-Passive in the NIA Languages. — IJL. 1969, vol. 12, № 1.
157. Scholberg H. C. Concise Grammar of the Hindi Language. London—Bombay, 1955.
158. Schwarzschild L. A. Rev. [P. Hacker. Zur Funktion...] — JAOS. 1960, vol. 80, № 2.
159. Schwarzschild L. A. Rev. [S. Lienhard. Tempusgebrauch...] — JAOS. 1962, vol. 82, № 3.
160. [Sharma A.] A Basic Grammar of Modern Hindi. Government of India. Ministry of Education and Scientific Research. 1958.
161. Smekal O. Classification of Hindi Onomatopoeic Verbal Bases. — «Acta Universitatis Carolinae. Philologica 4. 1971». Orientalia Pragensia 8. Praha.
162. Southworth F. C. Rev. [S. Lienhard. Tempusgebrauch...] — «Language». Baltimore, 1963, vol. 39, № 3.
163. Tivārī Bholānāth. Hindī yaugik kriyā. — «Bhāṣā». Hindī bhāṣāvijñān ank. Nai Dilli, 1973.
164. Tivārī Udaynārāyaṇ. Hindī bhāṣā kā udgam aur vikās. Prayāg, sāvat 2012.
165. Tiwari U. N. The Origin and Development of Bhojpuri. Calcutta, 1960.
166. Vājpeyī Kiṣorīdās. Hindī śabdānuśāsan. Kāṣī, sāvat 2014.
167. Verma M. K. The Structure of the Noun Phrase in English and Hindi. Delhi—Patna—Varanasi, 1971.
168. Vermeer H. J. Hindī — 'enfant terrible' der Sprachwissenschaft. — IF. 1965, Bd 70, H. 3 (ausgegeben im Juni 1966).
169. Vermeer H. J. Untersuchungen zum Bau zentral-süd-asiatischer Sprachen (Ein Beitrag zur Sprachbündfrage). Heidelberg, 1969.
170. Vreese K. de. Rev. [S. Lienhard. Tempusgebrauch...] — «Lingua». Amsterdam, 1965, vol. 13, № 2.

ДОПОЛНИТЕЛЬНАЯ ЛИТЕРАТУРА *

171. Abbi A. Reduplicated Adverbs in Hindi. — IL. 1977, vol. 38, № 3.
172. Bahl K. Ch. Studies in the Semantic Structure of Hindi (Synonymous Nouns and Adjectives with karanā). Vol. 1. Delhi—Varanasi—Patna, 1974.
173. Börner B. Zur syntaktischen Verwendung des Absolutivs im Hindī. — WZHU. 1977, Jg. 26, H. 6.
174. Hook P. E. The Compound Verb in Hindi. Ann Arbor, 1974.
175. Hook P. E. The Compound Verb: What it is and what it does. — Readings in Hindi-Urdu Linguistics. New Delhi, 1978.
176. Jagannathan V. R. Subjunctive in Hindi. — «Proceedings of the Second All-India Conference of Linguists. Delhi, March 1972». Poona, 1974.
177. Olphen H. van. The Hindi Verb in Indirect Construction. — «International Journal of Dravidian Linguistics». Trivandrum, 1976, vol. 5, № 2.
178. Pořízka V. Aspectual Functions of Simple Verbs and Verbal Expressions in Hindi. — Readings in Hindi-Urdu Linguistics. New Delhi, 1978.
179. Pořízka V. Perfective Verbal Expressions in Hindi (A New Line of Approach to the Problem). — AOr. 1977, vol. 45, № 1.
180. Saksena A. A Reanalysis of the Passive in Hindi. — «Lingua», Amsterdam, 1978, vol. 46, № 4.
181. Schumacher R. Untersuchungen zum Absolutiv im modernen Hindi. Ein Beitrag zur semantischen Syntax. Frankfurt am Main—Bern—Las Vegas, 1977.

* В список вошли работы, не учтенные автором при подготовке рукописи к набору.

182. Shapiro M. C. The Analysis of Hindi Morphologically Related Verb Sets. — IL. 1976, vol. 37, № 1.
183. Ultsiferov O. G. Hindi mē kriyā. Ek vyākaraṇik anusandhān. Dillī. 1979.
184. Verma M. K. Typological Aspects of the Stative in Some Indic Languages. — «Revue roumaine de linguistique». Bucarest, 1979, t. 24, № 2.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЕ СОКРАЩЕНИЯ

ВГЯХ	— Вопросы грамматики языка хинди. М., 1962.
ВМУ	— «Вестник Московского университета».
ИСЗСП	— Инвариантные синтаксические значения и структура предложения. М., 1969.
КСИВ	— «Краткие сообщения Института востоковедения АН СССР». М.
КСИНА	— «Краткие сообщения Института народов Азии АН СССР». М.
НАА	— «Народы Азии и Африки. История, экономика, культура». М.
НДВШ. ФН	— «Научные доклады высшей школы. Филологические науки». М.
НТМГИМО. ВЯЛ	— «Научные труды. Московский государственный институт международных отношений. Вопросы языка и литературы».
НТТГУ	— «Научные труды. Ташкентский ордена Трудового Красного Знамени государственный университет им. В. И. Ленина».
ИВ	— «Проблемы востоковедения». М.
РЯНШ	— «Русский язык в национальной школе». М.
УЗИВАН	— «Ученые записки Института востоковедения АН СССР». М.
УЗЛГУ. СВН	— «Ученые записки Ленинградского ордена Ленина Государственного университета им. А. А. Жданова. Серия востоковедческих наук».
УЗМГИМО. ВЯЛ.	— «Ученые записки. Московский государственный институт международных отношений. Вопросы языка и литературы».
УЗМГИМО. СФ	— «Ученые записки. Московский государственный институт международных отношений. Серия филологическая».
ЯИПНЦ	— Языки Индии, Пакистана, Непала и Цейлона. М., 1968.
АОН	— «Acta Orientalia Academiae Scientiarum Hungaricae». Budapest.
AOr	— «Archiv Orientální». Praha.
AS—EA	— «Asiatische Studien — Études Asiatiques». Bern.
BSLP	— «Bulletin de la Société de Linguistique de Paris».
BSO(A)S	— «Bulletin of the School of Oriental (and African) Studies. London Institution (University of London)».
IF	— «Indogermanische Forschungen». Berlin.
IJ	— «Indo-Iranian Journal». The Hague.
IL	— «Indian Linguistics». Poona.
JAOS	— «Journal of the American Oriental Society». New Haven.
JRAS	— «Journal of the Royal Asiatic Society of Great Britain and Ireland». London.
KZ	— «Zeitschrift für vergleichende Sprachforschung auf dem Gebiete der indogermanischen Sprachen». Göttingen.
OLZ	— «Orientalistische Literaturzeitung». Berlin.
RO	— «Rocznik Orientalistyczny». Kraków.
WZHU	— «Wissenschaftliche Zeitschrift der Humboldt-Universität zu Berlin. Gesellschafts- und Sprachwissenschaftliche Reihe».
ZDMG	— «Zeitschrift der Deutschen Morgenländischen Gesellschaft». Wiesbaden.
ZPSK	— «Zeitschrift für Phonetik, Sprachwissenschaft und Kommunikationsforschung». Berlin.

СОДЕРЖАНИЕ

<i>Глава I. Глагол как часть речи</i>	3
Общая характеристика глагола	3
Глагольная основа и ее разновидности	4
Исходная дифференциация глаголов по их свойствам сочетаемости	9
Сложные глаголы	14
<i>Глава II. Однокорневые глаголы</i>	24
Формальная дифференциация однокорневых глаголов	24
Дифференциация однокорневых глаголов по валентным свойствам	30
Системные отношения между актантами однокорневых глаголов и семантическая характеристика глагольных актантов	33
Содержательный аспект манифестации серий однокорневых глаголов	42
Глаголы каузативные и глаголы побудительные	45
<i>Глава III. Инфинитивные формы глагола</i>	48
Инфинитив	48
Причастия	63
Деепричастие	99
Глагольное прилагательное	105
Герундий	107
<i>Глава IV. Финитивные формы глагола</i>	109
Общая характеристика финитных форм	109
Наклонение как грамматическая категория	114
Время как грамматическая категория	120
Изъявительное наклонение	121
Сослагательное наклонение	153
Условное наклонение	158
Повелительное наклонение	161
<i>Глава V. Категория предельности и предельные формы</i>	164
Аспектуальная природа категории предельности	164
Образующие глаголы и их функции	167
Черты семантического своеобразие предельных форм	169
Семантическая роль образующих глаголов	174
Случаи употребления предельных форм с отрицательными частицами	182
Синтаксические особенности предельных форм	185
Псевдопредельные образования	186
<i>Глава VI. Совершенности глагольного действия</i>	188
Длительная совершенность	188
Эксклюзивная совершенность	193
Прогрессивная совершенность	195
Ориентированно-длительная совершенность	199
Распределенная совершенность	200
Множественная совершенность	201
Предрезультативная совершенность	205
Интенсивная совершенность	208
<i>Глава VII. Категория залога</i>	211
Различение залогов. Залог активный и залог пассивный	211
Инфинитивные формы пассивного залога	214
Синонимы пассивного залога	217
Условные сокращения названий источников	221
Литература	224
Библиографические сокращения	230

Владимир Петрович Липеровский

ГЛАГОЛ в ЯЗЫКЕ ХИНДИ

*Утверждено к печати ордена Трудового
Красного Знамени
Институтом востоковедения
Академии наук СССР*

Редакторы **В. В. Попов, Е. К. Борисова**
Младшие редакторы **Л. Б. Годунова,
Д. Ш. Хесина**
Художественный редактор **Б. Л. Резников**
Технический редактор **З. С. Теплякова**
Корректор **Л. И. Письман**

ИБ № 15040

Сдано в набор 27.09.82. Подписано к печати 17.01.84. А-09336. Формат 60×90^{1/16}. Бумага типографская № 2. Гарнитура обыкновенная новая. Печать высокая. Усл. п. 14,5. Усл. кр.-отт. 14,75. Уч.-изд. л. 17,87. Тираж 850 экз. Изд. № 4475. Зак. № 1833. Цена 2 р. 70 к.

Главная редакция восточной литературы
издательства «Наука»

Ордена Трудового Красного Знамени
Первая типография издательства «Наука»
199034, Ленинград, В-34, 9 линия, 12

ОПЕЧАТКИ

Страница	Строка	Напечатано	Следует читать
45	16 сл.	объективную	объектную
79	9 св.	<i>ke</i>	<i>kī</i>
96	17 сл.	<i>rañ</i>	<i>na rañ</i>
196	2 св.	придаточных	сложных